

ИЗВЕСТИЯ

ЛАБОРАТОРИИ
ДРЕВНИХ ТЕХНОЛОГИЙ

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ИРКУТСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

**ИЗВЕСТИЯ
ЛАБОРАТОРИИ ДРЕВНИХ ТЕХНОЛОГИЙ**

2023. Т. 19. № 3

Издательство
Иркутского национального исследовательского технического университета
2023

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION OF RUSSIAN FEDERATION
IRKUTSK NATIONAL RESEARCH TECHNICAL UNIVERSITY

**REPORTS
of the LABORATORY
of ANCIENT TECHNOLOGIES**

2023. Vol. 19. No. 3

Publishing house
Irkutsk national research technical university
2023

ИЗВЕСТИЯ ЛАБОРАТОРИИ ДРЕВНИХ ТЕХНОЛОГИЙ

2023. Т. 19. № 3

Редакционная коллегия

Главный редактор – Новиков П.А., доктор исторических наук, профессор Иркутского национального исследовательского технического университета (Иркутск, Россия)

Зам. гл. редактора – Харинский А.В., доктор исторических наук, профессор Иркутского национального исследовательского технического университета (Иркутск, Россия)

Андерсон Д., PhD, профессор Абердинского университета (Абердин, Великобритания)

Базаров Б.В., академик РАН, директор Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (Улан-Удэ, Россия)

Вебер А.В., PhD, профессор Университета Альберта (Эдмонтон, Канада)

Ганин А.В., доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН (Москва, Россия)

Гебел Т., PhD, профессор Техасского сельскохозяйственно-технологического университета (Колледж Стэйшн, США)

Граф К., PhD, профессор Техасского сельскохозяйственно-технологического университета (Колледж Стэйшн, США)

Дацышен В.Г., доктор исторических наук, профессор Сибирского федерального университета (Красноярск, Россия)

Зайкер Дж., PhD, профессор Университета штата Айдахо в Бойсе (Бойс, США)

Иванов А.А., доктор исторических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия)

Като Х., PhD, профессор Университета Хоккайдо (Саппоро, Япония)

Константинов М.В., доктор исторических наук, профессор Забайкальского государственного университета (Чита, Россия)

Крадин Н.Н., член-корреспондент РАН, директор Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (Владивосток, Россия)

Кузнецов С.И., доктор исторических наук, профессор Иркутского государственного университета (Иркутск, Россия)

Лозей Р., PhD, профессор Университета Альберта (Эдмонтон, Канада)

Наумов И.В., доктор исторических наук, профессор Иркутского национального исследовательского технического университета (Иркутск, Россия)

Номоконова Т.Ю., PhD, профессор начальной стадии Университета Саскатчеван (Саскатчеван, Канада)

Олейников А.В., доктор исторических наук, профессор Астраханского государственного технического университета (Астрахань, Россия); профессор Астраханского государственного университета (Астрахань, Россия)

Петрушин Ю.А., доктор исторических наук, профессор Иркутского государственного университета путей сообщения (Иркутск, Россия)

Пученков А.С., доктор исторических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия)

Сирина А.А., доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН (Москва, Россия)

Тетенькин А.В., доктор исторических наук, профессор Иркутского национального исследовательского технического университета (Иркутск, Россия)

Тишкин А.А., доктор исторических наук, профессор Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия)

Эрдэнэбаатар Д., PhD, профессор Национального университета Монголии (Улан-Батор, Монголия)

Сведения о журнале можно найти на сайте: <http://ildt.istu.edu/>

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство ПИ № ФС77-62783 от 18 августа 2015 г.

Журнал основан в 2003 г.

Периодичность издания – 4 раза в год.

Учредитель: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Иркутский национальный исследовательский технический университет»

Подписной индекс в ООО «Урал-Пресс» – 41510

Адрес ООО «Урал-Пресс»: 620026, Свердловская область, г. Екатеринбург, ул. Мамина-Сибиряка, 130

Журнал включен в Научную электронную библиотеку (eLIBRARY.RU) для создания Российского индекса научного цитирования (РИНЦ)

Журнал включен в **Перечень ведущих научных журналов и изданий**, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук

Адрес учредителя и издателя: 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83.

Адрес редакции: 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83, e-mail: ildt@yandex.ru

REPORTS of the LABORATORY of ANCIENT TECHNOLOGIES

2023. Vol. 19. No. 3

Editorial board

Editor-in-Chief - Novikov P.A., Doctor of History, Professor of Irkutsk National Research Technical University (Irkutsk, Russia)
Deputy Editor-in-Chief - Kharinskii A.V., Doctor of History, Professor of Irkutsk National Research Technical University (Irkutsk, Russia)
Anderson D., PhD, Professor of University of Aberdeen (Aberdeen, UK)
Bazarov B.V., Academician of Russian Academy of Sciences, Chair of Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies (Ulan-Ude, Russia)
Weber A.W., PhD, Professor of University of Alberta (Edmonton, Canada)
Ganin A.V., Doctor of History, Leading Research Fellow of the Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)
Goebel T., PhD, Professor of Texas A&M University College Station (College Station, USA)
Graf K., PhD, Professor of Texas A&M University College Station (College Station, USA)
Datsyshen V.G., Doctor of History, Professor, Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russia)
Ziker J., PhD, Professor, Boise State University (Boise, USA)
Ivanov A.A., Doctor of History, Professor Saint Petersburg University (St. Petersburg, Russia)
Kato H., PhD, Professor of Hokkaido University (Sapporo, Japan)
Konstantinov M.V., Doctor of History, Professor, Transbaikal State University (Chita, Russia)
Kradin N.N., Corresponding Member of Russian Academy of Sciences, Director of the Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far-East, Far-Eastern Branch of Russian Academy of Sciences (Vladivostok, Russia)
Kuznetsov S.I., Doctor of History, Professor of Irkutsk State University (Irkutsk, Russia)
Losey R., PhD, Professor, University of Alberta (Edmonton, Canada)
Naumov I.V., Doctor of History, Professor of Irkutsk National Research Technical University (Irkutsk, Russia)
Nomokonova T.Yu., PhD, Assistant Professor, University of Saskatchewan (Saskatchewan, Canada)
Oleinikov A.V., Doctor of History, Professor of Astrakhan State Technical University (Astrakhan, Russia); Professor of Astrakhan State University (Astrakhan, Russia)
Petrushin Yu.A., Doctor of History, Professor of Irkutsk State Transport University (Irkutsk, Russia)
Puchkov A.S., Doctor of History, Professor of St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russia)
Sirina A.A., Doctor of History, Leading Research Fellow of the Institute of Anthropology and Ethnography, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)
Teten'kin A.V., Doctor of History, Professor of Irkutsk National Research Technical University (Irkutsk, Russia)
Tishkin A.A., Doctor of History, Professor of Altai State University (Barnaul, Russia)
Erdenebaator D., PhD, Professor, National University of Mongolia (Ulaanbaatar, Mongolia)

Reference to website: <http://ildt.istu.irk.ru/>

The journal is registered with the Federal Agency for Supervision of Communications, Information Technologies and Mass Media (Roskomnadzor).

Certificate ПИ № ФС77-62783 on 18 August 2015

The Journal was founded in 2003

Frequency of publication - 4 times a year.

Founder: Federal State Budget Educational Institution of Higher Education "Irkutsk National Research Technical University"

The subscription code in Ural-Press LLC: 41510

The postal address of Ural-Press LLC: 130, Mamin-Sibiryak St., Yekaterinburg 620026, Russia

The journal is included in the Scientific Electronic Library (eLIBRARY.RU) for the creation of the Russian Science Citation Index (RISC)

The journal is included in the List of peer-reviewed scientific publications which aims to publish the basic scientific results of dissertations for the degree of Candidate of Sciences, for the degree of Doctor of Science of the Higher Attestation Commission (HAC)

Address of the Founder and Publisher: 83, Lermontov St., Irkutsk 664074.

Address of the Editorial Board: 83, Lermontov St., Irkutsk 664074, e-mail: ildt@yandex.ru

ИЗВЕСТИЯ ЛАБОРАТОРИИ ДРЕВНИХ ТЕХНОЛОГИЙ

2023. Т. 19. № 3

СОДЕРЖАНИЕ

АРХЕОЛОГИЯ

Вебер А.В., Базалийский В.И. Перерыв в развитии погребальных традиций неолита в Предбайкалье: реальность или выдумка	8
Крупянко А.А., Анзулис Я.Е., Сергушева Е.А., Прокопец С.Д., Вишневский Д.А. Новые материалы мохэской культуры на Восточном побережье Приморья	32
Рассадников А.Ю. Археозоологические исследования Конюшенной слободы Екатеринбурга XVIII–XIX веков	48

ИСТОРИЯ

Багрин Е.А., Трухин В.И. Афанасий Пашков и Даурский полк в Забайкалье (1657–1662)	62
Горелов Ю.П., Ростов Н.Д. «Сибирский укрепрайон» в истории дореволюционной России	74
Авилов Р.С. Иркутский резервный батальон и проблемы резервных пехотных частей Сибирского военного округа в 1899 г. (по материалам поездки А.Н. Куропаткина)	88
Данчевская А.В. Историография и источники по истории полиции в Новороссийских губерниях во второй половине XIX – начале XX в.	99
Устюгова О.А. Предпринимательство в сфере торговли огнестрельным оружием на Дальнем Востоке России на рубеже XIX–XX вв.: особенности регулирования	108
Пученков А.С. Гражданская война на Юге России в воспоминаниях последнего протопресвитера русской армии и флота о. Георгия Шавельского	120
Бармин В.А. Роль борьбы с безграмотностью в решении задачи формирования национальных частей Красной армии советского Туркестана (1919–1922 гг.)	130
Карпова И.Г. Марк Б. Таугер о социально-экономических преобразованиях советской деревни 30-х гг. как попытке реформирования сельского хозяйства СССР	140
Ли Вэньгэ, Дацышен В.Г. Сибирский этап жизненного пути переводчика Мао Цзэдуна Ши Чжэ	149
Егоров А.С. Роль журнала «Крокодил» в антиалкогольной кампании 1985–1987 гг.	161
Васёнкин А.В. Проблематика информационно-психологических войн в историческом контексте	171

РЕЦЕНЗИЯ

Петин Д.И. Книжное осмысление истории российских бумажных денег	182
Ванина И.Ю., Кузьмин Ю.В. Российская империя 1894–1917 гг.: особенности экономической политики на национальных окраинах	188
Ермолаев В.Ю. Археолог – мизантроп и тевтонский агитпроп	192

На обложке представлена фотография бронзовой бляшки с зооморфным изображением.
Могильник Байкальское 27, комплекс 2, железный век. Раскопки А.В. Харинского. Фото А.Б. Данилова

REPORTS

of the LABORATORY of ANCIENT TECHNOLOGIES

2023. Vol. 19. No. 3

CONTENTS

ARCHAEOLOGY

Weber A.V., Bazaliiskii V.I. Discontinuity in the development of Neolithic mortuary traditions in Cis-Baikal: reality or illusion	8
Krupyanko A.A., Anzulis Ya.E., Sergusheva E.A., Prokopets S.D., Vishnevsky D.A. The new materials of the Mohe culture on the Eastern coast of Primorye	32
Rassadnikov A.Yu. Archaeozoological studies of the Konushennaya Sloboda of Yekaterinburg in the 18-19th centuries.....	48

HISTORY

Bagrin E.A., Trukhin V.I. Afanasy Pashkov and the Daurian Regiment in Transbaikalia (1657-1662)	62
Gorelov Yu.P., Rostov N.D. "Siberian fortified area" in the history of pre-revolutionary Russia	74
Avilov R.S. The Irkutsk Reserve Battalion and the problem of reserve infantry troops in Siberian Military District in 1899 (based on material of visit of Aleksey N. Kuropatkin)	88
Danchevskaya A.V. Historiography and sources on the history of police in the provinces of Novorossia in the second half of the 19th – early 20th centuries.....	99
Ustyugova O.A. Entrepreneurship in the field of firearms trade in the Russian Far East at the turn of the XIX-XX centuries: regulatory features	108
Puchenkov A.S. The Civil War in the South of Russia in the memoirs of the last protopresbyter of the Russian Army and Navy, Fr. George Shavelsky.....	120
Barmin V.A. The role of fight against illiteracy in solving the problem of organizing national units of the Red Army in Soviet Turkestan (1919-1922).....	130
Karpova I.G. Mark B. Tauger on the socio-economic transformation of the Soviet village 30-ies of the XXth century as an attempt to reform the agriculture of the USSR	140
Li Wenge, Datsyshen V.G. The Siberian stage of the life journey of Mao Zedong's translator Shi Jae	149
Egorov A.S. The role of the magazine "Crocodile" in the anti-alcohol campaign of 1985-1987	161
Vasenkin A.V. The problems of information and psychological wars in the historical context	171

REVIEW

Petin D.I. Book comprehension of the history of Russian paper money	182
Vanina I.Yu., Kuzmin Yu.V. The Russian Empire of 1894-1917: features of economic policy on the national outskirts	188
Ermolaev V.Yu. Misanthropic archaeologist and Teutonic agitprop.....	192

*The cover presents zoomorphic bronze plate from necropolis Baikalskoe 27, grave 2. Iron Age.
Excavations by A.V. Kharinskii. Photo by A.B. Danilov*

ИЗВЕСТИЯ ЛАБОРАТОРИИ ДРЕВНИХ ТЕХНОЛОГИЙ

2023. Т. 19. № 3

Уважаемые читатели!

**Предлагаем вашему вниманию выпуск научного журнала
«Известия Лаборатории древних технологий».**

Ежеквартальный журнал продолжает серию ежегодных изданий. Тематика выпусков охватывает различные аспекты археологических, этнологических и исторических исследований Северной, Центральной и Восточной Азии. Кроме того, в журнале публикуются материалы, касающиеся взаимоотношений населения Северо-Восточной Азии с представителями других частей Евразии и Североамериканского континента с древнейших времен до современности.

Приоритетными для издания являются статьи фундаментального характера, затрагивающие современные проблемы теории и методологии исторической науки и культурной (социальной) антропологии, учитывающие новейшие сведения естественных наук. Приветствуются рукописи с четкой и убедительной логикой изложения исследовательского материала с указанием его значения для современного научного контекста, аргументированными обобщениями и развернутыми выводами. Авторам рекомендуется учитывать и указывать сведения новейших публикаций, характеризующих общий уровень осмысления конкретных сюжетов.

Журнал «Известия Лаборатории древних технологий» проводит рецензирование научных материалов и принимает к публикации статьи, короткие сообщения и обзоры по следующим направлениям:

- история,
- археология,
- этнология,
- рецензия,
- персоналия (мемориальные заметки о коллегах).

Издание реферируется и рецензируется.

Приглашаем вас к активному творческому сотрудничеству.

Редколлегия

REPORTS of the LABORATORY of ANCIENT TECHNOLOGIES

2023. Vol. 19. No. 3

Dear Readers!

**We would like to bring to your attention the installment of the scholarly journal the
«Reports of the Laboratory of Ancient Technologies».**

The quarterly magazine continues and develops a series of annual publications. The subjects of the issues cover various aspects of archaeological, ethnological and historical research. The articles are mostly devoted to the past of North, Central and East Asia. In addition to data from these regions, we try to publish materials on the interaction of Northeast Asian residents with the population of other parts of Eurasia and the North American continent, both in antiquity and in modern times.

Priority interest for the Journal is represented by articles of a fundamental nature that concern on modern problems of the theory and methodology of historical science and cultural (social) anthropology, and also takes into account the latest information of the natural sciences. The manuscripts are welcome with a clear and convincing logic for the presentation of the research material and an indication of its significance for the modern scientific context, with well-reasoned generalizations and detailed conclusions. Authors are advised to take into account and indicate the information of the latest publications characterizing the general level of comprehension of specific plots.

The Journal «Reports of the Laboratory of Ancient Technologies» reviews and publishes original materials and papers, short reports, reviews on the issues of:

- History,
- Archaeology,
- Ethnology,
- Review,
- Personnel (memorial notes about colleagues).

Journal is peer-reviewed.

You are welcome for active and creative collaboration.

Editorial Board

Научная статья

УДК 903.5(571.53)«634»+393(571.53)(091)

EDN: FFM0AA

DOI: 10.21285/2415-8739-2023-3-8-31

Перерыв в развитии погребальных традиций неолита в Предбайкалье: реальность или выдумка

А.В. Вебер^{1, 2, 3}, В.И. Базалийский³

¹ Университет Альберты, г. Эдмонтон, Канада

² Университет Экс-Марсель, г. Экс-ан-Прованс, Франция

³ Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия

Аннотация. Проблема «хиатуса» в развитии погребальных традиций неолита Предбайкалья впервые поставлена А.В. Вебером в 1995 г. Согласно последней версии формальные могильники разных размеров использовались охотниками-рыболовами Предбайкалья в позднем мезолите и раннем неолите, в среднем неолите они отсутствуют, появляются опять в позднем неолите и существуют в эпоху ранней бронзы. Объяснению этого разрыва посвящены исследования Байкальского археологического проекта (БАП). За последние 10–15 лет в Байкальской археологии появилось несколько публикаций, в которых авторы весьма критически относятся как к проблеме «хиатуса», так и к идеям и попыткам БАП объяснить этот паттерн. Настоящая статья – ответ в основном на статью И.М. Бердникова и соавторов «К проблеме хиатуса – перерыва в погребальных традициях неолитического населения Прибайкалья» 2020 г., так как в этой публикации критика исследований БАП наиболее конкретная и выразительная. Указаны археологические основы, история возникновения проблемы, взгляды сотрудников БАП. Представлена история накопления и изучения дат ¹⁴C по человеческим костям из неолитических могил Предбайкалья, которые считаются основой для концепции «хиатуса». Подчеркнуто, что для Предбайкалья накоплено уже ~720 радиоуглеродных дат AMS, все с поправкой на пресноводный резервуарный эффект, и заполнение «хиатуса» не наблюдается. Только 3–4 погребения можно предварительно считать по имеющимся датам принадлежащими к среднему неолиту. Указана нелогичность попыток заполнить средненеолитический «хиатус» в использовании формальных могильников в Предбайкалье материалами из Северного Приангарья и других смежных территорий. В итоге подчеркнуты недопонимания, ошибки, выборочное и далеко не полное знание публикаций, а также общего теоретического, методологического и аналитического подхода исследований БАП, и, наконец, недостаточное знание современной методологии и теории исследований культуры древних охотников-собирателей в общем.

Ключевые слова: Восточная Сибирь, Предбайкалье, неолит, охотники-рыболовы, погребальные традиции, хронология, радиоуглеродное датирование, миграции, развитие культур

Благодарности: представленное исследование было проведено в рамках Байкальского Археологического Проекта, поддержанного грантами Совета по социальным и гуманитарным исследованиям Канады: Главная Совместная Исследовательская Инициатива № 410-2000-1000, 412-2005-1004 и 412-2011-1001; Партнерским грантом № 895-2018-1004, а также многочисленными финансовыми средствами, предоставленными Университетом Альберты и другими партнерскими организациями. Дополнительное финансирование было предоставлено Правительством Российской Федерации, грант № 075-15-2019-866 («Байкальская Сибирь в каменном веке: на перекрестке миров»).

Для цитирования: Вебер А.В., Базалийский В.И. Перерыв в развитии погребальных традиций неолита в Предбайкалье: реальность или выдумка // Известия Лаборатории древних технологий. 2023. Т. 19. № 3. С. 8–31. <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2023-3-8-31>. EDN: FFM0AA.

Discontinuity in the development of Neolithic mortuary traditions in Cis-Baikal: reality or illusion

Andrzej W. Weber^{1, 2, 3}, Vladimir I. Bazaliiskii³

¹ University of Alberta, Edmonton, Canada

² Aix-Marseille Université, Aix-en-Provence, France

³ Irkutsk State University, Irkutsk, Russia

Abstract. The problem has been first identified by A.W. Weber in 1995. According to the most recent account, formal cemeteries were used in the Late Mesolithic and Early Neolithic, they were absent in the Middle Neolithic, appeared again in the Late Neolithic, and continued through the Early Bronze Age. Explanation of this break has been the main goal the Baikal Archaeology Project (BAP). Over the last 10–15 years several papers appeared in Siberian archaeology, all quite critical of the “hiatus” concept itself and of the ideas and attempts by the BAP to explain this pattern. This paper is a response mainly to the publication “On the problem of hiatus – a discontinuity in the burial traditions of the Cis-Baikal Neolithic population” by I.M. Berdnikov et al., 2020 – the most explicit critique of BAP research. In response, we present archaeological foundations, the origins of the problem, and views of BAP researchers on the matter. We summarize the history of radiocarbon dating of human skeletal remains from Neolithic graves in Cis-Baikal – the empirical foundation for the “hiatus” concept and emphasize that there are already ~720 AMS radiocarbon dates, all corrected for the freshwater reservoir effect, and “filling-in” of the “hiatus” is not observed. Only 3–4 burials can be tentatively considered as belonging to the Middle Neolithic. We expose the lack of logic in the attempts to “fill-in” the Middle Neolithic “hiatus” in Cis-Baikal with the materials from Northern Angara and other neighboring territories. In sum, the critique by Berdnikov et al. shows many misunderstandings, errors, selective, and far from complete knowledge of publications, as well as of the theoretical, methodological, and analytical approach of BAP research, and insufficient knowledge of the modern methodology and theory of research on prehistoric hunter-gatherers in general.

Keywords: Eastern Siberia, Cis-Baikal, Neolithic, hunter-gatherers, mortuary traditions, chronology, radiocarbon dating, migrations, culture change

Acknowledgements: research reported in this paper has been part of the Baikal Archaeology Project supported by grants from the Social Sciences and Humanities Research Council of Canada: Major Collaborative Research Initiative Nos. 410-2000-1000, 412-2005-1004, and 412-2011-1001; and Partnership Grant No. 895-2018-1004 as well as numerous matching funding provided by the University of Alberta and other partner organizations. Additional funding was provided by the Government of the Russian Federation, grant No. 075-15-2019-866 (“Baikal Siberia in the Stone Age: At the crossroads of the worlds”).

For citation: Weber A.V., Bazaliiskii V.I. (2023) Discontinuity in the development of Neolithic mortuary traditions in Cis-Baikal: reality or illusion. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 19. No. 3. P. 8–31. (In Russ.). <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2023-3-8-31>. EDN: FFM0AA.

За последние 10–15 лет в Байкальской археологии появилось несколько публикаций, в которых обсуждается проблема так называемого «хиатуса» – перерыва в развитии погребальных традиций неолита Предбайкалья (Бердников и др., 2020; Бердников и др., 2021; Бердников и др., 2023; Бердникова, 2012; Kuzmin, 2007). Все, отмеченные статьи, явно критические. Впервые эта проблема была поставлена А.В. Вебером и Байкальским археологическим проектом – БАП в 1995 г. (Weber, 1995; Weber, Link, Katzenberg, 2002). По нескольким причинам настоящая публикация является ответом только на статью И.М. Бердникова и соавторов под названием «К проблеме хиатуса – перерыва в по-

гребальных традициях неолитического населения Прибайкалья», а остальные статьи (Бердников, Соколова, 2022; Соколова, Бердников, 2022; Бердников, Горюнова, 2022; Бердников и др., 2023; Дударёк, Лохов, 2020) отмечают редко или ответ на них косвенный:

1) эта статья полностью посвящена хиатусу и критике разработок БАП, а в прочих одновременно с этой проблемой обсуждаются и другие вопросы;

2) некоторые замечания в более ранних статьях уже утратили актуальность;

3) во всех статьях повторяются ошибки, выборочное и далеко не полное знание публикаций, а также недопонимание общего теоретического, ме-

тодологического и аналитического подхода исследований БАП.

Авторы статьи «К проблеме хиатуса...» основываются на двух гипотезах:

1) хиатус (перерыв) в развитии погребальных традиций неолитического населения Прибайкалья является следствием недостаточного накопления археологической источниковой базы;

2) основные культурные изменения периода среднего неолита объясняются миграционными процессами на территорию Прибайкалья, связанными с использованием в среднем неолите полевой и усть-бельской керамики.

История возникновения проблемы и вопрос источниковой базы

В первую очередь необходимо уточнить, что данная проблема касается не Прибайкалья в целом (т. е. Предбайкалье + Забайкалье), а только Предбайкалья – территории от западного побережья оз. Байкал до устья р. Илим на р. Ангаре (рис. 1). В западном и северном направлении Предбайкалье не имеет отчетливых географических границ. Байкальский археологический проект использует данную дефиницию во всех обобщающих публикациях с начала деятельности проекта (Weber, 1995)¹.

Далее следует отметить ряд важных моментов, связанных с историей проблемы хиатуса.

В 1950–1955 гг. А.П. Окладников опубликовал схему развития культур позднего мезолита – бронзового века и предложил хронологическую последовательность этапов: хиньский, исаковский, серовский, китойский, глазковский, шиверский, описывая их отдельно без объяснения переходов между ними (Окладников, 1950; Окладников, 1955; Окладников, 1974).

В 1955 г. М.М. Герасимов на основе краудиометрических и археологических данных предложил переместить хронологическую позицию китойского этапа к началу неолита, а исаковский и серовский этапы объединить в единый культурно-хронологический комплекс (Герасимов, 1955. С. 450).

¹ Следует отметить, что многие российские археологи под названием «Прибайкалье» подразумевают «Предбайкалье» и эти два географических региона редко конкретно определяются. Данное замечание касается также работ А.П. Окладникова (Окладников, 1950; Окладников, 1955).

В течение 1959–1986 гг. и в отдельных случаях до начала XXI в. (Асеев, 2003; Горюнова, 2002) археологические исследования позднего мезолита – бронзы Предбайкалья проводились на основе схемы А.П. Окладникова, в которой все неолитические культуры (т. е. китойская, исаковская, серовская) занимают некорректные хронологические позиции (например, Георгиевская, 1989; Горюнова, 1984²; Горюнова, Хлобыстин, 1992; Зубков, 1982³; Савельев, 1989⁴; Савельев, Медведев, 1973; Синицына, 1986⁵; Хлобыстин, 1978).

В 1986, 1989, 2008 гг. публикуется довольно большой набор радиоуглеродных дат (117) по человеческим костякам позднего мезолита – бронзового века Предбайкалья (Мамонова, Сулержицкий, 1986; Мамонова, Сулержицкий, 1989; Мамонова, Сулержицкий, 2008⁶). Даты были получены сцинтилляционным методом, который определил: 1) возраст всех выделенных культур значительно древнее, чем предполагалось ранее; 2) более древнюю хронологическую позицию китойской культуры (этапа) относительно исаковской и серовской; 3) синхронность исаковского и серовского этапов; 4) отсутствие дат (т. е. временный перерыв) между китойским этапом, с одной стороны, и исаковско-серовским – с другой; 5) более длинную продолжительность глазковского этапа, чем полагал А.П. Окладников. В статьях не обсуждались результаты датирования относительно их значимости для объяснения развития культур позднего мезолита – бронзового века Предбайкалья. Вероятно, авторы не заметили хронологический перерыв

² Горюнова О.И. Многослойные памятники Малого Моря и о. Ольхон : автореф. канд. дис. Новосибирск : Академия наук СССР, 1984. 17 с.

³ Зубков В.С. Неолит и ранний бронзовый век Верхней Лены : автореф. канд. дис. ... Л. : Государственный университет им. А.А. Жданова, 1982. 18 с.

⁴ Савельев Н.А. Неолит юга средней Сибири: история основных идей и современное состояние проблемы : автореф. канд. дис. ... Новосибирск : Академия наук СССР, 1989. 25 с.

⁵ Синицына Г.В. Неолитические памятники Верхней Ангары (на материалах поселений : автореф. канд. дис. Л. : Академия наук СССР, 1986. 23 с.

⁶ Статья 2008 г. написана во второй половине 90-х годов XX в., но опубликована С.В. Ошибкиной уже после смерти Н.Н. Мамоновой. Набор дат в основном повторяет данные, опубликованные в 1989 г.

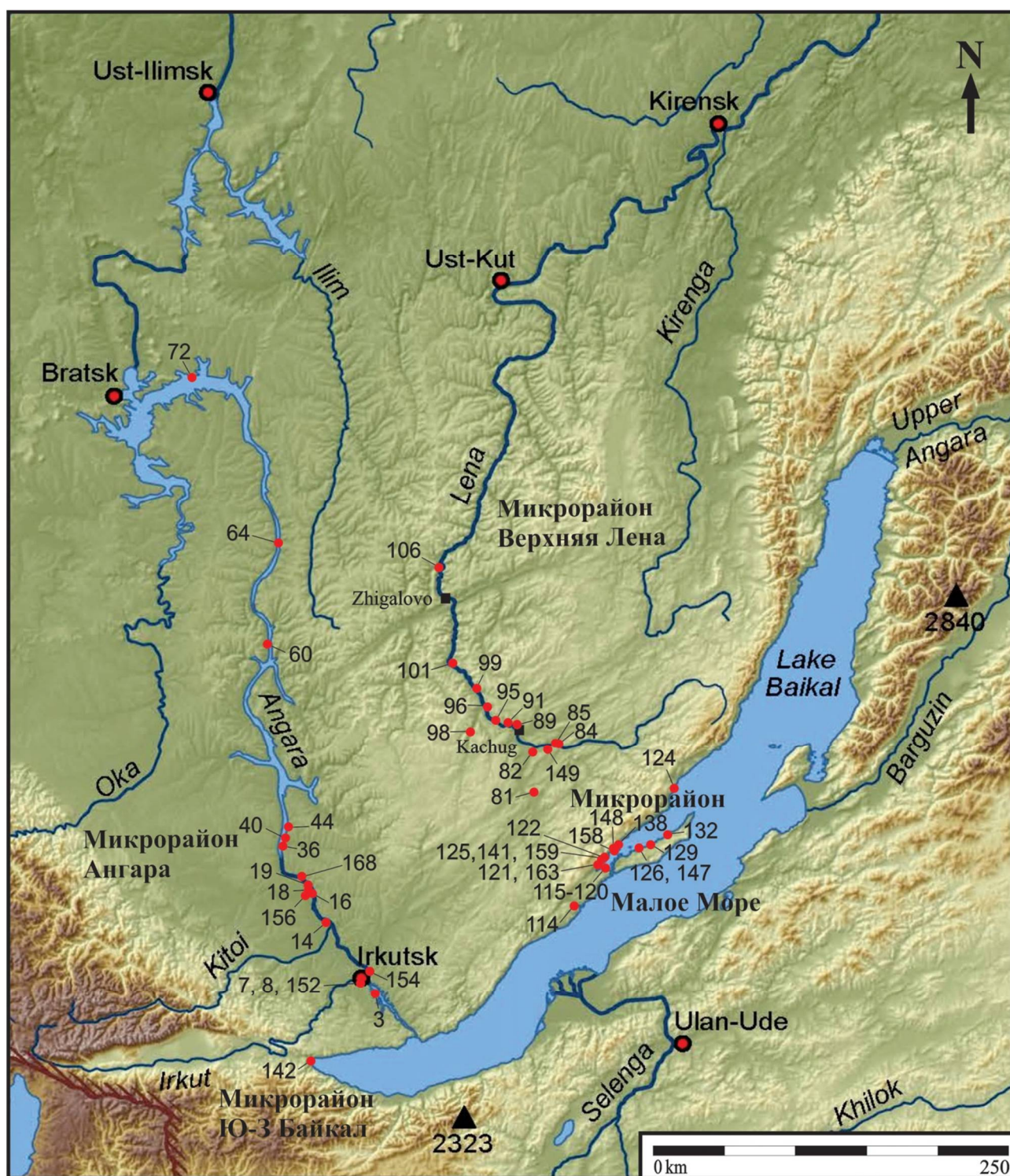

Рис. 1. Карта Предбайкалья и географическое положение могильников позднего мезолита – бронзы, для которых получены радиоуглеродные даты с поправкой на резервуарный эффект и значения по стабильным изотопам углерода и азота (номера могильников на карте соответствуют их номерам в базе данных Байкальского археологического проекта):

3	Ерши	85	Юшино I	129	Шаманский Мыс
7	Глазково	89	Поповский Луг	132	Будун IV
8	Локомотив	91	Макарово	138	Курма XI
14	Китойский	95	Никольский Грот	141	Хужир-Нугэ XIV
16	Галашиха	96	Верхоленск	142	Шаманка II

Окончание на с. 12

18	Шумилиха	98	Обхой	147	Ханхойская Губа I
19	Усть-Белая	99	Усть-Ямная	148	Хадарта IV
36	Усть-Ида I	101	Заплескино	149	Борки
40	Городище II	106	Усть-Илга	152	Кайская Гора
44	Падь Хиньская	114	Хоторук	154	Роща Звёздочка
60	Серово	115	Улан-Хада	156	Бадай
64	Распутино	121	Шидэ I	158	Мыс Уюга
72	Исаково	122	Сарминский Мыс	159	Хужир-Нүгэ IX
81	Манзурка	124	Кулгана	163	Шидинский причал I
82	Улус Хальский	125	Хужир-Нүгэ VI	168	О-в Котин
84	Макрушино	126	Елга III		

Fig. 1. Map of Cis-Baikal and geographic location of Late Mesolithic–Bronze Age cemeteries dated by radiocarbon (all corrected for the Freshwater Reservoir Effect) and with stable carbon and nitrogen isotope results (cemetery numbers correspond to the numbers assigned in the databases of the Baikal Archaeology Project)

между китойским и исаково-серовским этапами (рис. 2). Эти вопросы также не ставились и не обсуждались другими археологами.

В 1995 г. на основании работ Н.Н. Мамоновой и Л.Д. Сулержицкого и оценки других археологических данных А.В. Вебер впервые определил большой биокультурный разрыв в развитии неолитических погребальных традиций Предбайкалья (т. е. между китойской и исаковско-серовской) (Weber, 1995. Fig. 12–16) и предложил следующие варианты объяснения⁷:

1) «полная депопуляция региона к концу китойской культуры и эмиграция нового населения в начале серовского периода»⁸;

2) «значительная депопуляция (этап крайне низкой численности населения) в течение 5-го тысячелетия до нашей эры и восстановление населения в течение 4-го тысячелетия до нашей эры»⁹;

3) «сочетание первых двух сценариев и последующего восстановления населения, но при содействующем участии новых групп из других регионов»¹⁰.

⁷ Перевод всех ссылок с английского на русский выполнен А.В. Вебером и В.И. Базалийским. Английский оригинал в ссылках.

⁸ «A complete depopulation of the area at the end of the Kitoi period and immigration of new groups at the beginning of Serovo» (Weber, 1995. P. 154).

⁹ «A substantial depopulation (bottleneck) during the fifth and recovery during the fourth millennium BC» (Weber, 1995. P. 154).

¹⁰ «A combination of the first two scenarios, that of the population bottleneck and subsequent recovery, but with the con-

Далее, в этой же статье автор отмечает: 1) «После упадка китойской культуры плотность населения в Байкальском регионе оставалась низкой на протяжении 700–1000 лет»¹¹; 2) «Более подробная разработка и выяснение этого явления требует конкретных исследований, в том числе обработки имеющихся материалов и новых полевых работ»¹²; 3) «Хотя необходимо больше исследований, вариант какой-то преемственности с более древним периодом, согласно некоторым археологическим данным, надо считать более реальным, чем более радикальный вариант полной депопуляции региона к окончанию китойской культуры»¹³.

Очевидно, все отмеченные варианты – это не факты, а рабочие гипотезы, требующие дальнейших исследований. Решению этих задач посвящены практически все исследования БАП с самого начала и до настоящего времени.

В 2002 г. в первой обобщающей статье по исследованиям БАП в потоке обсуждения новых научных данных авторы сформулировали новые

tributing participation of new groups from the outside» (Weber, 1995. P. 154).

¹¹ «Populations densities in the Lake Baikal region remained low for 700–1000 years» (Weber, 1995. P. 156).

¹² «More detailed definition and explanation of this phenomenon requires dedicated research involving both existing collections as well as new fieldwork» (Weber, 1995. P. 154).

¹³ «Considerably more research is needed, but it does seem more plausible, and consistent with some archaeological evidence, that there should have been at least some continuity with earlier times, rather than the more radical scenario of a complete depopulation of the area toward the end of Kitoi» (Weber, 1995. P. 157).

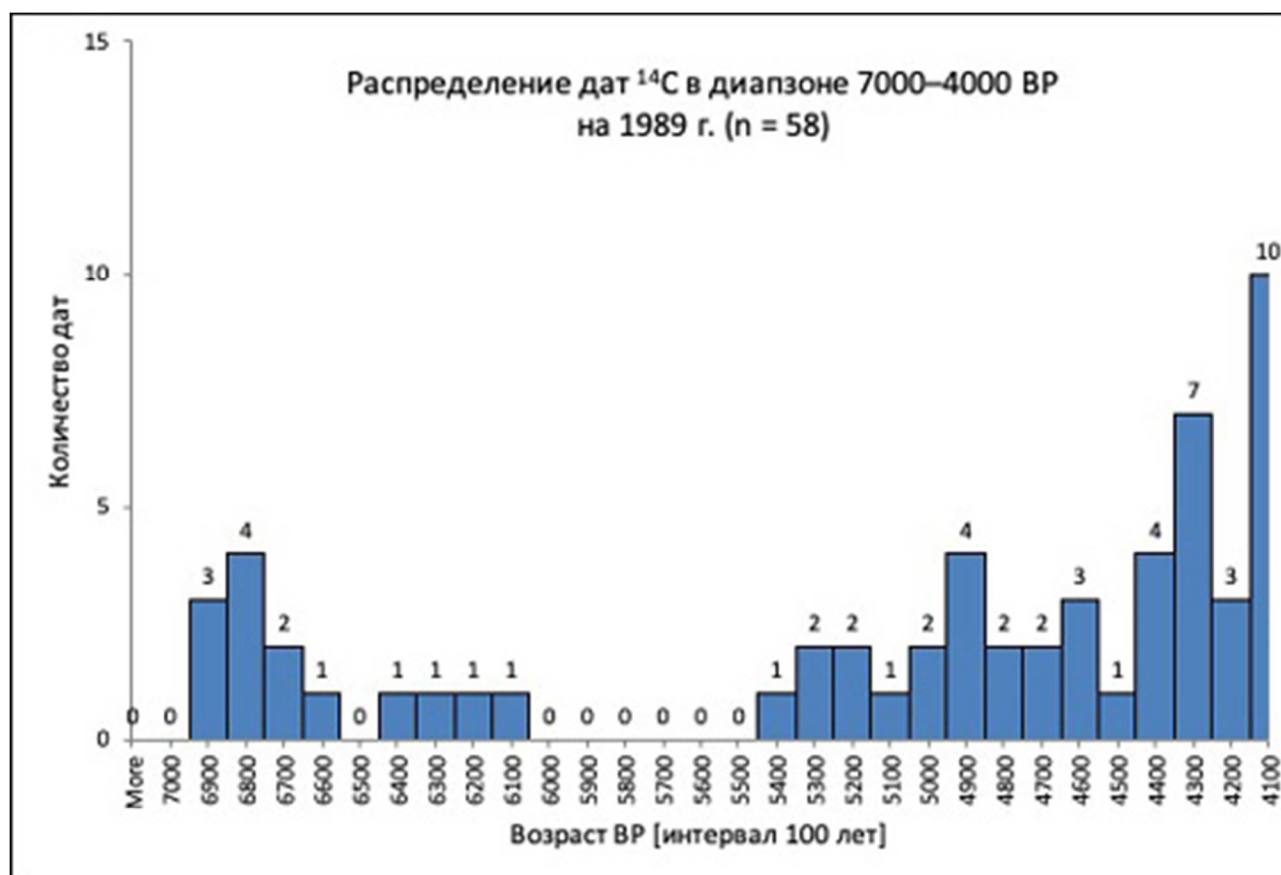

Рис. 2. Распределение сцинтилляционных дат ^{14}C в диапазоне 7000–4000 ВР для человеческих костяков позднего мезолита – позднего неолита в Предбайкалье на 1989 г. (Мамонова, Сулержицкий, 1989)

Fig. 2. Distribution of decay-counting ^{14}C dates between 7000 and 4000 BP on human skeletons from Mesolithic to Late Neolithic graves in Cis-Baikal as of 1989 (Mamonova, Sulerzhitskii, 1989)

рабочие гипотезы, впервые применили термин «хиатус» и впервые хронологический разрыв определили, как средний неолит (Weber, Link, Katzenberg, 2002. P. 289). Вместе с тем авторы предложили объединить три выдвинутые ранее гипотезы в одну: «... полная или почти полная депопуляция региона к концу раннего неолита и образование новой адаптационной стратегии охотников-собирателей мигрирующими серовскими группами на 800 лет позже при возможной ассимиляции выживших китойских групп»¹⁴.

Следует отметить, что погребальные комплексы, определяющиеся как мезолитические на основе

типологических признаков, тогда еще не датировались. Впервые проявилась также проблема культурной принадлежности нескольких могил «китойского» облика, по которым были получены поздне-мезолитические даты, и погребальные комплексы (в основном на Верхней Лене и Малом Море), которые по датам соответствовали раннему неолиту, но по обрядовым признакам отличались от «классических» китойских могил на Ангаре. Заканчивая статью, авторы отмечают: «Надо выполнить много работ, чтобы все гипотезы, представленные в данной статье, тщательно протестировать и получить ответы на все поставленные вопросы»¹⁵.

В 2006–2010 гг. в результате исследований БАП опубликован первый довольно большой объем новых радиоуглеродных дат при использовании мето-

¹⁴ «Consequently, the three original hypotheses may now justifiably be reduced to one: A complete or almost complete depopulation of the area at the end of the Kitoi period, and development of a new hunter-gatherer adaptation by immigrating Serovo groups about 800 years later, with possible assimilation of Kitoi survivors» (Weber, Link, Katzenberg, 2002. P. 287).

¹⁵ «There is still much work to be completed before the hypotheses presented in this article can be thoroughly tested and answers to some of the posted questions begin to appear» (Weber, Link, Katzenberg, 2002. P. 292).

да AMS. Датировались следующие могильники: Локомотив – 98 дат, Шаманка II – 48, Усть-Ида I – 64, Хужир-Нуге XIV – 85, Курма XI – 21, Хоторук – 3, Шаманский Мыс – 11, Макрушино – 3 и Турука – 2, всего – 335 дат (Weber et al., 2006). Анализ нового набора дат AMS и дат, полученных сцинтилляционным методом в России (153), показал несколько интересных моментов, на которые необходимо обратить внимание (Weber et al., 2006; Weber, McKenzie, Beukens, 2010):

- 1) только одна могила надежно датируется поздним мезолитом (Поповский Луг, Верхняя Лена);
- 2) продолжается обсуждение наиболее древних китойских могил (т. е. могил с позднемезолитическими датами) и могил раннего неолита на Верхней Лене и Малом Море;
- 3) получены ранненеолитические даты для нескольких позднемезолитических по типологическим признакам могил;
- 4) впервые отмечено разнообразие хронологи-

ческого диапазона среднего неолита по микрорегионам;

5) отмечено присутствие нескольких дат, относящихся к среднему неолиту.

Следует подчеркнуть, что данная статья – последняя, в которой вопросы хронологии обсуждались на основе радиоуглеродных дат, не учитывающих резервуарный эффект. В связи с этим к некоторым выводам следует относиться с осторожностью. Все-таки средненеолитический разрыв в использовании формальных могильников наблюдается довольно отчетливо по всему Предбайкалью и по каждому микрорегиону в отдельности (рис. 3).

В 2007 г. была опубликована на английском языке статья Я.В. Кузьмина – критика понятия хиатуса в развитии погребальных традиций Предбайкалья (Kuzmin, 2007). К сожалению, в данной статье много проблем и поэтому она до сих пор не получила конкретного ответа. Сосредоточимся только на двух моментах. Во-первых, Кузьмин не понимает

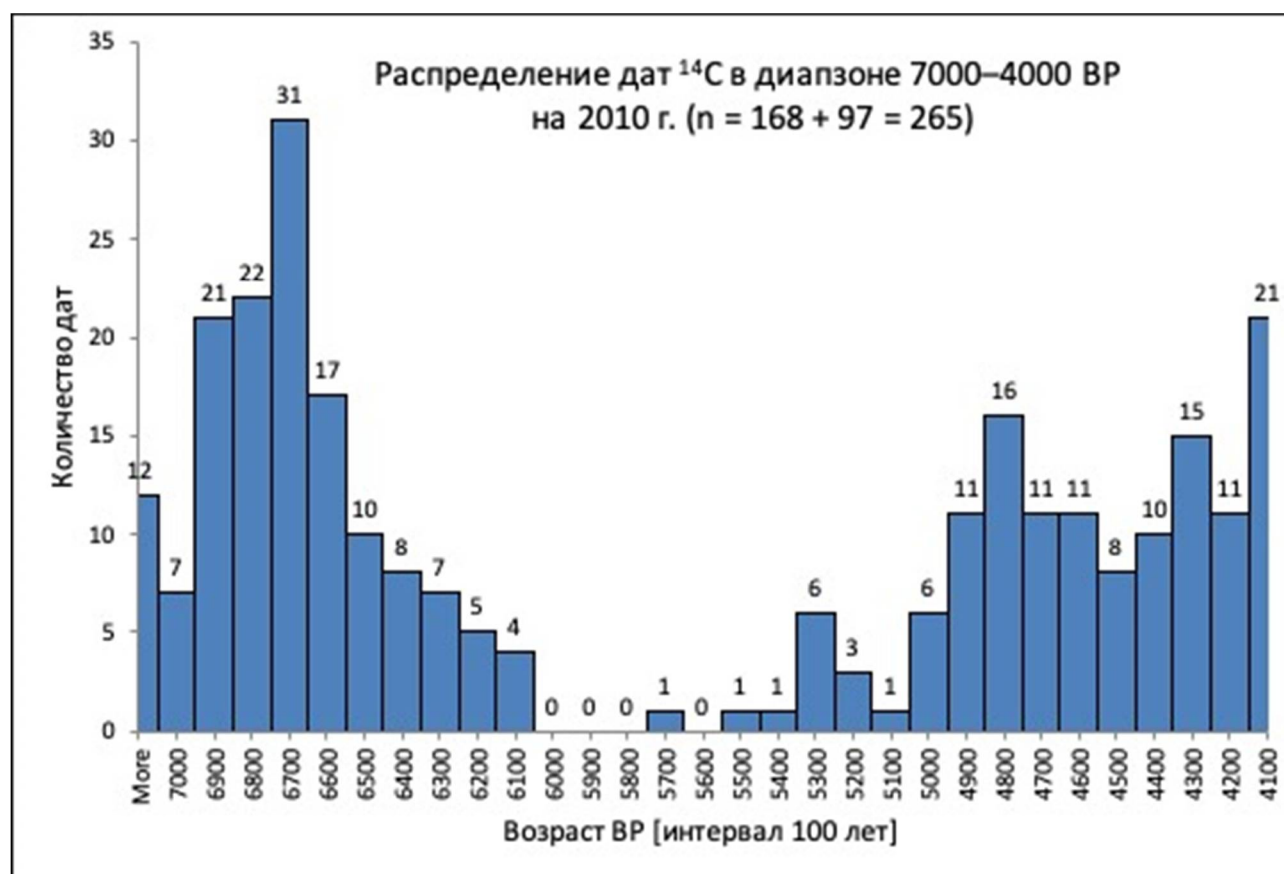

Рис. 3. Распределение AMS и сцинтилляционных дат ^{14}C в диапазоне 7000–4000 ВР для человеческих костяков позднего мезолита – позднего неолита в Предбайкалье на 2010 г. (Мамонова, Сулержицкий, 1989; Weber et al., 2006; Weber, McKenzie, Beukens, 2010)

Fig. 3. Distribution of AMS ^{14}C and decay-counting dates between 7000 and 4000 BP on human skeletons from Mesolithic to Late Neolithic graves in Cis-Baikal as of 2010 (Mamonova, Sulerzhitskii, 1989; Weber et al., 2006; Weber, McKenzie, Beukens, 2010)

значения географического термина «Cis-Baikal» и в статье употребляет «Cis-Baikal» как «Прибайкалье». Это серьёзное недопонимание – данная проблема касается только Предбайкалья. Во-вторых, относительно отсутствия перерыва в развитии неолитических погребальных традиций в Предбайкалье автор ссылается только на 12 радиоуглеродных дат (Kuzmin, 2007. Tab. 2). Все даты получены сцинтилляционным методом, которые в сравнении с датами AMS надо рассматривать как ненадежные.

Однако главное в том, что, к сожалению, с приведенными датами и анализом Я.В. Кузьмина больше проблем, чем научной пользы. Восемь дат вообще не касаются вопроса хронологического перерыва, так как они получены по образцам из стоянок.¹⁶ В анализ автор включил только три даты, полученные по погребальным комплексам – две по человеческим костям и одна по дереву. Одна из дат по человеческим костям (Сарминский Мыс, мог. № 11b) имеет ошибку 400 лет (ГИН-5599, 5500±400 BP), но для этой могилы есть еще одна дата (по бересте), которая отличается от первой на 1100 лет (ГИН-5598, 4430±40 BP). Вторая дата по человеческим костям (ГИН-3878, 6040±40, Семеново, мог. № 6) как раз относится к концу раннего неолита. Проблема с датой по дереву (Ле-1076, 5720±50 BP) из могилы № 3-1972 могильника Шаманский Мыс на о-ве Ольхон в том, что есть еще одна, также по деревянному образцу из этой же могилы, которая старше первой на 800 лет (СОАН-790, 6550±35 BP). Эти две «невыгодные» даты Я.В. Кузьмин отметил только в ссылке к табл. 2. Очевидно, что эти три даты должны быть исключены из анализа как проблематичные. Такие большие различия в хронологии свидетельствуют о том, что к датам, полученным сцинтилляционным методом в это время в российских лабораториях, необходимо относиться с осторожностью. К сожалению, Я.В. Кузьмин данной проблемы не заметил.

В 2010–2011 гг. были опубликованы две новые обобщающие статьи по исследованиям БАП (Weber, Bettinger, 2010; Weber et al., 2011), в которых хронология и вопрос биокультурного разрыва в развитии неолитических групп и погребальных традиций специально не обсуждались. Обе статьи, подготовленные в основном на базе результатов исследований

БАП, посвящены не менее важной задаче определения культурных паттернов групп позднего мезолита – бронзы по всем микрорегионам Предбайкалья. Обсуждалась история климата, хронологическое и пространственное разнообразие в распределении природных ресурсов (дичь, рыба) и многих культурных признаков: технологии, погребальные обряды, демография (плотность, численность, половозрастная структура), рационы питания, миграции, мобильность, скорость культурных перемен и др. Кроме того, рассматривался вопрос датирования и хронологии материалов стоянок и возможности их корреляции с погребальными комплексами. В итоге появились новые гипотезы, определены вопросы и задачи дальнейших исследований.

В 2013–2015 гг. исследователями БАП открыт резервуарный эффект и разработан метод корректировки дат, полученных по человеческим костям (Bronk Ramsey et al., 2014; Nomokonova et al., 2013; Schulting et al., 2014). Важность этого открытия заключается в том, что все полученные ранее радиоуглеродные даты требуют существенной ревизии. Было принято решение осуществить заново датировку всех имеющихся образцов костных человеческих останков позднего мезолита – бронзы.

В 2016 г. опубликован первый набор скорректированных дат ¹⁴C по 256 образцам человеческих костяков позднего мезолита – бронзы. Даты AMS были получены при использовании усовершенствованного метода подготовки образцов кости (Weber et al., 2016a). Анализ показал удревнение дат по китойским (ранний неолит) образцам в среднем на 459 лет, а по исаковским и серовским совместно (поздний неолит) – 268 лет. Разница в определении возраста могил оказалась существенной. Кроме этого, впервые было получено несколько дат по мезолитическим могилам, относящимся действительно к позднему мезолиту, и ни одной даты, маркирующей средний неолит (рис. 4).

С учетом корректировки на резервуарный эффект разница между самой молодой датой раннего неолита (SHA_2005.059.01, 5835±75 BP) и самой древней датой позднего неолита (ISA_1932.002, 4715±71BP) ~1100 лет (Weber et al., 2016a. Tabl. 1). Для анализа полного набора дат впервые использовался байесовский метод. Этот подход показал, что хронологические рамки неолитических погребальных традиций предположительно были более ко-

¹⁶ Факт, что многие из них выполнены по образцам плохого качества (уголь, почва) это вторичная проблема.

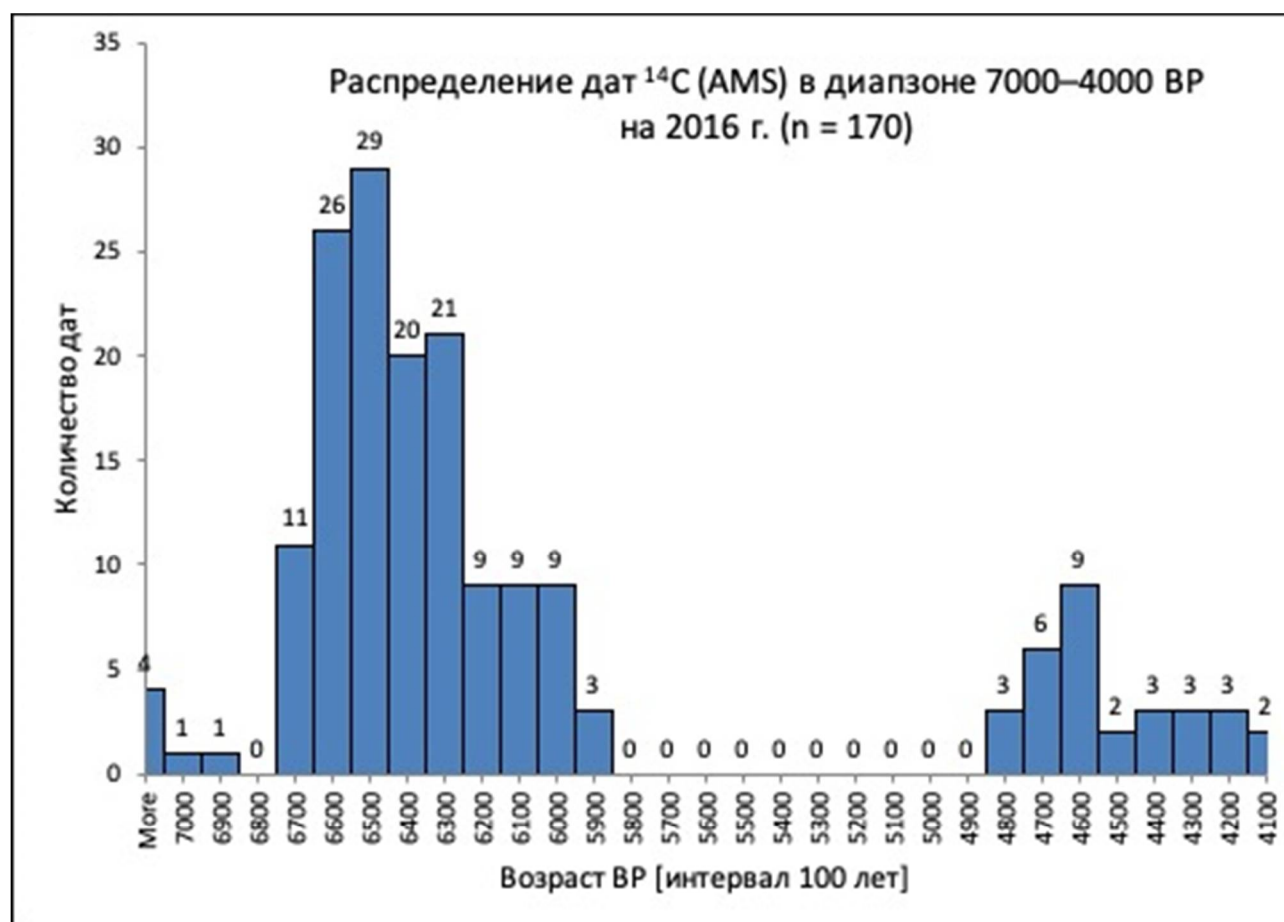

Рис. 4. Распределение AMS дат ^{14}C с поправкой на резервуарный эффект в диапазоне 7000–4000 BP для человеческих костяков позднего мезолита – позднего неолита в Предбайкалье на 2016 г. (Weber et al., 2016a)

Fig. 4. Distribution of AMS ^{14}C dates corrected for the reservoir effect between 7000 and 4000 BP on human skeletons from Mesolithic to Late Neolithic graves in Cis-Baikal as of 2016 (Weber et al., 2016a)

роткие, чем это демонстрировал прежний (не байесовский) анализ, вследствие чего средненеолитический хронологический перерыв предположительно оказался длиннее на несколько сотен лет. Однако авторы отмечали, что из-за небольшого количества радиоуглеродных определений (22 даты) хронологические рамки позднего неолита в данный момент отчетливо не определяются. По мере поступления новых дат возможно удревнение нижней границы позднего неолита (Weber et al., 2016a. P. 91).

В 2020–2021 гг. опубликован второй, увеличенный набор скорректированных радиоуглеродных дат (Weber et al., 2021), и была предпринята первая со времен А.П. Окладникова попытка объяснить развитие культур позднего мезолита – бронзы на основе результатов исследований БАП (Weber, 2020). В блоке из 560 дат (из 65 местонахождений) увеличилось количество дат по позднемезолитическим могилам и по могилам позднего неолита (103 дат) и по-прежнему отсутствовали даты, относящиеся к

среднему неолиту (рис. 5). С учетом корректировки разница между самой молодой датой раннего неолита (SHA_2003.026.03, 5777 ± 74) и самой древней датой позднего неолита (VKL_1951.013, 5330 ± 57 BP) составила ~450 лет. Однако если рассматривать три самые древние даты для позднего неолита, которые довольно резко отличаются от основного блока дат, как относящиеся к среднему неолиту (рис. 5, смотри также ниже), тогда данная разница повышается до ~880 лет (UID_1990.033.01, 4901 ± 71 BP; Weber et al., 2021. Supplement 1).

Байесовский анализ всех дат показал: 1) удревнение, как и предполагалось, нижней границы позднего неолита; 2) более короткий хронологический диапазон среднего неолита; 3) и, самое главное – большое разнообразие временных границ существования большинства погребальных традиций позднего мезолита – бронзы по микрорегионам. Таким образом, хронологический диапазон средненеолитического перерыва также получился

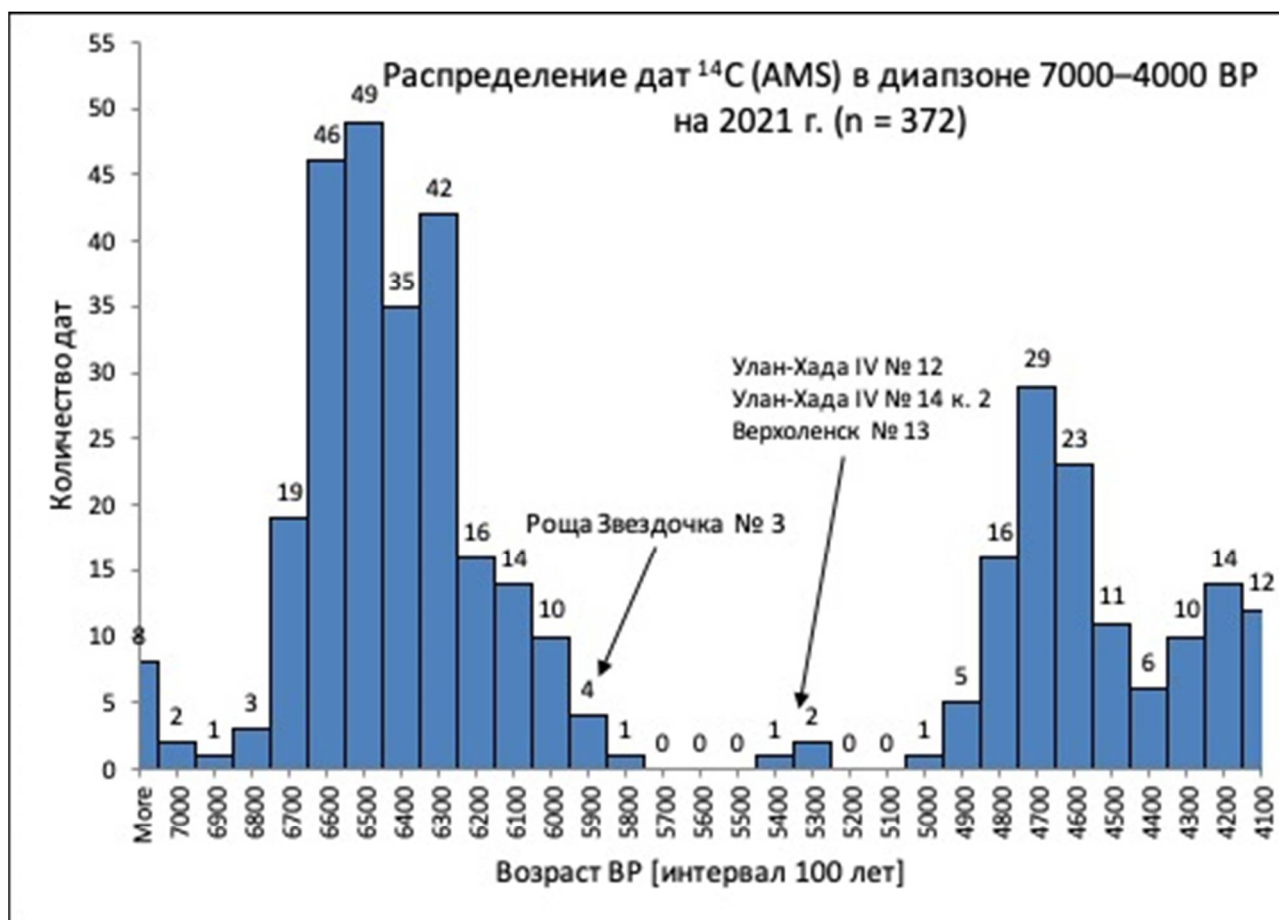

Рис. 5. Распределение AMS дат ^{14}C с поправкой на резервуарный эффект в диапазоне 7000–4000 BP для человеческих костяков позднего мезолита – позднего неолита в Предбайкалье на 2021 г. (Weber et al., 2021)

Fig. 5. Distribution of AMS ^{14}C dates corrected for the reservoir effect between 7000 and 4000 BP on human skeletons from Mesolithic to Late Neolithic graves in Cis-Baikal as of 2021 (Weber et al., 2021)

разным: в масштабе всего Предбайкалья – приблизительно 600 лет¹⁷, на Ангаре ~1300 лет, а в районе Малого моря ~1900 лет (Weber et al., 2021. Tabl. 4 and 6). Констатировалось, что «полная депопуляция, как для китайских центров населения, так и для других микрорегионов – маловероятна»¹⁸. Кроме этого, в данных статьях содержится много новых предложений и гипотез для дальнейших археологических исследований и размышлений.

Разработки, изложенные в этих статьях, демонстрируют: 1) постоянное формирование новых гипотез, как необходимая задача для оперативного управления будущими исследованиями; 2) взгляды Вебера и других ведущих исследователей БАП на проблему хронологического перерыва меняются по

мере накопления новой источниковой базы; 3) по мере увеличения этой базы hiatus проявляется все ярче и его хронологические рамки разнятся по микрорегионам, а определение его конкретных временных границ усложняется.

Задача определения хронологического диапазона средне-неолитического перерыва в развитии погребальных традиций осложняется тем, что он определяется только непосредственно, т. е. по датам, имеющимся по ранне-неолитическим (верхняя граница раннего неолита является нижней – среднего неолита) и поздне-неолитическим могилам (нижняя граница позднего неолита является верхней – среднего неолита) для каждого региона в отдельности. Хронологические рамки сильно зависят также от избранного метода анализа, т. е. нельзя определять временную протяженность среднего неолита непосредственно по крайним молодым и древним датам раннего и позднего неолита соответственно.

¹⁷ В основном за счет нескольких древних поздне-неолитических дат с микрорайонов Верхней Лены и Малого моря.

¹⁸ «A complete depopulation of Kitoi centers, as well as of the other microregions, is highly unlikely» (Weber, 2020. P. 11).

Кроме этого, отмечено, что хронологические рамки раннего неолита, в том числе его верхняя граница, уверенно зафиксированы на основании 225 дат, для позднего неолита пока дат гораздо меньше – 103, а для позднего неолита южного Приангарья еще меньше (40) (Weber et al., 2016a; Weber et al., 2021). Набор дат для могил позднего неолита южного Приангарья не очень репрезентативный, так как 37 дат AMS получено по образцам из могильника Усть-Ида I (исаковская погребальная традиция), а для серовской – всего 3. Таким образом, вполне допустимо, что по мере накопления новых дат нижняя граница позднего неолита может удревниться, но, ненамного.

Станет ли верхняя граница раннего неолита моложе или нет – это другой вопрос. Есть отдельные захоронения, которые хронологически несколько выше верхней границы раннего неолита и отличаются по ряду признаков от классических китойских. Например, могила № 3 из местонахождения разновозрастных археологических объектов Роща Звёздочка (г. Иркутск), не сопровождавшаяся конструкциями из камня. Погребенный находился в грунтовой могильной яме в вытянутом положении на спине и головой был ориентирован на запад, перпендикулярно течению р. Ангары, ногами к реке. На дне ямы, под черепом и шейными позвонками, зафиксировано локальное пятно охры, в котором располагались две однопазовые обоймы составных вкладышевых орудий. Сопроводительный инвентарь, представленный в основном предметами из кости, морфологически близок изделиям из ранне-неолитических могил. Возраст могилы согласно дате AMS – 6590 ± 36 BP (OxA-20577), а с учетом поправки на резервуарный эффект – 5939 ± 74 BP (Weber et al., 2016a; Weber et al., 2021). Интересно, что дата по Роще Звёздочка (рис. 5) как раз соответствует фазе 2 использования могильника Шаманка II на юго-западном побережье оз. Байкал, т. е. времени, когда китойская погребальная традиция уже перестала существовать в долине р. Ангары (Bronk Ramsey et al., 2021; Weber et al., 2016a; Weber et al., 2016b). В целом сомнительно, что эти погребальные комплексы смогут заполнить весь средний неолит.

В этой связи возникает вопрос об археологическом облике могил среднего неолита. На наш взгляд эти могилы должны быть довольно разнообразными, т. е. ненормативного (недифференци-

рованного) характера, также как и в позднем мезолите (Bazaliiskii, 2010). Нормативность любых культурных действий или занятий, в том числе и похорон умерших, зависит в большой степени от их частоты: для действий, совершающихся часто, характерна высокая нормативность, а для действий низкой частоты – низкая нормативность (Boyd, Richerson, 1985; Sugden, 1986). В результате могилы позднего мезолита по всей территории Предбайкалья сильно отличаются друг от друга, т. е. характеризуются низкой нормативностью или, иными словами, сильно недифференцированными. Поскольку – согласно новой концепции развития культур позднего мезолита – бронзы в Предбайкалье (Weber, 2020) – плотность и численность населения среднего неолита была довольно низкой, следовательно, частота и соответственно нормативность могил данного периода тоже должны быть низкими.

В данный момент, как отмечалось выше, имеются три могилы (рис. 5), которые, согласно полученным радиоуглеродным датам, могут как раз относиться к среднему неолиту (Weber et al., 2021):

1) Верхоленинский могильник, мог. № 13: захоронение взрослого индивидуума, ориентировка параллельно реке, головой вверх по течению, т. е. в отличие от других могил позднего неолита (перпендикулярно реке) и бронзы (параллельно реке, головой вниз по течению) на этом местонахождении; сопроводительный инвентарь малочисленный и недиагностичный; А.П. Окладников отнес эту могилу к серовской (архаической группе) погребальной традиции, несмотря на то, что ориентировка серовских захоронений на Верхоленинском могильнике другая (Окладников, 1978). Дата с поправкой на резервуарный эффект – 5330 ± 57 BP;

2) Улан-Хада IV, мог. № 12: надмогильная каменная кладка; захоронение пожилого мужчины, вытянутое на спине, головой на ССЗ, обильная засыпка красной охрой; сопроводительный инвентарь малочисленный и недиагностичный (6 изделий из камня); могила отнесена к китойской культуре, видимо, на основе присутствия охры (Горюнова, Хлобыстин, 1992; Комарова, Шер, 1992). Дата с поправкой на резервуарный эффект – 5279 ± 75 BP;

3) Улан-Хада IV, мог. № 14: разбросанная надмогильная каменная кладка; двойное захороне-

ние взрослой женщины¹⁹ и взрослого мужчины, оба костяка были вытянуты на спине, головой ориентированы на СЗ; сопроводительный инвентарь малочисленный и недиагностичный (5 изделий из камня и 1 фрагмент венчика глиняного сосуда); могила отнесена к глазковской культуре (Горюнова, Хлобыстин, 1992; Комарова, Шер, 1992), хотя ориентировка глазковских захоронений в Приольхонье преимущественно головой на ЮЗ (Goriunova, Novikov, 2010). Дата с поправкой на резервуарный эффект – 5270±75 BP.

И.М. Бердников и др. отмечают присутствие в Предбайкалье еще двух могил такого же ненормативного характера (Бердников и др., 2023).

Согласно описанию И.М. Бердникова и соавторов, в погребении из Усть-Илирского могильника (раскопки 1990 г.) зафиксировано: трое погребенных в вытянутом положении на спине, ориентированных головой на ВЮВ, следы костра, пятна охры (Бердников и др., 2023). Довольно обильный (107 предметов) и разнообразный сопроводительный инвентарь характеризуется присутствием пяти уникальных костяных предметов искусства с изображениями водоплавающих птиц. Далее в статье отмечается, что фрагменты усть-бельских сосудов, найденных только на поверхности (т. е. как подъемный материал, и точно неизвестно на каком расстоянии от могилы), «с большой долей вероятности связаны непосредственно с погребением» (Бердников и др., 2023. С. 47). По обломку гарпуна из кости крупного копытного получена AMS дата 5370±15 BP, которая не требует поправки на резервуарный эффект (Бердников и др., 2023).

Но по описанию авторов раскопок картина немного другая (Дзюбас, Абдулов, Друлис, 1996). Во-первых, вся территория этого разновозрастного могильника сильно разрушена как эрозионными, так и техногенными процессами. Во-вторых, положение двух погребенных действительно на спине, но частично ярусное, третий на боку лицом к стенке ямы. В-третьих, только 57 предметов (24 наконечника стрел, 19 подвесок, 5 игольников, 5 скульптурных изображений птиц и 4 других изделия) зафиксированы в могильной яме, все остальные предметы, в том числе гарпуны, были собраны как подъемный материал на размытой поверхности и, таким обра-

зом, их отношение к могиле остается под вопросом. В-четвертых, гарпун, по фрагменту которого ранее была получена дата, также зафиксирован как подъемный материал и его отношение к данному комплексу не доказано. По человеческим костям ранее получена дата 4740±390 BP²⁰. Хотя эта дата плохого качества (сцинтилляционный метод, без поправки на пресноводный резервуарный эффект, отсутствие сопровождающих химических данных), она непосредственно связана с данной могилой, но не понятно, с каким именно костяком. Дата AMS наоборот – хорошего качества, но непосредственная связь с могилой сомнительная. В итоге связывать дату AMS по гарпуну с усть-бельской керамикой также проблематично.

Вторая могила, обнаруженная в 1984 г. в поселке Жигалово (Аэропорт) на Верхней Лене, является также разрушенным комплексом, к описанию которого надо относиться очень осторожно, так как оно опирается на информацию, полученную от местных жителей через один месяц после обнаружения могилы: умерший был уложен в могиле на боку (возможно, с подогнутыми ногами), головой в северо-восточном направлении (перпендикулярно течению Лены). Сопроводительный инвентарь представлен тремя предметами: «костяной обоймой вкладышевого орудия, клыком кабана и костяным наконечником стрелы с биконической головкой и обломанным стержнем» (Бердникова, 2013). По этому погребению имеются две радиоуглеродные даты: по клыку кабана (Бердникова, 2013) и по фрагменту костяного наконечника стрелы (Бердников и др., 2023). К сожалению, поскольку обе даты получены сцинтилляционным методом и вдобавок сопровождающие химические данные отсутствуют – использовать эти даты в анализе невозможно (табл. 1).

На основании полученной в последнее время даты AMS (табл. 1) к среднему неолиту отнесена также могила № 44 из памятника Шумилиха в устье р. Белой, на р. Ангаре (Бердников, Горюнова, 2022). В данном случае проблема состоит в том, что могила сильно разрушена, т. е. размыта течением р. Ангары (Бронзовый век..., 1981. С. 16). Таким образом соотносить дату по изделию из кости живот-

¹⁹ Дата получена по костяку женщины.

²⁰ Или 4740±320 BP (Мамонова, Сулержичский, 2008) – в данном случае, эта разница не имеет особого значения.

Таблица 1. Радиоуглеродные даты без поправки на резервуарный эффект по погребениям Предбайкалья, которые могут относиться к среднему неолиту (Бердников и др., 2023; Бердников, Горюнова, 2022)

Table 1. Radiocarbon dates without reservoir correction for Cis-Baikal burials which may relate to the Middle Neolithic (Berdnikov et al., 2023; Berdnikov, Goriunova, 2022)

№	Могильник, год раскопок, № могилы	Материал образца	Лабораторный шифр	$\delta^{13}\text{C}$ ‰	$\delta^{15}\text{N}$ ‰	Коллаген %	C/N [атом.]	^{14}C -дата ВР
1	Усть-Илир, 1990	Кость крупного копытного (гарпун)	UCIAMS-260525	-20,5	4,0	1,7	3,3	5370±15
2	Усть-Илир, 1990	Кость человека	GIN-6817	–	–	–	–	4740±390
3	Жигалово, 1984	Sus scrofa, клык	Ki-16434	–	–	–	–	5470±80
4	Жигалово, 1984	Кость млекопитающего (наконечник стрелы)	ТКа б/н	-21,4	5,4	–	–	5310±25
5	Шумилиха, 1972, № 44	Орудие из кости крупного копытного	UCIAMS-260524	-18,7	4,3	15,6	3,3	5720±20

ного с захоронением человека в этой могиле очень сомнительно. Кроме этого, по человеческим костям получена дата AMS, которая после корректировки на резервуарный эффект полностью вписывается в хронологические рамки позднего неолита²¹.

Таким образом, все эти могилы (т. е. Верхоленск, мог. № 13; Улан-Хада IV, мог. № 12 и № 14; Усть-Илир, мог. 1990 г.; Жигалово, мог. 1984 г.), а также могила № 3 из Роши Звёздочка (рис. 5), т. е. всего семь могил, полностью соответствуют ожиданиям по низкой нормативности погребальных комплексов среднего неолита и вполне возможно, что они действительно принадлежат этому периоду. Хотя на самом деле хронологию усть-илирской и жигаловской могил более корректно считать не установленной.

Подводя итоги по вопросу хронологического перерыва в развитии погребальных традиций позднего мезолита – бронзы Предбайкалья, можно констатировать, что впервые отмеченный в 1989 г. на основе 117 сцинтилляционных дат hiatus в среднем неолите, подтвержденный в 2006 и 2010 гг. на основании 335 новых дат AMS, еще раз верифицирован в 2016 г. на основе 256 скорректированных дат AMS и доработан в 2021 г. на базисе скорректированных 560 дат. Это уже не гипотеза, а следует полагать, реальный факт, который требует комплексного междисциплинарного исследования.

Однако И.М. Бердников и др. предполагают, что хронологический перерыв в развитии погребальных традиций Предбайкалья – это факт накопления источниковой базы. Так, в Предбайкалье со второй половины XIX в. до настоящего времени археологически задокументировано около 155 могильников, 960 могил и 1238 костяков (включая все возрастные группы, в том числе младенцев до 5-летнего возраста), из которых для 560²² взрослых (из 65 могильников) получены даты ^{14}C (Weber et al., 2021. Tabl. 1 and 2). Данную выборку дат (ок. 50 %) можно считать достаточно репрезентативной для данного анализа. Тем не менее И.М. Бердников и др. предполагают, что недатированные пока погребальные комплексы заполняют средненеолитический перерыв. Вероятно, некоторые из них будут отнесены к среднему неолиту, но заполнить hiatus этим небольшим количеством вряд ли возможно. Предположительно, большая часть этих захоронений будет относиться к уже хорошо определенным погребальным традициям Предбайкалья.

Следует отметить, что в данный момент получено около 160 новых дат, пока еще не опубликованных, и заполнение средненеолитического перерыва не наблюдается (рис. 6), хотя количество дат по позднему неолиту увеличилось до 123. Датирование образцов костных человеческих останков позднего мезолита – бронзы продолжается. Ожидается, что в итоге количество дат достигнет 800–900

²¹ Неопубликованные данные БАП.

²² Около 720, включая еще неопубликованные даты.

определений, но очень сомнительно, что это позволит заполнить средний неолит датировками до степени, позволяющей утверждать о непрерывном развитии погребальных традиций в Предбайкалье как в целом, так и по отдельным микрорегионам.

Предположение, что хронологический перерыв в развитии погребальных традиций Предбайкалья – это артефакт накопления источниковой базы, подразумевает, что средненеолитические могильники существуют на данной территории, но каким-то таинным образом археологи за последние 150 лет не смогли их найти и раскопать. Это весьма сомнительно. Непонятно, почему были обнаружены могильники всех хронологических периодов, кроме среднего неолита. Следует отметить, что довольно часто могилы разных погребальных традиций встречаются на одном и том же местонахождении (например, Усть-Ида I, Серово, Верхолениск, Сарминский Мыс, Шаманский Мыс и др.). Это свидетельствует о том,

что группы охотников-рыболовов Предбайкалья на протяжении неолита – бронзы пользовались очень схожими критериями выбора мест захоронений, несмотря на то, что иногда эти группы хронологически разделены тысячами лет.

Далее И.М. Бердников и др. предполагают, что средненеолитический перерыв в развитии погребальных традиций в Предбайкалье заполнится материалами из Северного Приангарья (Бердников и др., 2021). В первую очередь сравним имеющуюся источниковую базу по количеству погребальных комплексов позднего мезолита – бронзы и наличию опубликованных дат ^{14}C с поправкой на резервуарный эффект по человеческим костям из этих двух разных регионов.

Эта источниковая база говорит сама за себя (табл. 2). Кроме того, следует подчеркнуть, что поправки на резервуарный эффект, разработанные для Предбайкалья, не касаются Северного Приангарья,

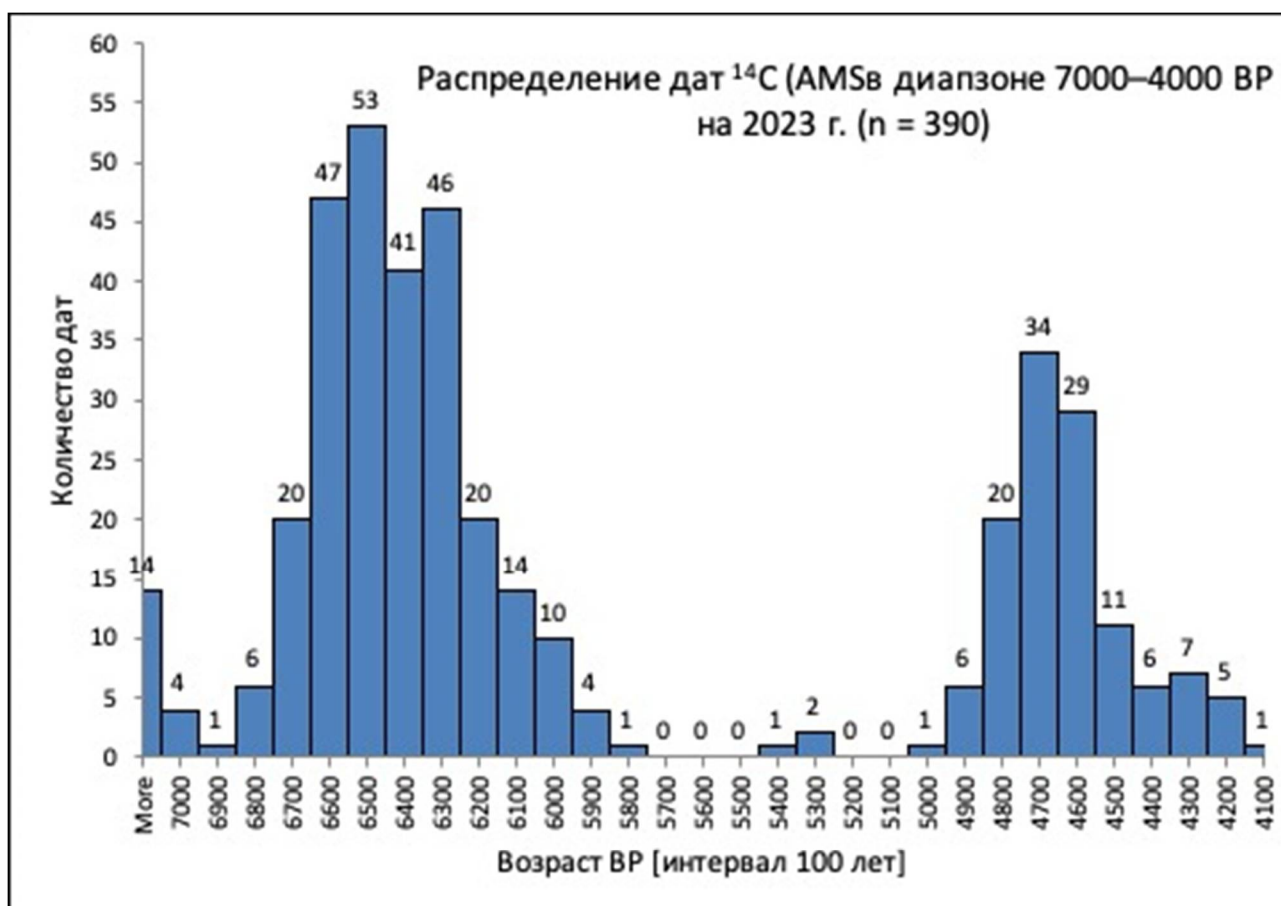

Рис. 6. Распределение AMS дат ^{14}C с поправкой на резервуарный эффект в диапазоне 7000–4000 BP для человеческих костяков позднего мезолита – позднего неолита в Предбайкалье на 2023 г. (Weber et al., 2021; плюс неопубликованные данные БАП)

Fig. 6. Distribution of AMS ^{14}C dates corrected for the reservoir effect between 7000 and 4000 BP on human skeletons from Mesolithic to Late Neolithic burials in Cis-Baikal as of 2023 (Weber et al., 2021; plus unpublished BAP data)

Таблица 2. Количество погребальных комплексов позднего мезолита – бронзы и опубликованных дат AMS ^{14}C с поправкой на резервуарный эффект по человеческим костякам (Бердников и др., 2023; Марченко и др., 2022; Савельев и др., 2020)

Table 2. Numbers of Late Mesolithic to Bronze Age mortuary assemblages and published AMS ^{14}C dates on human skeletons corrected for the freshwater reservoir effect (Berdnikov et al., 2023; Marchenko et al. 2022; Savel'ev et al. 2020)

Признак	Предбайкалье	Северное Приангарье*
Количество могильников	155	12
Количество могил	960	29
Количество индивидов	1238	29
Количество дат	560	0
Количество дат среднего неолита	3 или 4	0

* Согласно нашей дефиниции регионов, о. Жилой входит в рамки Предбайкалья, а не Северного Приангарья.

где этот эффект может быть совершенно другой. Таким образом, хронологию этих комплексов на данный момент на основе имеющихся дат ^{14}C (табл. 3), практически невозможно анализировать.

Но важнее другие вопросы. Во-первых, почему хронологические рамки погребальных традиций и модель развития групп позднего мезолита – ранней бронзы, разработанные для Предбайкалья, должны приниматься для региона Северного Приангарья? Во-вторых, зачем средненеолитический перерыв в развитии погребальных традиций Предбайкалья заполнять материалами из Северного Приангарья? Ведь все работы – полевые, лабораторные, и публикации БАП касаются Предбайкалья, а не других территорий Восточной Сибири. Если у И.М. Бердникова и соавторов настолько сильно желание заполнить данный хронологический перерыв, почему не охватить также территории, например, в западном направлении – весь Красноярский край и Западную Сибирь, а в восточном – Забайкалье и Дальний Восток? Очевидно, что такой подход не только не имеет смысла – но попытка заполнять средненеолитический перерыв в развитии погребальных традиций в Предбайкалье материалами из смежного, но экологически довольно сильно отличающегося Северного Приангарья, тоже не имеет смысла. А относительно радиоуглеродной хронологии неолитических погребальных комплексов Северного Приангарья (табл. 3) правильно отмечают Н.А. Савельев и др. по могилам на Сосновом Мысу: «Однако, несмотря на все наши усилия, вопрос достоверной хронологии исследуемых неолитических погребений остается пока открытым» (Савельев и др., 2020. С. 31). В чем

согласны также Марченко и др. относительно могил в устье р. Зелинды: «До получения ^{14}C -дат по костям травоядных животных работу, связанную с определением границ радиоуглеродной хронологии неолитических могил памятника Усть-Зелинда-2, нельзя считать законченной, хотя получение данных вряд ли изменит относительную позицию комплексов» (Марченко и др., 2022. С. 27).

Даты, перечисленные в табл. 3, требуют нескольких дополнительных замечаний. Во-первых, образец, по которому получена дата для разрушенной мог. № 1 (2011 г.) Соснового Мыса, согласно авторам, мог попасть в могилу случайно из культурного слоя (Савельев и др., 2020). Во-вторых, дата по человеческому моляру (Сосновый Мыс, 2011, мог. № 4), видимо, удревлена двойным образом: за счет резервуарного эффекта и за счет кормления грудью в детстве; даты по молярам следует делать по слоям дентина, образующегося через несколько лет после отнятия от груди (Weber et al., 2021). В-третьих, даты с показателем C/N [атом.] вне допустимого предела 2.9–3.6 (De Niro, 1985) должны быть исключены из анализа, как и все даты, не сопровождающиеся химическими данными; подобные даты лучше вообще не публиковать (табл. 3, № 3, 4, 7, 14, 17).

Кроме этого, в некоторых статьях употребляется значение HPD (Highest Posterior Distribution) вместе с отдельными датами AMS (Бердников, Горюнова, 2022). Надо подчеркнуть, что даты HPD являются исключительно результатом моделирования блока радиоуглеродных дат при использовании байесовских статистических методов. В данном случае, видимо, имеются в виду усредненные калиброванные

Таблица 3. Радиоуглеродные даты без поправки на резервуарный эффект по погребениям Нижней Ангары (Марченко и др., 2022; Савельев и др., 2020)

Table 3. Radiocarbon dates on human skeletons from the Lower Angara area without correction for the freshwater reservoir effect (Marchenko et al. 2022; Savel'ev et al. 2020)

№	Могильник, год раскопок, № могилы	Материал образца	Лабораторный шифр	$\delta^{13}\text{C}$ ‰	$\delta^{15}\text{N}$ ‰	Коллаген %	C/N [атом.]	^{14}C -дата BP
1	Усть-Зелинда-1, 2012, 1	Homo sapiens, кость	UBA-25017	-19,9	12,3	—	3,3	6083±44
2	Усть-Зелинда-1, 2012, 3	Homo sapiens, кость	UBA-25019	-19,8	12,8	—	3,6	5874±35
3	Усть-Зелинда-2, 2012, 5	Homo sapiens, кость	UBA-25020	—	—	—	—	5888±57
4	Усть-Зелинда-2, 2012, 6	Homo sapiens, кость	UBA-25021	-20,6	13,3	—	4,1	5077±34
5	Усть-Зелинда-2, 2012, 12	Homo sapiens, кость	UBA-25022	-20,3	12,4	—	3,3	6499±40
6	Усть-Зелинда-2, 2012, 22	Homo sapiens, кость	UBA-25023	-20,0	12,6	—	3,3	4898±36
7	Сосновый Мыс, 2011, 1	Homo sapiens, кость	COAH-8939	—	—	—	—	5901±95
8	Сосновый Мыс, 2011, 1	Homo sapiens, реб- ро	UCIAMS-229961	-19,7	13,5	9,2	3,2	6900±20
9	Сосновый Мыс, 2011, 1	Cervidae, фаланга	UCIAMS-229962	-18,9	3,5	3,1	3,2	6115±20
10	Сосновый Мыс, 2011, 2	Homo sapiens, фа- ланга руки	OxA-39305	-19,2	13,6	13,1	3,2	6451±26
11	Сосновый Мыс, 2011, 3	Homo sapiens, че- реп	UCIAMS-229963	-18,9	11,1	13,2	3,2	3680±15
12	Сосновый Мыс, 2011, 4	Homo sapiens, мо- ляр	UCIAMS-229965	-19,6	13,2	7,1	3,2	6610±20
13	Сосновый Мыс, 2011, 4	Homo sapiens, по- звонок	UCIAMS-229964	-19,9	12,6	16,2	3,2	6440±20
14	Сосновый Мыс, 2011, 5	Homo sapiens, кость	COAH-8649	—	—	—	—	5760±85
15	Сосновый Мыс, 2011, 5	Homo sapiens, ло- патка	UCIAMS-229966	-19,9	11,7	9,5	3,2	6415±20
16	Сосновый Мыс, 2011, 6	Homo sapiens, кость стопы	OxA-39306	-20,0	13,3	15,6	3,1	6556±26
17	Сосновый Мыс, 2011, 7	Homo sapiens, кость	COAH-8650	—	—	—	—	6180±110
18	Сосновый Мыс, 2011, 7(1)	Homo sapiens, по- звонок	UCIAMS-229967	-19,9	12,2	10,3	3,2	6500±20
19	Сосновый Мыс, 2011, 8	Homo sapiens, кость руки или сто- пы	OxA-39277	-19,6	12,4	13,6	3,2	6522±25
20	Сосновый Мыс, 2011, яма	Homo sapiens, фа- ланга стопы	OxA-39307	-20,1	12,9	15,6	3,1	6508±26

даты (mean calibrated dates), а не даты HPD. Такое некорректное использование номенклатуры радиоуглеродного датирования и методов анализа приводит только к серьезной путанице и недоразумениям.

3. Вопрос культурных изменений

И.М. Бердников и др. полагают, что основные культурные изменения в Предбайкалье позднего мезолита – бронзы объясняются миграционными процессами популяций охотников-собирателей в Предбайкалье из других сибирских территорий. Например, начало раннего неолита и появление китойской культуры – это одна миграция; появление археологических комплексов с посольской керамикой – это вторая миграция; появление археологических комплексов с усть-бельской керамикой – третья и т. д.

Понятно, что все древние охотники-собиратели вели подвижный образ жизни, т. е. отдельные группы перемещались с места на место в каком-то определенном сезонном режиме и иногда мигрировали на более отдаленные территории по каким-либо причинам (недостатки ресурсов, межгрупповые конфликты и др.). Но, чтобы вся популяция, т. е. большое количество групп, по «приказу главного начальника» переехала на другое место, представляется нереальным и предлагать такой сценарий в XXI в. означает возврат к археологии конца XIX и первой половины XX в. Допустим, что действительно подобное могло произойти в период позднего мезолита – бронзы не раз, а многократно, как предполагают И.М. Бердников и др. В этом случае надо ответить хотя бы на следующие вопросы:

- 1) причины, по которым популяция «А» приняла решение мигрировать;
- 2) причины, по которым популяция «А» решила переместиться на территорию популяции «Б», а не в какой-то другой регион;
- 3) взаимоотношения между популяциями «А» и «Б» после эмиграции групп «А» на территорию групп «Б»;
- 4) и что же, в конечном итоге, случилось с популяцией «Б».

Это главные вопросы, хотя, наверное, есть и другие (например, хронологическое совпадение данных событий на территории «А» и «Б»), но И.М. Бердников и др. не только не задают таких во-

просов, но даже не осознают их важность. Проблема хронологического совпадения миграционных событий вообще не поднимается И.М. Бердниковым и др. Вместо этого авторы отмечают присутствие нескольких радиоуглеродных дат по стояночным комплексам, относящимся к среднему неолиту: 5 из многослойного памятника Усть-Белая (в том числе 1 по неизвестному слою (sic!)), 2 из Саган-Забы II (Приольхонье) и по одной дате из Горелого Леса (р. Белая) и Итырхей (Приольхонье). Хотя дат по стояночным материалам, относящимся к среднему неолиту, только четыре, их присутствие никак не противоречит хронологическому перерыву в развитии погребальных традиций. Это совершенно другие вопросы. Такие даты не только должны быть, но, по мере продолжения археологических исследований, их будет больше.

Появление отмеченных авторами новых культурных признаков (керамики и других) объясняется исключительно миграциями. Но непонятно, почему авторы останавливаются на данном наборе культурных признаков. Почему не включены другие типы керамики, другая ориентировка погребенных, появление «сидячих» захоронений, металлических изделий и т. д. Возможности выбора культурных признаков, потенциально свидетельствующих о миграциях, довольно большие, так как разнообразие археологического материала (стояночного и погребального) по всему Предбайкалью тоже довольно велико. Таким образом, пользуясь миграционным подходом И.М. Бердникова и др., получается, что во время позднего мезолита – бронзы Предбайкалье было сценой более-менее постоянных миграций не отдельных семейных групп, а довольно больших популяций охотников-собирателей со смежных территорий. В итоге Предбайкалье – это «котел» или «черная дыра» («black hole»), в которую постоянно мигрируют новые группы охотников-собирателей, но из Предбайкалья они уже не перемещаются дальше.

Понятно, что это тоже только предположение, но каждая научная гипотеза должна быть чем-то обоснована: либо эмпирическими фактами, либо теорией, а лучше и фактами, и теорией. К сожалению, у И.М. Бердникова и соавторов нет ни фактов, ни теории.

Относительно научных фактов – уже имеются конкретные данные, неосвоенные свидетельствующи-

щие о миграциях или сезонных передвижениях населения позднего мезолита – бронзы на территории Предбайкалья. Об этом свидетельствуют значения стабильных изотопов углерода и азота ($\delta^{13}\text{C}$, $\delta^{15}\text{N}$), по которым определяется рацион питания древнего человека (например, Weber et al., 2021). По этим данным рацион всех групп охотников-рыболовов позднего мезолита – бронзы Предбайкалья имеет однозначно местный характер (т. е. в масштабе микрорегионов; рис. 7). Действительно, на основе этих биохимических данных наблюдаются передвижения (возможно – сезонные) между микрорегионами Предбайкалья, т. е. Ангрой, юго-западным Байкалом, Малым Морем и югом Верхней Лены (Weber et al., 2021). Во время позднего мезолита – позднего неолита такие передвижения отмечаются довольно редко, но в эпоху бронзы перемещения между Верхней Леной и Малым Морем являются более многочисленными (Bronk Ramsey et al., 2021; Weber, Bettinger, 2010; Weber, Goriunova, 2013; Weber et al., 2021).

Из 720 индивидов только один человек, т. е. женщина пожилого возраста из китойского мо-

гильника Шаманка II на юго-западном побережье оз. Байкал (мог. № 42, костяк № 2; SHA_2004.042.02), могла прибыть в Предбайкалье (более конкретно в район Култукского залива) из-за пределов региона (рис. 7). Значение по $\delta^{15}\text{N}$ (10,5 ‰) у этой женщины сильно отличается от всех остальных взрослых женщин и мужчин могильника Шаманка II, а также от всех остальных изученных индивидов Предбайкалья в целом, и является единственным статистическим отходом (Weber et al., 2016a; Weber et al., 2016b; Weber et al., 2021). К сожалению, в данный момент невозможно определить, откуда эта женщина переселилась в район Култукского залива. Но один человек – это далеко еще не миграция групп населения. Такие случаи более логично объясняются брачными связями. Интересно, что по погребальному обряду захоронение этой женщины не отличается от других китойских захоронений на Шаманке II. На сегодняшний день источниковая база по стабильным изотопам достигает уже 720 исследованных взрослых людей и другого такого человека за весь период позднего мезолита – бронзы не нашлось (рис. 7).

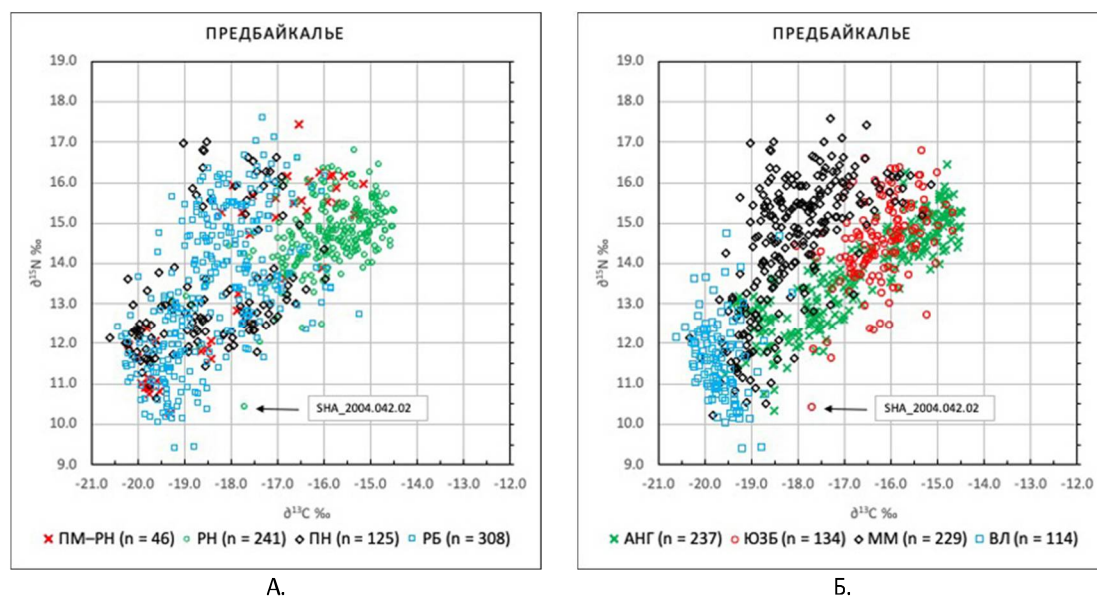

Рис. 7. Результаты по стабильным изотопам углерода и азота ($\delta^{13}\text{C}$, $\delta^{15}\text{N}$) для человеческих костяков позднего мезолита – бронзы в Предбайкалье (Weber et al., 2021; плюс неопубликованные данные БАП): А – по археологическим периодам: ПМ–РН хиньская погребальная традиция позднего мезолита – раннего неолита; РН китойская погребальная традиция раннего неолита; ПН исаковская и серовская погребальные традиции позднего неолита; РБ глазковская погребальная традиция эпохи ранней бронзы; Б – по археологическим микрорегионам: АНГ – Ангара; ЮЗБ – Юго-западный Байкал; ММ – Малое море; ВЛ – Верхняя Лена

Fig. 7. Carbon and nitrogen stable isotope results ($\delta^{13}\text{C}$, $\delta^{15}\text{N}$) for Mesolithic to Bronze Age human skeletons in Cis-Baikal (Weber et al., 2021; plus unpublished BAP data): A - by archaeological periods: PM-PH Khin' mortuary tradition of the Late Mesolithic - Early Neolithic; PH китойская погребальная традиция раннего неолита; ПН Isakovo and Serovo mortuary traditions of the Late Neolithic; PB Glazkovo mortuary tradition of the Early Bronze Age; Б - by archaeological microregions: AHG - Angara; ЮЗБ - Southwest Baikal; MM - Little Sea; ВЛ - Upper Lena

Заключение

Возвращаясь к главному вопросу присутствия средненеолитического перерыва в развитии погребальных традиций Предбайкалья, проблема совершенно не в том, что средненеолитических могил на этой территории нет и что они вообще не найдутся, а в том, что: 1) перерыв довольно отчетливо наблюдается на основе достаточно репрезентативной выборки скорректированных дат ^{14}C (~720) по человеческим костям; 2) если могилы среднего неолита и появятся, то их всегда будет меньше, чем в раннем и позднем неолите и это требует прояснения (Weber, 2020), на что, к сожалению, статья И.М. Бердникова и др. не претендует.

Статья И.М. Бердникова и др., кроме всех отмеченных недостатков, удивляет недостаточным знанием современной методологии и теории исследований культур древних охотников-собирателей. В общем, как и раньше с критикой Я.В. Кузьмина, со статьей И.М. Бердникова и др. больше проблем, чем научной пользы – совершенно непонятно, какова научная цель этой работы. Перерыв в развитии погребальных традиций в неолите Предбайкалья – это реальный факт или выдумка БАП, пусть читатель решает сам.

БАП скоро завершится. За 30 лет исследований получен большой объем нового археологического материала и огромное количество биоархеологических данных – все это имеет глобальное значение с точки зрения истории развития древних культур охотников-рыболовов северной зоны. Результаты исследований по этим материалам и данным постоянно публикуются во многих аналитических, монографических и обобщающих работах (см.: Bronk Ramsey et al., 2021; Weber, 2020; Weber

et al., 2021 и ссылки на литературу там же). Все результаты получены благодаря многолетнему дружескому сотрудничеству между группой российских коллег, аспирантов и студентов, с одной стороны, и коллективом западных участников проекта – с другой. Вероятно, эти исследования будут продолжаться, но скорее всего уже не с такой степенью интенсивности.

Естественно, что за последние 20–30 лет по стоянкам раннего и среднего голоцена российскими коллегами также был получен большой объем новых археологических материалов, которые известны благодаря многим отчетным и нескольким тематическим публикациям почти исключительно на русском языке. Бесспорно, что для полного понимания развития культур среднего голоцена Предбайкалья этот материал так же значим, как и данные, накопленные БАП.

Следует полагать, что вместо безрезультатной критики исследований БАП лучше сосредоточить усилия на более продуктивные действия, которых довольно много. Такими результативными направлениями исследований могут быть различные вопросы, касающиеся пространственной и временной вариативности погребального ритуала (в разных масштабах), стратегий выживания древних охотников-собирателей региона (например, сезонность, видовой состав, возраст, пол и количество охотничьей добычи) на основе стояночных материалов из разных микрорайонов Предбайкалья, а также сравнительные и обобщающие работы с использованием статистических методов. Эту задачу в силах выполнить только российские коллеги и в этих разработках данные, полученные БАП, несомненно, могут оказаться весьма пригодными и ценными.

Список источников

Асеев И.В. Юго-Восточная Сибирь в эпоху камня и металла. Новосибирск : Изд-во Института Археологии и этнографии СО РАН, 2003. 208 с. EDN: QOTDTX.

Бердников И.М., Горюнова О.И. Первые радиоуглеродные данные для средненеолитических погребальных комплексов Южного Приангарья (сообщение) // Известия Иркутского государственного университета. Сер. Геоархеология. Этнология. Антропология. 2022. Т. 40. С. 3–11. <https://doi.org/10.26516/2227-2380.2022.40.3>. EDN: QSHVYA.

Бердников И.М., Крутикова К.А., Дударёк С.П., Бердникова Н.Е., Соколова Н.Б. К проблеме хиагуса – перерыва

References

Aseev I.V. (2003) South-Eastern Siberia during the Stone and Metal Ages. Novosibirsk : Institute of Archeology and Ethnography of the Siberian of the Russian Academy of Sciences. 208 p. (In Russ.). EDN: QOTDTX.

Berdnikov I.M., Goriunova O. I. (2022) First radiocarbon data for the Middle Neolithic burials from the Southern Angara region (Report). *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Geoarkheologiya. Etnologiya. Antropologiya = Bulletin of the Irkutsk State University. Geoarchaeology, Ethnology, and Anthropology Series*. Vol. 40. P. 3-11. (In Russ.). <https://doi.org/10.26516/2227-2380.2022.40.3>. EDN: QSHVYA.

Berdnikov I.M., Krutikova K.A., Dudarek S.P., Berdnikova N.E., Sokolova N.B. (2020) On the Problem of hiatus - a dis-

в погребальных традициях неолитического населения Прибайкалья // Актуальные проблемы науки Прибайкалья : сб. статей. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2020. Вып. 3. С. 15–20. EDN: HQGVIW.

Бердников И.М., Крутикова К.А., Дударёк С.П., Бердникова Н.Е., Соколова Н.Б. К вопросу о среднем неолите Байкало-Енисейской Сибири // Северные Архивы и Экспедиции. 2021. Т. 5. № 1. С. 33–55. <https://doi.org/10.31806/2542-1158-2021-5-1-33-55>.

EDN: CSHUTI.

Бердников И.М., Макаров Н.П., Савенкова Т.М., Бердникова Н.Е., Соколова Н.Б., Ким А.М., Райх Д. Средне-неолитические погребения Байкало-Енисейской Сибири: проблемы культурной принадлежности и генезиса // Археология, этнография и антропология Евразии. 2023. Т. 51. № 1. С. 42–51. <https://doi.org/10.17746/1563-0102.2023.51.1.042-051>. EDN: NMFYAN.

Бердников И.М., Соколова Н.Б. Проблемы культурно-хронологической идентификации Усть-Илирского могильника (Южное Приангарье) // Известия Иркутского государственного университета. Сер. Геоархеология. Этнология. Антропология. 2022. Т. 39. С. 3–13. <https://doi.org/10.26516/2227-2380.2022.39.3>. EDN: ZDUASR.

Бердникова Н.Е. Ситуации «перерывов» в археологии. Возможности интерпретаций (Байкальская Сибирь) // Известия Иркутского государственного университета. Сер. Геоархеология. Этнология. Антропология. 2012. № 1. С. 178–202. EDN: PEMUAN.

Бердникова Н.Е. Шигирский наконечник на Верхней Лене (Прибайкалье) // Известия Иркутского государственного университета. Сер. Геоархеология. Этнология. Антропология. 2013. № 1. С. 156–173. EDN: QBKEGR.

Бронзовый век Приангарья: Могильник Шумилиха / отв. ред. В.В. Свинин. Иркутск : Изд-во ИГУ, 1981. 107 с.

Георгиевская Г.М. Китойская культура Прибайкалья. Новосибирск : Наука, 1989. 152 с.

Герасимов М.М. Восстановление лица по черепу: Современный и ископаемый человек // Труды Института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. Новая серия. Москва : Изд-во акад. наук СССР, 1955. Т. 28. 585 с.

Горюнова О.И. Древние могильники Прибайкалья (неолит – бронзовый век). Иркутск : Изд-во Иркутского государственного университета, 2002. 84 с.

Горюнова О.И., Хлобыстин Л.П. Датировка комплексов поселений и погребений бухты Улан-Хада // Древности Байкала. Иркутск : Изд-во Иркутского государственного университета, 1992. С. 41–56.

Дзюбас С.А., Абдулов Т.А., Друлис М.В. Погребение с зооморфными изображениями из Усть-Илирского мо-

continuity in the burial traditions of the Cis-Baikal Neolithic population. *Aktual'nye problemy nauki Pribaikal'ya = Recent Problems in the Cisbaikalia Sciences*. Irkutsk: Irkutsk State University. Iss. 3. P. 15–20. (In Russ.). EDN: HQGVIW.

Berdnikov I.M., Krutikova K.A., Dudarek S.P., Berdnikova N.E., Sokolova N.B. (2021) On the Middle Neolithic of Baikal-Yenisei Siberia. *Severnye Arkhivy i Ekspeditsii = Northern Archives and Expeditions*. Vol. 5. No. 1. P. 33–55. (In Russ.). <https://doi.org/10.31806/2542-1158-2021-5-1-33-55>. EDN: CSHUTI.

Berdnikov I.M., Makarov N.P., Savenkova T.M., Berdnikova N.E., Sokolova N.B., Kim A.M., Reich D. (2023) Middle Neolithic burials in Baikal-Yenisey Siberia: Problems of cultural identity and genesis. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii = Archaeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia*. Vol. 51(1). No. 1. P. 42–51. (In Russ.). <https://doi.org/10.17746/1563-0102.2023.51.1.042-051>. EDN: NMFYAN.

Berdnikov I.M., Sokolova N.B. (2022). Problems of cultural and chronological identification of the Ust-Illir burial ground (Southern Angara region). *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Geoarkheologiya. Etnologiya. Antropologiya = Bulletin of the Irkutsk State University. Geoarchaeology, Ethnology, and Anthropology Series*. Vol. 39. P. 3–13. (In Russ.). <https://doi.org/10.26516/2227-2380.2022.39.3>. EDN: ZDUASR.

Berdnikova N.E. (2012) Archaeological «breaks»: Interpretive possibilities (Baikalian Siberia). *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Geoarkheologiya. Etnologiya. Antropologiya = Bulletin of the Irkutsk State University. Geoarchaeology, Ethnology, and Anthropology Series*. No. 1. P. 178–202. (In Russ.). EDN: PEMUAN.

Berdnikova N. E. (2013) The “Shigir” point in the upper region of Lena River (Cis-Baikal). *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Geoarkheologiya. Etnologiya. Antropologiya = Bulletin of the Irkutsk State University. Geoarchaeology, Ethnology, and Anthropology Series*. No. 1. P. 156–173. (In Russ.). EDN: QBKEGR.

Svinin V.V. (Ed.) (1981) Bronze Age of the Angara Region: The Shumilikha Cemetery. Irkutsk: Irkutsk State University. 107 p. (In Russ.).

Georgievskaya G.M. (1989) The Kitoi culture of Cis-baikalia. Novosibirsk: Nauka. 152 p. (In Russ.).

Gerasimov M.M. (1955) Facial reconstruction of the skull: Modern and past people. *Trudy Instituta etnografii im. N.N. Miklukho-Maklaya. Novaya seriya = Proceedings of the N.N. Miklukho-Maklai Institute of Ethnography. New series*. Moscow: Academy of Sciences of the USSR. Vol. 28. 585 p. (In Russ.).

Goriunova O.I. (2002) Prehistoric cemeteries of Cis-baikalia: The Neolithic - Bronze Age. Irkutsk: Irkutsk State University. 84 p. (In Russ.).

Goriunova O.I., Khlobystin L.P. (1992) Dating of settlement and burial assemblages at Ulan-Khada Cove. *Drevnosti Baikala = Drevnosti Baikala (Antiquities of Baikal)*. Irkutsk: Irkutsk State University. P. 41–56. (In Russ.).

Dzyubas S. A., Abdulov T.A., Drulis M.V. (1996) Burial with zoomorphic images at the Ust'-Ilir cemetery. *Arkheolog-*

гильника // Археологическое наследие Байкальской Сибири: изучение, охрана и использование. Иркутск : Центр по сохранению ист.-культ. наследия, 1996. Вып. 1. С. 47–56.

Дударёк С.П., Лохов Д.Н. Погребальные комплексы эпохи неолита Северного Приангарья // Труды VI (XXII) Всероссийского археологического съезда в Самаре, Самара, 10–12 февраля 2020 года. В 3 т. Самара : Самарский государственный социально-педагогический университет, 2020. Т. 1. С. 139–140. EDN: AEIJLQ.

Комарова М.Н., Шер Я.А. Могильники бухты Улан-Хада // Древности Байкала. Иркутск : Изд-во Иркутского государственного университета, 1992. С. 32–41.

Мамонова Н.Н., Сулержицкий Л.Д. Возраст некоторых неолитических и энеолитических погребений Прибайкалья по радиоуглеродным данным // Археологические и этнографические исследования Восточной Сибири (итоги и перспективы). Иркутск : Изд-во Иркутского государственного университета, 1986. С. 15–20.

Мамонова Н.Н., Сулержицкий Л.Д. Опыт датирования по ¹⁴C погребений Прибайкалья эпохи голоцена // Советская археология. 1989. № 1. С. 19–32.

Мамонова Н.Н., Сулержицкий Л.Д. Радиоуглеродная хронология голоценовых погребений Прибайкалья и Забайкалья по остеологическому материалу из могильников // Человек, адаптация, культура. Москва : Изд-во РАН, 2008. С. 127–138.

Марченко Ж.В., Гришин А.Е., Гаркуша Ю.Н., Кербс Е.А. Неолитические захоронения в устье реки Зелинда (Северное Приангарье): погребальная практика и радиоуглеродная хронология // Археология, этнография и антропология Евразии. 2022. Т. 50. № 3. С. 16–28. <https://doi.org/10.17746/1563-0102.2022.50.3.016-028>. EDN: DXYUZC.

Окладников А.П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. Историко-археологическое исследование // Материалы и исследования по археологии СССР. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. Т. 18. Ч. I, II. 412 с.

Окладников А.П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья // Материалы и исследования по археологии СССР. № 43. М.; Л. : Изд-во АН СССР, 1955. Ч. III. Глазковское время. 376 с.

Окладников А.П. Неолитические памятники Ангары: (от Шукино до Бурети). Новосибирск : Наука, 1974. 319 с.

Окладников А.П. Верхоленский могильник – памятник древней культуры народов Сибири. Новосибирск : Наука, 1978. 288 с.

Савельев Н.А., Дударёк С.П., Тимошенко А.А., Лохов Д.Н. Могильник Сосновый Мыс в Северном Приангарье: анализ погребального обряда и результаты радиоуглеродного датирования // Известия Иркутского государственного университета. Сер. Геоархеология. Этнология. Антропология. 2020. Т. 34. С. 3–37.

ichesкое nasledie Baikal'skoi Sibiri: izuchenie, okhrana i ispol'zovanie = Archaeological heritage of Baikal Siberia: study, protection and use. Irkutsk: Tsentr po sokhraneniuyu ist.-kul't. naslediya. Iss. 1. P. 47-56. (In Russ.).

Dudarek S.P., Lokhov D.N. (2020) Burial complexes of the Neolithic era of the Northern Angara region. *Trudy VI (XXII) Vserossiiskogo arkheologicheskogo siezda v Samare , Samara, 10-12 fevralya 2020 goda = Proceedings 6 (22) All-Russian Archaeological Congress in Samara. (February, 10-12, 2020).* Samara: Samarskii gosudarstvennyi sotsial'no-pedagogicheskii universitet. Vol. 1. P. 139-140. (In Russ.). EDN: AEIJLQ.

Komarova M.N., Sher Ia.A. (1992) The cemeteries of the Ulan-Khada Cove. *Drevnosti Baikala = Antiquities of Baikal.* Irkutsk: Irkutsk State University. P. 32-41. (In Russ.).

Mamonova N.N., Sulerzhitskii L.D. (1986) Age of some Neolithic and Eneolithic burials from Pribaikal'e based on radiocarbon data. *Arkheologicheskie i etnograficheskie issledovaniia Vostochnoi Sibiri (itogi i perspektivy) = Archaeological and ethnographic research in Eastern Siberia (results and prospects).* Irkutsk: Irkutsk State University. P. 15-20. (In Russ.).

Mamonova N.N., Sulerzhitskii L.D. (1989) Attempt to date by ¹⁴C of Holocene burials from Pribaikal'e. *Sovetskaiia arkheologiya = Soviet Archaeology.* No. 1. P. 19-32. (In Russ.).

Mamonova N.N., Sulerzhitskii L.D. (2008) Radiocarbon chronology of Holocene burials from Pribaikal'e and Zabaikal'e based on osteological materials from cemeteries. *Chelovek, adaptatsiia, kul'tura = Human, Adaptation, Culture.* Moscow: Russian Academy of Sciences. P. 127-138. (In Russ.).

Marchenko Zh.V., Grishin A.E., Garkusha Iu.N., Kerbs E.A. (2022) Neolithic burials in the Zelinda River mouth, Northern Angara: Burial practices and radiocarbon chronology. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii = Archaeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia.* Vol. 50. No. 3. P. 16-28. (In Russ.). <https://doi.org/10.17746/1563-0102.2022.50.3.016-028>. EDN: DXYUZC.

Okladnikov A.P. (1950) The Neolithic and Bronze Age of Pribaikal'e. Historical and archaeological research. *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR = Materials and research on the archeology of the USSR.* Moscow-Leningrad: Academy of Sciences of the USSR. Pt. 1 and 2. Vol. 18. 412 p. (In Russ.).

Okladnikov A.P. (1955) The Neolithic and Bronze Age of Pribaikal'e. *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR = Materials and research on the archeology of the USSR.* Moscow-Leningrad: Academy of Sciences of the USSR. Pt. 3. Glazkovo times. No. 43. 376 p. (In Russ.).

Okladnikov A.P. (1974) Neolithic sites of Angara: (from Shchukino to Buret). Novosibirsk: Nauka. 319 p. (In Russ.).

Okladnikov A.P. (1978) The Verkholsk cemetery – A site of ancient culture of the peoples of Siberia. Novosibirsk: Nauka. 288 p. (In Russ.).

Savel'ev N.A., Dudarek S.P., Timoshchenko A.A., Lokhov D.N. (2020) Sosnovyi Mys burial ground in the Northern Angara region: Analysis of the mortuary tradition and the results of radiocarbon dating. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Geoarkheologiya. Etnologiya. Antropologiya = Bulletin of the Irkutsk State University. Geoarchaeology,*

<https://doi.org/10.26516/2227-2380.2020.34.3>. EDN: VNJKJ.

Савельев Н.А., Медведев Г.И. Ранний керамический комплекс многослойного поселения Усть-Белая // Проблемы археологии Урала и Сибири : сб. статей, посвященных памяти В.Н. Чернецова. М. : Наука, 1973. С. 56–64.

Соколова Н.Б., Бердников И.М., Погребальные комплексы Байкало-Енисейской Сибири с неопределенной культурно-хронологической принадлежностью: анализ и корректировка базы данных // Известия Иркутского государственного университета. Сер. Геоархеология. Этнология. Антропология. 2022. Т. 40. С. 12–25. <https://doi.org/10.26516/2227-2380.2022.40.12>. EDN: JBRDKU.

Хлобыстин Л.П. Возраст и соотношение неолитических культур Восточной Сибири // Краткие сообщения Института археологии АН СССР. М. : Наука, 1978. Вып. 153. С. 93–99.

Bazaliiskii V.I. Mesolithic and Neolithic mortuary complexes in the Baikal region // Prehistoric hunter-gatherers of the Baikal region, Siberia: Bioarchaeological studies of past life ways. Philadelphia : University of Pennsylvania Press, 2010. Pp. 51–86. <https://doi.org/10.9783/9781934536391.51>

Boyd R., Richerson P.J. Culture and the evolutionary process. Chicago : University of Chicago Press, 1985. 331 p.

Bronk Ramsey C., Schulting R., Goriunova O.I., Bazaliiskii V.I., Weber A.W. Analyzing radiocarbon reservoir offsets through stable nitrogen isotopes and Bayesian modeling: A case study using paired human and faunal remains from the Cis-Baikal region, Siberia // Radiocarbon. 2014. Vol. 56 (2). Pp. 789–799. <https://doi.org/10.1017/S0033822200049821>.

Bronk Ramsey C., Schulting R.J., Bazaliiskii V.I., Goriunova O.I., Weber A.W. Spatiotemporal patterns of cemetery use among Middle Holocene hunter-gatherers of Cis-Baikal, Eastern Siberia // Archaeological Research in Asia. 2021. Vol. 25 (1). Pp. 100253. <https://doi.org/10.1016/j.ara.2020.100253>.

DeNiro M.J. Postmortem preservation and alteration of in vivo bone collagen isotope ratios in relation to palaeodietary reconstruction // Nature. 1985. 317. P. 806–809. <https://doi.org/10.1038/317806a0>.

Goriunova O.I., Novikov A.G. The Bronze age in Cis-Baikal: A review of research and future prospects // Prehistoric Hunter-Gatherers of the Baikal Region, Siberia: Bioarchaeological Studies of Past Life Ways. Philadelphia: University of Pennsylvania Museum of Archaeology and Anthropology, 2010. 239–256. EDN: SLAMTT

Kuzmin Y.V. Hiatus in prehistoric chronology of the Cis-Baikal region, Siberia: pattern or artifact? // Radiocarbon. 2007. Vol. 49. Nr. 1. Pp. 123–129. <https://doi.org/10.1017/S0033822200041953>.

Nomokonova T., Losey R.J., Goriunova O.I., Weber A.W. A freshwater old carbon offset in Lake Baikal, Siberia and

Ethnology, and Anthropology Series. Vol. 34. P. 3–37. (In Russ.). <https://doi.org/10.26516/2227-2380.2020.34.3>. EDN: VNJKJ.

Savel'ev N.A., Medvedev G.I. (1973) Early ceramic complex of multilayered site Ust-Belaya. *Problemy arkheologii Urala i Sibiri = Problems of Ural and Siberian archaeology*. Moscow: Nauka. P. 56–64. (In Russ.).

Sokolova N.B., Berdnikov I.M. (2022) Burial complexes of Baikal-Yenisei Siberia with an indeterminate cultural and chronological affiliation: analysis and correction of the database. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Geoarkheologiya. Etnologiya. Antropologiya = Bulletin of the Irkutsk State University. Geoarchaeology, Ethnology, and Anthropology Series*. Vol. 40. P. 12–25. (In Russ.). <https://doi.org/10.26516/2227-2380.2022.40.12>. EDN: JBRDKU.

Khlobystin L.P. (1978) Age and relationships between Neolithic cultures of Eastern Siberia. *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii AN SSSR = Brief Reports from the Institute of Archaeology of the USSR Academy of Sciences*. Iss. 153. P. 93–99. Moscow: Nauka. (In Russ.).

Bazaliiskii V.I. Mesolithic and Neolithic mortuary complexes in the Baikal region // Prehistoric hunter-gatherers of the Baikal region, Siberia: Bioarchaeological studies of past life ways. Philadelphia : University of Pennsylvania Press, 2010. Pp. 51–86. <https://doi.org/10.9783/9781934536391.51>

Boyd R., Richerson P.J. Culture and the evolutionary process. Chicago : University of Chicago Press, 1985. 331 p.

Bronk Ramsey C., Schulting R., Goriunova O.I., Bazaliiskii V.I., Weber A.W. Analyzing radiocarbon reservoir offsets through stable nitrogen isotopes and Bayesian modeling: A case study using paired human and faunal remains from the Cis-Baikal region, Siberia // Radiocarbon. 2014. Vol. 56 (2). Pp. 789–799. <https://doi.org/10.1017/S0033822200049821>.

Bronk Ramsey C., Schulting R.J., Bazaliiskii V.I., Goriunova O.I., Weber A.W. Spatiotemporal patterns of cemetery use among Middle Holocene hunter-gatherers of Cis-Baikal, Eastern Siberia // Archaeological Research in Asia. 2021. Vol. 25 (1). Pp. 100253. <https://doi.org/10.1016/j.ara.2020.100253>.

DeNiro M.J. Postmortem preservation and alteration of in vivo bone collagen isotope ratios in relation to palaeodietary reconstruction // Nature. 1985. 317. P. 806–809. <https://doi.org/10.1038/317806a0>.

Goriunova O.I., Novikov A.G. The Bronze age in Cis-Baikal: A review of research and future prospects // Prehistoric Hunter-Gatherers of the Baikal Region, Siberia: Bioarchaeological Studies of Past Life Ways. Philadelphia: University of Pennsylvania Museum of Archaeology and Anthropology, 2010. 239–256. EDN: SLAMTT

Kuzmin Y.V. Hiatus in prehistoric chronology of the Cis-Baikal region, Siberia: pattern or artifact? // Radiocarbon. 2007. Vol. 49. Nr. 1. Pp. 123–129. <https://doi.org/10.1017/S0033822200041953>.

Nomokonova T., Losey R.J., Goriunova O.I., Weber A.W. A freshwater old carbon offset in Lake Baikal, Siberia and

problems with the radiocarbon dating of archaeological sediments: Evidence from the Sagan-Zaba II site // *Quaternary International*. 2013. Vol. 290–291. Pp. 110–125. <https://doi.org/10.1016/j.quaint.2012.06.007>.

Schulting R.J., Bronk Ramsey C., Goriunova O.I., Bazaliiskii V.I., Weber A.W. Freshwater reservoir offsets investigated through paired human–faunal ¹⁴C dating and stable carbon and nitrogen isotope analysis at Lake Baikal, Siberia // *Radiocarbon*. 2014. Vol. 56. Iss. 3. Pp. 991–1008. <https://doi.org/10.2458/56.17963>.

Sugden R. The Economics of rights, co-operation and welfare. Oxford : Basil Blackwell, 1986. vii+191 p.

Weber A.W. The Neolithic and Early Bronze Age of the Lake Baikal region, Siberia: A review of recent research // *Journal of World Prehistory* 1995. Vol. 9. No. 1. Pp. 99–165.

Weber A.W. Middle Holocene hunter-gatherers of Cis-Baikal, Eastern Siberia: combined impacts of the boreal forest, bow-and-arrow, and fishing // *Archaeological Research in Asia*. 2020. Vol. 24. Pp. 100222. <https://doi.org/10.1016/j.ara.2020.100222>. EDN: ZGYQPX.

Weber A.W., Bettinger R.L. Middle Holocene hunter-gatherers of Cis-Baikal, Siberia: An overview for the new century // *Journal of Anthropological Archaeology*. 2010. Vol. 29. Iss. 4. Pp. 491–506. <https://doi.org/10.1016/j.jaa.2010.08.002>

Weber A.W., Beukens R.P., Bazaliiskii V.I., Goriunova O.I., Savel'ev N.A. Radiocarbon dates from Neolithic and Bronze Age hunter-gatherer cemeteries in the Cis-Baikal region of Siberia // *Radiocarbon*. 2006. Vol. 48. Iss. 1. Pp. 127–166. <https://doi.org/10.1017/S0033822200035463>.

Weber A.W., Bronk Ramsey C., Schulting R.J., Bazaliiskii V.I., Goriunova O.I. Middle Holocene hunter-gatherers of Cis-Baikal, Eastern Siberia: Chronology and dietary trends // *Archaeological Research in Asia*. 2021. Vol. 25. Pp. 100234. <https://doi.org/10.1016/j.ara.2020.100234>.

Weber A.W., Goriunova O.I. Hunter-gatherer migrations, mobility and social relations: A case study from the Early Bronze Age Baikal region, Siberia // *Journal of Anthropological Archaeology* 2013. Vol. 32. Iss. 3. Pp. 330–346. <https://doi.org/10.1016/j.jaa.2012.01.006>.

Weber A.W., Link D.W., Katzenberg M.A. Hunter-gatherer culture change and continuity in the Middle Holocene Cis-Baikal, Siberia // *Journal of Anthropological Archaeology*. 2002. Vol. 21. Iss. 2. Pp. 230–299. <https://doi.org/10.1006/jaar.2001.0395>.

Weber A.W., McKenzie H.G., Beukens R. Radiocarbon dating of middle Holocene culture history in Cis-Baikal // *Prehistoric hunter-gatherers of the Baikal region, Siberia: Bioarchaeological studies of past life ways*. Philadelphia : University of Pennsylvania Museum of Archaeology and Anthropology Press, 2010. Pp. 27–49.

Weber A.W., Schulting R.J., Bronk Ramsey C., Bazaliiskii V.I. Biogeochemical data from the Shamanka II Early Neolithic cemetery on southwest Baikal: Chronological and dietary patterns // *Quaternary International*. 2016b. Vol. 405. Part B. Pp. 233–254. <https://doi.org/10.1016/j.quaint.2016.01.031>.

Weber A.W., Schulting R.J., Bronk Ramsey C., Bazaliiskii V.I., Goriunova O.I., Berdnikova N.E. Chronology of

problems with the radiocarbon dating of archaeological sediments: Evidence from the Sagan-Zaba II site // *Quaternary International*. 2013. Vol. 290–291. Pp. 110–125. <https://doi.org/10.1016/j.quaint.2012.06.007>.

Schulting R.J., Bronk Ramsey C., Goriunova O.I., Bazaliiskii V.I., Weber A.W. Freshwater reservoir offsets investigated through paired human–faunal ¹⁴C dating and stable carbon and nitrogen isotope analysis at Lake Baikal, Siberia // *Radiocarbon*. 2014. Vol. 56. Iss. 3. Pp. 991–1008. <https://doi.org/10.2458/56.17963>.

Sugden R. The Economics of rights, co-operation and welfare. Oxford : Basil Blackwell, 1986. vii+191 p.

Weber A.W. The Neolithic and Early Bronze Age of the Lake Baikal region, Siberia: A review of recent research // *Journal of World Prehistory* 1995. Vol. 9. No. 1. Pp. 99–165.

Weber A.W. Middle Holocene hunter-gatherers of Cis-Baikal, Eastern Siberia: combined impacts of the boreal forest, bow-and-arrow, and fishing // *Archaeological Research in Asia*. 2020. Vol. 24. Pp. 100222. <https://doi.org/10.1016/j.ara.2020.100222>. EDN: ZGYQPX.

Weber A.W., Bettinger R.L. Middle Holocene hunter-gatherers of Cis-Baikal, Siberia: An overview for the new century // *Journal of Anthropological Archaeology*. 2010. Vol. 29. Iss. 4. Pp. 491–506. <https://doi.org/10.1016/j.jaa.2010.08.002>

Weber A.W., Beukens R.P., Bazaliiskii V.I., Goriunova O.I., Savel'ev N.A. Radiocarbon dates from Neolithic and Bronze Age hunter-gatherer cemeteries in the Cis-Baikal region of Siberia // *Radiocarbon*. 2006. Vol. 48. Iss. 1. Pp. 127–166. <https://doi.org/10.1017/S0033822200035463>.

Weber A.W., Bronk Ramsey C., Schulting R.J., Bazaliiskii V.I., Goriunova O.I. Middle Holocene hunter-gatherers of Cis-Baikal, Eastern Siberia: Chronology and dietary trends // *Archaeological Research in Asia*. 2021. Vol. 25. Pp. 100234. <https://doi.org/10.1016/j.ara.2020.100234>.

Weber A.W., Goriunova O.I. Hunter-gatherer migrations, mobility and social relations: A case study from the Early Bronze Age Baikal region, Siberia // *Journal of Anthropological Archaeology* 2013. Vol. 32. Iss. 3. Pp. 330–346. <https://doi.org/10.1016/j.jaa.2012.01.006>.

Weber A.W., Link D.W., Katzenberg M.A. Hunter-gatherer culture change and continuity in the Middle Holocene Cis-Baikal, Siberia // *Journal of Anthropological Archaeology*. 2002. Vol. 21. Iss. 2. Pp. 230–299. <https://doi.org/10.1006/jaar.2001.0395>.

Weber A.W., McKenzie H.G., Beukens R. Radiocarbon dating of middle Holocene culture history in Cis-Baikal // *Prehistoric hunter-gatherers of the Baikal region, Siberia: Bioarchaeological studies of past life ways*. Philadelphia : University of Pennsylvania Museum of Archaeology and Anthropology Press, 2010. Pp. 27–49.

Weber A.W., Schulting R.J., Bronk Ramsey C., Bazaliiskii V.I. Biogeochemical data from the Shamanka II Early Neolithic cemetery on southwest Baikal: Chronological and dietary patterns // *Quaternary International*. 2016b. Vol. 405. Part B. Pp. 233–254. <https://doi.org/10.1016/j.quaint.2016.01.031>.

Weber A.W., Schulting R.J., Bronk Ramsey C., Bazaliiskii V.I., Goriunova O.I., Berdnikova N.E. Chronology of

middle Holocene hunter-gatherers in the Cis-Baikal region of Siberia: Corrections based on examination of the freshwater reservoir effect // *Quaternary International*. 2016a. Vol. 419. Pp. 74–98. <https://doi.org/10.1016/j.quaint.2015.12.003>.

Weber A.W., White D., Bazaliiskii V.I., Goriunova O.I., Savel'ev N.A., Katzenberg M.A. Hunter-gatherer foraging ranges, migrations, and travel in the middle Holocene Baikal region of Siberia: Insights from carbon and nitrogen stable isotope signatures // *Journal of Anthropological Archaeology*. 2011. Vol. 30. Iss. 4. Pp. 523–548. <https://doi.org/10.1016/j.jaa.2011.06.006>.

Информация об авторах

Вебер Анджей Витольд,

PhD, профессор отделения антропологии,
Университет Альберты; Канада, AB T6G 2H4,
Альберта, Эдмонтон, 13-15 HM Tory Building;
Лаборатория археологии бассейна Средиземного моря
(LAMPEA) – UMR 7269,
Университет Экс-Марсель,
ул. Château de l'Horloge, 5, п.я. 647, Cedex 2 г. Экс-ан-
Прованс, 13094, Франция;
заведующий Лабораторией геоархеологии Байкальской
Сибири, НИЦ «Байкальский регион»,
Иркутский государственный университет,
664003, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1, Россия,
e-mail: aweber@ualberta.ca,
<https://orcid.org/0000-0003-3992-2160>

Базалийский Владимир Иванович,

инженер-исследователь, НИЦ «Байкальский регион»,
Иркутский государственный университет,
664003, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1, Россия,
e-mail: bazalirk@yandex.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-6940-7592>

Вклад авторов

Вебер А.В. выполнил основную исследовательскую работу, сделал рисунки и подготовил рукопись к печати.

Базалийский В.И. выполнил дополнительную исследовательскую работу.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 11 августа 2023 г.; одобрена после рецензирования 5 сентября 2023 г.; принята к публикации 11 сентября 2023 г.

middle Holocene hunter-gatherers in the Cis-Baikal region of Siberia: Corrections based on examination of the freshwater reservoir effect // *Quaternary International*. 2016a. Vol. 419. Pp. 74–98. <https://doi.org/10.1016/j.quaint.2015.12.003>.

Weber A.W., White D., Bazaliiskii V.I., Goriunova O.I., Savel'ev N.A., Katzenberg M.A. Hunter-gatherer foraging ranges, migrations, and travel in the middle Holocene Baikal region of Siberia: Insights from carbon and nitrogen stable isotope signatures // *Journal of Anthropological Archaeology*. 2011. Vol. 30. Iss. 4. Pp. 523–548. <https://doi.org/10.1016/j.jaa.2011.06.006>.

Information about the authors

Andrzej W. Weber,

Ph. D., Professor, Department of Anthropology,
University of Alberta; 13-15 HM Tory Building,
Edmonton, AB T6G 2H4, Canada;
Laboratoire Méditerranéen de Préhistoire Europe Afrique
(LAMPEA) – UMR 7269,
Aix-Marseille Université,
5 rue du Château de l'Horloge - B.P. 647, Aix-en-Provence,
Cedex 2 13094, France;
Head of the Laboratory of Geoarchaeology of Baikal Siberia,
Scientific Research Center "Baikal Region",
Irkutsk State University,
1, K. Marx St., Irkutsk 664003, Russia,
e-mail: aweber@ualberta.ca,
<https://orcid.org/0000-0003-3992-2160>

Vladimir I. Bazaliiskii

Research Engineer, Scientific Research Center "Baikal
Region",
Irkutsk State University,
1, K. Marx St., Irkutsk 664003, Russia,
e-mail: bazalirk@yandex.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-6940-7592>

Contribution of the authors

Weber A. W. carried out the main research, made figures, and prepared the manuscript for publication.

Bazaliiskii V. I. carried out additional research for this paper.

Conflict of interests

The authors declare no conflict of interests.

The authors have read and approved the final manuscript.

Article info

The article was submitted August 11, 2023; approved after reviewing September 5, 2023; accepted for publication September 11, 2023.

Научная статья

УДК 902.2

EDN: DTJWSZ

DOI: 10.21285/2415-8739-2023-3-32-47

Новые материалы мохэской культуры на Восточном побережье Приморья

А.А. Крупянко¹, Я.Е. Анзулис², Е.А. Сергушева², С.Д. Прокопец², Д.А. Вишневский³

¹ ООО «Научно-производственный центр историко-культурной экспертизы», г. Владивосток, Россия

² Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, г. Владивосток, Россия

³ Муниципальное бюджетное образовательное учреждение средняя образовательная школа № 1, пгт. Кавалерово, Россия

Аннотация. В статье представлен анализ материалов нового объекта мохэской археологической культуры «Ольга. 87 км», расположенного на восточном побережье Приморского края. Данный регион археологически изучен слабо и пополнение источниковой базы для реконструкции древней истории территории является актуальной задачей. В результате скрупулезного подхода к анализу небольшой коллекции артефактов выявлены основные характеристики керамического комплекса, идентифицированы отпечатки семян растений на поверхности сосудов, определен тип панцирных железных пластин и способ производства древнего текстиля, сохранившегося на нескольких фрагментах панциря. Благодаря этому не только установлены хронология, культурная принадлежность памятника, но и высказано предположение о том, что данный объект культурного наследия является могильником. Культурную принадлежность памятника определяет керамика, имеющая аналогии в жилых и погребальных комплексах восточного и северо-восточного Приморья, относящихся к мохэской археологической культуре. Не противоречит этому просо обыкновенное, отпечатки семян которого зафиксированы на стенках сосудов, поскольку именно этот злак играл значимую роль в хозяйстве некоторых групп мохэского населения. На хронологию памятника указывают как характерные особенности сосудов, свойственные керамике памятников VII–VIII вв. н. э., так и тип панцирных пластин, получивший распространение не ранее VII в. н. э. Ограниченный набор находок, специфичный для погребений (керамика и панцирные пластины) и небольшой объем сосудов – черта, характерная именно для керамики погребальных комплексов, позволяет достаточно убедительно охарактеризовать новый памятник как могильник. Таким образом, археологический памятник «Ольга. 87 км» – это могильник мохэской культуры, функционировавший в начале бохайского времени (VII–VIII в. н. э.).

Ключевые слова: Мохэская культура, восточное Приморье, раннее средневековье, керамика, панцирные пластины, просо обыкновенное, текстиль, особенности дислокации, типологическая принадлежность, перспективы исследования

Благодарности: исследование керамической коллекции проведено Я.Е. Анзулис в рамках и при финансовой поддержке Гранта РНФ 20-18-00081 «Археология дальнего Востока».

Для цитирования: Крупянко А.А., Анзулис Я.Е., Сергушева Е.А., Прокопец С.Д., Вишневский Д.А. Новые материалы мохэской культуры на Восточном побережье Приморья // Известия Лаборатории древних технологий. 2023. Т. 19. № 3. С. 32–47. <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2023-3-32-47>. EDN: DTJWSZ.

Archaeology

Original article

The new materials of the Mohe culture on the Eastern coast of Primorye

Alexander A. Krupyanko¹, Yana E. Anzulis², Elena A. Sergusheva², Stanislav D. Prokopets², Dmitry A. Vishnevsky³

¹ Scientific and Production Center for Historical and Cultural Expertise, Vladivostok, Russia

² Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences, Vladivostok, Russia

³ Municipal Budget Education Institution School No. 1, Kavaleroovo, Russia

Abstract. This article presents an analysis of the data of "Olga. 87 km", the new site of the Mohe archeological culture, located on the eastern coast of Primorsky Krai. This region is archaeologically underexplored and the addition of the source base for the reconstruction of its ancient history is a crucial task. As a result of a scrupulous approach to the analysis of a small collection of artifacts, the main characteristics of the ceramic complex were revealed, plant seed imprints on the surface of vessels were identified, the type of iron armor plates and the method of production of ancient textiles preserved on several fragments of the armor were determined. As a result, not only the site's chronology and cultural background was determined, but it has also been suggested that this object of cultural heritage is a cemetery. The site's cultural background is determined by ceramics, which have analogies in the residential and burial complexes of the Mohe archaeological culture located in the eastern and northeastern Primorye. Broomcorn millet seeds imprints found on the vessel walls does not contradict this either, since this grain played a significant role in the economy of some groups of the Mohe population. The site's chronology is indicated both by the defining characteristics of vessels peculiar to the ceramics of sites of the VII-VIII centuries AD, and the type of armor plates that became widespread no earlier than the VII century. A limited set of finds specific to burials (ceramics and armor plates) and a small volume of vessels, which is a defining characteristic of the funerary complexes' ceramics, allow us to quite convincingly characterize the new site as a cemetery. Thus, "Olga.87 km" archaeological site is a new cemetery of the Mohe culture, which functioned at the beginning of the Bohai period (VII-VIII centuries AD).

Keywords: Mohe culture, Eastern Primorye, early Middle Ages, ceramics, armor plates, common millet, textiles, dislocation features of the site, typological affiliation, research prospects

Acknowledgements: the study of the ceramic collection was conducted by Y.E. Anzulis within the framework of and with the financial support of Grant RNF 20-18-00081 "Archaeology of the Far East".

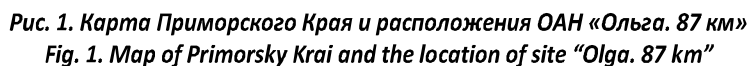
For citation: Krupyanko A.A., Anzulis Ya.E., Sergusheva E.A., Prokopets S.D., Vishnevsky D.A. (2023) The new materials of the Mohe culture on the Eastern coast of Primorye. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 19. No. 3. P. 32-47. (In Russ.). <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2023-3-32-47>. EDN: DTJWSZ.

На карте ландшафтов Приморского края, между Японским морем и долинами рек Уссури и нижнего Амура, отчетливо выделяется горная страна Сихотэ-Алинь. Её восточная экспозиция, от водораздела до морского побережья, административно попадающая в границы края, – это и есть территория Восточного Приморья. Благодаря работам Ж.В. Андреевой, Г.И. Андреева, А.В. Гарковик, В.И. Дьякова здесь исследованы археологические памятники, ставшие опорными для ряда археологических культур в Приморье: поселение Синие Скалы (маргаритовская и ольгинская культуры), Лидовка-I (лидовская культура). Мохэская культура также представлена на восточном побережье Приморского края, но раскапывались лишь некоторые объекты. Наиболее изученным является могильник Монастырка-3, где археологически вскрыта площадь 2180 м², на которой зафиксированы 88 погребений (Дьякова, 1998); мохэское жилище раскопано в бухте Петрова (Слепцов, Пискарева, Гридасова, 2013) и в приустьевой части реки Зеркальной (Сёмин, 1986). Отдельные мохэские материалы обнаружены на острове Петрова (Слепцов, Ключев, 2016) и в бухте Киевка (поселение Заповедное-3) (Вострецов, Пискарева, Раков, 2003). В связи с этим пополнение источниковой базы мохэской культуры представляется нам весьма актуальным.

Нами исследовались материалы ОАН «Ольга. 87 км», обнаруженного в процессе добычи пойменного песка на территории бывшего дачного поселения. Поднятые разработчиками карьера артефакты были переданы в музей поселка. Об этом местный краевед Д.А. Вишневский сообщил А.А. Крупянко, который, изучив коллекцию артефактов, ранее попавших в музей, в 2018 году исследовал объект непосредственно, собрал коллекцию артефактов, зафиксировал их стратиграфическую привязку, определил границы распространения археологического материала (Крупянко, 2020)¹.

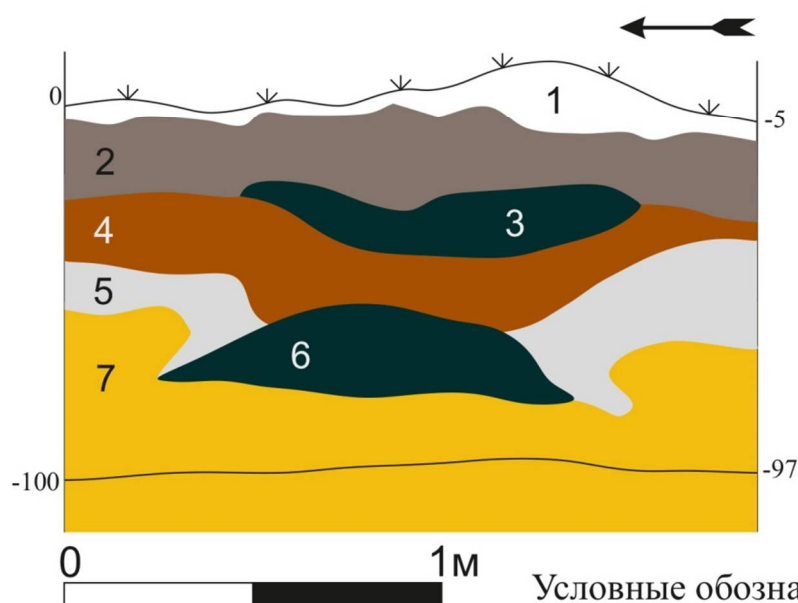
Памятник расположен на песчаных дюнах высокой поймы левого берега приустьевой части р. Аввакумовка, на горизонтально уплощенной поверхности без склоновых изменений по рельефу, в 3,3–3,5 км на северо-запад от районного центра пос. Ольга. Для удобства фиксации его дислокации была привязана к пикету 87 км федеральной трассы Кавалерово – Находка (рис. 1). Высота над пойменной низиной составляет около 2 м. На дневной поверхности западин древних сооружений выявлено не было. В зачистках стенок карьерной выем-

¹ Крупянко А.А. Отчет об археологической разведке в Ольгинском районе, Дальнегорском городском округе, городском округе Большой Камень Приморского края в 2018–2019 гг. // Архив ИА РАЕ. Ф-1. Р-1. № 66085. 118 л.

Археологический материал представлен керамическими сосудами и их фрагментами, железными панцирными пластинами. Несмотря на то, что они получены не из раскопок, а собраны с поверхности частично разрушенного памятника, при зачистках стенок карьерных выемок эти материалы достаточно представительны и информативны.

Сосуды небольших размеров: высота от 10,6 до 20,5 см, объем от 0,445 до 1,3 л, отличаются тонкостенностью – толщина стенок 0,4–0,5 см, в верхней части фиксируется пищевой нагар. Цвет от светло- до темно-коричневого как на поверхности,

Условные обозначения:

- 1 – Дерново-гумусный горизонт – мощность от 3 до 12 см
- 2 – Слой гумусированной темной серо-коричневой супеси – 12–29 см
- 3 – Линза черной сильно гумусированной супеси – 0–13 см
- 4 – Слой оранжево-желтого крупного промытого песка – 5–20 см
- 5 – Слой светлой пепельно-серой легкой супеси – 0–25 см
- 6 – Линза черной сильно гумусированной супеси – 0–23 см
- 7 – Красно-желтый русловой песок (русловой аллювий р. Аввакумовка – более 50 см

Рис. 2. ОАН «Ольга. 87 км». Разрез зачистки стенки карьера
 Fig. 2. Site "Olga. 87 km". Section of a quarry wall

Рис. 3. ОАН «Ольга. 87 км». Керамические сосуды 1 и 3 типов: 1, 2 – сосуд, тип 1; 3, 4 – сосуд, тип 1; 5, 6 – сосуд, тип 1; 7, 8 – сосуд, тип 3

Fig. 3. Site "Olga. 87 km" Ceramic vessels of types: 1 and 3; 1, 2 - vessel, type 1; 3, 4 - vessel, type 1; 5, 6 - vessel, type 1; 7, 8 - vessel, type 3

так и в изломе. Тесто плотное, в нем присутствует остроугольный и слабокатаный песок, преимущественно мелко и среднезернистый. Все емкости формировались кольцевым налепом. Судя по наличию выдавленного валика на тулове, некоторых из них (рис. 5.6, 11) могли формироваться на вращающемся устройстве. Венчик оформлялся округлым в сечении валиком. Донышки плоские, соединение дна и стенки ровное, без закраины. На внешней поверхности есть следы вертикального заглаживания или не очень качественного лощения. У некоторых емкостей стенки покрыты сеткой мелких трещин (рис. 3.8), возможно вследствие нанесения слоя жидкой глины на недостаточно подсушенное изделие.

Выделены пять типов сосудов, из них только первый представлен несколькими изделиями, остальные – единичными экземплярами.

Тип 1. Горшковидные плавнопрофилированные сосуды с высокой широкой горловиной, наибольшее расширение сосуда приходится примерно на середину емкости. К этому типу относятся пять из семи археологически целых изделий (рис. 4.1–6; рис. 5.1–4). Среди них выделяется миниатюрный сосуд высотой 10,6 см (рис. 3.3, 4).

Тип 2. Этот тип по ряду параметров близок первому: вытянутый слабопрофилированный сосуд, наибольшее расширение тулова приходится примерно на середину емкости (рис. 5.1, 2). Но у него не обозначена горловина, есть только незна-

Рис. 4. ОАН «Ольга. 87 км». Керамические сосуды 1 типа: 1, 2 – сосуд, тип 1; 3, 4 – сосуд, тип 1
Fig. 4. Site "Olga. 87 km". Type 1 ceramic vessels: 1, 2 - vessel, type 1; 3, 4 - vessel, type 1

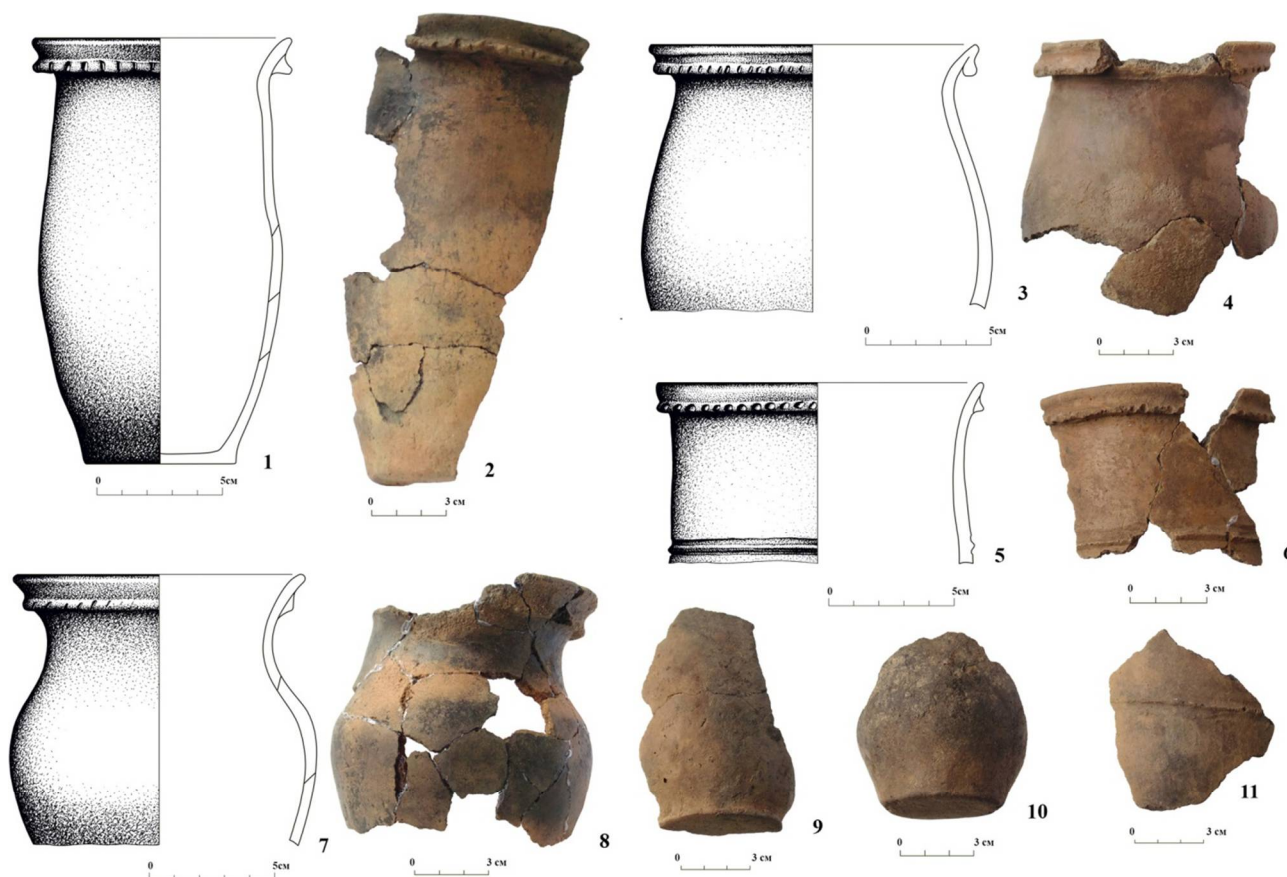

Рис. 5. ОАН «Ольга. 87 км». Керамические сосуды 2, 4 и 5 типов и фрагменты сосудов: 1, 2 – сосуд, тип 2; 3, 4 – сосуд, тип 5; 5, 6 – сосуд, тип 2; 7, 8 – сосуд, тип 4; 9, 10 – придонные части; 11 – стенка сосуда с валиком
Fig. 5. Site "Olga. 87 km" Ceramic vessels of types 2, 4 and 5 and fragments of vessels: 1, 2 - vessel, type 2; 3, 4 - vessel, type 5; 5, 6 - vessel, type 2; 7, 8 - vessel, type 4; 9, 10 - bottom parts; 11 - vessel wall with a roller

чительное сужение под венчиком. По этому признаку его можно отнести к банковидным емкостям. Возможно, к этому же типу относится верхняя часть сосуда с наlepным валиком на тулове (рис. 5.5, 6).

Тип 3. Слабопрофилированный сосуд с широкой, слабо выделенной горловиной (рис. 3.7, 8). Изделие более приземистое по сравнению с типом 1.

Тип 4. К типу 4 отнесен сосуд, от которого сохранилась верхняя половина. Судя по ней, это емкость с хорошо выделенной высокой узкой горловиной, выпуклыми плечиками (рис. 5.7, 8).

Тип 5. Этот сосуд также выделен в отдельный тип, несмотря на то, что от него сохранилась лишь верхняя половина. Это емкость с широким туловом и низкой широкой горловиной (рис. 5.3, 4).

Зоны орнаментации изделий включают венечную часть, где крепился валик, основание горловины и тулово. Орнамент на валике встречается у 80 % сосудов – это неглубокие, аккуратные овальные или круглые отпечатки, иногда наклонные. Орнамент на основании горловины есть только у одного сосуда –

оттиски, сделанные четырехзубым инструментом. После нанесения орнамента поверхность заглаживалась, из-за чего часть оттисков затерта (рис. 4.2). На средней части тулова присутствует только один вид орнамента – гладкий валик, зафиксированный на пяти сосудах. Судя по наличию двух канавок сверху и под валиком, его небольшой высоте, он был выдавлен из стенки сосуда (рис. 5.6, 11).

Аналогии эта керамика находит на мохэских памятниках восточного побережья Приморья (Андреева, Пискарева, 2018; Сёмин, Коломиец, 1990; Слепцов, Пискарева, Гридасова, 2013).

Отпечатки семян растений

Коллекция керамических изделий дополнительно исследовалась на наличие отпечатков семян растений. Они были зафиксированы лишь на пяти керамических образцах. Три из них представлены целыми сосудами, два – фрагменты дна и придонной части. С обнаруженных отпечатков изготавливались пластилиновые слепки, которые изучались с

использованием стереоскопического микроскопа Stemi 2000-C при рабочем увеличении до 30х. Полученные слепки замерялись.

Образец № 1 – горшковидный сосуд с гладким валиком под венчиком (рис. 3.1, 2). Два отпечатка, напоминающие семена, обнаружены на его внешней поверхности. Один из них расположен на придонной части сосуда, второй – на его дне. Первый представлен неполным отпечатком. Его изначальная форма восстанавливается, предположительно как удлиненно-овальная. Поверхность отпечатка гладкая, а его профиль – полусферический. Длина отпечатка менее 2 мм. По форме и размеру он напоминает зерновку дикорастущего проса из трибы просовых (cf. *Panicaceae*). Второй отпечаток, по-видимому, оставлен каким-то мелким округлым семенем. Имеющиеся у отпечатка морфологические признаки недостаточны для видового определения.

Образец № 2 – горшковидный сосуд с орнаментированным валиком под венчиком (рис. 4.3, 4). На внешней поверхности его дна, ближе к краю зафиксирован полный отпечаток семени. Он почти округлой формы, с полусферическим сечением, поверхность гладкая. Длина – 2,4 мм, ширина – около 2,0 мм. Форма и размеры отпечатка напоминают зерновку проса обыкновенного (cf. *Panicum miliaceum*).

Образец № 3 – банковидный сосуд (рис. 5.1, 2). На внешней поверхности его дна, на его противоположных сторонах ближе к краю обнаружены два отпечатка. Первый представлен полностью отпечатавшимся семенем округлой в плане формы, с овальным сечением, слегка уплощенным с одного края. Длина отпечатка – около 2,0 мм, ширина немногим меньше. Внешний вид отпечатка, в первую очередь его уплощенное сечение, позволяет утверждать, что он оставлен не просовым растением. Его идентификация не представляется возможной. Второй отпечаток также полный. Он – симметричной, каплевидной в плане формы. Поверхность отпечатка гладкая, а профиль полусферический. Его размеры: длина – 2,2 мм, ширина – около 1,9 мм. Форма и размеры отпечатка соответствуют зерновке проса обыкновенного в цветковых чешуях.

Образец № 4 представлен частично фрагментированным дном сосуда, на внешней поверхности которого выявлено несколько отпечатков, один из них оставлен семенем. Отпечаток смещен от центра

дна к его краевой части. Семя отпечталось полностью. Отпечаток глубокий, круглый в плане и полусферический в профиле. Поверхность гладкая, с одного края на нем угадывается небольшая округлая выпуклость, сформированная выемкой, присутствовавшей на семени. Эта выемка характерна для верхушечной части зародышевой впадины зерновки проса. Размеры отпечатка: длина – 1,7 мм, ширина – 1,5 мм. Описанный отпечаток похож на зерновку проса обыкновенного (cf. *P. miliaceum*) без цветковых чешуй.

Образец № 5 – фрагмент придонной части сосуда. Отпечаток зафиксирован на его внешней поверхности, рядом с обломанным краем. При разрушении сосуда отпечаток был фрагментирован. Сохранившаяся часть по форме напоминает основание зерновки культурного проса, возможно, в чешуях. Ее вид не установлен.

Таким образом, в исследованной керамической коллекции было выявлено семь отпечатков семян. Из них с большей или меньшей степенью уверенности к отпечаткам культурного проса были отнесены четыре, еще один отпечаток, возможно, оставлен зерновкой какого-то дикорастущего проса. Два отпечатка не идентифицированы. Отпечатки семян на керамических изделиях являются специфическим источником для реконструкции использования растений человеком, особенно для палеоэкономических реконструкций (Лебедева, 2016. С. 122). Ограничения на использование этого вида источника обусловлены в первую очередь низкими идентификационными возможностями для видовых определений оставших их семян. В большинстве случаев осуществить видовое определение подобных отпечатков не удастся из-за отсутствия морфологически значимых признаков, многие из которых не пропечатываются на керамическом тесте. Кроме этого, подобные отпечатки являются малочисленными, т. к. их происхождение, как правило, обусловлено элементом случайности². Все это не поз-

² Исключением являются случаи преднамеренного добавления в керамическое тесто семян и других частей растений для изменения его технических характеристик или по другим причинам. В этом случае изучение таких добавок позволяет реконструировать многие аспекты хозяйства древних коллективов, причем не только связанные с использованием растений (напр. Dzhanfezova, 2021). Но подобные практики существовали не везде. Они абсолют-

воляет на основе их анализа осуществлять надежные выводы. По этим причинам самостоятельное использование такого источника возможно только в случае отсутствия других видов археоботанических данных для исследуемых памятников (Лебедева, 2016. С. 122). При этом выводы, сделанные исключительно на основе анализа таких отпечатков, по определению будут редуцированными, требующими верификации другими данными.

Перечисленные ограничения достаточно показательно демонстрирует материал памятника «Ольга. 87 км». Коллекция керамических изделий и их фрагментов, полученная на памятнике, небольшая и число обнаруженных на этой керамике отпечатков семян минимально – семь экземпляров. С большей или меньшей степенью уверенности удалось идентифицировать лишь пять из них. При этом ни один из них до вида надежно не определен. Предположительно эти пять отпечатков оставлены зерновками просовых растений – четыре, возможно, семенами культурного обыкновенного проса, одно – дикорастущим. Еще два отпечатка семян не удалось идентифицировать совсем.

Несмотря на малочисленность материала, его анализ позволяет высказать некоторые предположения. Все зафиксированные отпечатки расположены на внешней поверхности керамических емкостей и локализуются исключительно на их придонных или донных участках. На изломах и с внутренней стороны сосудов они не встречены. Обнаруженные отпечатки не образуют скоплений, а представлены единичными экземплярами. Все это достаточно убедительно демонстрирует случайный характер их возникновения.

Из пяти отпечатков просовых семян, обнаруженных на четырех доньях сосудов, четыре оставлены, по-видимому, зерновками культурного проса, три из которых похожи на просо обыкновенное (cf. *Panicum miliaceum*), а один — семенем дикорастущего проса. Два других отпечатка оставлены семенами неидентифицированных растений. Можно предполагать, что там, где изготавливались данные сосуды, в дисперсном виде находилось некоторое количество семян культурного проса и семена иных (сорных?) растений. Очевидно, что они оказались

там случайно, возможно, поблизости осуществлялись какие-то манипуляции с зерном, например, обмолот, отсев или отвеивание.

Присутствие среди образцов отпечатков, идентифицируемых, как, возможно, оставленных зерновками проса обыкновенного, не противоречат имеющимся археоботаническим данным, полученным с других памятников мохэской культуры Приморья. Находки семян этого вида культурного проса известны на трех памятниках из четырех, при исследовании которых применялась водная флотация (Сергушева, 2018а. С. 279). Согласно этим же данным, просо обыкновенное играло значимую роль в хозяйстве некоторых групп мохэского населения. Например, среди более 6000 семян растений, собранных на городище Синельниково-1 в отложениях разных археологических объектов, соотносимых с мохэской археологической культурой, на долю семян проса обыкновенного приходится 16–39 % от всех остатков культурных растений (Сергушева, 2018b. С. 92).

Железные панцирные пластины

Всего обнаружено 35 фрагментов железных панцирных пластин. Из них только две пластины полностью сохранили свою форму: прямоугольную со срезанными нижними краями, тогда как остальные представлены обломками разной величины.

К пластинам сильно «прикипел» песок, они хрупкие (рис. 6), но, несмотря на это, имеют удовлетворительную степень сохранности, позволяющую графически реконструировать их облик. Хорошо угадывается прямоугольная форма со срезанными нижними краями. Многие отверстия для связки панциря затянута коррозия, но благодаря оставшимся видимым отверстиям удалось реконструировать систему связки.

Интересно, что на некоторых пластинках прослежена вмятина от удара какого-то продолговатого предмета. Удалось проследить эту вмятину на шести фрагментах панцирных пластин, которые некогда были связаны в один целый ряд панциря (рис. 6а). Удар по этому ряду пришелся наискось, о чем говорит расположение вмятины. Трудно сказать, был ли нанесен этот удар в бою, но очевидно, что пластины были деформированы в древности, так как в современном состоянии они довольно хрупкие из-за коррозии и при таком ударе просто бы сломались.

но не характерны для дальневосточных культур, в том числе и средневековых.

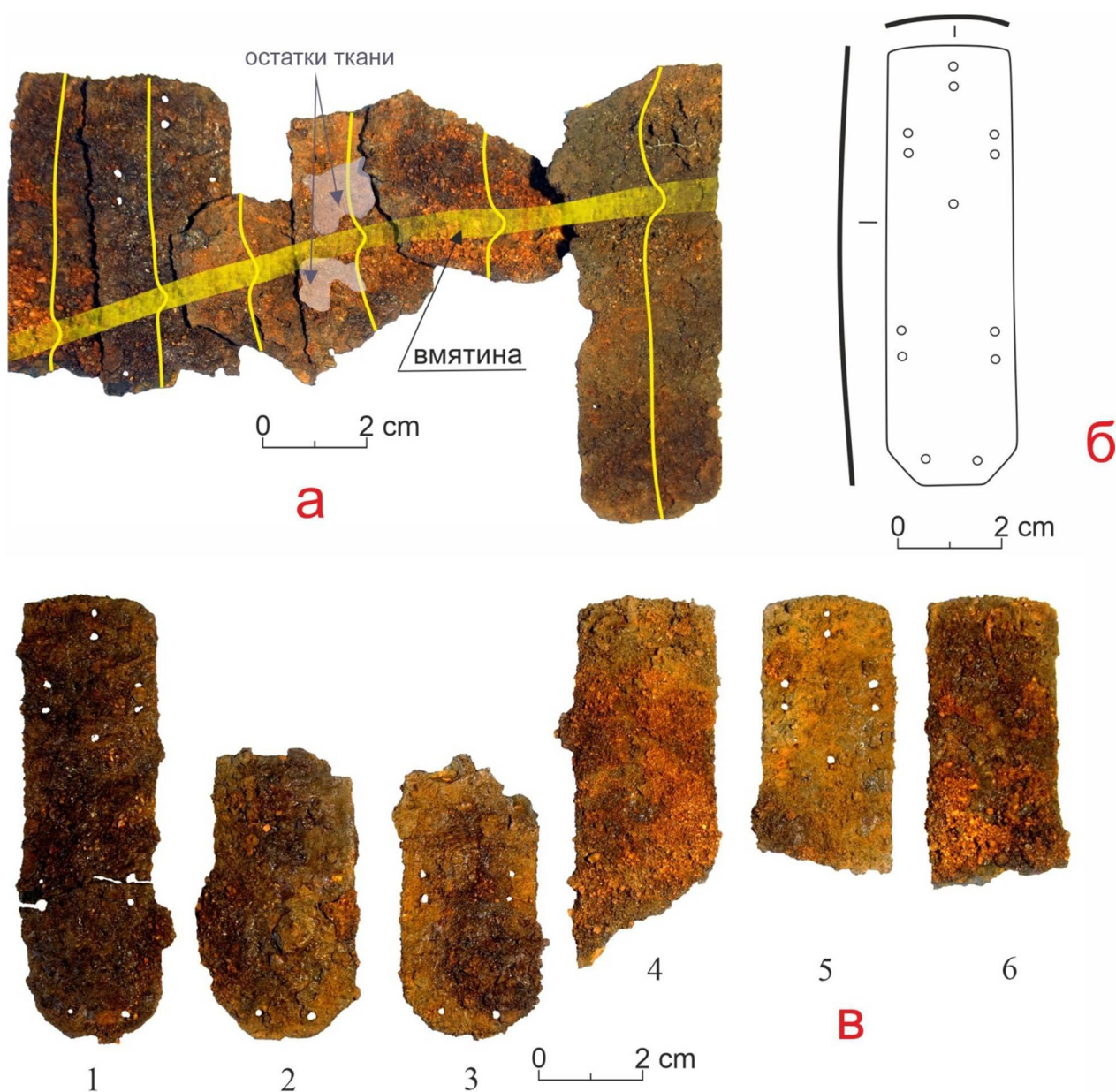

Рис. 6. ОАН «Ольга. 87 км». Панцирные пластины
 Fig. 6. Site "Olga. 87 km". Armor plates

Реконструированная пластина (рис. 6б) имеет следующие размеры: высота – 9 см, ширина – 2,7 см, толщина – 0,1 см. Для связки в панцирь у пластины имеется 13 отверстий, их средний фиксируемый диаметр – 0,18 см. Расстояние между отверстиями в парах составляет в среднем – 0,7 см. Отверстия можно разделить на три группы. Первая состоит из четырех горизонтальных пар (по две с каждого края пластины), которые служили для связки пластин в ряды. Вторая группа из трех отверстий, расположенных по центральной линии (одна вертикальная пара в верхней части и одно отверстие ближе к центру пластины), служила для связки рядов

панциря между собой. Третья группа состояла из двух отверстий по нижнему краю и служила для подвязки кожного канта к пластине.

Ключевым признаком является расположение в центральной части пластины второй группы отверстий. Пластины с таким набором отверстий имеют довольно широкое временное и пространственное распространение. Особенно в средневековое время они были распространены по территории всей Евразии. Возможно, что именно такое расположение отверстий впервые появляется у сяньбийцев. Так, например, в гробнице № 88М1 могильника Шиэртаи (КНР, провинция Ляонин), который датируется 337–

370 гг. н. э., панцирные пластины с таким набором отверстий были обнаружены как в составе кирасы, так и в ламеллярной броне боевого коня (Горбунов, 2015. С. 5. Рис. 2, 4).

Пластинки, имеющие такую же форму и набор отверстий, как и «ольгинские», известны у когуресцев. Они найдены на горном городище Унъю (КНР провинция Хэйлунцзян) (Bokcheon Museum, 2010. Р. 324), в кургане Чхонху в Цзиане (КНР, провинция Цзилинь) (Bokcheon Museum, 2010. Р. 323). Датировки обоих памятников указывают на использование таких пластин не ранее V–VI вв. н. э. В Приморском крае такие пластины были обнаружены на Чернятинском могильнике, расположенном в Октябрьском районе Приморского края (Чжун Сук-Бэ, 2018. Рис. 4). Такие же пластинки найдены на городище Синельниково-1 (Клюев и др., 2018. Рис. 3, 4–5; рис. 8, 5–6), которое располагается недалеко от Чернятинского могильника. Оба памятника существовали синхронно друг с другом, и возможно, являются одним историко-культурным комплексом мохэ-бохайского времени. Опираясь на радиоуглеродное датирование, можно предположить, что заселение городища Синельниково-1 началось не ранее VII в. н. э. (Клюев и др., 2018. С. 352). Этим же временем можно датировать использования доспехов с пластинами, которые были найдены в жилище, а не среди погребального инвентаря могильника. Подобная панцирная пластина была найдена еще на одном мохэском городище – Андреанов ключ (Партизанский район) (Артемьева, 2012. Рис. 43). Эта пластина имеет меньшие размеры, чем «ольгинская». По высоте она короче, практически в два раза, и уже примерно на 0,5 см. Расположение отверстий, а также форма пластины с подрезанными нижними краями полностью совпадают. Возможно, из таких пластин состояла бармица шлема.

Известны находки подобных пластин на Горбаткинском городище (Михайловский район) (Бохайские древности..., 2013. С. 220). У пластин отсутствует центральное отверстие, без которого невозможно подвязка следующего ниже ряда в панцире. Такая система отверстий была у пластин нижнего ряда панциря, где подвязка следующего ряда не требовалась. Панцирные пластины были найдены в 1 и 4 строительных горизонтах, которые относятся к бохайскому времени.

Аналогичные находки известны на мохэских могильниках бассейна реки Амур. В ходе раскопок Троицкого (Деревянко, 1977. Табл. III, 1–4; табл. XV, 5,15; табл. XVII, 13,14; табл. XXX, 1,2; табл. XXXVIII, 6; табл. XLIII, 6; табл. XLVIII, 20–21) и Найфельдского (Деревянко и др., 1999. Рис. 20) могильников было найдено несколько экземпляров таких пластин.

Остатки текстиля

Древний текстиль очень плохо сохраняется в археологических отложениях, поэтому его находки являются чрезвычайно редкими (Andersson, 2012). Для памятников мохэской культуры на территории Приморья подобные артефакты ранее в литературе не описывались, хотя и упоминаются в материалах могильника Монастырка-3 (Дьякова, 1998). По этой причине и для формирования базы данных таких находок приводим их подробное описание.

Остатки древнего текстиля зафиксированы на трех панцирных пластинах. Они представлены пятью фрагментами ткани, сохранившимися благодаря окислам железа (рис. 7.1, 2). В процессе археологизации окислы металла пропитали ткань, соприкасавшуюся с пластинами, частично заместив органический материал и предотвратив таким образом полное разложение текстиля. Обнаруженные фрагменты ткани имеют небольшие размеры – 0,5×0,3; 0,8×0,6; 0,74×0,95; 1,25×0,9 и 2,25×1,5 см. Они однотипные, вне сомнения, принадлежат одной ткани. На поверхности фрагментов окислы сформировали плотную корку, из-за которой не визуализируется скульптура нитей. Это не позволило установить такие параметры текстиля, как количество пучков волокон, из которых скручена нить, насколько плотно и в каком направлении осуществлялась скрутка. Из-за плотной корки железных окислов установить видовую принадлежность описываемых образцов без их разрушения не представляется возможной. Мы предполагаем, что нити были изготовлены из растительного волокна. Идентификация таких волокон является технически сложной задачей (напр., Gleba, Harris, 2019), решить которую мы пока не можем.

На сохранившихся фрагментах хорошо различимы нити основы и нити утка, последовательно перекрывающие друг друга, то есть ткань была соткана самым простым, полотняным переплетением (тафта). Толщина нитей основы немногим меньше (около 0,5 мм), чем у нитей утка (0,5 мм и более), хотя на

Рис. 7. ОАН «Ольга. 87 км». Панцирные пластины с остатками ткани
Fig. 7. Site «Olga. 87 km». Carapace plates with remnants of fabric

некоторых участках толщина обеих нитей одинакова (рис. 7.1, 2). При этом нити основы расположены реже, чем нити утка. На 1 см ткани приходится 14–15 нитей основы и 18 нитей утка. В целом ткань выглядит достаточно плотной, без смещений, пропусков и перекосов. Эти признаки дают основания утверждать, что ткань была изготовлена из хорошо скрученных нитей, с использованием станка.

На двух пластинах расположение долевых нитей (нити основы) ткани совпадают с направлением длинной оси пластин. На третьей пластинке долевые нити фрагмента расположены с небольшим смещением относительно длинной оси пластины (рис. 7.2). Очевидно, ткань, фрагменты которой сохранились на пластинах, оказалась на них в результате действий, не связанных с прямым назначением этих изделий.

Обсуждение результатов исследования

Культурную принадлежность памятника «Ольга. 87 км», прежде всего, определяет керамика. Сосуды, обнаруженные в ходе разведочных работ в бухте Ольга, несомненно, относятся к мохэской археологической культуре, однако обладают своими специфическими признаками. Даже с учетом обстоятельств такой выборки, обращают на себя внимание следующие особенности:

Во-первых, небольшие размеры всех сосудов. Маленький объем (менее 1,5 л) как правило, характерен для сосудов из средневековых погребений. На поселениях встречается широкий размерный ряд емкостей в соответствии с хозяйственными задачами жителей, а в погребения помещали сосуды с меньшим объемом (Пискарева, 2021).

Во-вторых, наличие в коллекции сосудов с орнаментированным валиком под венчиком и гладким валиком на тулове (1 верхняя часть сосуда, и фрагменты еще от 3–4 емкостей). Подобное сочетание крайне редко встречается на мохэской керамике южного Приморья: единичные сосуды известны в материалах памятников южного побережья. На восточном побережье Приморья такие сосуды присутствуют в материалах поселения Синие Скалы (Андреева, Пискарева, 2018), могильника Монастырка-3 (Сёмин, Коломиец, 1990; Дьякова, 1998), поселения Кордон Дровяник (Слепцов, Пискарева, Гридасова, 2013), городища Красное озеро (Саяпина, 2022). Таким образом, этот «тандем» – орнаментированный или гладкий валик под венчиком и гладкий валик на тулове, может быть локальным признаком мохэской керамики восточного побережья в определенный хронологический период.

Весь круг аналогий такой керамики и сопутствующие ей артефакты указывают на период не

ранее VII в. н. э. Так, в могильнике Монастырка-3 подобные емкости или их фрагменты из погребений № 7, 9, 18, 21, 27, 45 и 69 залегали вместе с различными бронзовыми и железными артефактами, в том числе прямоугольными поясными накладками с прорезью (Дьякова, 1998, С. 280). Радиоуглеродная дата, полученная из погребения № 7, относится к 640–760 гг. н. э. (Кузьмин, Болдин, Никитин, 2005. С. 51). Также сосуды с валиком на тулове характерны некоторым раннесредневековым могильникам северо-восточного Китая: Шичангоу, Чалиба, датированным VII–VIII вв. н. э. (Чжао Хунгуан, 2021; Нестеров, Алкин, 1999).

Панцирные пластины, найденные на памятнике, имели устойчивый тип связки и формы и были распространены на территории Приморья и Приамурья в раннем средневековье. Зарождение подобных панцирных пластин, в первую очередь их системы отверстий для связки, было связано с сяньбийцами, а закрепление окончательной формы и их распространение происходило благодаря участию мохэских племен в военных конфликтах корейских государств. Подобные пластины существуют в Приморье и в бохайское время, синхронно с более современными на

тот момент формами. Учитывая удаленность «ольгинского» могильника, эти пластины могли попасть на его территорию не ранее VII в. н. э.

Заключение

Таким образом, анализ находок (керамики и панцирных пластин) показывает, что датировка памятника тяготеет к началу бохайского времени (VII в.), а подобные сосуды могут быть рассмотрены как керамика, характерная мохэскому населению в раннебохайское время на восточном побережье Приморья. Полученные данные о вероятном присутствии отпечатков семян проса обыкновенного на керамических изделиях памятника «Ольга. 87 км», позволяют предполагать наличие у мохэского населения, проживавшего в указанное время на рассматриваемой территории, культурного проса, и косвенно свидетельствуют о существовании земледелия в системах жизнеобеспечения этого населения.

Ассортимент находок и стратиграфическая дислокация позволяет нам предварительно отнести данный археологический объект к погребальным, а не поселенческим комплексам.

Список источников

Андреева Ж.В., Пискарева Я.Е. Некоторые итоги исследований на южном склоне поселения Синие Скалы (раскоп № 1 1962 года и раскоп № 3 1965 года) // Труды Института истории, археологии и этнографии ДВО РАН. 2018. Т. 20. С. 24–39. EDN: ZDFRPV.

Артемьева Н.Г. Андреанов Ключ – новый памятник мохэского периода в Приморье // Тихоокеанская археология. Вып. 23. Юбилей лидера. Владивосток : Изд. дом Дальневосточного федерального университета, 2012. С. 223–235.

Бохайские древности из Приморского края России / ред. Сун Юбинь, А.Л. Ивлиев, Е.И. Гельман. Пекин : Вэньу, 2013. 278 с. EDN: YSJOVV.

Вострецов Ю.Е., Пискарева Я.Е., Раков В.А. Свидетельства использования морских ресурсов мохэским населением бухты Киевка // Проблемы археологии и палеоэкологии Северной, Восточной и Центральной Азии : материалы Междунар. конф. «Из века в век», посвящ. 95-летию со дня рожд. акад. А.П. Окладникова и 50-летию Дальневост. археол. экспед. РАН. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2003. С. 368–372.

References

Andreeva Zh.V., Piskareva Ya.E. (2018) Some results of research on the southern slope of the Blue Rocks settlement (excavation No. 1 of 1962 and excavation No. 3 of 1965). *Trudy` Instituta istorii, arxeologii DVO RAN = Proceedings of the Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences*. Vol. 20. P. 24-39. (In Russ.). EDN: ZDFRPV.

Artem`eva N.G. (2012) Andreanov Klyuch - a new site of the Mohe period in Primorye. *Tihookeanskaya arheologiya = Pacific Archeology*. Iss. 23. P. 223-235. (In Russ.).

Yujbin` Sun, Ivliev A.L., Gel`man E.I. (2013) Bohai antiquities from the Primorsky Krai of Russia. Beijing: Ve`n`u. 278 p. (In Russ.). EDN: YSJOVV.

Vostreczov Yu.E., Piskareva Ya.E., Rakov V.A. (2003) Evidence of the use of marine resources by the Mohe population of Kievka Bay. *Problemy` arxeologii i paleo`kologii Severnoj, Vostochnoj i Central`noj Azii: materialy Mezhdunar. konf. «Iz veka v vek», posvyashch. 95-letiyu so dnya rozhd. akad. A.P. Okladnikova i 50-letiyu Dal`nevost. arkheol. eksped. RAN = Problems of Archeology and Paleoecology of Northern, Eastern and Central Asia. Proceedings of the International Conference «From century to century», dedicated to 95th anniversary from the day of the Birth of Acad. A.P. Okladnikov and 50th anniversary Far Eastern Archaeological Expedition of*

Горбунов В.В. Тяжеловооруженная конница сяньби-мюнов // Война и оружие. Новые исследования и материалы. Труды VI Международной научно-практической конференции, 13–15 мая 2015 года, г. Санкт-Петербург. Ч. II. Санкт-Петербург : ВИМАИВиВС, 2015. С. 3–20.

Деревянко Е.И. Троицкий могильник. Новосибирск : Наука, 1977. 224 с.

Деревянко А.П., Богданов Е.С., Нестеров С.П. Могильник Найфельд. Новосибирск : Ин-т археологии и этнографии, 1999. 96 с.

Дьякова О.В. Мохэские памятники Приморья. Владивосток : Дальнаука. 1998. 318 с.

Клюев Н.А., Джи Бён Мок, Ли Санджун, Болдин В.И., Гельман Е.И., Ю Ын Сик, Чхве Инха, Гридасова И.В., Дорофеева Н.А., Лящевская М.С., Пискарева Я.Е., Прокопец С.Д., Сергушева Е.А., Слепцов И.Ю., Юн Хён Чжун, Нам Хо Хён, Ким Донхун, Чон Юнхи, Стоякин М.А. Итоги исследований на городище Синельниково-1 в Российском Приморье. Тэджон: Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока; Государственный исследовательский институт культурного наследия Республики Корея, 2018. 394 с. EDN: YXMHHF.

Кузьмин Я.В., Болдин В.И., Никитин Ю.Г. Хронология культур раннего железного века и средневековья Приморья // Россия и АТР. 2005. № 4. С. 44–55. EDN: WCZZRZ.

Лебедева Е.Ю. Археоботаника: методы исследований и интеграция результатов // Междисциплинарная интеграция в археологии (по материалам лекций для аспирантов и молодых сотрудников). М. : ИА РАН. 2016. С. 118–146.

Нестеров С.П., Алкин С.В. Раннесредневековый могильник Чалиба на р. 2-я Сунгари // Традиционная культура Востока Азии. Благовещенск : Изд-во АмГУ, 1999. Вып. 2. С. 153–176.

Пискарева Я.Е. Керамика в ритуале и повседневной жизни раннесредневекового населения Приморья (по материалам археологических памятников среднего течения р. Раздольной) // Археология евразийских степей. 2021. № 4. С. 31–44. <https://doi.org/10.24852/2587-6112.2021.4.31.44>. EDN: UPPPSY.

Саяпина И.В. Орнаментальные композиции керамики мохэского слоя городища Красное Озеро // Россия и АТР. 2022. № 3 (11). С. 170–181. <https://doi.org/10.24412/1026-8804-2022-3-170-181>. EDN: WWFVJL.

Сёмин П.Л. Мохэский комплекс памятника Усть-Зеркальная-IV // История и культура Восточной и Юго-Восточной Азии. М. : Наука. 1986. Ч. 2. С. 219–225.

Russian Academy of Sciences. Novosibirsk : Institute of Anthropology and Ethnography SB RAS. P. 368–372. (In Russ.).

Gorbunov V.V. (2015) Heavily armed cavalry of Xianbi-Muyun. *Vojna i oruzhie. Novy'e issledovaniya i materialy'. Trudy VI Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, 13–15 maya 2015 goda, g. Sankt-Peterburg* = *War and Weapons. New research and materials. Proceedings of the VI International Scientific and Practical Conference, May, 13–15, 2015. Sankt-Peterburg*. St. Petersburg: VIMAIViVS. Pt. II. P. 3–20. (In Russ.).

Derevyanko E.I. (1977) Troiczkij burial ground. Novosibirsk : Nauka. 224 p. (In Russ.).

Derevyanko A.P., Bogdanov E.S., Nesterov S.P. (1999) Naifeld burial ground. Novosibirsk: Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS. 96 p. (In Russ.).

D'yakova O.V. (1998) Mohe sites of Primorye. Vladivostok: Dal'nauka. 318 p. (In Russ.).

Klyuev N.A., Dzhi Byon Mok, Li Sandzhun, Boldin, V.I., Gel'man, E.I., Yu Y'n Sik, Chxve Inxa, et al. (2018) *Results of research on the ancient settlement of Sinelnikovo-1 in the Russian Primorye*. Tedzhon: Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences; State Research Institute of the Cultural Heritage of Republic Korea. 394 p. (In Russian and Korean). EDN: YXMHHF.

Kuz'min Ya.V., Boldin V.I., Nikitin Yu.G. (2005) Chronology of cultures of the early Iron Age and the mediaeval period of Primorye. *Rossiya i ATR = Russia and the Asia-Pacific Region*. No. 4. P. 44–55. (In Russ.). EDN: WCZZRZ.

Lebedeva E.Yu. (2016) Archeobotany: research methods and integration of results. *Mezhdistsiplinarnaya integratsiya v arkheologii (po materialam lektzii dlya aspirantov i molodykh sotrudnikov)* = *Interdisciplinary Integration in Archeology (based on lectures for graduate students and young employees)*. Moscow: IA RAN. P. 118–146. (In Russ.).

Nesterov S.P., Alkin S.V. (1999) Early medieval burial ground Chaliba on the river. 2nd Sungari. *Tradicionnaya kul'tura Vostoka Azii = Traditional Culture of East Asia*. Blagoveshchensk: Amur State University. Iss. 2. P. 153–176. (In Russ.).

Piskareva Ya.E. (2021) Ceramics in the ritual and everyday life of the early medieval population of Primorye (based on materials from archaeological sites in the middle reaches of the Razdolnaya River). *Arkheologiya evrazijskikh stepei = Archeology of the Eurasian steppes*. No. 4. P. 31–44. (In Russ.). <https://doi.org/10.24852/2587-6112.2021.4.31.44>. EDN: UPPPSY.

Sayapina I.V. (2022) Ornamental compositions of ceramics from the Mohe layer of the Krasnoe Ozero settlement. *Rossiya i ATR = Russia and the Asia-Pacific Region*. No. 3. P. 170–181. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/1026-8804-2022-3-170-181>. EDN: WWFVJL.

Semin P.L. (1986) The Mohe's complex of the Ust-Zerkalnaya IV site. *Istoriya i kul'tura Vostochnoi i Yugo-Vostochnoi Azii = History and Culture Eastern and South-Eastern Asia*. Moscow. Pt. 2. P. 219–225. (In Russ.).

Сёмин П.Л., Коломиец С.А. Керамический комплекс могильника Монастырка-III // Материалы по средневековой археологии и истории Дальнего Востока СССР. Владивосток : ДВО АН СССР, 1990. С. 116–132.

Сергусева Е.А. Сельское хозяйство городского населения // Города средневековых империй Дальнего Востока. М. : ИВЛ, 2018а. С. 251–280.

Сергусева Е.А. Земледелие на юге Дальнего Востока России в раннем средневековье: археоботанические исследования на городище Синельниково-1 // Известия Лаборатории древних технологий. 2018b. Т. 14. № 3. С. 83–97. <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2018-3-83-97>. EDN: VJYTPW.

Слепцов И.Ю., Ключев Н.А. Археологические памятники островной части Лазовского государственного заповедника // Россия и АТР. 2016. № 4 (94). С. 19–33. EDN: XXYRMP.

Слепцов И.Ю., Пискарева Я.Е., Гридасова И.Е. Поселение Кордон-дровяник в Лазовском районе Приморского края: результаты раскопок мохёского жилища // Россия и АТР. 2013. № 3 (81). С. 173–186. EDN: RLELNX.

Чжао Хунгуан. Могильник Шичангоу в поселке Хуалинь-чжэнь городского округа Муданьцзян пров. Хэйлунцзян // Мультидисциплинарные исследования в археологии. 2021. № 1. С. 22–47. <https://doi.org/10.24412/2658-3550-2021-1-22-47>. EDN: WWWXLH.

Чжун Сук-Бэ. Об оружии из могильника Чернятино-5 // Мультидисциплинарные исследования в археологии. 2018. № 2. С. 126–136. EDN: VFAGHA.

Andersson S.E. The textile chaîne opératoire: Using a multidisciplinary approach to textile archaeology with a focus on the Ancient Near East // *Paléorient*. 2012. Vol. 38. №1-2. Pp. 21-40. <https://doi.org/10.3406/paleo.2012.5456>.

Dzhanfezova T. Exploring the Broad Spectrum: Vegetal Inclusions in Early Neolithic Eastern Balkan Pottery // *Open Archaeology*. 2021. Vol. 7. No 7. Pp. 1138–1159. <https://doi.org/10.1515/opar-2020-0200>.

Gleba M., Harris S. The first plant bast fibre technology: identifying splicing in archaeological textiles // *Archaeological and Anthropological Sciences*. 2019. Iss. 11. Pp. 2329–2346. <https://doi.org/10.1007/s12520-018-0677-8>.

Bokcheon Museum. Hanguk-e kodaе gapju [Ancient Korean armor]. Bokcheon Museum Academic Research Series, no. 31. Busan: Bokcheon Museum. 2010. 464 p. (На корейском языке).

Информация об авторах

Крупянко Александр Александрович,
кандидат исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник отдела экспертных работ,
ООО «Научно-производственный центр историко-культурной экспертизы»,

Semin P.L., Kolomietc S.A. (1990) Ceramic complex of the burial ground Monastyrka-III. *Materialy po srednevekovoi arkheologii i istorii Dal'nego Vostoka SSSR = Materials on Medieval archeology and History of the Far East of the USSR*. Vladivostok: DVO AN SSSR. P. 116-132. (In Russ.).

Sergusheva E.A. (2018a) Agriculture of the urban population. *Goroda srednevekovykh imperii Dal'nego Vostoka = Cities of medieval empires of the Far East*. Moscow: Oriental Literature. P. 251-280. (In Russ.).

Sergusheva E.A. (2018b) Agriculture in the South of the Russian Far East in the early Middle Age: archaeobotanical study on the fortified settlement Sinel'nikovo 1. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Irkutsk. Vol. 14. No. 3. P. 83-97. (In Russ.). <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2018-3-83-97>. EDN: VJYTPW.

Slepcev I.Yu., Klyuev N.A. (2016) Archaeological sites of the island part of the Lazovsky State Reserve. *Rossiya i ATR = Russia and Asia-Pacific Region*. No. 4. P. 19-33. (In Russ.). EDN: XXYRMP.

Slepcev I.Yu., Piskareva Ya.E., Gridasova I.E. (2013) The site Kordon-Drovyanik in Lazovsky district of the Primorsky Region: the results of excavating the Mohe habitation. *Rossiya i ATR = Russia and Asia-Pacific Region*. No. 3. P. 173-186. (In Russ.). EDN: RLELNX.

Chzhao Xunguan. (2021) Shichanggou Burial Site in Hualin-Zhen village of Mudanjiang city district, Heilongjiang province. *Mul'tidisciplinarny'e issledovaniya v arxeologii = Multidisciplinary Research in Archeology*. No. 1. P. 22-47. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2658-3550-2021-1-22-47>. EDN: WWWXLH.

Chzhun Suk-Be. (2018) On the weaponry finds from Chernyatino 5 burial ground site. *Mul'tidistsiplinarnye issledovaniya v arkheologii = Multidisciplinary Research in Archeology*. No. 2. P. 126-136. (In Russ.). EDN: VFAGHA.

Andersson S.E. (2012) The textile chaîne opératoire: Using a multidisciplinary approach to textile archaeology with a focus on the Ancient Near East. *Paléorient*. Vol. 38. No. 1-2. P. 21-40. <https://doi.org/10.3406/paleo.2012.5456>.

Dzhanfezova T. (2021) Exploring the Broad Spectrum: Vegetal Inclusions in Early Neolithic Eastern Balkan Pottery. *Open Archaeology*. No. 7. P. 1138–1159. (In English). <https://doi.org/10.1515/opar-2020-0200>.

Gleba M., Harris S. (2019) The first plant bast fibre technology: identifying splicing in archaeological textiles. *Archaeological and Anthropological Sciences*. Iss. 11. P. 2329–2346. (In English). <https://doi.org/10.1007/s12520-018-0677-8>.

Bokcheon Museum. (2010) Ancient Korean armor. Bokcheon Museum Academic Research Series. No. 31. Busan: Bokcheon Museum. 464 p. (In Korean).

Information about the authors

Alexander A. Krupyanko,
Cand. Sci. (History), Leading Researcher,
Scientific and Production Center for Historical and Cultural Expertise,
13, Nesterova St., Vladivostok 690016, Russia,

690016, г. Владивосток, ул. Нестерова, 13, оф. 214, Россия,
e-mail: krup1964@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0001-9454-3388>

Анзулис Яна Евгеньевна,

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник,
Сектор средневековой археологии,
Институт Истории, археологии и этнографии народов
Дальнего Востока ДВО РАН,
690001, г. Владивосток, ул. Пушкинская, 89, Россия,
e-mail: 7yana7@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-9102-0730>

Сергушева Елена Альбертовна,

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник,
Сектор первобытной археологии,
Институт Истории, археологии и этнографии народов
Дальнего Востока ДВО РАН,
690001, г. Владивосток, ул. Пушкинская, 89, Россия,
e-mail: lenasergu@gmail.com,
<https://orcid.org/0000-0003-4529-6485>

Прокопец Станислав Данилович,

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник,
Сектор историко-культурных экспертиз,
Институт истории, археологии и этнографии народов
Дальнего Востока ДВО РАН,
690001, г. Владивосток, ул. Пушкинская, 89, Россия,
e-mail: stas842005@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-8121-6625>

Вишнеvский Дмитрий Александрович,

учитель истории и обществознания,
Муниципальное бюджетное образовательное
учреждение «Средняя образовательная школа № 1»,
пгт. Кавалерово,
692413, Приморский край, п. Кавалерово, ул. Арсеньева,
102, Россия,
e-mail: Dimon_1989@list.ru

Вклад авторов

Все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 12 июля 2023 г.;
одобрена после рецензирования 17 августа 2023 г.;
принята к публикации 28 августа 2023 г.

e-mail: krup1964@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0001-9454-3388>

Yana E. Anzulis,

Cand. Sci. (History), Senior Researcher, Department of
Medieval Archaeology,
Institute of History, Archeology and Ethnography of the
Peoples of the Far East, Far Eastern Branch of the Russian
Academy of Sciences,
89, Pushkinskaya St., Vladivostok 690001, Russia,
e-mail: 7yana7@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-9102-0730>

Elena A. Sergusheva,

Cand. Sci. (History), Senior Researcher, Department of
Prehistoric Archaeology
Institute of History, Archeology and Ethnography of the
Peoples of the Far East, Far Eastern Branch of the Russian
Academy of Sciences,
89, Pushkinskaya St., Vladivostok 690001, Russia,
e-mail: lenasergu@gmail.com,
<https://orcid.org/0000-0003-4529-6485>

Stanislav D. Prokopets,

Cand. Sci. (History), Senior Researcher, Historical and Cultural
Expertise Sector,
Institute of History, Archeology and Ethnography of the
Peoples of the Far East, Far Eastern Branch of the Russian
Academy of Sciences,
89, Pushkinskaya St., Vladivostok 690001, Russia,
e-mail: stas842005@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-8121-6625>

Dmitry A. Vishnevsky,

History and Social Studies Teacher,
Municipal Budget Education Institution School No. 1,
102, Arsyenev St., Kavalerovo 692413, Russia,
e-mail: Dimon_1989@list.ru

Contribution of the authors

The authors contributed equally to this article.

Conflict of interests

The authors declare no conflict of interests.

The authors have read and approved the final manuscript.

Article info

The article was submitted July 12, 2023; approved after
reviewing August 17, 2023; accepted for publication
August 28, 2023.

Научная статья
УДК 903.2(470.54)
EDN: IEBLFO
DOI: 10.21285/2415-8739-2023-3-48-61

Археозоологические исследования Конюшенной слободы Екатеринбурга XVIII–XIX веков

А.Ю. Рассадников

Институт истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук, г. Екатеринбург, Россия

Аннотация. В статье рассматриваются результаты исследования археозоологических материалов участка г. Екатеринбурга, относящегося к его центральной части и наиболее раннему периоду застройки города. Материалы работы характеризуют период со второй половины XVIII до конца XIX века. Для исследования костей домашнего скота, которые составляют основу коллекции, были применены традиционные археозоологические методы для определения возраста и биологических характеристик скота. Помимо этого, были использованы новые подходы в виде использования рентгена для массовых серий костей и патологического анализа на основе изучения возрастных и патологических изменений современного скота. Результаты исследования демонстрируют, что мясная диета жителей Конюшенной слободы Екатеринбурга основывалась преимущественно на потреблении говядины. На стол жителей попадало мясо от коров и быков нескольких возрастных и размерных групп. Мясо остальных видов домашнего скота играло гораздо меньшую роль в системе питания обитателей слободы. Кости домашнего скота активно использовались горожанами для изготовления игральные кости, игрушек и музыкальных инструментов. Бабки из первых фаланг крупного рогатого скота являются самой массовой категорией костяных изделий. Результаты патологического анализа позволили выявить большое число возрастных изменений и ряд патологий. Наиболее многочисленной категорией патологических изменений являются остеохондротические дефекты суставной поверхности на костях всех видов скота. Некоторые изменения на костях быков допускают реконструкцию рабочего использования скота. В ходе обработки остеологического материала выявлено относительно большое количество модификационных изменений костей, которые ранее не фиксировались при изучении материалов Нового времени русских городов.

Ключевые слова: археозоология, зооархеология, модификационные изменения костей, палеопатология, КРС, тягловый скот, рентген, бабки, игральные кости, остеофагия

Благодарности: автор выражает благодарность за содействие и консультации в проведении исследования Е.В. Вилисову, Н.С. Голованову (оба из научно-производственного объединения «Архэтно») и С.Е. Чаиркину (Группа охраняемых археологических исследований Института истории и археологии УрО РАН).

Для цитирования: Рассадников А.Ю. Археозоологические исследования Конюшенной слободы Екатеринбурга XVIII–XIX веков // Известия Лаборатории древних технологий. 2023. Т. 19. № 3. С. 48–61. <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2023-3-48-61>. EDN: IEBLFO.

Archaeology

Original article

Archaeozoological studies of the Konushennaya Sloboda of Yekaterinburg in the 18-19th centuries

Alexey Yu. Rassadnikov

Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia

Abstract. The article discusses the results of a study of archaeozoological materials from a section of the city of Yekaterinburg related to its central part and the earliest period of city development. The materials of the work characterize the period from the second half of the 18th to the end of the 19th century. To study of the bones of livestock which form the basis of the collection the

traditional archaeozoological methods were applied to determine the age and biological characteristics of livestock. In addition, new approaches were used in the form of the use of X-rays for mass bone series and pathological analysis based on the study of age and pathological changes in modern livestock. The results of the study demonstrate that the meat diet of the inhabitants of the stable settlement of Yekaterinburg was based mainly on the consumption of beef. Meat from cows and bulls of several age and size groups fell on the table of the inhabitants. The meat of other types of livestock played a much smaller role in the nutrition system of the inhabitants of the settlement. The bones of livestock were actively used by the townspeople to make dice, toys and musical instruments. Dice from the first phalanxes of cattle are the most massive category of bone products. The results of pathological analysis revealed a large number of age-related changes and a number of pathologies. The most numerous categories of pathological changes are osteochondrotic defects of the articular surface on the bones of all species of livestock. Some changes on the bones of the bulls allow for the reconstruction of the working use of cattle. During the processing of the osteological material a relatively large number of modificational changes in the bones were revealed which were not previously recorded in the study of materials from the New Age of Russian cities.

Keywords: archaeozoology, zooarchaeology, bone surface modifications (BSM), paleopathology, cattle, draught cattle, X-ray, dice, osteophagy

Acknowledgements: the author is grateful for the assistance and advice in conducting the study to E.V. Vilisov, N.S. Golovanov (both from Research and Production Association "Arkhetno") and S.E. Chairkin (the Group of Rescue and the Protective Archaeological Works of the Institute of History and Archeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences).

For citation: Rassadnikov A.Yu. (2023) Archaeozoological studies of the Konushennaya Sloboda of Yekaterinburg in the 18–19th centuries. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 19. No. 3. P. 48–61. (In Russ.). <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2023-3-48-61>. EDN: IEBLFO.

Исследование костей животных из раскопок сибирских и уральских городов является одним из традиционных направлений в российской археозоологии. Большая часть археологических изысканий имеет статус охранных или спасательных и в основном охватывает период XVIII–XIX веков. Эта работа продолжает серию археозоологических публикаций, которые основаны на материалах охранных раскопок в исторических районах городов восточной части России (Исаев, Клементьев, Мартынович, 2011; Бачура, Лобанова, 2017; Клементьев, Галухин, 2019; Рассадников, 2019; Рассадников, 2020). В статье рассматриваются кости животных, которые получены в ходе охранных раскопок объекта «Культурный слой г. Екатеринбурга XVIII – начала XX века в пределах улиц Горького, Первомайская, Пушкина и Почтового переулка» (далее Горького, 17). Все раскопы были заложены по периметру здания бывшего Уральского приборостроительного завода, которое было построено в 1930-е гг. Изначально же данный участок входил в северо-восточную часть первой Заводской крепости, где располагались дворы мастеровых и Конюшенная слобода с заводскими конюшнями. Ко второй половине XVIII века участок был застроен двумя порядками зданий, которые сформировали основу будущего квартала

города (Чаиркина, 2018.С. 5)¹. Целью статьи является введение в научный оборот основных результатов исследования костей животных из раскопок участка Заводской крепости Екатеринбурга, а также относительно большого массива биометрических данных и информации по патологиям костей скота путем использования наборов данных (датасетов). Другой целью работы является апробация новых методик и подходов к обработке костного материала на примере определения возраста скота с помощью рентгена больших комплексов костей и выделения возрастных изменений на костях скота. К статье прикреплены два датасета² со всей имеющейся археозоологической информацией. У любого читателя есть доступ ко всем данным и возможность проверки, пересчета любого утверждения в статье, а также возможность самостоятельного использования этих данных в своих работах. Обеспечение открытого доступа ко всем данным позволяет автору обсудить в работе наиболее важные с его точки зрения ре-

¹ Чаиркина Н.М. Отчет о научно-исследовательской работе. Археологические работы на выявленном объекте культурного (археологического) наследия «Культурный слой г. Екатеринбурга XVIII – начала XX века в пределах улиц Горького, Первомайская, Пушкина и Почтового переулка», проведенные в 2018 году. Екатеринбург, 2018. 309 с.

² Наборы данных к статье – датасет#1 и датасет#2 – <http://doi.org/10.17632/3xdd52xhdr.1>.

зультаты исследования, а также визуализировать такие аспекты как модификационные и патологические изменения костей.

Материалы и методика

В статье анализируется 6260 костей животных (кости птиц и рыб не рассматриваются), которые получены из четырех раскопов общей площадью 1037 кв. м (Чаиркина, 2018. С. 3)³. Практически весь костный материал имеет отличную степень естественной сохранности, что позволило получить максимальный объем информации в контексте модификационных и патологических изменений костей. В ходе раскопок по ул. Горького, 17, помимо многочисленного археозоологического материала, получена обширная коллекция фрагментов керамических, фаянсовых, стеклянных предметов, а также железных, кожаных и костяных изделий (Чаиркина, 2018. С. 3–4)⁴. Предметы быта и украшений представлены пуговицами, нательными крестами, оловянными игрушками, курительными трубками. Коллекция находок также представлена монетами, из которых самые ранние относятся к первой трети XVIII века (Чаиркина, 2018. С. 41)⁵. Точное хронологическое разделение археозоологического материала по причине сильной перемешанности слоев не представляется возможным. Вся коллекция рассматривается как единый комплекс, который охватывает хронологические рамки от конца XVIII до конца XIX века.

Степень естественной сохранности костного материала оценивалась согласно шкале А. Behrensmeyer (Behrensmeyer, 1978). При видовом разделении костей мелкого рогатого скота (далее МРС) на овцу и козу выбраны методики (Zeder, Pilaar, 2010; Zeder, Lapham, 2010). Возраст убоя домашнего скота определялся по состоянию зубной системы и эпифизов (Silver, 1969), а в случае с МРС также по степени стертости зубов

(Payne, 1973). Измерение костей велось по методикам А. Von Den Driesch (Von Den Driesch, 1976) и S. Payne и G. Bull (Payne, Bull, 1988). Метаподии крупного рогатого скота (далее КРС) были дополнительно измерены по Bartosiewicz et al. (Bartosiewicz, Van Neer, Lentacker, 1997) и Lin et al. (Lin, Miracle, Barker, 2016). Разделение первых и вторых фаланг КРС на передние и задние было произведено по методике E. Dottrens (Dottrens, 1946). При вычислении примерного роста в холке КРС и МРС использованы коэффициенты для таранной кости и метаподий (Цалкин, 1970, Цалкин, 1972; Teichert, 1975). Гипоплазия эмали зубов свиньи фиксировалась по методике K. Dobney и A. Ervynck (Dobney, Ervynck, 1998). Фиксация, описание и классификация стадий развития патологий осуществлялась на основании палеопатологической литературы (Bartosiewicz, Van Neer, Lentacker, 1997. P. 20; Thomas and Johannsen, 2011; Zimmermann et al., 2018). Разделение всех выявленных изменений на костях домашнего скота на возрастные и патологические, а также их интерпретация производилась на основании изучения патологий современного КРС и МРС (Rassadnikov, 2021; Rassadnikov, 2022). Для получения дополнительной информации о возрасте КРС был применен рентген метаподий (Telldahl, 2015). В данном случае могут быть ошибки по причине некорректной интерпретации, так как яркость линии симфиза не всегда позволяет определить точный возрастной диапазон. Костям с различными изменениями присвоены номера, с помощью которых можно найти их иллюстрации и размеры в датасетах.

Результаты

Остеологический спектр

Основу комплекса определимых костей составляют кости КРС и в меньшей степени МРС. Остальные виды домашних копытных представлены незначительным количеством костей свиньи и лошади. Домашние животные также представлены небольшим количеством костей кошки и собаки. Довольно существенную долю коллекции составляют кости птицы и рыбы. Дикие виды представлены одной костью северного оленя (табл. 1). Комплекс неопределимых до вида костей составляет почти 15 % несмотря на относи-

³ Чаиркина Н.М. Отчет о научно-исследовательской работе. Археологические работы на выявленном объекте культурного (археологического) наследия «Культурный слой г. Екатеринбурга XVIII – начала XX века в пределах улиц Горького, Первомайская, Пушкина и Почтового переулка», проведенные в 2018 году. Екатеринбург, 2018. 309 с.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

Таблица 1. Соотношение видов животных и категорий материала из раскопок (ул. Горького, 17)
Table 1. Correlation of animal species and categories of material from the excavations of Gorky 17

Вид животного и категории материала	Количество костей	%%
КРС (<i>Bos taurus</i>)	3687	50,8
Овца (<i>Ovis aries</i>)	143	1,9
Коза (<i>Capra hircus</i>)	12	0,1
МРС (без определимых костей овцы и козы)	1009	13,9
Лошадь (<i>Equus caballus</i>)	54	0,7
Свинья (<i>Sus scrofa d.</i>)	208	2,8
Собака (<i>Canis familiaris</i>)	16	0,2
Кошка (<i>Felis catus</i>)	77	1,0
Северный олень (<i>Rangifer tarandus</i>)	1	0,01
Крупное копытное (неопределимые до вида кости)	900	12,4
Мелкое копытное (неопределимые до вида кости)	134	1,8
Млекопитающее (неопределимые до вида и размерного класса кости)	19	0,2
Птица (без видового определения)	893	12,3
Рыба (без видового определения)	99	1,3
Всего костей, NISP	7252	

тельно слабую степень фрагментированности. В эту категорию в основном попали фрагменты трубчатых костей крупного копытного, которые не имеют признаков, по которым их можно достоверно отнести к КРС или лошади. Наиболее вероятно, что неопределимые кости из категории крупного копытного почти полностью представлены КРС, судя по малой представленности костей лошади.

Возраст скота

Особенностью комплекса костей КРС и МРС в контексте определения возраста на момент убоя является существенное преобладание данных по состоянию эпифизов над фрагментами черепа, пригодными для определения возраста. Данные по зубочелюстной системе КРС показывают существенное превалирование животных старше 2–2,5 лет. Вторую по многочисленности возрастную группу представляют фрагменты костей от телят не старше полугода (табл. S4. Далее все ссылки на таблицы и рисунки, которые начинаются с S, вы можете найти в Dataset#2 – <http://doi.org/10.17632/3xdd52xhdr.1>). Данные по эпифизам КРС. Наиболее многочисленная группа костей представлена позвонками и ребрами, у которых эпифиз прирастает в районе 5 лет. Лишь у 25 % костей из этой группы имеется сросшийся

эпифиз, что свидетельствует о том, что 1/4 часть костей происходит от коров и быков старше 5 лет (табл. S7). Вторая по многочисленности группа костей представлена элементами скелета, у которых один из эпифизов прирастает в районе 3–3,5 лет. Эта группа демонстрирует незначительное превалирование костей, которые происходят от животных не старше 3–3,5 лет. Третья – основная группа костей представлена метаподиями и берцовыми костями, у которых дистальный эпифиз прирастает в районе 2–3 лет. В этой группе две трети костей происходят от скота старше 2–3 лет. Также выделена небольшая группа костей от телят в возрасте примерно полугода и в районе года (табл. S7). Особую актуальность в условиях небольшого количества фрагментов зубной системы и большой серии метаподий приобретает определение примерного возрастного диапазона КРС путем оценки линии симфиза. Рентген метаподий показал наличие трех возрастных групп после прирастания дистального эпифиза из пяти возможных (табл. 2; рис. S13–22). Если метаподии из группы 2–3 года принадлежат только быкам, то остальные представленные возрастные группы относительно поровну представлены между коровами и быками (половое разделение произведено на основании размеров). У коров превалирует группа 4–8 лет, а у быков 3–4 года (табл. 2).

Таблица 2. Результаты рентгена метаподий КРС и соотношение возрастных групп из раскопок (ул. Горького, 17)

Table 2. X-ray results of cattle metapodials and the ratio of age groups from the Gorky 17 excavations

Пол КРС	Возрастные группы				
	2–3	3–4	4–8	8–14	15 и старше
КРС (без разделения на пол)	8	54	49	–	–
Коровы	–	21	29	–	–
Быки	8	31	20	–	–
Всего метаподий	111				

Данные по зубочелюстной системе МРС показывают примерно равное соотношение двух выделенных возрастных групп – до 1,5–2 лет и старше (табл. S5). Более представительные данные получены по эпифизам. Также как и в случае с КРС выделены три основные группы костей с разным возрастом срастания эпифизов. Самая многочисленная группа представлена позвонками и ребрами и показывает, что только 16 % костей происходят от овец и коз старше 5 лет (табл. S8). Группа костей с прирастанием эпифизов в 3–3,5 лет показывает двукратное увеличение костей от животных старше 3–3,5 лет по сравнению с позвонками и ребрами. Метаподии и берцовые кости с возрастом прирастания эпифизов в районе 1,5–2 лет демонстрируют, что 60 % костей представлены животными, которые не достигли этого возраста (табл. S8). Также зафиксировано незначительное количество костей от ягнят, не достигших возраста полугода и года. Данные по зубочелюстной системе лошади отсутствуют, а данные по эпифизам не представительны (табл. S9). Данные по зубочелюстной системе свиньи демонстрируют примерно равное соотношение двух основных групп – до 1,5–2 лет и старше (табл. S6). Данные по эпифизам костей свиньи показывают, что 10 % костей происходят от свиней старше 5 лет (табл. S10). Группы костей со временем прирастания эпифизов в 2–2,5 лет и 2,5–3,5 лет демонстрируют, что 40 и 20 % костей соответственно происходят от свиней старше этих двух периодов. Среди костей, у которых срастание костей происходит в районе года, 97 % костей происходит от животных старше года (табл. S10). Большая часть костей кошки и собаки происходит от взрослых

особей. Лишь у единичных костей отсутствуют эпифизы (Dataset#1).

Половая структура

Для многих элементов скелета КРС получены достаточные, а в случае с метаподиями и фалангами обширные серии костей для подобного анализа. Практически во всех случаях у имеющихся серий костей идентифицируется половая принадлежность (диаграммы S1–22). Это обусловлено не только слабой фрагментированностью костей, но и тем, что у КРС ярко выражен половой диморфизм (рис. S5–12). Одной из особенностей комплекса костей КРС в контексте половой структуры является то, что кости от коров и быков распределены практически ровно между собой по количеству (Dataset#1). Серьезной проблемой является отсутствие такого показателя как общая длина пястных костей быков, что делает невозможным достоверное выявление волов среди костей КРС. Тем не менее некоторые пясти могут быть отнесены к волам на основании своего строения (широкий нижний эпифиз и относительно узкий диафиз в совокупности с общей длиной – так называемое грацильное строение кости – рис. S10). Достоверное половое разделение костей всех остальных видов домашнего скота затруднено малым количеством пригодных для измерения костей.

Размеры скота

Разрушенный верхний сустав метаподий КРС сильно ограничивает возможности применения коэффициентов для реконструкции размеров (рис. S517–521). Лишь у 19 из 134 метаподий из раскопок по ул. Горького, 17, присутствует показатель общей длины (датасет#1). Примерный рост в холке по метаподиям для коров реконструируется в пределах 99–106 см и 105–110 для быков. Примерный рост в холке КРС по серии таранной кости для коров варьируется от 99 до 114 и от 114 до 130 для быков. Отдельного упоминания заслуживает одна центротарзальная кость шириной 69 мм (что примерно на 10 мм превышает средние значения этого параметра для быков). Наиболее вероятно, что эта кость происходит от очень крупного и массивного вола. Костей МРС, пригодных для измерений, мало, но небольшая серия таранной кости позволяет реконструировать примерный рост в

холке овец без разделения на пол от 61 до 83 см (Dataset#1). В целом следует отметить, что при обработке коллекции регулярно фиксировались непригодные для измерений фрагменты костей КРС, МРС и свиньи как от очень крупных и массивных, так и от относительно мелких животных.

Патологические и возрастные изменения костей домашнего скота

На костях домашнего скота зафиксировано относительно большое количество как возрастных, так и патологических изменений (КРС – на 12 % костей от общего количества, МРС – на 10 % и свиньи – на 24 %). Под возрастными изменениями в основном понимаются выраженные места крепления связок и расширение/деформация суставной поверхности (липпинг), которые развиваются в ходе жизни животного и не нарушают функциональность костей или всего скелета. В группу патологий входят любые изменения, которые нарушают целостность суставной поверхности или работоспособность сустава (например, остеохондротические и дегенеративные изменения суставной поверхности) или изменений, чья стадия развития существенно превышает типичные возрастные изменения (например, крайне выраженные места крепления связок или деформация и расширение суставной поверхности (далее липпинг)). Зубочелюстные патологии выявлены в единичном количестве и представлены неправильным прикусом у КРС, периодонтитом у МРС, а также гипоплазией зубов свиньи (табл. S28; рис. S1448–1462; S1463–1485). Патологические изменения у всех видов домашнего скота представлены преимущественно остеохондротическими дефектами суставной поверхности (табл. S19–23, 27; рис. S615–618, 692–788, 845–849, 854–960) и поражениями группы *Laesio circumscripta tali* (рис. 1B–C; табл. S22 и 26; рис. S664–691, 789–844, 850–852). Дефекты из группы *Laesio circumscripta tali* зафиксированы на таранных костях КРС и МРС, а родственные ему поражения выявлены на плечевых, берцовых и пяточных костях МРС (рис. 1A), свидетельствами воспалительных процессов (рис. S619–620, 1444–1447) и дегенеративными поражениями (табл. S18; рис. S961–962, 968–971, 1069–1070, 1087–1089, 1109–1110).

Возрастные изменения домашнего скота представлены в основном экзостозами и липпин-

гом метаподий и фаланг, искривлением отростков позвонков и крайне грубыми местами крепления связок на ряде костей (табл. S13–18, 24–25; рис. S963–967, 974–1000, 1013–1049, 1063–1068, 1071–1086, 1090–1108, 1116–1443). Проксимальный липпинг и дистально-латеральные экзостозы фаланг, дистальный липпинг и экзостозы метаподий КРС зафиксированы преимущественно во второй стадии, которая предполагает незначительную стадию развития (табл. S15 и 18). Однако на нескольких первых и вторых фалангах быков/волов зафиксированы проксимальный липпинг 3 и 4 стадий, а также дистально-латеральные экзостозы 3–4 стадий (рис. 2A–C, E; табл. S14, 17; рис. S1297–1311, 1364–1368, 1403–1406). Эти изменения выходят за рамки типичных возрастных изменений фаланг КРС. На нескольких метаподиях быков также выявлены типичные изменения, которые традиционно используются для реконструкции тягловой эксплуатации, но стадия их развития такова, что она практически полностью совпадает с верхним пределом развития возрастных изменений (рис. 1D–E; рис. S1199, 1206, 1242, 1248–1253). Традиционно используемая для реконструкции тягловой эксплуатации скота эбурнеация тазобедренного сустава (рис. 2D) и анкилоз тарзального сустава в разных своих стадиях развития в данной работе рассматриваются как патологические изменения, в этиологии которых превалирует возрастной фактор или травма (табл. S18; S1050–1062; S1104–1108; 1112–1115).

Модификационные изменения костей и изделия

Половина костей всей коллекции несет на себе следы различных видов воздействия со стороны человека, животных и различных тафономических процессов. Следы разделки в виде рубки, зарубок и порезов являются самой многочисленной категорией модификационных изменений костей (табл. S2; рис. S99–515). Основными особенностями разделки костей является разрушение костей на несколько более мелких частей, продольное разрушение позвонков, разрушение суставов трубчатых костей и нередко разрушение мелких костей суставов и фаланг. Нет ни одного элемента скелета домашнего скота, который не был бы подвержен рубке. Помимо многочисленных следов разделки выявлена относительно многочисленная группа

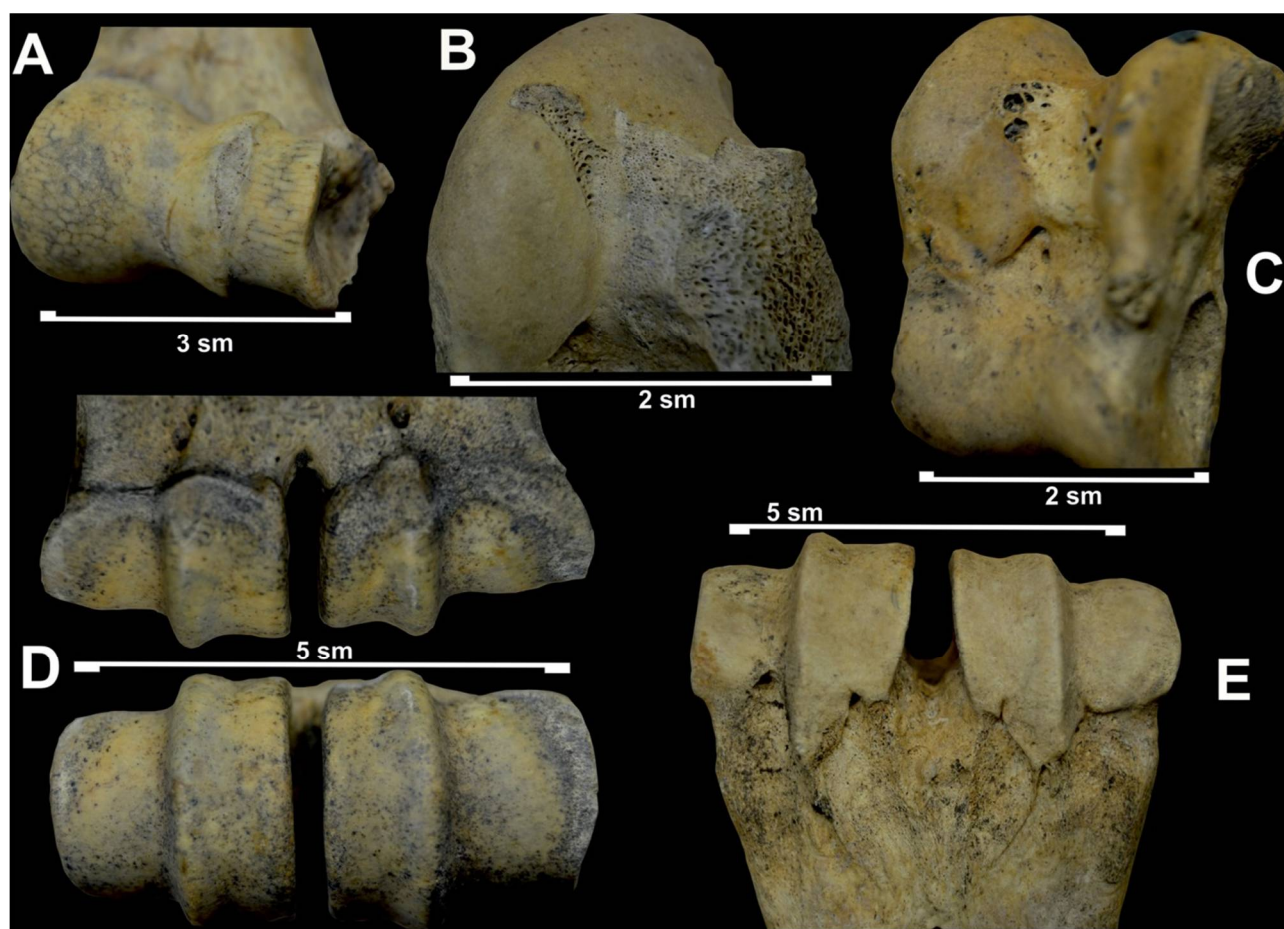

Рис. 1. Патологические и возрастные изменения костей домашнего скота из раскопок (ул. Горького, 17): А – дефект дистального гребня (Lesion on the Verticillus of the Trochlea humeri) 4 стадии плечевой кости овцы. Кость № G161; В – *Laesio circumscripta tali* таранной кости быка 3 стадии. Кость № G30; С – *Laesio circumscripta tali* таранной кости овцы 2 стадии. Кость № G337; D – дистальный липпинг 3 стадии плюсны быка/вола. Кость № G3; Е – дистально-пальмарные экзостозы 2 стадии плюсны быка/вола. Кость № G409

Fig. 1. Pathological and age-related changes in the bones of livestock from the excavations at Gor'ky Street, 17: A – a defect in the distal ridge (Lesion on the Verticillus of the Trochlea humeri) of the 4th stage of the humerus of a sheep. Bone no. G161; B – *Laesio circumscripta tali* of the talus of a bull of the 3rd stage. Bone no. G30; C – *Laesio circumscripta tali* of the talus of a sheep of the 2nd stage. Bone no. G337; D – distal lipping of the 3rd stage of the metatarsal of the bull/ox. Bone no. G3; E – distal-palmar exostoses of the 2nd stage of the bull/ox metatarsal. Bone no. G409

костяных изделий или заготовок для них (рис. 3; табл. S2; рис. S23–98). Большая часть этой категории представлена игральными костями или бабками из первых фаланг КРС (Рис. 3а–j; Рис. S48–99). В одном случае бабка сделана из первой фаланги лошади (рис. 3l). Даже если у первой фаланги КРС нет традиционного отверстия в суставе для заливки металла (кость-биток для метания), то они идентифицируются как игральные кости по сильной заполированности стенок (рис. 3d) или наличию насечек или вырезанных символов (рис. 3е–f). Помимо готовых игровых костей в коллекции присутствует небольшое количество фаланг, из которых не удалось сделать бабку или которые треснули в хо-

де сверления (рис. 3g–j). Среди коллекции изделий также выявлена целая брунчалка или гудалка из пястной кости МРС или заготовка для нее (рис. 3k).

Единичные костяные предметы представлены плюсной КРС с заполированными участками и лопаткой овцы с квадратной выемкой (рис. S23–28 и S44–47). Одной из интересных и уже традиционных особенностей археозоологических материалов Екатеринбурга стала фиксация относительно большого количества метаподий КРС, которые либо подверглись очень продолжительной варке, либо воздействию высокой температуры (табл. S2; рис. S516–532). Модификация представляет собой практически полное разрушение верхнего сустава и очень

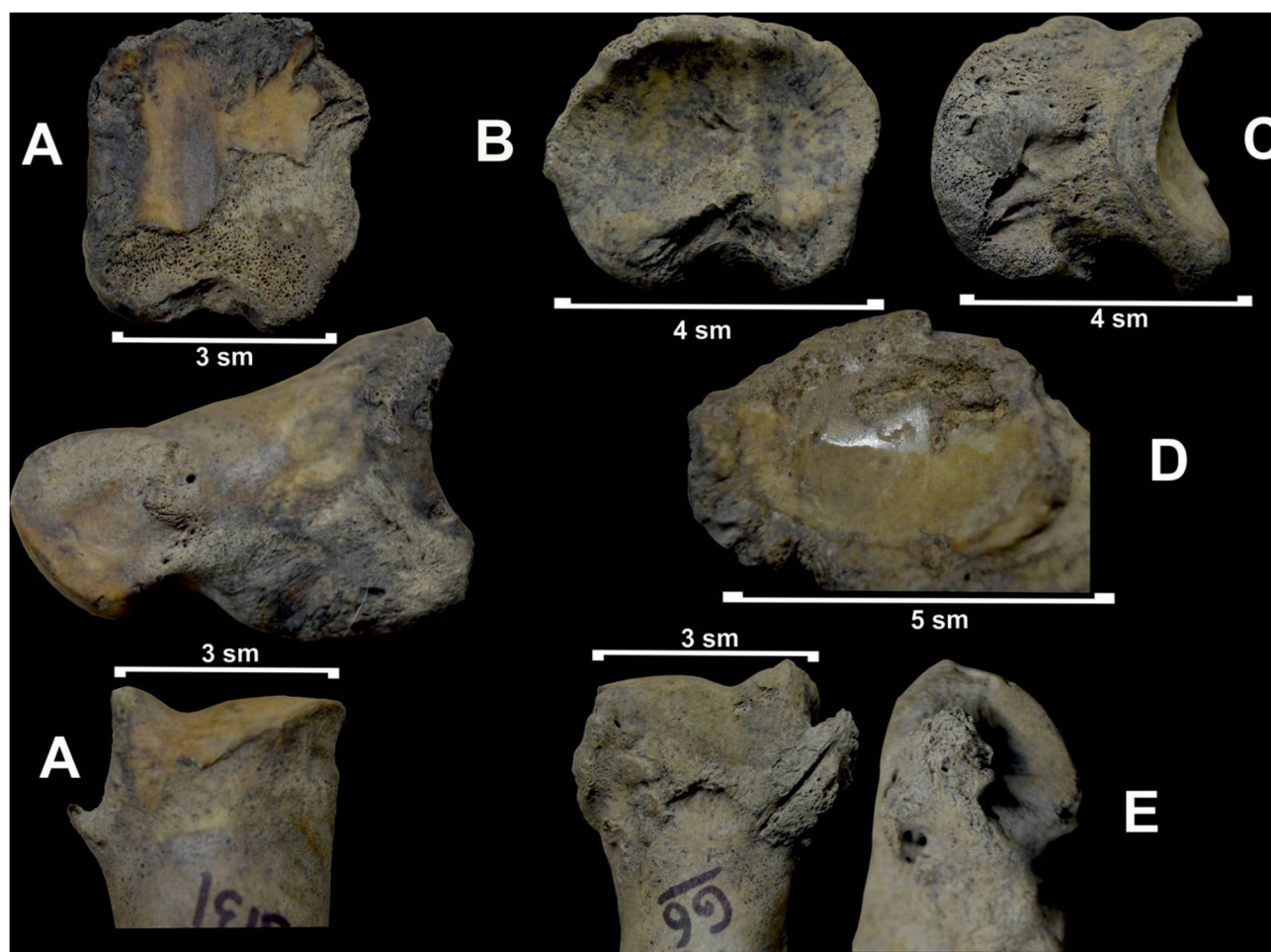

Рис. 2. Возрастные и патологические изменения на костях КРС из раскопок (ул. Горького, 17), которые могут быть связаны с рабочей эксплуатацией животных: А – первая фаланга быка/вола с выраженным проксимальным липпингом и дистально-латеральной экзостозой 3 стадии. Кость №G131; В – вторая фаланга быка/вола с проксимальным липпингом 4 стадии и остеохондротическим дефектом суставной поверхности. Кость № G478; С – вторая фаланга быка/вола с дистально-латеральными экзостозами 3 стадии. Кость № G9; D – фрагмент тазовой кости КРС с эбурнацией. Кость № G287; E – первая фаланга быка/вола с дистально-латеральными экзостозами 4 стадии. Кость № G6

Fig. 2. Age-related and pathological changes on the bones of the cattle from the excavations at Gor'ky Street, 17, which may be associated with the working exploitation of animals: A - the first phalanx of a bull/ox with pronounced proximal lippling and distal-lateral exostosis of the 3rd stage. Bone no. G131; B - the second phalanx of the bull/ox with proximal lippling stage 4 and osteochondrotic defect of the articular surface. Bone no. G478; C - the second phalanx of a bull/ox with distal-lateral exostoses of the 3rd stage. Bone no. G9; D - fragment of the pelvic bone of cattle with eburnation. Bone no. G287; E - the first phalanx of a bull/ox with distal-lateral exostoses of the 4th stage. Bone no. G6

похожа на действие эрозионных процессов. В единичных случаях можно увидеть остатки суставной поверхности со следами воздействия огня. Для точного определения источника модификации необходимы эксперименты по варке костей. Довольно необычными в контексте городской археозоологии стали находки маркеров остеофагии – костей со следами погрыза крупным и особенно мелким рогатым скотом, а также предположительно одной кости из желудка КРС (табл. S2; рис. S533–S557). Костей со следами погрыза и из желудка собак выявлено не-

много (табл. S2; рис. S558). Также выделена группа костей со следами воздействия, чей точный источник или причину на данный момент невозможно достоверно установить (табл. S2; рис. S559–614). К этой категории отнесены все кости, у которых присутствует залощенность сколов или всей поверхности, окатанность, сработанность или содранность компактного костного вещества. Наиболее вероятно, что причина большинства таких случаев кроется в воздействии эрозионных процессов или сочетании нескольких факторов (например, рис. S559–572).

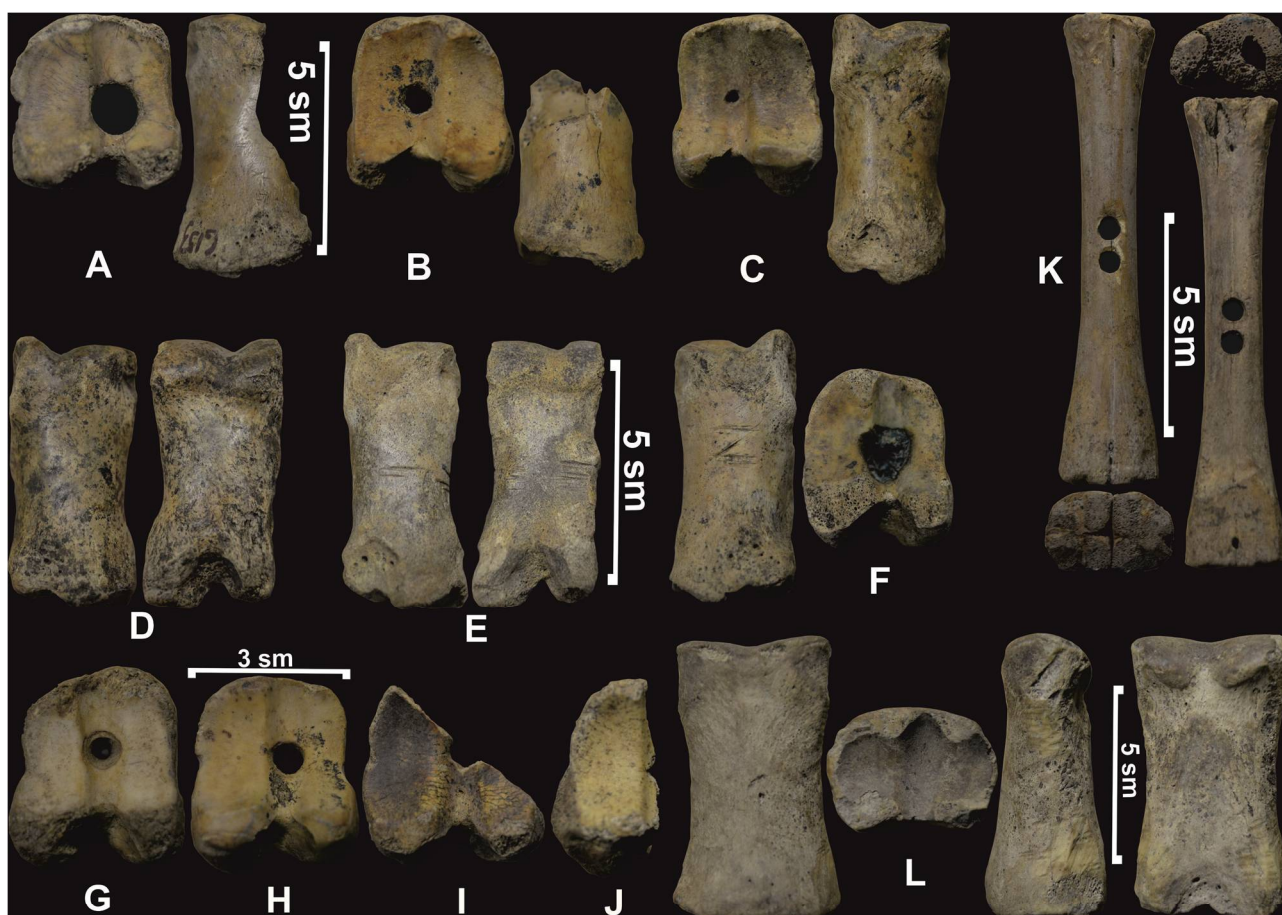

Рис. 3. Костяные изделия и игральные кости из раскопок (ул. Горького, 17): А–F – целые первые фаланги КРС для игры «в бабки»; G–J – верхние концы первых фаланг КРС для игры «в бабки», из которых не удалось сделать игральную кость (расколотые кости); K – предположительно заготовка флейты из пясти овцы; L – предположительно биток для игры «в бабки» из первой фаланги лошади

Fig. 3. Bone products and dice from the excavations at Gor'ky Street, 17: A-F - the whole first phalanxes of cattle for the game; G-J - the upper ends of the first phalanxes of cattle for the game, from which it was not possible to make a dice (split bones); K - presumably a blank of a flute from a sheep's metacarpal; L - presumably the game bone from the first phalanx of the horse

Обсуждение и заключение

Исследование костей животных из конюшенной слободы Екатеринбурга позволяет кратко обсудить основные аспекты археозоологических материалов. Анализируемые в статье материалы, безусловно, являются отходами от приготовления пищи. На всем протяжении функционирования слободы, а далее жилой застройки мясо КРС являлось основой питания жителей этого участка города. В меньшей степени потреблялись баранина и свинина. Одной из главных, довольно интересных и одновременно неразрешимых проблем в контексте Екатеринбурга XVIII–XIX веков и традиционного археозоологического анализа является вопрос происхождения костей домашнего скота. Кости животных могут происходить из трех основных источников. Екатеринбург практически на всем протяжении XIX века

был одной из столиц салотопенной промышленности Пермской губернии. Это и смежные производства для своего функционирования требуют огромное количество скота. Примерно с конца XVIII века в городе появляются первые салотопни, расцвет которых наступает в середине XIX века (Микитюк, 2019. С. 234). До упадка салотопенной отрасли в конце XIX века в Екатеринбург в огромных масштабах перегонялся, прежде всего, КРС из Тобольской и Оренбургской губерний (Мозель, 1864. С. 729). Вторым источником скота для рынка и промышленности Екатеринбурга выступает крестьянство окрестных деревень, которое продавало животноводческую продукцию. Однако и у самих жителей Екатеринбурга имелся личный скот в подсобных хозяйствах (Мозель, 1864. С. 65, 74). На сегодняшний день только изотопный анализ костей скота может поз-

волить установить местное или степное происхождение КРС, кости которого составляют основу большинства материалов Екатеринбурга XVIII–XIX веков. Косвенной зацепкой в проблеме происхождения костей скота в Конюшенной слободе могут являться находки костей со следами погрыза КРС и МРС, которые могут достоверно интерпретироваться свидетельством того, что на данной территории скот либо содержался, либо выпасался. Свидетельства остеофагии являются довольно надежным маркером места содержания или пребывания домашнего скота (Рассадников, 2023). Следует отметить, что это довольно необычная и первая находка маркеров остеофагии в контексте городской археологии Екатеринбурга и других городов восточной части России. Однако в любом случае невозможно достоверно утверждать, что в изучаемом квартале выпасался скот, который разводился жителями слободы для последующего убоя или продажи.

Если рассматривать биологические особенности КРС как основного домашнего копытного, то на стол жителей слободы попадало мясо примерно в равной доле от коров, так и быков с волами. КРС забивался преимущественно после 2–3 лет и до полугода. Одной из особенностей является большая доля забитых коров в возрастном диапазоне 4–8 лет. Это выглядит интересной чертой, так как коровы в этом возрасте наиболее продуктивны в плане получения молока и воспроизводства. Горожане поглощали мясо как от довольно мелких коров, так и от относительно крупных быков и возможно волов из степных районов. Наиболее мелкие коровы и быки могут отражать животных, которые либо разводились самими горожанами, либо поставлялись из соседних деревень. По данным источников, местный скот уступал в размерах пригоняемому из южных губерний КРС (Мозель, 1864. С. 74–75).

Если говорить о второстепенных компонентах мясного питания жителей в виде баранины и свинины, то большая часть мяса поступала от животных либо до 1–1,5 лет, либо после 2–3,5 лет. Часть свиней и МРС забивалась после 5 лет. Небольшое количество костей МРС и свиньи не позволяет достоверно оценить половую структуру забитых животных.

Незначительное количество костей лошади на фоне массового использования этого вида копытного в качестве основного тяглового животного является интересной и одновременно типичной чертой

материалов XVIII–XIX веков не только Екатеринбурга, но и других городов Сибири (Исаев, Клементьев, Мартынович, 2011. С. 9). Довольно необычным выглядит и тот факт, что, несмотря на активное использование лошади в качестве упряжного животного, на имеющихся в распоряжении костях нет остеологических свидетельств такого рода эксплуатации.

Преобладание костей КРС и в гораздо меньшей степени МРС вместе с незначительным количеством костей свиньи и единичных костей лошади из раскопок ул. Горького, 17, является типичной чертой археозоологических коллекций Екатеринбурга и других русских городов Урала и Сибири XVIII–XIX веков (Исаев, Клементьев, Мартынович, 2011; Бачура, Лобанова, 2017; Клементьев, Галухин, 2019; Рассадников, 2019; Рассадников, 2020).

Найденные в материалах ул. Горького, 17, костяные изделия представлены двумя видами очень популярных для российских городов XVIII–XIX веков вещами. Самая массовая категория находок представлена игральными костями или бабками из первых фаланг КРС, которые являются традиционной и массовой находкой в археологических исследованиях Екатеринбурга и других городов восточной части России (Бачура, Лобанова, 2017; Рассадников, 2019; Рассадников, 2020; Исаев, Клементьев, Мартынович, 2011). При изучении остеологической коллекции ул. Горького, 17, обнаружены все элементы игры «в бабки» – от костей из набора до кости-битка (также литок или свинчатка), в которую заливался металл и которая служила в качестве метания, а также фрагменты от таких изделий (Зайцева, 2022. С. 155). Это традиционное развлечение относится к играм на открытом воздухе и скорее всего преимущественно могло практиковаться детьми (Черная, Татауров, 2019. С. 88). Второй вид изделий также представлен очень популярной игрушкой – брунчалкой, чьи находки традиционны для русских городов (Зайцева, 2022. С. 155). Находки костяных изделий при обработке археозоологических материалов ул. Горького, 17, свидетельствуют о том, что кухонные отбросы были среди основных компонентов мусорных отложений Екатеринбурга XVIII–XIX веков и о том, что отходы от приготовления мясной пищи активно использовались горожанами для изготовления различных предметов быта и игрушек.

При анализе археозоологических материалов из раскопок ул. Горького, 17, впервые была успешно

апробирована методика определения возраста КРС с помощью рентгена для массовой серии костей. Данные по состоянию эпифизов в материалах Нового времени Екатеринбурга и других городов Урала и Сибири зачастую могут быть более информативные, чем по зубной системе. В этих условиях определение нескольких возрастных групп после срастания эпифиза у метаподий с помощью рентгена приобретает особую ценность. Определение возраста КРС с помощью рентгена также актуально в контексте вопроса рабочего использования скота. Как правило, именно метаподии и фаланги аккумулируют на себе наибольшее количество изменений, которые могут быть связаны с физической эксплуатацией. В рамках данного исследования с помощью рентгена удалось установить примерный возраст быков или волов, от которых происходят метаподии с выраженной деформацией и расширением нижнего сустава. Применение рентгена для определения возраста КРС в рамках исследования археозоологических материалов XVIII–XIX веков уральских и сибирских городов выглядит весьма эффективным инструментом.

В рамках данной работы также впервые был апробирован подход по разделению всех выявленных изменений на костях домашнего скота на возрастные и патологические на массовом археозоологическом материале. Методический подход основан на изучении патологий костей современного КРС и МРС. Знание типичных патологий и свойственных каждому виду домашнего копытного возрастных изменений позволяет относительно корректно интерпретировать аналогичные изменения на костях скота из археологических памятников. В ходе обработки археозоологической коллекции ул. Горького, 17, зафиксировано очень большое количество изменений на костях домашнего скота, которые удалось успешно разделить на возрастные и патологические. Возрастные изменения на костях домашнего скота представлены незначительными окостенениями связок и расширением суставной поверхности различных элементов скелета, что является типичным для КРС и МРС. Обилие возрастных изменений также является свидетельством того, что жители использовали мясо от взрослых животных. Патологические изменения представлены в основном различными остеохондротическими дефектами суставной поверхности

костей КРС, МРС и свиньи. Наиболее серьезные по степени влияния на жизнь скота патологии представлены несколькими случаями эбурнеации тазобедренного сустава КРС (дегенеративное поражение суставной поверхности). Также зафиксировано несколько случаев гипоплазии на зубах свиньи. Все перечисленные патологии являются типичными для домашнего скота и регулярно фиксируются в археозоологических материалах разных эпох. Основная проблема заключается в том, что зафиксированные изменения, несмотря на их большое количество очень сложно интерпретировать в контексте получения информации о характере эксплуатации скота человеком и условий содержания. Наибольшие возможности для различных реконструкций на основании анализа перечисленных видов патологий открываются при наличии таких же данных из раскопок других городов Урала и Сибири. Только в этом случае можно будет сравнивать частоту встречаемости патологий и выявить различные закономерности.

Отдельного обсуждения в рамках палеопатологического анализа заслуживает вопрос возможного рабочего или тягового использования КРС. На метаподиях и фалангах быков или волов зафиксированы изменения, которые допускают реконструкцию рабочего использования КРС в Екатеринбурге в XVIII–XIX веках, либо поступление в город рабочих животных для мясного рынка или промышленности (последнее предполагает, что условный бык или вол использовался для работы до поступления в Екатеринбург). В пользу интерпретации выявленных изменений как свидетельств физической эксплуатации выступает и возраст животных, от которых происходят метаподии. Большая часть костей с выраженной деформацией и расширением сустава принадлежит быкам/волам в возрасте 3–4 годов. Если бы кости происходили от старых быков, то такие изменения корректнее было бы интерпретировать как возрастные. Однако нельзя полностью исключать тот факт, что данные патологии могут быть специфическими возрастными проявлениями или же вовсе иметь иную этиологию.

Приложение

<http://doi.org/10.17632/3xdd52xhdr.1> – датасет#1 и датасет#2 (наборы данных к статье).

Список источников

Бачура О.П., Лобанова Т.В. Кости животных из кухонных отходов русского населения Екатеринбурга в XVIII–XX веках // Культура русских в археологических исследованиях. Омск : Наука, 2017. С. 363–368.

Зайцева И.Е. Игры и игрушки в Александровой Слободе в XVI–XVIII веках // Археология Подмосковья : материалы научного семинара. М. : Институт археологии РАН, 2022. Вып. 18. С. 154–163. <https://doi.org/10.25681/IARAS.2022.978-5-94375-367-1.154-163>.

Исаев А.Ю., Клементьев А.М., Мартынович Н.В. Фауна позвоночных из археологических раскопок исторического центра г. Иркутска // Байкальский зоологический журнал. 2011. № 2 (7). С. 5–10. EDN: REUSSR.

Клементьев А.М., Галухин Л.Л. Археозоологические исследования красноярской загородной усадьбы кон. XIX – нач. XX в. (по материалам исследований 2013 г. Стоянки Николаевка-1) // Преодоление времени и пространства. Статьи по актуальным проблемам охранно-спасательных работ на памятниках археологии Средней Сибири. Иркутск : Изд-во Ин-та географии им. В.Б. Сочавы СО РАН, 2019. С. 153–166.

Микитюк В.П. Диверсификация производственной деятельности екатеринбургских предпринимателей во второй половине XIX – начале XX в. // Исторические вызовы и экономическое развитие России. Екатеринбург : АльфаПринт, 2019. С. 234–238.

Мозель Х. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами генерального штаба. Пермская губерния. Санкт-Петербург : Тип. Ф. Персона, 1864. Ч. II. 746 с.

Рассадников А.Ю. Археозоологические материалы (XIX век) из раскопок Екатеринбурга // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2019. № 3 (46). С. 75–85. <https://doi.org/10.20874/2071-0437-2019-46-3-075-085>. EDN: KIHGTQ.

Рассадников А.Ю. Домашний скот в жизни Екатеринбурга в XIX веке по материалам охранных раскопок на улице Декабристов, 69 // Теория и практика археологических исследований. 2020. № 4 (32). С. 131–146. DOI: [https://doi.org/10.14258/tpai\(2020\)4\(32\).-10](https://doi.org/10.14258/tpai(2020)4(32).-10). EDN: ALAZLB.

Рассадников А.Ю. Сезонные загоны Южного Урала: параметры остеологического материала и модификационные изменения костей домашнего скота // Археология Казахстана. 2023. № 1 (19). С. 198–221. <https://doi.org/10.52967/akz2023.1.19.198.221>. EDN: JRMWJQ.

Цалкин В.И. Древнейшие домашние животные Восточной Европы. М.: Наука, 1970. 279 с. (Материалы и

References

Bachura O.P., Lobanova T.V. (2017) Animal bones from the kitchen waste of the Russian population of Yekaterinburg in the 18th–20th centuries. *Kul'tura russkikh v arheologicheskikh issledovaniyakh* = *Russian Culture in Archaeological Research*. Omsk: Nauka. P. 363–368. (In Russ.).

Zaitseva I.E. (2022) Games and toys in Aleksandrova Sloboda in the 16th–18th centuries. *Arheologiya Podmoskov'ya: materialy nauchnogo seminar* = *Archeology of the Moscow region: Materials of the Scientific Seminar*. Moscow: Institute of Archeology RAS. Iss. 18. P. 154–163. (In Russ.). <https://doi.org/10.25681/IARAS.2022.978-5-94375-367-1.154-163>.

Isaev A.Yu., Klement'ev A.M., Martynovich N.V. (2011) Fauna of vertebrates from archaeological excavations in the historical center of Irkutsk. *Baikal'skii zoologicheskii zhurnal* = *Baikal Zoological Journal*. No. 2 (7). P. 5–10. (In Russ.). EDN: REUSSR.

Klement'ev A.M., Galukhin L.L. (2019) Archaeological studies of the Krasnoyarsk country estate Kon. XIX – early. 20th century (Based on research materials from 2013 at the Nikolaevka-1 parking lot). *Preodolenie vremeni i prostranstva. Stat'i po aktual'nym problemam ohranno-spasatel'nykh rabot na pamyatnikakh arkheologii Srednei Sibiri* = *Overcoming time and space. Articles on topical issues of security and rescue work at the archeological sites of Central Siberia*. Irkutsk: Publishing House of the Institute of Geography named after V.B. Sochava SB RAS. P. 153–166. (In Russ.).

Mikityuk V.P. (2019) Diversification of the production activities of Ekaterinburg entrepreneurs in the second half of the 19th – early 20th century. *Istoricheskie vyzovy i ekonomicheskoe razvitie Rossii* = *Historical Challenges and Economic Development of Russia*. Ekaterinburg: AlfaPrint. P. 234–238. (In Russ.).

Moze' Kh. (1864) Materials for the geography and statistics of Russia collected by officers of the General Staff. Perm province. St. Petersburg: Tip. F. Persona. Pt. II. 746 p. (In Russ.).

Rassadnikov A.Yu. (2019) Archaeological materials (XIX century) from the excavations of Yekaterinburg. *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii* = *Bulletin of Archeology, Anthropology and Ethnography*. No. 3 (46). P. 75–85. (In Russ.). <https://doi.org/10.20874/2071-0437-2019-46-3-075-085>. EDN: KIHGTQ.

Rassadnikov A.YU. (2020) Livestock in the life of Ekaterinburg in the 19th century based on the materials of protection excavations at 69, Dekabristov Street. *Teoriya i praktika arheologicheskikh issledovaniy* = *Theory and Practice of Archaeological Research*. No. 4 (32). P. 131–146. (In Russ.). [https://doi.org/10.14258/tpai\(2020\)4\(32\).-10](https://doi.org/10.14258/tpai(2020)4(32).-10). EDN: ALAZLB.

Rassadnikov A.Yu. (2023) Seasonal enclosures of the South Urals: parameters of osteological material and bone surface modifications of livestock bones. *Arkheologiya Kazakhstana* = *Archeology of Kazakhstan*. No. 1 (19). P. 198–221. (In Russ.). <https://doi.org/10.52967/akz2023.1.19.198.221>. EDN: JRMWJQ.

Tsalkin V.I. (1970) The oldest domestic animals in Eastern Europe. Moscow: Nauka. 279 p. (In Russ.).

исследования по археологии СССР, № 161).

Цалкин В.И. Фауна из раскопок андроновских памятников в Приуралье // Основные проблемы териологии. Эволюция, зоогеография, экология и морфология млекопитающих и происхождение домашних животных : труды Московского общества испытателей природы. М. : Наука, 1972. Т. XLVIII. С. 66–82.

Черная М.П., Татауров С.Ф. Игры детей и игрушки в социокультурном пространстве сибирского города: историко-археологический контекст // Археология, этнография и антропология Евразии. 2019. Т. 47. № 2. С. 84–92. <https://doi.org/10.17746/1563-0102.2019.47.2.084-092>. EDN: IFLELH.

Bartosiewicz L., Van Neer W., Lentacker A. Draught cattle: their osteological identification and history. Musée Royal de l'Afrique Centrale, Tervuren, Belgique: Annales - Serie in 8° - Sciences Zoologiques. Volume: 281. 1997. 147 p.

Behrensmeyer A.K. Taphonomic and ecologic information from bone weathering // Paleobiology. 1978. 4 (2). Pp. 150-162.

Dobney K., Ervynck A. A Protocol for Recording Linear Enamel Hypoplasia on Archaeological Pig Teeth // International Journal of Osteoarchaeology. 1998. Vol. 8. Iss. 4. Pp. 263-273. [https://doi.org/10.1002/\(SICI\)1099-1212\(199807/08\)8:4<263::AID-OA427>3.0.CO;2-P](https://doi.org/10.1002/(SICI)1099-1212(199807/08)8:4<263::AID-OA427>3.0.CO;2-P).

Dottrens E. Etude preliminaire: Les phalanges osseuses de Bos taurus domesticus // Revue Suisse de Zool. 1946. Tome 53. N. 33. Pp. 739-774.

Lin M., Miracle P., Barker G. Towards the identification of the exploitation of cattle labour from distal metapodials // Journal of Archaeological Science. 2016. Vol. 66. Pp. 44-56. <http://dx.doi.org/10.1016/j.jas.2015.12.006>.

Payne S. Kill-off patterns in sheep and goats: the mandibles from Aşvan Kale // Anatolian Studies. 1973. Vol. 23. Pp. 281-303. <https://doi.org/10.2307/3642547>.

Payne S., Bull G. Components of variation in measurements of pig bones and teeth, and the use of measurements to distinguish wild from domestic pig remains // Archaeozoologia. 1988. II. Pp. 27-65.

Rassadnikov A. Bone Pathologies of Modern Non-Draft Cattle (Bos Taurus) in the Context of Grazing System and Environmental Influences in the South Urals, Russia // International Journal of Paleopathology. 2021. Vol. 32. Pp. 87-102. <http://doi.org/10.1016/j.ijpp.2020.11.003>.

Rassadnikov A. Bone pathologies of modern caprines (Ovis aries & Capra hircus) in the context of the pasture-stall system of the steppe zone of the South Urals // International Journal of Paleopathology. 2022. Vol. 38. Pp. 18-31. <https://doi.org/10.1016/j.ijpp.2022.05.003>.

Silver I.A. The ageing of domestic animals // Science in archaeology: a survey of progress and research. London: Thames and Hudson, 1969. Pp. 283-302.

Teichert M. Osteometrische Untersuchungen zur

Tsalkin V.I. (1972) Fauna from the excavations of the Andronovo sites in the Urals. *Osnovnye problemy teriologii. Evolyutsiya, zoogeografiya, ekologiya i morfologiya mlekopitayushchikh i proiskhozhdenie domashnikh zhivotnykh. Trudy Moskovskogo obshchestva ispytatelei prirody = The main problems of theriology. Evolution, zoogeography, ecology and morphology of mammals and the origin of domestic animals. Proceedings of the Moscow Society of the Researchers of Nature*. Moscow: Nauka. Vol. XLVIII. P. 66-82. (In Russ.).

Chernaya M.P., Tataurov S.F. (2019) Children's Games in the sociocultural space of a Siberian town: Historical and Archaeological Context. *Arheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii = Archeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia*. Vol. 47. No. 2. P. 84-92. (In Russ.). <https://doi.org/10.17746/1563-0102.2019.47.2.084-092>. EDN: IFLELH.

Bartosiewicz L., Van Neer W., Lentacker A. Draught cattle: their osteological identification and history. Musée Royal de l'Afrique Centrale, Tervuren, Belgique: Annales - Serie in 8° - Sciences Zoologiques. Volume: 281. 1997. 147 p.

Behrensmeyer A.K. Taphonomic and ecologic information from bone weathering // Paleobiology. 1978. 4 (2). Pp. 150-162.

Dobney K., Ervynck A. A Protocol for Recording Linear Enamel Hypoplasia on Archaeological Pig Teeth // International Journal of Osteoarchaeology. 1998. Vol. 8. Iss. 4. Pp. 263-273. [https://doi.org/10.1002/\(SICI\)1099-1212\(199807/08\)8:4<263::AID-OA427>3.0.CO;2-P](https://doi.org/10.1002/(SICI)1099-1212(199807/08)8:4<263::AID-OA427>3.0.CO;2-P).

Dottrens E. Etude preliminaire: Les phalanges osseuses de Bos taurus domesticus // Revue Suisse de Zool. 1946. Tome 53. N. 33. Pp. 739-774.

Lin M., Miracle P., Barker G. Towards the identification of the exploitation of cattle labour from distal metapodials // Journal of Archaeological Science. 2016. Vol. 66. Pp. 44-56. <http://dx.doi.org/10.1016/j.jas.2015.12.006>.

Payne S. Kill-off patterns in sheep and goats: the mandibles from Aşvan Kale // Anatolian Studies. 1973. Vol. 23. Pp. 281-303. <https://doi.org/10.2307/3642547>.

Payne S., Bull G. Components of variation in measurements of pig bones and teeth, and the use of measurements to distinguish wild from domestic pig remains // Archaeozoologia. 1988. II. Pp. 27-65.

Rassadnikov A. Bone Pathologies of Modern Non-Draft Cattle (Bos Taurus) in the Context of Grazing System and Environmental Influences in the South Urals, Russia // International Journal of Paleopathology. 2021. Vol. 32. Pp. 87-102. <http://doi.org/10.1016/j.ijpp.2020.11.003>.

Rassadnikov A. Bone pathologies of modern caprines (Ovis aries & Capra hircus) in the context of the pasture-stall system of the steppe zone of the South Urals // International Journal of Paleopathology. 2022. Vol. 38. Pp. 18-31. <https://doi.org/10.1016/j.ijpp.2022.05.003>.

Silver I.A. The ageing of domestic animals // Science in archaeology: a survey of progress and research. London: Thames and Hudson, 1969. Pp. 283-302.

Teichert M. Osteometrische Untersuchungen zur

Berechnung der Wiederristhöhe bei Schafen // Archaeozoological studies (Kongress Groningen 1974). Amsterdam (North Holland) & New York (American Elsevier), 1975. Pp. 51-69.

Telldahl Y (2015) Ageing Cattle: The Use of Radiographic Examinations on Cattle Metapodials from Eketorp Ringfort on the Island of Öland in Sweden. PLoS ONE 10(9): e0137109. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0137109>.

Thomas R., Johannsen N. Articular depressions in domestic cattle phalanges and their archaeological relevance // International Journal of Paleopathology. 2011. Vol. 1. Iss. 1. Pp. 43-54. <https://doi.org/10.1016/j.ijpp.2011.02.007>.

Von Den Driesch A. A Guide to the Measurement of Animal Bones from Archaeological Sites. Harvard University. Peabody Museum of Archaeology and Ethnology. Peabody Museum bulletin (Vol. 1), 1976. 136 p.

Zeder M.A., Pilaar S.E. Assessing the reliability of criteria used to identify mandibles and mandibular teeth in sheep, Ovis, and Goats, Capra // Journal of Archaeological Science. 2010. Vol. 37. Iss. 2. Pp. 225-242. <https://doi.org/10.1016/j.jas.2009.10.002>.

Zeder M.A., Lapham H.A. Assessing the reliability of criteria used to identify postcranial bones in sheep, Ovis, and goats, Capra // Journal of Archaeological Science. 2010. Vol. 37. Iss. 11. Pp. 2887-2905. <https://doi.org/10.1016/j.jas.2010.06.032>.

Zimmermann M.I., Pollath N., Ozbasaran M., Peters J. Joint health in free-ranging and confined small bovids - Implications for early stage caprine management // Journal of Archaeological Science. 2018. Vol. 92. Pp. 13-27. <https://doi.org/10.1016/j.jas.2018.02.004>.

Информация об авторе

Рассадников Алексей Юрьевич,

кандидат исторических наук, научный сотрудник,
лаборатория междисциплинарных гуманитарных исследований,
Институт истории и археологии Уральского отделения
Российской академии наук,
620108, г. Екатеринбург, ул. С. Ковалевской, 16, Россия,
e-mail: ralu87@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-3772-303X>

Вклад автора

Рассадников А.Ю. выполнил исследовательскую работу, на основании полученных результатов провел обобщение и подготовил рукопись к печати.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 22 июля 2023 г.; одобрена после рецензирования 20 августа 2023 г.; принята к публикации 28 августа 2023 г.

Berechnung der Wiederristhöhe bei Schafen // Archaeozoological studies (Kongress Groningen 1974). Amsterdam (North Holland) & New York (American Elsevier), 1975. Pp. 51-69.

Telldahl Y (2015) Ageing Cattle: The Use of Radiographic Examinations on Cattle Metapodials from Eketorp Ringfort on the Island of Öland in Sweden. PLoS ONE 10(9): e0137109. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0137109>.

Thomas R., Johannsen N. Articular depressions in domestic cattle phalanges and their archaeological relevance // International Journal of Paleopathology. 2011. Vol. 1. Iss. 1. Pp. 43-54. <https://doi.org/10.1016/j.ijpp.2011.02.007>.

Von Den Driesch A. A Guide to the Measurement of Animal Bones from Archaeological Sites. Harvard University. Peabody Museum of Archaeology and Ethnology. Peabody Museum bulletin (Vol. 1), 1976. 136 p.

Zeder M.A., Pilaar S.E. Assessing the reliability of criteria used to identify mandibles and mandibular teeth in sheep, Ovis, and Goats, Capra // Journal of Archaeological Science. 2010. Vol. 37. Iss. 2. Pp. 225-242. <https://doi.org/10.1016/j.jas.2009.10.002>.

Zeder M.A., Lapham H.A. Assessing the reliability of criteria used to identify postcranial bones in sheep, Ovis, and goats, Capra // Journal of Archaeological Science. 2010. Vol. 37. Iss. 11. Pp. 2887-2905. <https://doi.org/10.1016/j.jas.2010.06.032>.

Zimmermann M.I., Pollath N., Ozbasaran M., Peters J. Joint health in free-ranging and confined small bovids - Implications for early stage caprine management // Journal of Archaeological Science. 2018. Vol. 92. Pp. 13-27. <https://doi.org/10.1016/j.jas.2018.02.004>.

Information about the author

Alexey Yu.Rassadnikov,

Cand.Sci. (History), Researcher, Laboratory of interdisciplinary humanitarian research,
Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
16, S. Kovalevskaya St., Ekaterinburg 620108, Russia,
e-mail: ralu87@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-3772-303X>

Contribution of the author

Rassadnikov A.Yu. carried out a research work, based on the obtained results made the generalization and prepared the manuscript for publication.

Conflict of interests

The author declares no conflict of interests.

The author has read and approved the final manuscript.

Article info

The article was submitted July 2, 2023; approved after reviewing August 20, 2023; accepted for publication August 28, 2023.

Научная статья
УДК 94(47).048
EDN: JULUTM
DOI: 10.21285/2415-8739-2023-3-62-73

Афанасий Пашков и Даурский полк в Забайкалье (1657–1662)

Е.А. Багрин¹, В.И. Трухин²

¹ Президентская библиотека имени Б.Н. Ельцина, г. Санкт-Петербург, Россия

² Фонд поддержки социально-ориентированных проектов и программ «Петропавловск», г. Москва, Россия

Аннотация. Статья на основе неопубликованных документов Российского государственного архива древних актов, объединенных в стлб. 508 фонда 214 (Сибирский приказ) рассказывает о начальном этапе присоединения к России территорий Забайкалья и Приамурья (Даурии), куда по приказу правительства отправился «даурский полк» под командованием бывшего енисейского воеводы Афанасия Филипповича Пашкова. Основное внимание в исследовании уделяется событиям, связанным с деятельностью полка в Даурии в 1657–1662 гг. Исследование продолжает ранее опубликованный материал с момента перехода даурского полка из Братского острога по р. Ангаре до оз. Байкал и вступления его в Забайкалье до приезда в Нерчинский уезд Л. Толбузина, сменившего воеводу А.Ф. Пашкова. Рассмотрены такие вопросы как: первые боевые действия в Забайкалье и подчинение тунгусских князю; строительство Иргенского и Верхнего Шилкского острогов; обустройство пашни и поиск источников соли; разведка ситуации в Приамурье и пополнение Даурского полка за счет енисейских служилых людей и остатков Амурского войска; проблемы полка с обеспечением; боевые и небоевые потери. Большое внимание уделено истории возведения двух первых православных церквей в Забайкалье. В исследовании сделан вывод о том, что даурский полк выполнил свою основную миссию, закрепив власть России в Забайкалье, несмотря на то, что за пять лет службы в Даурии большая часть его погибла во время боевых действий, а также – из-за голода и болезней.

Ключевые слова: служилые люди, казаки, стрельцы, Афанасий Пашков, Енисейск, Забайкалье, Даурия, история, Сибирь, XVII век, генеалогия

Для цитирования: Багрин Е.А., Трухин В.И. Афанасий Пашков и Даурский полк в Забайкалье (1657–1662) // Известия Лаборатории древних технологий. 2023. Т. 19. № 3. С. 62–73. <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2023-3-62-73>. EDN: JULUTM.

History

Original article

Afanasy Pashkov and the Daurian Regiment in Transbaikalia (1657-1662)

Egor A. Bagrin¹, Vladimir I. Trukhin²

¹ Boris Yeltsin Presidential Library, Saint-Petersburg, Russia

² The Petropavlovsk Foundation for Socially-Oriented Projects and Programmes Support, Moscow, Russia

Abstract. The article is based on unpublished documents of Russian State Archive of Ancient Acts united in Stlb. 508 of Fund 214 (Siberian Order). The article describes the initial stage of territories' annexation of Transbaikalia and Amur Region (Dauria) to Russia by "Daurian regiment" under the command of former Yenisei governor Afanasy Filippovich Pashkov. The study focuses on the events associated with the activities of the regiment in Dauria in 1657-1662. The article describes the events from the moment of the entrance of Daurian regiment to Transbaikalia until the arrival of L. Tolbuzin, who replaced the governor A.F. Pashkov later, in Nerchinsk district. The following issues are considered: the first military operations in Transbaikalia and the subordination of Tungus princes; construction of the Irgensky and Upper Shilksky fortresses; arrangement of arable lands and search for places for salt production; reconnaissance of the situation in Amur region and recruitment of Yenisei warriors and the remnants of Amur army to Daurian regiment; problems with provision of the regiment; combat and non-combat losses. Much attention is paid to the history of construction of two Orthodox churches in Transbaikalia. The study concluded that Daurian regiment fulfilled its main mission, securing the power of Russia in Transbaikalia, despite the fact that over 5 years of service in Dauria, most of it died during the

fighting, as well as due to hunger and disease. The article is intended for historians, local historians and a wide range of readers interested in the history of Transbaikalia.

Keywords: troops, Cossacks, Streltsy, Afanasy Pashkov, Yeniseisk, Transbaikalia, Dauria, history, Siberia, XVII century, genealogy

For citation: Bagrin E.A., Trukhin V.I. (2023) Afanasy Pashkov and the Daurian Regiment in Transbaikalia (1657–1662). *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 19. No. 3. P. 62–73. (In Russ.). <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2023-3-62-73>. EDN: JULUTM.

Данное исследование завершает материалы, ранее опубликованные нами в статьях: «Полк Афанасия Пашкова в 1655 г.: состав, вопросы комплектования и обеспечения перед отправкой в Даурию из Енисейска (с именным списком)» и «Афанасий Пашков и даурский полк в 1655–1657 гг.: от Енисейска до Братского острога» (Багрин, Трухин, 2023а; Багрин, Трухин, 2023б). Здесь мы подробно отразим события, связанные с деятельностью полка Пашкова в Даурии, начиная от времени вступления его в Забайкалье в 1657 г. и до 1662 г., когда Пашкова сменил новый воевода Л. Толбузин. Основной работы стали неопубликованные документы из Российского государственного архива древних актов, объединенные в рамках Столбца 508 Фонда 214 (Сибирский приказ). Несмотря на то, что в историографии к исследуемому периоду забайкальской истории обращались многие ученые, большинство сведений из Столбца 508, касающиеся похода Даурского полка, остались неизвестными (Фишер, 1774; Словоцов, 2006; Андриевич, 1887; Бороздин, 1900; Васильев, 1916; Александров, 1984; Артемьев, 1999; Зуев, 2013; Барахович, 2016¹ и др.).

В статье освещены следующие темы:

- Первые боевые действия. Строительство Иргенского и Теленбинского острогов.
- Строительство Верхнего Шилкского острога.
- Обустройство в Забайкалье пашни и поиск источников соли для снабжения Даурского полка продовольствием.
- Разведка ситуации в Приамурье и пополнение Даурского полка за счет енисейских служилых людей и остатков Амурского войска.
- Проблемы Даурского полка с обеспечением. Боевые и небоевые потери.

– Строительство первых православных церквей в Забайкалье.

– Последний этап в существовании полка А. Пашкова.

Первые боевые действия, строительство Иргенского и Теленбинского острогов. Проведя зиму 1656/1657 гг. в Братском остроге, Пашков приказал по «первой полой воде», пройдя на дощаниках по р. Ангаре, переправляться через оз. Байкал. Отсюда по р. Селенге даурский полк достиг устья р. Хилок. Здесь служилые люди оставили дощаники и, сделав барки, пошли вверх по течению Хилка к озеру Иргень, достигнув его только через 12 недель². В связи с этим обстоятельством Пашков отмечал, что «было ветряно и по Хилку реке воды были мелки». К этому моменту у служилых людей закончилось хлебное жалованье, выданное им в Енисейске. Поэтому Пашков выдал им «свои хлебные запасы муки ржаную и овсяную и солод», а также, горячее вино, снабжая ратников и в дальнейшем на реках Ингоде и Шилке. Всего воевода отдал служилым людям 3195 пудов хлебных запасов и 400 ведер «вина горячего» (РГАДА. Ф. 214. Стлб. 508. Л. 64–65, 144а–144б, 317, 328–330).

Параллельно с передвижением основных сил Пашков отправил из Братского острога 70 чел. «на лошадях своих и казачьих» во главе со своим сыном Еремеем. Отряд, видимо, использовался в качестве ертаула, исключавшего возможность нападения на ратников, движущихся по воде. Переправившись на дощаниках через Байкал, они снова пошли «сухим путем», передвигаясь берегом около Хилка к оз. Иргень. Неожиданно ночью «на стану» отряд был атакован «мунгальскими тунгусами», которые собравшись во множестве «хотели их побить и лошади отогнать». Ночной бой закончил-

¹ Барахович П.Н. Служилое население Центральной Сибири в XVII столетии (Енисейский и Красноярский уезды) : дис. ... на соиск. уч. степени канд. ист. наук. Красноярск, 2016. 438 с.

² Аввакум описал этот период: «По Хилке по реке заставил (Пашков – Авт.) меня лямку тянуть: зело нужен ход ею был, – и поесть было неколи, нежели спать. Лето целое мучилися. От водяные тяготы люди изгибали» (Аввакум, 2009. С. 52).

ся для людей Еремея благополучно, все остались здоровы. Только одна лошадь, бывшая под казачком в дозоре («стороже»), оказалась застрелена. Утром, когда противника стало видно, служилые люди, возглавляемые Еремеем, совершили вылазку, контратакуя врага. В итоге боя они захватили в плен 4-х тунгусов, включая «лутчево начальново ч(е)л(о)в(е)ка улана красново шуленгу». **Таким образом, произошло первое боестолкновение с участием ратников Пашкова в Даурии.** К оз. Иргень Еремей добрался быстрее, чем пришли барки с главными силами полка (РГАДА. Ф. 214. Стлб. 508. Л. 317–318).

Здесь стало известно, что остроги, построенные на оз. Иргень и р. Шилка енисейским сыном боярским Петром Бекетовым и казаками Калинки Полтинина, сожжены «воровскими» тунгусами, которые изменив в 7164 г., побили баунтовских и баргузинских служилых людей, и, разворовав ясачную соболиную казну, откочевали в Забайкалье³. Служилые люди, бывшие в Иргенском и Шилкском острогах, были «обманом» перебиты. Тунгусам достались казенные сукна, олово и якоря. Позднее даурским служилым людям удалось поймать зачинщиков измены «Сажик да Волосач Боявица да Ломанейко с товарищи». Они были посажены в тюрьму и Пашков намеревался повесить их «созвав ... ясачных многих людей ... что б ... на то смотря, такая ж воры ... изменники впредь ... острогов не жгли и служилых людей не побивали и казны ... не грабили» (РГАДА. Ф. 214. Стлб. 508. Л. 333–335).

Прибыв на оз. Иргень, Пашков построил «острог з жилыми избами и всякия острожныя крепости учинил и надолбы круг острога поставил в самом угрожем месте и у рыбных у больших ловель». Подробных сведений о его фортификации не сохранилось. Однако можно согласиться с мнени-

ем А.Р. Артемьева, который считал, что в описании Иргенского острога 1704 г. речь идет о крепости, построенной казаками Пашкова, поскольку по своим размерам и насыщенности башнями она уступала только Нерчинскому острогу, в то время как военного значения давно не имела. Удалось выявить еще одно аналогичное описание Иргенского острога, относящееся к 1710 году⁴, с одним важным уточнением. В нем указано, что сохранившиеся башни острога были глухими: «Иргенский острог стоячий мерою кругом пятьдесят две сажени. По тому острогу четыре башни ветхие глухие огнили и розвалились. Под башнями избы. А ведом тот острог к Теленбинскому острогу» (РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Ед. хр. 1977. Л. 6). Здесь же даурский полк разместился на зиму. Вероятно, именно в это время Пашковым был основан и еще один из главных острогов в Забайкалье – Теленбинский (Элерт, 1990. С. 185–186).

Зимой 1658 года на Шилку и «иныя сторонныя реки» для сбора ясака отправились отряды служилых людей во главе с казачьим пятидесятником Ондрушкой Потаповым⁵. В этот период люди Пашкова понесли первые потери⁶. Изменил прислан-

⁴ А.Р. Артемьев опирался на сведения, почерпнутые из книги А.И. Попова, и считал, что к 1708 году острог был разобран (Попов, 1907). Однако приведенное описание говорит о том, что, как минимум, до 1710 года острог существовал.

⁵ Пашков отмечал то, что в полку было мало грамотных людей, поэтому ясачные сборщики не могли составить имянные книги плательщиков ясака (РГАДА. Ф. 214. Стлб. 508. Л. 324).

⁶ В документе РГАДА, любезно предоставленном В.И. Трухину П.Н. Бараховичем, говорится об участии в одном из этих походов томского служилого человека Ивана Поршенникова, который был отправлен во главе 20 чел. вниз по р. Ингоде до р. Онон и далее в ее верховья. Собрал ясак с тунгусов, живших вблизи р. Онон, Поршенников, вероятно, с некоторой частью отряда вернулся в Иргенский острог. Остальные служилые люди пошли вверх по реке. Все они, включая родного брата И. Поршенникова, были убиты в улусе тунгусского шуленги Волоса, заманившего их «лестью и обманом». Эти же тунгусы пытались перехватить по дороге на р. Ингоде и И. Поршенникова. Однако он сумел тайно «лесами и крепкими местами» дойти до Иргенского острога. Позднее И. Поршенников участвовал в походе Еремея, описанном в основном тексте статьи. В 1663/1664 г. он отвез соболиную казну из Иргенского острога в Москву, а в следующем году привез в Даурию денежную казну для вы-

³ Подробнее об этих событиях см. в статьях: Зуев А.С. Богдойский боярин Гантимур: рождение и развенчание мифа // Вестник НГУ. Сер. История, филология. 2020. Т. 19. № 8. История. С. 9–34; Зуев А.С. Гантимур и русские землепроходцы: из истории русско-тунгусских отношений в Забайкалье в середине XVII в. // Сибирь в империи – империя в Сибири: имперские процессы на окраинах России в XVIII – начале XX вв. Иркутск. 2013. С. 134–152; Багрин Е.А., Трухин В.И. Афанасий Пашков и даурский полк в 1655–1657 гг.: от Енисейска до Братского острога // Известия Лаборатории древних технологий. 2023b. Т. 19. № 2. С. 103–118.

ный из Москвы толмач Ондрушка Колча, прежде взятый из Даурии Дмитрием Зиновьевым. Колча «завал обманом» в таргачинскую землю, оказавшуюся под контролем маньчжуров (богдойцев) «прежнего даурского служилого человека» Ивана Иванова и томского казака Алешку Каленого. Толмач «велел» таргачинцам отказаться от выплаты дани и убить ясачных людей, мотивируя это тем, что Пашков послан в Даурскую землю, «а у вас де ему не быть». Эти сведения стали также толчком к убийству баргутами Ивана Григорьева и 8 чел. ясачных сборщиков. По данным Пашкова в «Таргачинской земле» жили 3000 чел., а в «Баргуцкой» 2000 чел. (РГАДА. Ф. 214. Стлб. 508. Л. 319–320).

В ответ на эти действия Пашков зимой «в самые большие морозы» послал отряд, насчитывавший 260 чел., включая новоприборных, бывших на «подъеме»⁷ воеводы. Одна часть служилых людей была на конях, а другая – на лыжах с нартами. Начальным человеком снова был сын Еремей. 12 дней они шли вверх по рекам Шилке и Унде. Удар на становища тунгусов оказался успешным. В плен захватили 40 чел. Трофеями стали 500 лошадей и «три сорока три соболя» в т. ч. без пупков и без хвостов⁸. На обратном пути отряд Еремея подвергся нападению больших сил тунгусов, собравшихся за тем, чтобы отбить полон. Бой шел «с половины дни до вечера», «многие» из нападавших были «побиты». У служилых людей были ранены Богдан Габышев и Данилка Ондреев, а под Еремеем Пашковым была застрелена лошадь. Несмотря на успех предприятия, Пашков отметил в отписке правительству, «а до богдойских ... людей до таргачин-

платы жалованья нерчинским служилым людям (РГАДА. Ф. 214. Стлб. 1008. Л. 114).

⁷ Поверстанным «новоприборным служилым людям» жалованье Пашков давал из своих личных запасов.

⁸ Пашков активно пополнял государственную казну, подчеркивая этот момент в своих отписках. В 1658 г. на оз. Иргень и р. Шилке было собрано «двдцать три сорока тритцать семь соболей», 5 красных лисиц и черный боб. Еще «два сорока тритцать три соболя» были взяты в качестве десятой пошлыны из добычи служилых людей, которые занимались соболиным промыслом. Интересно, что в дальнейшем одной из своих отписок Пашков отмечал, что набранные им в Енисейске и Братске казаки «обедняли и платышком оскудали а на соболиные ... промыслы ни куда не ходили безпрестанно служили и работали ... всю зиму ... остроги на Ингеде реке готовили и в поход ходили» (РГАДА. Ф. 214. Стлб. 508. Л. 144а).

ские землицы и до баргуцких мужиков которыя побии ваших ... служилых людей ясачных зборщиков сынишку моему с малыми людьми в такая большая морозы за дальним разстоянием) никакими мерами дойти было немочно» (РГАДА. Ф. 214. Стлб. 508. Л. 320–323).

Тем не менее результатом похода стало то, что группа тунгусов численностью 500 чел. с «лучшими людьми» Топыги и Тыдохти прислала своих представителей в Иргенский острог, и согласилась платить ясак. Приведение к шерти «по их ... вере» провели на р. Ингоде. В аманатах были оставлены 5 детей из лучших родов. Пашков посовещавшись со всем полком, отдал всех пленных без выкупа «для того что кормить ... нечим». Из захваченных же лошадей воевода отделил как «десятую пошлыну на государя» 50 «добрых» голов, стоимостью каждая около 20 руб. по русской оценке. Кроме того, в казну поступила и вся трофейная пушнина. Остальных лошадей служилые люди разделили между собой (РГАДА. Ф. 214. Стлб. 508. Л. 323–324).

Строительство Верхнего Шилкского острога.

Зимой 7166 г. (декабрь 1657 – февраль 1658) полк Пашкова вышел из Иргенского острога, перейдя за волок на р. Ингоду. В Иргенском остроге остались для ясачного сбора казакий пятидесятник Евтифейка Иванов и 19 служилых людей. Кроме того, казацки наемщики и новоприборные служилые люди, входившие в состав отряда Иванова, должны были завести пашню на 10 десятинах земли, для чего им были оставлены яровые и ржаные семена и 6 лошадей. Здесь же был оставлен улан шуленга, взятый в плен отрядом Еремея в первом бою в Даурии. Он обещал платить ясак за себя и свой род, насчитывавший 100 чел. (РГАДА. Ф. 214. Стлб. 508. Л. 324–325).

Важно отметить, что восстановление Шилкского острога не было основной задачей отряда Пашкова, этим он просто обеспечивал себе тылы и промежуточную базу на своем пути в Даурию. На р. Ингоде началась масштабная заготовка леса для строительства укреплений крепости, которая будет контролировать «новую Даурскую землю», под которой на этот момент подразумевались территории Приамурья. Пашков предполагал, что на Амуре богдойские и «и иных неверных земель люди» могут помешать ему «лес сечь и башни рубить», поэтому было решено сделать все заранее, сплавив

до места строительства по воде⁹. В строительстве участвовали полковые ратники из сибирских городов и 160 чел. новоприборных служилых людей. Они изготовили 8 башен для Даурского острога в т. ч. 2 с проезжими воротами и 200 сажен острогу для 4-х стен. Кроме этого, тут же был заготовлен лес и для восстановления Шилского острога, который был назван Верхним Шилским острогом: «Да тое ж г(о)с(у)д(а)ри зимы на Ингеде ж реке срубил я холоп ваш служилыми и новоприборными людьми на ваш г(о)с(у)д(а)р(е)в другой верхней Шилской острог четыре башни да к тем г(о)с(у)д(а)ри башням изготовил острог весь сполна». Из этого описания видно, что Верхний Шилский острог был существенно меньше Даурского, что еще раз подчеркивает факт того, что строительство крепости в Приамурье было одной из основных задач похода. В новом остроге Пашкову предписывалось построить «настоящую церковь, во имя Воскресения Христова; а у той церкви приделати два предела, во имя Алексея митрополита, да Алексея человека Божия». Поэтому вместе с заготовками для строительства крепостей был подготовлен лес и для церкви (РГАДА. Ф. 214. Стлб. 508. Л. 65, 144, 325).

Весной 1658 г., как только растаял лед, оба острога и лес для церковного строительства были «сплочены» в 170 плотов и началась их сплав к устью р. Нерчи. Кроме того, на плотях были размещены имущество, полковые лошади и по 2–3 служилых человека на один плот. Маршрут пролегал по р. Ингоде и Шилке. Несмотря на значительную предварительную подготовку, сплав заготовленных конструкций по забайкальским рекам проходил сложно. В весенний период р. Ингода и Шилка полноводны, но скорость течения у них очень высокая, глубокие места сменяются мелями и для больших плотов они труднопроходимы. Поэтому потери леса при сплаве были неизбежны. Из-за того что Ингода «река каменная и быстрая» путь занял 3 недели. Плоты разбивало, возникали заторы и простои. В судах же этот путь можно было преодолеть за 4 дня. Во время пути по р. Ингоде бежал томский служилый человек Ивашко Васильев Шумилов. Он унес с собой казенные пищаль,

порох, свинец и жалованье (РГАДА. Ф. 214. Стлб. 508. Л. 326, 340, 345).

На устье р. Нерчи Пашков выбрал место для острога так, чтобы удобно было контролировать племена тунгусов и нелюдов, а также заниматься хлебопашеством и соболиным промыслом. Строительство Верхнего Шилского острога не вызвало затруднений. Уже 29 июля 1658 года Верхний Шилский острог был возведен: «и доплыв г(о)с(у)д(а)рия холоп ваш до усть Нерчи реки где та река впала в великую реку Шилку розыскав самое угоднее место в нелютцкой ив тнгуской землях у хлебных пашень у соболиново угоджево промыслу поставил ваш г(о)с(у)д(а)р(е)в острог». К сожалению, в отписках Пашкова описание этого острога не сохранилось. Однако по имеющимся сведениям о произведенных для его строительства заготовках можно предположить, что, как и в Иргенском остроге, в нем было четыре глухих угловых башни, а стены острога были тыновыми. Внутри острога, по свидетельству протопопа Аввакума, были избы, в одной из которых он жил (Аввакум, 2009. С. 76–77). Крепость была защищена надолбами и другими «острожными крепостями» (РГАДА. Ф. 214. Стлб. 508. Л. 326, 340, 345). О приведении местных народов в русское подданство Даурский воевода писал «и многих иноземцов ... ласкою и приветом призвал и аманаты их укрепил и давал им ... жалованье в подарки свои сукна и олово и учинил ... новую нелютцкую и тунгускую землю впредь прочну и стоятельную». Таким образом, был основан будущий Нерчинский острог.

Обустройство в Забайкалье пашни и поиск источников соли для снабжения Даурского полка продовольствием. Описывая ситуацию, складывающуюся весной 1658 г., Пашков писал о том, что без постройки острога на Шилке, заведения здесь пашни и получения урожая, идти в Даурию (Приамурье) было бессмысленно, а последствия могли стать фатальными: «А не поставя ... верхнево Шилского острогу и не посеять ... яровых хлебов и не вспахать же и не посеять земли рожью для осторожной поставки плыть было в Даурскую землю ... служилыми людьми никакими мерами не мочно, приплыв ... в Даурскую землю в позное время пашню пахать и яровым хлебом сеять неколи и служилыя ... люди все померли голодною смертию» (РГАДА. Ф. 214. Стлб. 508. Л. 328).

⁹ Еще одной существенной причиной заблаговременной заготовки леса, было то, что в устье реки Нерча не было леса, пригодного к постройке большого острога.

Даурский воевода также докладывал в Сибирский приказ, что необходимо прислать еще 300 служилых людей и 50 крестьянских семей в «вечное житье» для размещения в гарнизонах Иргенского и Верхнего Шилкского острогов: «и тем вашим ... обоим острогам прилегли многия сторонняя реки и озера, а по тем ... рекам и озерам кочуют оленья тунгусы многия люди и пристойт ... послать по тем рекам и озерам на вашу ... годовую службу и остроги ставить зимовныя из верхнево ... Шилковского острогу для ... ясачново збору и прииску и приводу новых немирных земель под вашу г(о)с(у)д(а)рьскую высокую руку служилых людей в три места сто ч(е)л(о)в(е)к в верхнем ... Шилском и в Ыргенском острогах по великой нуже меньшеи дву сот ч(е)л(о)в(е)к быть немочно, а пашенных ... людей надобно пятьдесят семей крестьянских опрично ... пашенново строенья в даурской земле» (РГАДА. Ф. 214. Стлб. 508. Л. 326–327).

С наступлением теплого времени года служилые люди вспахали и засеяли 50 десятин земли яровым хлебом, используя купленные воеводой в Енисейске и Илимске семена. К 1659 г. они планировали расширить пашню до 70 десятин, засадив ее рожью из Илимска. Однако Пашков по-прежнему просил в Сибирском приказе прислать хлебные запасы, отмечая, что «таким малым севом, что я ... к верхнему Шилскому острогу посеял прокормица будет нечим» (РГАДА. Ф. 214. Стлб. 508. Л. 66, 144, 327, 331).

Кроме того, здесь были большие перспективы завести места для покосов и добычи соли, что было очень важно. В отписке Пашков докладывал: «по великой реке Шилке и по реке Нерче истари бывали пашни многия и сеножати большия верст по дватцати и больше а по скаске ... ясачных иноземцов слышали де оне от старых людей издавна де те земли пахивали китайсково г(о)с(у)д(а)рьства люди и перешли де в китайское г(о)с(у)д(а)рьство давно тово де оне не помнят Да к тому ж ... острогу вверх по великой реке Шилке розыскал я ... ясачными людьми иноземцы соленое озеро иттить от ... верхнево Шилковского острогу в верх по великой реке Шилке к тому соляному озеру на дощаниках десять дней, а от тово ... озера до великие реки Шилки в котором месте та соль в дощаники грузить ехать сухим путем степью с тою солью на лошадях на телегах полтора дни, а родитца ... в том озере соль такова ж, что в

Тобольску в Ямышеве озере» (РГАДА. Ф. 214. Стлб. 508. Л. 328).

Разведка ситуации в Приамурье и пополнение Даурского полка за счет енисейских служилых людей и остатков Амурского войска. 16 июня 1658 г. Пашков послал на низ Амура «до моря» казачьих пятидесятников Андрея Потапова и Вавилка Фомина и 30 чел. в легких стругах. Они должны были найти полк О. Степанова и известить его о том, что нужно идти на соединение с Пашковым и строить острог для контроля над Даурской землей. Степанов должен был подняться по Амуру до Албазинского городища и здесь ждать полк Пашкова. Кроме того, он должен был отрядить 100 чел. в Верхний Шилкский острог для помощи в сплаве леса, предназначенного для строительства Даурского острога и церкви. По сведениям, полученным от служилых людей, бывших ранее в составе Амурского войска, путь на дощаниках от низа Амура до устья Нерчи должен был занять около 3 месяцев. Потапов вернулся 18 августа 1658 г. с известием о том, что полк Степанова разбит на Амуре маньчжурами, а большинство служилых людей перебиты. С ним были Якимка Яковлев и 20 чел., служившие прежде в Амурском войске (РГАДА. Ф. 214. Стлб. 508. Л. 68–69, 333).

18 июня 1658 г. в след за Потаповым даурский воевода отправил на Амур своего сына Еремея и 30 служилых людей в легких стругах. Еремей должен был определить, где лучше поставить Даурский острог на устье р. Урки, Албазине или Гойгударовом городище. Отряд вернулся в Верхний Шилкский острог к 29 июля 1658 г. Еремей доложил о том, что «пристойт де поставить ваш г(о)с(у)д(а)р(е)в острог в Даурской земле на Албазине городище». От устья Нерчи до Албазина он добрался «по великой реке Шилке наскоро днем и ночью пятеры сутки, а на Албазине ... городище стоял три дни. А от Албазина ... городища до ... верхнево Шилковского острогу шел ... две недели четыре дни». Разведка не встретила никого из представителей местных народов. Еремей отметил, что посеянного хлеба в пройденных им местах не было. Про хлебные запасы, находящиеся в Тугирском остроге, он также ничего не узнал: «ведать не от ково и с Тугирского ... острогу через волок на великую реку Шилку ... русских людей не бывал ни хто следу ... через тот волок по дороге конново и пешево и никаких признаков нет». Малое число людей в отряде Еремея не позволило ему отправить кого-

то в Тугирский острог. При этом, по расчетам Еремея, пешего ходу от Верхнего Шилкского острога до Тугирского острога и назад 3 недели (РГАДА. Ф. 214. Стлб. 508. Л. 332).

К 29 июля 1658 г. в полк Пашкова влились пришедшие на р. Шилку с «байкаловскою пометною казною» енисейский сын боярский Василий Колесников, казачий пятидесятник Онтонко Поключенок и 27 служилых людей. К нему же присоединилась часть служилых людей во главе с казачьим пятидесятником Ондрушкой Васильевым, состоявшими прежде в Амурском войске (РГАДА. Ф. 214. Стлб. 508. Л. 63).

Проблемы Даурского полка с обеспечением.

Боевые и небоевые потери. 29 июля 1658 г. Пашков написал в Москву отписки о том, что служилые люди (включая новоприборных казаков) из его полка просят их переменить и отпустить в «сибирские города», а также выплатить денежное и хлебное жалованье, которое они не получали с момента выхода из Енисейска. Воевода также указывал на крайнюю нехватку боеприпасов и оружия. От полученного из Тобольска пороха уже к моменту выхода полка из Братского острога осталось только 25 пудов, т. е. половина запаса. Вероятно, порох был роздан новоприборным служилым людям. Полк нуждался в пушках, затинных пищалях, мушкетах, порохе и свинце. Пашков несколько раз сообщал об этом в Сибирский приказ. Однако с 1655 г. ничего ни в Енисейск, ни в Даурию прислано не было (РГАДА. Ф. 214. Стлб. 508. Л. 57–60, 66–67, 144б, 313–316).

Летом 1658 года обстановка в отряде А. Пашкова стала ухудшаться. У служилых людей стало заканчиваться продовольствие. По данным Пашкова, в полку к 29 июля 1658 г. 58 чел. были убиты (большинство из-за измены Ондreja Колчи) и умерли от «хлебной скудости». Еще 53 чел. лежали при смерти. В челобитной служилых людей уточнено, что из-за недостатка хлеба в ходе похода умерли 47 чел. При этом они указывали такое же число лежачих больных. Таким образом, можно предположить, что боевые потери составляли 11 ратников. Кроме того, с Пашковым и его сыном Еремеем было 70 чел. дворовых людей. Они также испытывали недостаток в пищевых запасах, т. к. для их питания оставались только «семь мехов муки ржаные» (РГАДА. Ф. 214. Стлб. 508. Л. 64–66, 329).

Пашков писал, что за «малолюдством» он не может отправить ясачную казну в Москву. До 18 августа он еще рассчитывал решить этот вопрос за счет пополнения людьми Степанова: «А отпущу к вам г(о)с(у)д(а)рем к Москве ... соболиную казну во 167 м году весною как я ... сойду с даурскими служилыми людьми вместе» (РГАДА. Ф. 214. Стлб. 508. Л. 335).

Ситуация была во многом критическая. К лету 1658 г. пришло в негодность большинство неводов из личных запасов даурского воеводы, которыми пользовался весь полк. Из енисейской казны Пашков сетей не получал. Это имело огромное значение, т. к. значительную часть рациона служилых людей составляла выловленная ими в реках рыба. Даурский воевода отмечал «в великой реке Шилке и в реке Нерче рыба калушки шевриги сазаны и сомы таймени и иная разная рыба. А в озерах караси и щуки». Пашков писал, что нужны сети на 10 неводов длиной по 200 сажень (в русских городах одна сажень стоила 8 денег) и «десять пуд троесучные пряжи» на их починку. Воевода планировал посеять коноплю около Верхнего Шилкского острога, но, очевидно, что это не был быстрый способ решения проблемы. Купить же в Даурии сети было невозможно. К этому же времени закончились хлебные запасы Пашкова, которыми он снабжал полковых и новоприборных людей. Начался голод. Мы уже отмечали, что к моменту написания отписки, от «хлебной скудости» умерло 47 чел., а 53 чел. лежали при смерти. Остальные писали, что питаются «травой и кореньем» и «по великой ... нуже осквернились з голоду едим кобылятину» (РГАДА. Ф. 214. Стлб. 508. Л. 60–61, 64–66, 144а–144б, 327, 329).

Кроме того, Пашков писал в Сибирский приказ, что ему для жалованья ясачным нелюдским, тунгусским и даурским людям и ведения учета необходимы писчая бумага «анбурские сукна» и «летчины красные» – 50 половинок, 25 пуд олова, 3 пуда «одекуя лазоревого» (бусы из стекла или фарфора). Ничего из вышеперечисленного он не получил в Енисейске. Кроме того, Пашков предлагал правительству выплатить жалованье служилым людям английским сукном («летчинами»): красными, лазоревыми и белыми сермяжными. Он писал, что ткани, которые в русских городах стоят 1 алтын 2 деньги за аршин, в Даурии оцениваются, по меньшей мере в полтину. Поэтому использование их в каче-

стве средства для выплаты жалованья принесет государству прибыль, если произвести расчет по даурской цене и служилые люди будут «одежны», «платьем скудны не будут». По его же расчетам присылка этого же сукна на продажу в обмен на соболей и другие местные товары должна была обеспечить правительству прибыль не менее чем на 2000 руб. При этом Пашков был готов прислать своих людей на Тугирский волок, если сукно прибудет из Илимского или Якутского острогов, чтобы перевезти его в Даурию зимой на нартах (РГАДА. Ф. 214. Стлб. 508. Л. 55–56, 144г).

Строительство первых православных церквей в Забайкалье. Первые планы о возведении церкви на р. Шилке были сформулированы в отписке Пашкова в Сибирский приказ в июне 1654 г., когда он еще занимал место Енисейского воеводы. Получив информацию о строительстве отрядом Петра Бекетова небольшого острожка на р. Шилке во время его похода в Забайкалье в 1652–1653 гг., Пашков планировал развить достигнутый успех и в 1654 г. здесь же на р. Шилке в устье р. Нерча силами Бекетова возвести большой острог. Именно в нем, по планам Пашкова, должна была быть возведена трехпрестольная церковь. Для этого им были предприняты необходимые шаги. Не дожидаясь царского одобрения этих планов, и, видимо, будучи уверенным, что оно будет получено, Пашков обратился к «Патриарху Московскому и всеа Руси» Никону, что бы он «бл(а)гословил в твоих г(о)с(у)д(а)р(е)вых новоприводных великих землях на великой реке Шилке в новом твоём г(о)с(у)д(а)р(е)ве остроге на то ц(е)рковное строение лес ронить и в том лесу воздвигнути ц(е)рковь во имя пресв(я)тые вл(а)д(ы)ч(и)цы н(а)шей Б(о)г(оро)д(и)цы и пр(и)сно д(е)вы Марии ч(е)стнаго и славнаго ея стретения иконы Владимирския да в пределех собор архистратига Михаила и протчих н(е)б(е)сных бесплотных сил и иже во св(я)тых отца нашего Алексея митрополита киевског(о) и всеа Руси чудотворца и для осв(я)щения тех ц(е)рквей дал свою св(я)тительскую бл(а)гословенную грамоту и антими́сы» Кроме того, для освящения этой церкви и ведения в ней служб он призвал «Енисейсково острогу соборново б(о)гоявленског(о) попа Игнатия Олексеева да дьякона Алексея Иванова и церковных причетников» (РГАДА. Ф. 214. Стлб. 344. Ч. II. Л. 595–596). Попасть в Забайкалье они могли вместе со служилыми людьми

под командованием пятидесятника Енисейского острога Олешки Оленя, прибывшими в качестве пополнения отряду Бекетова. О том, что такое решение могло быть реализовано, говорит появление в Иргенском остроге часовни. Никаких сведений о том, что часовня была построена еще в период возведения острога казаками Бекетова, нет, но, по свидетельству служилых людей, выживших после его уничтожения, иноземцы «шунниские и челкагирские Зярма да Зягара шаман» «милосердые б(о)жие в часовне Сп(а)са и пр(е)ч(и)стую б(огоро)д(и)цу да Иванны пр(е)дт(е)чю и казну свечи и кн(и)ги сожгли» (РГАДА. Ф. 214. Стлб. 508. Л. 343). Церковная казна, уничтоженная взбунтовавшимися тунгусами, могла быть привезена енисейскими священниками. Как известно, к моменту похода Пашкова Шилкский острог, построенный людьми Бекетова, также был покинут, так что планы енисейского воеводы развития не получили. Назначенному Даурским воеводой Пашкову предстояло реализовать их самому.

Следует отметить, что, хотя в наказе на службу в Даурской земле Пашкову о строительстве церкви в Верхнем Шилском остроге ничего не было сказано, ее строительство планировалось им еще до выхода его отряда из Енисейска, поскольку антими́с для ее освещения, был получен заранее, вероятно, вместе с антими́сами для Воскресенской церкви Даурского острога. О строительстве этой церкви Пашков в своей отписке писал: «по бл(а)гословению преосвященного Симеона архиепискупа Сибирского и Тобольского и по своему ... обещанью и сибирских разных одиннатцати городов всех служилых людей ... зачал рубить ц(е)рк(о)вь Б(о)жию наемными плотники во имя пресвятые вл(а)д(ы)ч(и)цы н(а)шей Б(о)г(оро)д(и)цы и пр(и)сно д(е)вы М(а)рии чеснаго и славнаго ея благовещения. А срубить ... им плотником тое ц(е)рковь Б(о)жию по угов[ор]у на срок к Успениеву дни пр(е)св(я)тыя вл(а)д(ы)ч(и)цы н(а)шей Б(огоро)д(и)цы и пр(и)сно д(е)вы М(а)рии н(ы)нешняго 166 г(о) году для тог(о) что б ... за м(и)л(о)стью Б(о)жию в вашей ... дальней в новой нелюцкой и в тунгской землях учинилась благочестия и просияла б истинная православная Хр(и)стиянская вера и ваша ... б(о)гомолья ц(е)рк(о)вь Б(о)жия построилась и освятилась и служилыя ... люди будучи на вашей ... дальней службе без покаяния и без причастия не помирали, а жены б их без молитв, а дети без крещения не были, а

иноверных бы ... земель люди приступили от тьмы в свет и познали б истинного г(о)с(по)да Б(о)га и Сп(а)с(а) н(а)шего И(и)с(у)са Хр(и)ста и были б во св(я)том крещени под вашею ... высокую рукою» (РГАДА. Ф. 214. Стлб. 508. Л. 326, 345–346). Судя по названию церковь планировалось построить однопрестольной. Поэтому надо признать, что выводы о том, что строительство церкви Верхнего Шилского острога было отложено, изложенное в статье «Первая Нерчинская православная церковь», не имеют под собой основания (Трухин, Лохов, 2022. С. 141).

Как отмечалось ранее, одним из специалистов по строительству деревянных церквей в Восточной Сибири, был казак Г. Иванов, которого Пашков в 1656 г. взял с собой из Братска в Даурию «для церковного строения». Вероятно, именно он возглавил «наемных плотников», строивших первую нерчинскую церковь. В дальнейшем он служил в течение 6 лет в Даурии, а в 1670 г. за заслуги в строительстве церквей в Восточной Сибири просил о пожаловании его в дети боярские (Леонтьева, 2012. С. 168).

Вместе с Пашковым на Даурскую службу Тобольским Архиепископом Симеоном были посланы черный поп Сергей, протопоп Аввакум и белый дьякон Леонтей. По дороге в Даурию в Братском остроге Леонтей умер. Однако это не помешало освятить новую церковь. По свидетельству Лариона Толбузина, это произошло не позднее 14 мая 1662 г. (РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стлб. 132. Л. 182). К сожалению, никаких описаний церкви выявить не удалось, поэтому достоверно реконструировать ее внешний вид сегодня не представляется возможным.

Так как объединение полка Пашкова и казаков Амурского войска, возглавляемого Степановым, не произошло, присоединение приамурских земель к территории, контролируемой Пашковым в Забайкалье, не состоялось, ни фактически, ни формально. Даурский острог и Воскресенская церковь остались невозведенными. Однако планы возведения Воскресенской церкви продолжали существовать, но построить ее уже планировали в Нерчинском остроге, а не в Приамурье. Вероятно, причиной этому был необходимый для строительства церкви лес, который полк Пашкова заготовил и сплавил к Нерчинскому острогу. Началось строительство при сменившем Пашкова тобольском сыне боярском Ларионе Борисове сыне Толбузине, а завершилось уже при новом приказном человеке Даурских острогов Да-

нииле Даниловиче Аршинском. Об этом говорит его отписка, в которой он сообщает: «В нынешнем, великих государей, во 178-м году¹⁰ по вашему, великих государей, указу в Нерчинском остроге строится церковь божия во имя Воскресения Христа Бога нашего и Пресвятые Владычицы наша Богородицы честнаго и славнаго ея Благовещения и во имя Алексея человека Божия, и сего лета церковь состроится» (РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Д. 1659. Л. 97). Освящена эта церковь была не позднее 29 апреля 1671 г. О завершении ее строительства также сообщил Д. Аршинский в своей отписке: «А ныне в Нерчинском остроге по вашему великих государей указу состроилась церковь Божия во имя Воскресения Христа Бога нашего и Пресвятые Владычицы наша Богородицы Чеснаго и Славнаго Ея Благовещения вся наготова и освящена» (Архив СПбИИ РАН. Ф. 96. Д. 218. Л. 1–2). Что случилось с первой нерчинской церковью, сказать пока сложно, но, по свидетельству русского посла в Китай Н. Спафария, в 1675 г. в Нерчинском остроге была только одна церковь и это была Воскресенская церковь. Об этом он оставил очень краткое воспоминание в своей книге: «...А острог Нерчинской стоит на левой стране реки Нерчи на равном месте; а ниже острогу река Нерча впадала в Шилку, а в остроге церковь Воскресения Христова, а жилых дворов казачьих с 60, а служилых людей, кроме промышленных человек, с 200» (Спафарий-Милеску, 1882. С. 140).

Последний этап в существовании полка А. Пашкова. Зимой 1659 г., вероятно, из-за продолжающихся проблем с продовольствием Пашков перешел из Верхнего Шилского острога в Иргенский острог, где оставался до своей перемены. О событиях последних годов службы Пашкова в Забайкалье известно из единственной его отписки, сохранившейся в копийных книгах Г.Ф. Миллера. В 1661 г. осенью из Иргенского острога А. Пашков отправил своего сына Еремея в поход на тунгусские улусы. В состав отряда, пошедшего вместе с ним, были включены казаки, вышедшие с Амура после уничтожения маньчжурами Амурского войска, руководимого О. Степановым. Среди них были енисейские служилые люди, прежде входившие в отряд сына боярского Василия Колесникова и сбежавшие от него в

¹⁰ 1718 год охватывает период с 1 сентября 1669 года по 31 августа 1670 года.

Даурию на р. Прорве: «Обрашко Парфенов, Ивашко Никитин, Кузка Филипов, Кузка Иванов, Логинко Никитин», а также разных Сибирских городов «Левка Ярофеев Булуй с товарищи». Реальными причинами присоединения этих людей к полку Пашкова, вероятно, была возможность пополнить за его счет запасы пороха, свинца и продовольствия. Пашков отметил в отписке, что 4 сентября 1661 г. эти казаки (всего 17 человек) «на Ингоде реке, ночью покрадчи у сына моего Еремея и у служилых людей ружье и многую всякую у служилых людей рухлядь, побежали на плотах вниз по Ингоде и по Шилке рекам». Спустившись на плотах до острога, расположенного на устье реки Нерчи (в этот период называвшегося Нелюцким и Тунгуским), они попытались завладеть находящимися здесь запасами оружия пороха и свинца, но сделать этого им не удалось. Несмотря на то, что часть гарнизона крепости была на рыбной ловле, находившиеся в остроге казаки под командой пятидесятника Андрея Васильева острог отстояли. Беглецам удалось захватить только казенные струги. Забрав струги, они вышли на р. Тугирь, однако уйти на Амур не успели. Здесь их в числе 14 чел. встретил Л. Толбузин и забрал с собой для нерчинской службы, с которой они снова сбежали через 2 года в 1663 г. Дальнейшая судьба их неизвестна (ДАИ¹¹, 1851. Т. 4. С. 260–262) (Красноштанов, 2008. С. 575–577; Багрин, 2021).

Даурский воевода А.Ф. Пашков на фоне тягот, выпавших на его долю в Забайкалье, был не против получить отставку со своего поста. Он писал в Москву: «а будет г(о)с(у)д(а)ри меня холопа своег(о) пожалуете для моей старости и увечья и за мое к вам ... службишко укажете меня холопа своего с своей ... службы переменить». Пашков советовал новому воеводе идти в Верхний Шилкский острог его же путем через оз. Байкал с «полными запасы и лошадыми». В Даурскую землю, под которой Пашков понимал Приамурье, он советовал добираться, через Илимский острог и Тугирский волок «в готовой острог» (РГАДА. Ф. 214. Стлб. 508. Л. 144в).

Последним документом, характеризующим пребывание А. Пашкова на Амуре, стал доклад об его деятельности, составленный в Сибирском при-

казе.¹² К сожалению, он сохранился не полностью. Завершается он сведениями о передаче дел от Пашкова Толбузину: «И в прошлом 171 м году марта в 17 де(нь) писал к великому г(о)с(у)д(а)рю из Даурской земли Ларивон Толбузин. Пришод де он в Даурскую землю в Игенской острог во 170 м году мая в 14 де(нь)¹³ и по указу великого г(о)с(у)д(а)ря принял он у Офонася Пашкова в Даурской земле 3 острога Нерчинской Иргенской Теленбинской. В нерчинском остроге ц(е)рковь Божия пр(е)ч(и)стые б(огороди)цы бл(а)говещенья освящена. Да в тех же острогах принял 2 пушки медных весу в них одна 28 пуд, другая 12 пуд, 80 мушкетов, 56 стволов мушкетных, 53 пуда с полупудом свинцу, 18 пуд пороху з деревом, семеного хлеба 30 пуд ярицы, 15 пуд, ячменя, 50 лошадей, 50 быков, 11 ч(е)л(о)в(е)к аманатов да служилых людей всех 75 ч(е)л(о)в(е)к»¹⁴ (РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стлб. 132. Л. 177–182).

Таким образом, к моменту прихода в Забайкалье нового администратора численность военного контингента, которым располагал Пашков в начале похода, уменьшилась почти в 6–7 раз. Де-факто Даурский полк перестал существовать. Однако следует отметить, что одну из своих главных задач – закрепление русской власти в Забайкалье этот экспедиционный корпус выполнил, а его остатки стали основой для развития гарнизона Нерчинского уезда.

¹² Авторы благодарят к.и.н. П.Н. Бараховича за документ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стлб. 132. Л. 177–182 (Доклад о походе А. Пашкова в Даурию), позволивший получить ценную информацию о полке А. Пашкова. См. также: Барахович П.Н. Служилое население Центральной Сибири в XVII столетии (Енисейский и Красноярский уезды): дис. ... на соиск. уч. степени канд. ист. наук. Красноярск, 2016. С. 159–160.

¹³ 14 мая 1662 г.

¹⁴ Интересно, что запас оружия, оставшийся от полка А. Пашкова, составлял значительную часть оружейной казны на протяжении следующих 20 лет. В начале 1683 г. нерчинский воевода Ф. Воейков сообщал в Енисейск о том, что в Нерчинском уезде «пушек и пороху и свинцу мало, а которое мелкое ружье осталось от воеводы Офонася Пашкова и то все ружье перержавело, а иное попорчено и рваное, и к стрельбе ... негодитца». Подобное положение вещей было следствием большого дефицита оружия, характерного для вооруженных сил России Восточной Сибири вплоть до начала XVIII в. (Дополнения к актам историческим. СПб. 1867. Т. 10. С. 229–233, 237–240; Багрин, 2009).

¹¹ Дополнения к актам историческим. СПб. 1851. Т. 4. С. 260–262.

Список источников

- Аввакум (Петров). Житие протопопа Аввакума, им самим написанное. Чита : Экспресс-издательство, 2009. 144 с.
- Александров В.А. Россия на дальневосточных рубежах (вторая половина XVII в.). Хабаровск : Хабаровское книжное издательство, 1984. 272 с.
- Андриевич В.К. Краткий очерк истории Забайкалья от древнейших времен до 1762 г. СПб. : Военная типография, 1887. 249 с.
- Артёмьев А.Р. Города и остроги Забайкалья и Приамурья во второй половине XVII–XVIII вв. Владивосток : Дальнаука, 1999. 336 с.
- Багрин Е.А. Региональные особенности применения огнестрельного оружия в Сибири и на Дальнем Востоке в XVII веке (по материалам письменных источников) // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2009. № 1 (8). С. 63–76.
- Багрин Е.А. Полк О. Степанова: к вопросу о составе и численности Амурского войска 1653–1658 гг. // Известия Лаборатории древних технологий. 2021. Т. 17. № 4 (41). С. 103–118.
- Багрин Е.А., Трухин В.И. Полк Афанасия Пашкова в 1655 г.: состав, вопросы комплектования и обеспечения перед отправкой в Даурию из Енисейска (с именным списком) // Известия Лаборатории древних технологий. 2023а. Т. 19. № 1. С. 91–114.
- Багрин Е.А., Трухин В.И. Афанасий Пашков и даурский полк в 1655–1657 гг.: от Енисейска до Братского острога // Известия Лаборатории древних технологий. 2023б. Т. 19. № 2. С. 103–118.
- Бороздин А.К. Протопоп Аввакум: Очерк из истории умственной жизни русского общества в XVII веке. 2-е изд. СПб. : А.С. Суворин, 1900. 518 с.
- Васильев А.П. Забайкальские казаки: исторический очерк. Чита : Типография Войскового Хозяйственного Правления Забайкальского казачьего войска, 1916. Т. 1. 232 с.
- Зуев А.С. Гантимур и русские землепроходцы: из истории русско-тунгусских отношений в Забайкалье в середине XVII в. // Сибирь в империи – империя в Сибири: имперские процессы на окраинах России в XVII – начале XX в.: сб. науч. статей. Иркутск : Оттиск, 2013. С. 134–152.
- Зуев А.С. Богдойский боярин Гантимур: рождение и развенчание мифа // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер. История, филология. 2020. Т. 19. № 8. История. С. 9–34.
- Красноштанов Г.Б. Ерофей Павлович Хабаров: документальное повествование. Хабаровск : Приамурское географическое общество, изд-во «РИОТИП» краевой типографии. 2008. 752 с.
- Леонтьева Г.А. Служилые люди в Восточной Сибири во второй половине XVII – первой четверти XVIII в. (по материалам Иркутского и Нерчинского уездов). М. : Изд-во Московского педагогического государственного университета, 2012. 321 с.

References

- Avvakum (Petrov). (2009) Life of Archpriest Avvakum, written by him. Chita: Ekspress izdatel'stvo. 144 p. (In Russ.).
- Aleksandrov V.A. (1984) Russia at the Far Eastern borders (second half of the 17th century). Khabarovsk: Khabarovsk Publishing House. 272 p. (In Russ.).
- Andrievich V. K. (1887) Brief essay on the history of Transbaikalia from ancient times to 1762. St. Petersburg: Voennaya tipografiya. 249 p. (In Russ.).
- Artem'ev A.R. (1999) Towns and forts of Transbaikalia and Amur region in the second part of the XVII-XVIII centuries. Vladivostok: Dal'nauka. 336 p. (In Russ.).
- Bagrin E.A. (2009) Regional features of fire-arms usage in Siberia and the Far East in XVII century (according to the written sources). *Ojkumena. Regionovedcheskie issledovaniya = The Ecumene. Regional studies*. No. 1(8). P. 63-76. (In Russ.).
- Bagrin E.A. (2021) O. Stepanov's regiment: composition and number of Amur army in 1653-1658. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 17. No. 4. P. 103-118. (In Russ.).
- Bagrin E.A., Truhin V.I. (2023a) Regiment of Afanasy Pashkov in 1655: composition and recruitment before expedition to Dauria from Yeniseisk (with list of names). *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 19. No. 1. P. 91-114. (In Russ.).
- Bagrin E.A., Truhin V. I. (2023b) Afanasy Pashkov and Daurian regiment in 1655-1657: from Yeniseisk to Bratsk fortress. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 19. No. 2. P. 103-118. (In Russ.).
- Borozdin A.K. (1900) Protopop Avvakum: Essay from the history of the mental life of Russian society in the 17th century. St. Petersburg. 518 p. (In Russ.).
- Vasil'ev A.P. (1916) Trans-Baikal Cossacks: a historical essay. Chita: Publishing House of the Military Economic Board of the Transbaikal Cossack Army. Vol. 1. 232 p. (In Russ.).
- Zuev A.S. (2013) Gantimur and Russian explorers: from the history of Russian-Tungus relations in Transbaikalia in the middle of the 17th century. *Sibir' v imperii - imperiya v Sibiri: imperskie protsessy na okrainakh Rossii v XVIII - nachale XX v. sb. nauch. Statei = Siberia in the empire - an empire in Siberia: imperial processes on the outskirts of Russia in the 18th - early 20th century. Collection of scientific articles*. Irkutsk: Ottisk. P. 134-152. (In Russ.).
- Zuev A.S. (2020) Bogdoysky boyar Gantimur: the birth and debunking of the myth. *Vestnik NGU. Seriya: Istoriya, filologiya = Bulletin of the NSU. Series: History, Philology*. Vol. 19. No. 8. History. P. 9-34 (In Russ.).
- Krasnoshtanov G.B. (2008) Yerofey Pavlovich Khabarov: Documentary narration. Khabarovsk: Priamurskoe geograficheskoe obshchestvo; izd-vo "RIOTIP" kraevoi tipografii. 752 p. (In Russ.).
- Leont'eva G.A. (2012) Service people in Eastern Siberia in the second half of the XVII - first quarter of the XVIII century (based on materials from the Irkutsk and Nerchinsk counties). Moscow: Moscow Pedagogical State University. 321 p. (In Russ.).

Попов А.И. Город Чита: Описание, путеводитель, справочник по г. Чите, Забайкальской области и его окрестностям. Чита : тип. Вало́ва и Ахитович, 1907. 329 с.

Словцов П.А. История Сибири. От Ермака до Екатерины II. М.: Вече, 2006. 512 с.

Спафарий-Милеску Н.Г. Путешествие через Сибирь от Тобольска до Нерчинска и границ Китая русского посланника Николая Спафария в 1675 году. Дорожный дневник Спафария / с введ. и примеч. Ю.В. Арсеньева. СПб. : Тип. В. Киршбаума, 1882. 214 с.

Трухин В.И., Лохов А.Ю. Первая православная церковь Нерчинского острога // Проблемы социально-экономического развития Сибири. 2022. № 1 (47). С. 139–145.

Фишер И.Э. Сибирская история с самого открытия Сибири до завоевания сей земли российским оружием, сочиненная на Немецком языке и в собрании Академическом читанная членом Санктпетербургской Академии наук и Профессором древностей и истории, так же членом исторического Геттингского собрания Иоганном Еберггардом Фишером. СПб.: При Императорской Академии наук, 1774. 631 с.

Элерт А.Х. Экспедиционные материалы Г.Ф. Миллера как источник по истории Сибири. Новосибирск : Наука. Сиб. отд-ние, 1990. 247 с.

Информация об авторах

Багрин Егор Андреевич,

кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник научно-методической службы,
Президентская библиотека имени Б.Н. Ельцина,
190000, г. Санкт-Петербург, Сенатская площадь, 3, Россия,
e-mail: Egor-bagrin@yandex.ru,
<https://orcid.org/0000-0003-3067-9117>

Трухин Владимир Ильич,

научный консультант,
Фонд поддержки социально-ориентированных проектов и программ «Петропавловск»,
105082, г. Москва, пер. Рубцов, 13, Россия,
e-mail: tru_vi@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0001-6831-1858>

Вклад авторов

Все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 20 июня 2023 г.; одобрена после рецензирования 27 июля 2023 г.; принята к публикации 7 августа 2023 г.

Popov A.I. (1907) The city of Chita: Description, guide, handbook to Chita, the Trans-Baikal region and its environs. Chita: Publishing House of Valov and Akhitovich. 329 p. (In Russ.)

Slovstov P.A. (2006) History of Siberia. From Ermak to Catherine II. Moscow: Veche. 512 p. (In Russ.).

Spafarii-Milesku N.G. (1882) Travel through Siberia from Tobolsk to Nerchinsk and the borders of China by the Russian envoy Nikolai Spafari in 1675. Travel diary. St. Petersburg: Tip. V. Kirshbauma. 214 p. (In Russ.).

Trukhin V.I., Lohov A.Yu. (2022) The first Orthodox Church of the Nerchinsky Fortress. *Problemy social'no-ekonomicheskogo razvitiya Sibiri = Issues of Social-Economic development of Siberia*. No. 1. (47). P. 139-145. (In Russ.).

Fischer I.E. (1774) Siberian History from the very discovery of Siberia to the conquest of this land by Russian weapons, composed in German and read in the Academic Collection by a member of the St. Petersburg Academy of Sciences and Professor of Antiquities and History, as well as a member of the historical Göttingen Collection Johann Ebergard Fischer. St. Petersburg: Pri Imperatorskoi Akademii nauk. 631 p. (In Russ.).

Elert A.X. (1990) G.F. Miller's expedition materials as a source on the history of Siberia. Novosibirsk: Nauka. Sib. otd-nie. 247 p. (In Russ.).

Information about the authors

Egor A. Bagrin,

Cand. Sci. (History), leading researcher of the Scientific and Methodological Department,
Boris Yeltsin Presidential Library,
3, Senatskaya Square, Saint-Petersburg 190000, Russia,
e-mail: Egor-bagrin@yandex.ru,
<https://orcid.org/0000-0003-3067-9117>

Vladimir I. Trukhin,

scientific consultant,
The Petropavlovsk Foundation for Socially-Oriented Projects and Programmes Support,
13, Rubtsov Lane, Moscow 105082, Russia,
e-mail: tru_vi@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0001-6831-1858>

Contribution of the authors

The authors contributed equally to this article.

Conflict of interests

The authors declare no conflict of interests.

The authors have read and approved the final manuscript.

Article info

The article was submitted June 20, 2023; approved after reviewing July 27, 2023; accepted for publication August 7, 2023.

Научная статья
УДК 94(571.1)
EDN: KAPESU
DOI: 10.21285/2415-8739-2023-3-74-87

«Сибирский укрепрайон» в истории дореволюционной России

Ю.П. Горелов¹, Н.Д. Ростов²

¹ Независимый исследователь, г. Кемерово, Россия

² Алтайский государственный технический университет им. И.И. Ползунова, г. Барнаул, Россия

Аннотация. Статья посвящена истории становления и развития «Сибирского укрепрайона». На основе широкого круга источников показывается место «Сибирского укрепрайона» в системе обеспечения военной безопасности России на юге Западной Сибири. Подробно анализируются организационная структура, численный состав «Сибирского укрепрайона» и их изменения в зависимости от спектра внешних военных угроз; устройство оборонительных укреплений Сибирских пограничных линий; обеспечение армейских полков провиантом и различными видами военного имущества. Большое внимание авторами уделяется комплектованию сибирских полков офицерами и нижними воинскими чинами, особенностям боевой учебы сибиряков, использованию в боевой подготовке воинских формирований полевых полковых лагерей, подготовке и выводу сибирских полков в европейскую часть России в 1808–1810 гг. Определенный акцент авторами сделан на особенностях военного управления на территории Западной Сибири во второй половине XVIII – начале XIX в. На конкретных примерах рассматриваются быт и служба сибирских драгунских, мушкетёрских, егерских полков и казачьих команд, их деятельность по охране государственных границ и хозяйственному освоению региона, организации взаимовыгодной приграничной торговли и культурного обмена. Показывается вклад генералов Антона Даниловича и Антона Антоновича Скалонов в установлении мирных взаимовыгодных отношений с местными народами и в повышении боеспособности сибирских полков. Приводятся примеры мужества и героизма сибирских полков при обороне Смоленской крепости и Бородинском сражении в Отечественной войне 1812 года, патриотизма сибиряков пограничных линий «Сибирского укрепрайона» и сибирских гурбаний в сборе добровольных денежных и материальных пожертвований на нужды Русской армии.

Ключевые слова: Военная безопасность, Русская армия, Западная Сибирь, «Сибирский укрепрайон», пограничные линии, сибирские полки, солдаты, казаки, войны, попечительство

Для цитирования: Горелов Ю.П., Ростов Н.Д. «Сибирский укрепрайон» в истории дореволюционной России // Известия Лаборатории древних технологий. 2023. Т. 19. № 3. С. 74–87. <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2023-3-74-87>. EDN: KAPESU.

History

Original article

“Siberian fortified area” in the history of pre-revolutionary Russia

Yury P. Gorelov¹, Nikolai D. Rostov²

¹ Independent Researcher, Kemerovo, Russia

² Altai State Technical University named after I.I. Polzunov, Barnaul, Russia

Abstract. The article is devoted to the history of the formation and development of the “Siberian fortified area”. Based on a wide range of sources, the place of the “Siberian fortified area” in the system of ensuring the military security of Russia in the south of Western Siberia is shown. The organizational structure, the strength of the “Siberian fortified area” and their changes depending on the spectrum of external military threats are analyzed in such details as an arrangement of defensive fortifications of the Siberian border line and providing army regiments with provisions and various types of military equipment. Much attention is paid by the authors to the recruitment of Siberian regiments with officers and lower military ranks, the peculiarities of combat training of Siberians, the use of field regimental camps in military training, the preparation and withdrawal of Siberian regiments to the European part of Russia in 1808-1810. A certain emphasis is placed by the authors on the peculiarities of military administration on the terri-

tory of Western Siberia in the second half of the 18th - early 19th centuries. On specific examples, the life and service of the Siberian dragoon, musketeer, chasseur regiments and Cossack teams, their activities in protecting state borders and economic development of the region, organizing mutually beneficial border trade and cultural exchange are considered. The contribution of Generals Anton Danilovich and Anton Antonovich Skalonov to the establishment of peaceful mutually beneficial relations with the local peoples and to the improvement of the combat capability of the Siberian regiments is shown. Here are given some examples of the courage and heroism of the Siberian regiments during the defense of the Smolensk fortress and the Battle of Borodino in the Patriotic War of 1812, and of the patriotism of the Siberians of the border lines of the "Siberian fortified area" and the Siberian provinces in collecting voluntary monetary and material donations for the needs of the Russian Army.

Keywords: Military security, Russian Army, Western Siberia, "Siberian fortified area", border lines, Siberian regiments, soldiers, cossacks, wars, patronage

For citation: Gorelov Yu.P., Rostov N.D. (2023) "Siberian fortified area" in the history of pre-revolutionary Russia. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 19. No. 3. P. 74-87. (In Russ.). <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2023-3-74-87>. EDN: KAPESU.

В истории дореволюционной России XVIII–XIX века характеризовались появлением, видоизменением и расширением спектра военных угроз её безопасности. На юге Западной Сибири обеспечение военной безопасности России возлагалось на «Сибирский укрепрайон». В решении этой актуальной и сложной задачи военное командование использовало совокупность военных, дипломатических, социально-экономических, культурных и иных мер. Сегодня Вооруженные силы Российской Федерации в целях защиты народов Донбасса и нейтрализации военных угроз безопасности Российскому государству проводят Специальную военную операцию на Украине. Поэтому обращение к историческому опыту имеет особую актуальность.

Становление и развитие «Сибирского укрепрайона»

Образование «Сибирского укрепрайона» на юге Западной Сибири было связано с активной её колонизацией и хозяйственным освоением. С 30-х гг. XVIII в. до середины XIX в. русские селения в регионе не раз подвергались нападениям. Среди противников выделялись: орды монголоязычного Джунгарского ханства, отряды Цинской империи, дружины казахских жузов. Целью набегов были: грабежи, увод людей в рабство, захват спорных территорий, уничтожение укреплений. Особенно власти опасались нападений на алтайские Колывано-Воскресенские рудники и заводы. Из Западной Сибири в европейскую часть России поступали: золото, серебро, медь, свинец, продукты животноводства, мед, воск и др. Экономические интересы Российского государства настоятельно требовали ликвидации системы двоеданничества, когда вме-

сте с русскими джунгары собирали дань с барабинских татар, а китайцы – с алтайских калмыков. Вражеские пограничные столбы иногда стояли на расстоянии 300 вёрст от Кузнецкой крепости и Красноярского острога, а казахи умудрялись периодически захватывать плодородные пастбища по берегам Иртыша¹ (Памятники Новосибирской области, 1989. С. 80–91)².

«Сибирский укрепрайон» представлял собой совокупность оборонительных укреплений – острогов, крепостей, форпостов, форштадтов, редутов, маяков и т. д., объединенных в систему Сибирских пограничных линий. Они проходили по территориям Тобольской, Иркутской, Томской губерний и Колывано-Воскресенского горного округа (сегодня, это часть Казахстана, юг Курганской, Тюменской, Омской, Новосибирской областей, а также юго-запад Алтайского края, Кемеровской области и Республики Алтай). На карте видно, что это площадь огромного треугольника с общей длиной сторон свыше 2 тыс. км, острый угол которого достигал китайских сторожевых постов. В нём располагались основные пограничные линии: Ишимская от Кургана до Омской крепости; далее Иртышская до Усть-Каменогорской крепости; затем Колывано-Воскресенская защита, за ней Кузнецкая оборонительная линия. Всего на территории «Сибирского укрепрайона» находилось около 150 сел и укреплений. Наиболее значимыми являлись Белоярская,

¹ Андрейчук С.В. Сибирский корпус в системе военной безопасности на юге Западной Сибири : дис. канд. ист. наук. Барнаул, 2010. 297 с.

² Памятники Новосибирской области / сост. Л.М. Горюшкин, Б.И. Семко. Новосибирск : Новосиб. кн. изд-во, 1989. 200 с.

Бийская, Бухтарминская, Железинская, Змеиногорская, Кузнецкая, Омская, Пресногорьковская, Семипалатинская, Усть-Каменогорская, Ямышевская крепости, крепость Святого Петра и форпост Коряковский (сегодня г. Петропавловск и г. Павлодар, Казахстан) и др. К концу XIX в. на территории «Сибирского укрепрайона» имелось 115 оборонительных укреплений, в том числе 18 крепостей, 28 редутов, 17 форпостов, 8 защит, 20 маяков и 22 других укрепления (Кислицын, 2015. С. 22; Ростов, 2005. С. 9).

Более подробно об устройстве оборонительных укреплений Сибирских пограничных линий сообщается в информации о Кузнецкой линии. Она защищала не только население, но и трёхсотвёрстный участок пограничного рубежа. В её состав входили: Белоярская, Бийская и Кузнецкая крепости, свыше десятка редутов, а также Кузедеевский форпост. Оборонительные сооружения Кузнецкой линии из брёвен, насыпи и валов располагались на расстоянии до 20 вёрст друг от друга. Именно преобладание редутов отличали Кузнецкую оборонительную линию от других. Сегодня в наименовании населённых пунктов современного Кузбасса сохранились их имена: Салаирский, Ашмаринский, Калтанский. В укреплениях находились сторожевые башни, хозяйственные амбары, избы (на 20–30 человек). Для связи с заставами на высоких холмах строились сигнальные маяки. На них дозорные в случае опасности из пучков соломы жгли сигнальные огни. Власть запрещали населению кладоискательство в степных курганах, рекомендовали брать оружие на сельхозработы, по ночам дворы запирали на запоры (Живописцев, 2003. С. 93, 94).

В середине XVIII в. важнейшей среди пограничных линий «Сибирского укрепрайона» являлась Колывано-Кузнецкая. Она была построена на юге современного Кузбасса и Алтайского края в период, когда на Алтае уральские рудознатцы Акинфия Демидова нашли большие залежи медных руд. 16 февраля 1726 г. предприимчивый промышленник получил берг-привилегию – разрешение на их добычу и плавку. Позднее местные крестьяне были приписаны к его предприятиям. Однако 1 мая 1747 г. все рудники и предприятия А.Н. Демидова и доходы с них перешли в Кабинет Его Императорского Величества. На Колывано-Кузнецкую линию в 702 версты приходилось 28

укреплённых пунктов, в т. ч. 5 крепостей. Вместе с тем, в самом Кузбассе обстановка с безопасностью ухудшается. Из-за недостатка людей возникают проблемы с охраной рудников, защитой от аборигенов, регулярной выездкой дозорных и др. (Макарчук, 2011. С. 22, 23).

Первоначально защиту укреплений Сибирских пограничных линий осуществлял Сибирский приказ и его воеводы с командами солдат и казаков. Их малочисленность и расширение спектра военных угроз безопасности Колывано-Воскресенских заводов привели к тому, что 29 сентября 1744 г. Сенат принял решение о формировании отдельного Сибирского корпуса. Первым его командиром стал генерал-майор Г.Х. Киндерман. Он подчинялся непосредственно Военной коллегии и являлся начальником как для регулярных войск, так и для гарнизонных частей и казаков. Воевод теперь сменили офицеры-коменданты, а командование возглавили: начальник генерал-лейтенант, 3–4 генерал-майора по родам войск (артиллерия, кавалерия, пехота) и свыше десятка бригадиров и полковников. В их подчинении находились все пограничные полки и батальоны с прикомандированными казаками.

Все свои действия военные согласовывали с центральной властью, сибирскими губернаторами, а также с горнозаводским руководством. По инструкциям начальник губернии отвечал за рекрутские наборы, комплектование частей, охрану границ, постройку крепостей, подавление мятежников³. При этом следует отметить, что первые сибирские – Сибирский и Тобольский драгунские полки появились еще при Петре I. В 1727 г. в Сибирской губернии располагались гарнизонные Санкт-Петербургский, Московский и Якутский драгунские полки. Их роты и команды располагались на пограничных линиях, а также в Омске, Семипалатинске, Кузнецке и Томске. С конца 1730-х годов добавляется Новоучреждённый драгунский полк и новые отдельные батальоны. В 1736 г. в Сибири находились 5 драгунских полков (Азовский, Ревельский, Олонецкий, Колыванский, Троицкий),

³ Андрейчук С.В. Сибирский корпус в системе военной безопасности на юге Западной Сибири : дис. канд. ист. наук. Барнаул, 2010. С. 40–43.

4 пехотных полка (Сибирский, Селенгинский, Томский, Якутский) и 7 гарнизонных батальонов. Их особенностью было то, что они были сформированы из числа сибирских дворян, казаков и их детей. Офицеры набраны из отставников, оружие получено после ремонта, амуниция собрана из запасов других частей (Ростов, 2005. С. 6).

Как показали дальнейшие события, меры, принятые Российским государством по укреплению военной безопасности на юге Западной Сибири, были своевременными и необходимыми. Разведка доносила, что орды степняков готовят нападение на Демидовские рудники и Колывано-Воскресенские заводы, Красноярск, Кузнецкую и другие крепости. С началом лета 1745 г. в составе сформированного Сибирского корпуса в Сибирь вступили Вологодский, Луцкий и Олонецкий драгунские полки, Нашебургский и Ширванский пехотные полки и свыше 1000 яицких и донских казаков, а также команды башкир и мешар для занятия крепостей и форпостов по рекам Тоболу и Ишиму. С началом 1761 г. для содержания внутреннего караула, охраны и сопровождения ценных грузов в Санкт-Петербург на Колывано-Воскресенские заводы стали направляться роты из расположенных в Сибири гарнизонных полков со сменой через 3 года: Енисейского гарнизонного, Новоучрежденного и Сибирского драгунских полков. 26 августа 1764 г. эти командированные подразделения были преобразованы в Колывано-Воскресенский батальон, численностью свыше 500 чел. и подчиненный Горнозаводскому ведомству (Ростов, 2005. С. 7, 8). По Указу Императрицы Екатерины II в 1771 г. для караульной службы в Сибирь были направлены легкие полевые команды: 9-я в Красноярскую, 10-я в Омскую, 11-я в Ямышевскую и 12-я в Усть-Каменогорскую крепости. В январе – феврале 1775 г. эти команды были расформированы. Вместо них были сформированы Екатеринбургский и Семипалатинский полевые батальоны. В это время ослабевшие джунгары принимают подданство России и частично перекочёвывают на Волгу, что ухудшает отношения Российской империи с Китаем. Обстановка обострилась и тем, что в Семилетнюю войну с Пруссией в 1756–1763 гг. из Сибири были выведены три полка, и как результат – на Сибирских пограничных линиях сократилось число дозорных, а в кре-

постях появился недостаток артиллерийских служителей, боеприпасов, гаубиц и мортир. Зная об этом, активность стали проявлять китайцы, они жгут пограничные посёлки и укрепления. Численность войск Сибирского корпуса и подчиненных ему гарнизонных полков и батальонов в этот период превысила 10 тыс. чел. Это позволило обеспечить военную безопасность Российского государства на юге Западной Сибири⁴ (Ростов, 2005. С. 7–9).

«Сибирский укрепрайон»: командование, укомплектование, система подготовки

С середины XVIII века стали налаживаться отношения с казаками. Здесь большую роль сыграло командование Сибирского корпуса, особенно командир драгунской бригады генерал-майор Антон Данилович Скалон – представитель французского дворянского рыцарского рода «Лилии и мечей», выходец из которого поступили на службу Петру I. Всего из их среды за всю дореволюционную историю России вышло более десятка генералов и полковников. Некоторые из них были приближены к царскому двору. Сам Антон Данилович начал службу пажом, затем обер-офицером, позже штаб-офицером. За заслуги имел различные награды, в т. ч. орден Георгия Победоносца 4-й степени. В 1765 г. А.Д. Скалон командовал драгунским полком на Иртышской оборонительной линии, а в 1766 г. был назначен в Бийскую крепость командиром драгунской бригады, состоявшей из Вологодского, Луцкого и Суздальского полков. А.Д. Скалон показал себя талантливым военным администратором и заботился об установлении мирных, взаимовыгодных отношений с местными народами и хозяйственном освоении пограничных районов. В 1774 г. он составил первый русско-киргизский словарь-разговорник, а в 1776 г. его стараниями во всех крепостях были проведены первые опыты по пчеловодству (Гагина, 2003. С. 7–21; Отечественная война 1812 года, 2012. С. 122–125).

От своих подчинённых А.Д. Скалон требовал соблюдать местные традиции, с казаками быть

⁴ Андрейчук С.В. Сибирский корпус в системе военной безопасности на юге Западной Сибири : автореф. дис... канд. ист. наук. Барнаул, 2010. С. 16.

добрыми, одаривать их подарками и угощениями. В ответ кочевники поступали аналогично, что укрепляло соседские отношения, начался обмен пленными и добровольный переход степняков в русское подданство. В крепостях появились мулы и первые мечети (Гуляев Н.С. Алтайский округ в Отечественную войну // Государственный архив Алтайского края (ГААК). Ф. 163. Оп. 1. Д. 60. Л. 21). В 1789 г. в Омской крепости была открыта Азиатская школа. Ее главной задачей являлась подготовка толмачей (переводчиков). В ней обучалось 25 детей. Программа обучения предусматривала изучение русской грамоты, основ математики, восточных языков: арабского, татарского, турецкого, персидского, позднее калмыцкого и маньчжурского. На содержание школы из средств местного гарнизона было выделено 443 рубля 94,5 копейки. Учащихся школы – детей представителей казахской знати обучали русскому языку и письменности, а для подготовки специалистов – землемеров в школе были открыты топографический и землемерный классы. Во второй половине XIX в. по окончании курса обучения выпускники определялись на службу при полицейских управлениях в Киргизской степи, в т. ч. в ставку Большой орды (Ростов, Андрейчук, 2009. С. 250; Литературное наследство Сибири, 1983. С. 306).

В свою очередь казахи служили примером ведения скотоводческого хозяйства. Многие укрепленные пункты становились центрами активной торговли. Через торговые караваны добывалась и разведывательная информация.

Основным событием начала 1770-х годов в России стало Пугачёвское восстание. Для командующего Сибирским корпусом генерал-поручика И.А. Деколонга проблема была в том, что для борьбы с мятежниками срочно понадобились и сибирские части. Однако в это время некоторые полки ушли в Восточную Сибирь, а другие воевали с турками. Опорой властей стали немногочисленные полевые команды и гарнизонные войска. Всего собрали 3 тыс. человек, однако острой бедой стал переход части казаков на сторону Пугачёва. Поэтому основной силой против восставших стали регулярные войска. Перейдя границу Оренбургской губернии, они освободили винокурный завод и две слободы под Курганом. Затем разгромили крупные отряды мятежников под Челя-

бинском и у села Троицка, освободив 3653 пленных и захватив весь обоз и артиллерию⁵.

В период Пугачёвского восстания генерал А.Д. Скалон замещал на посту командующего войсками Сибирских пограничных линий генерал-поручика И.А. Деколонга и проявил высокие организаторские способности. В 1775 г. Екатерина II пожаловала А.Д. Скалону орден Святой Анны 1-го класса. В 1777 г. он был произведен в генерал-поручики и назначен командующим Сибирским корпусом. Умер А.Д. Скалон в 1777 г. во время инспекторской поездки в Усть-Каменогорской крепости, где и был с почётом погребён (Гагина, 2003. С. 7, 8; Исупов, 2015. С. 15; Отечественная война 1812 года, 2012. С. 124, 125).

Дело А.Д. Скалона продолжил его сын – Антон Антонович Скалон. Военную службу А.А. Скалон начал в возрасте 8 лет рядовым лейб-гвардии Преображенского, затем Семёновского полков. В 1783 г. 16-летний А.А. Скалон получил офицерский чин поручика в Сибирском драгунском полку, в 1786 г. – капитан, в 1793 г. – майор. В марте 1797 г. А.А. Скалон переведен в Иркутский драгунский полк. В 1798 г. – подполковник, в 1799 г. – полковник. В 1800 г. А.А. Скалон – шеф Иркутского драгунского полка и генерал-майор, а затем генерал-инспектор всей кавалерии Сибирского корпуса (Сибирской инспекции – с 1801 г.). В 1807 г. А.А. Скалон сменил генерал-лейтенанта Н.И. Лаврова на посту командующего войсками Сибирской инспекции⁶ (Отечественная война 1812 года, 2012. С. 127; Ростов, 2006. С. 37, 38⁷). Такая удивительная карьера сложилась благодаря тому, как считают современники и исследователи, что этот человек имел особый военно-организаторский и педагогич-

⁵ Андрейчук С.В. Сибирский корпус в системе военной безопасности на юге Западной Сибири : дис. канд. ист. наук. Барнаул, 2010. С. 171–180.

⁶ Пернавский Г. Потомок крестоносцев (генерал Скалон А.А.) URL: <https://nasledie.admin-smolensk.ru/istoriya/istoricheskie-materialy/otechestvennaya-vojna-1812-g-na-smolenschine/geroi-otechestvennoj-vojny-1812-g/potomok-krestonoscev-general-skalon-a-a-g-pernavskij/> (дата обращения 17.01.2023).

⁷ Ростов Н.Д. 240 лет со дня рождения героя Отечественной войны 1812 г. А.А. Скалона (1767–1812) // Календарь знаменат. и пам. дат : Алтайский край, 2007. Барнаул : Азбука, 2006. С. 37–38.

ческий талант, а также личные человеческие качества, которые позволили ему умело готовить своих солдат к суровой пограничной службе. Его подчинённые – мужики, попавшие в сословие военных крепостных. Эти люди были далеки от обычной жизни, они долгое время не имели семей, детей и своего хозяйства. Поэтому в воинских подразделениях сложилась своя служилая каста, которая имела особый порядок жизни. Низкое жалование заставляло людей существовать коллективной артелью. В таком обществе были свои повара, портные, сапожники, цирюльники, кузнецы, плотники и даже музыканты и художники. Они обслуживали не только свой полк, но и зарабатывали у гражданских по найму. Поэтому для них родным домом становился их полк, а отцом – командир. Именно таким любимым родителем и стал для большинства солдат А.А. Скалон (Исупов, 2015.С. 16; Шеланкова М. Бийчанин-герой 1812 года // Бийск-300. 2003. № 27).

Определенный научный интерес представляет вопрос комплектования частей Сибирского корпуса. При укомплектовании нижними чинами первоначально придерживались территориального принципа, т. е. рекрутами из Сибири, затем из других регионов России и принудительно из разных мест: военнопленными, ссыльными, беглыми и другими ненадёжными лицами (поляки, шведы, французы, мятежные казаки). Многие попадали на службу за долги, грабежи, бунты и др. Особенностью укомплектования Сибирского корпуса офицерами было то, что все они имели повышенное жалование. Свыше половины командующих сибирскими войсками были иностранцы из немецких, французских, польских и других дворян и баронов. Предпочтение отдавалось узким специалистам (медикам, инженерам, артиллеристам). Почти 40 лет с момента образования корпуса его командующие были не российского происхождения – генералы Г.Х. Киндерман, И.А. Деколлонг, А.Д. Скалон, И. И. Шпрингер и др.⁸ Младшие офицеры были из детей дворянских, офицерских, солдатских и даже духовенства. При этом претендент на офицерский чин должен был быть как минимум элементарно

грамотным, зарекомендовать себя на службе и обладать командирскими навыками. Мальчиков готовили 8–9 лет в гарнизонных школах. Кроме того, сирот обустраивали за счёт полкового довольствия, за их воспитание и обучение отвечали ротные командиры и надёжные семьи из военных. Основными предметами являлись: воинские уставы, фортификация, баллистика, грамматика, математика и др. Так, в Бийской школе с Кузнецкой линии обучалось свыше 100 детей, аналогично в Томске – около 50 подростков. Учителями были грамотные унтера и офицеры. После обучения, выпускников в 15 лет отправляли в полки писарями, музыкантами, барабанщиками и др. Для образованных молодых людей открывалась перспектива быстрее получить унтер-офицерский чин, а затем, проявившие себя на службе или в бою, могли стать офицерами. Такими командирами в 1812 г. были: в Томском пехотном полку – прапорщик А.Н. Кондрашин, братья капитан С.Ф. Пихтин и подпрапорщик П.Ф. Пихтин, братья капитан И.С. Кашкаров и Н.С. Кашкаров, штабс-капитан П.С. Какташёв, А. Серебряков, А. Мартышев. В Сибирском драгунском полку – премьер-майор Н. Капотов, в Олонецком пехотном полку – В. Абреков и др.^{9,10} (Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 489. Оп. 1. Д. 981. Л. 5, 5 об., 6, 9, 19 об., 22 об., 23, 204 об.).

В помощь армейским частям в случае необходимости прикомандировывались казачьи командиры. В этом сословии имелись выходцы из крестьян, инородцев, ссыльных, военных. Среди них было большое количество возрастных людей с низким достатком. Отсюда плохая экипировка, старые и слабосильные лошади. Эти люди не умели массово воевать в составе регулярных воинских подразделений. Колывано-Воскресенское начальство отмечало, что крепостные казаки в обороне хуже крестьян и далее замечало, если послать их против неприятеля одних, то это верная для них гибель. Однако они великолепно несли разведывательную и дозорную службу. Атаманами к

⁸ Андрейчук С.В. Сибирский корпус в системе военной безопасности на юге Западной Сибири : дис. канд. ист. наук. Барнаул, 2010. С. 19.

⁹ Андрейчук С.В. Сибирский корпус в системе военной безопасности на юге Западной Сибири : дис. канд. ист. наук. Барнаул, 2010. С. 19, 20, 190.

¹⁰ Целорунго Д.Г. Офицерский корпус Русской армии эпохи 1812 года по формулярным спискам : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1997. С. 14–17.

ним стали назначать армейских офицеров. Всего ими укомплектовали 24 сотни, большая их часть была расположена на Иртышской и Колывано-Кузнецкой линиях. В Кузбассе регулярно в длительных командировках находилась сотня Томского казачьего полка. При небольшом жаловании они попутно, по примеру крестьян, занимались и сельским хозяйством (Ермолаев, 2008. С. 248–250).

Рост военных угроз России потребовал от российского руководства достаточной военной силы на юге Западной Сибири. На 1 января 1794 г. численность войск Сибирского корпуса составила около 25 тыс. человек. Половина из них служила в крепостных гарнизонах, заводских батальонах и сторожевых командах. Количество нестроевых казаков сократилось до 6 тысяч и в военной структуре Сибирского укрепрайона они составляли менее 25 %¹¹.

С вступлением в 1796 г. на престол Павла I началось очередное реформирование Русской армии, в т. ч. и Сибирского корпуса. Вместе с драгунскими в его составе были сформированы мушкетёрские полки (назывались так потому, что они вооружались мушкетами с кремниевым замком и трёхгранным штыком – авт.). Указом Павла I от 29 ноября 1796 г. из Екатеринбургского и Семипалатинского полевых батальонов в Усть-Каменогорской крепости и г. Томске были сформированы Селенгинский и Томский мушкетёрские полки (Карлашов, 1893; Дмитриев, 1896). По именному Высочайшему повелению 24 апреля 1798 г. Томский мушкетёрский полк вступил в пределы Колывано-Воскресенских заводов. Батальоны и роты полка располагались на Алтае поквартирно в заводе Барнаула и близлежащих селениях по август 1808 г. (Ростов, 2005. С. 15–18). Впервые полки получили шефов из числа высокопоставленных генералов. При Павле I стали внедряться многие армейские новшества: специальные строевые ритуалы, наградные знамёна, торжественные присяги, была расширена сеть фельдъегерской службы, военных курсов, школ и учебных лагерей.

По примеру Петра I император Павел I начал ожесточённую борьбу с казнокрадством, взяточни-

чеством и беззаконием. В 1798 г. его инспектора проверили войска Сибирского корпуса и как результат, больше десятка старших офицеров были изгнаны из армии. В ходе этого мероприятия положительно себя зарекомендовали драгунские части А.А. Скалона. По свидетельству очевидцев, Павел I лично был знаком с генералом, уважал его как военного воспитателя, называл его «мой сибирский Скалон», а провинившихся сыновей грозился отправить на перевоспитание в Иркутский драгунский полк под надзор преданного генерала (Исупов, 2015. С. 16). Указом от 22 сентября 1798 г. казачьи чины уравнивались с армейскими: войсковой старшина-майор, есаул-ротмистр, сотник-поручик и т. д. Ввёл для них единое обмундирование, запретил их загружать неуставными работами. Срок их участия в полевых лагерях теперь достигал более месяца¹².

В этот период произошли изменения и в подготовке войск Сибирского корпуса. Солдат стали учить не только стрельбе с близкого расстояния, но и коллективному штыковому удару. При этом конница была обязана поддерживать пехоту стремительной атакой и холодным оружием. Для учёбы использовали искусственные полевые укрепления, деревянные макеты, рубку соломенных чучел. Артиллерийскую стрельбу практиковали специальные крепостные артиллерийские команды. Однако из-за разбросанности войск по сторожевым линиям не везде их проводили. Финансирование учений осуществлялось из нескольких источников: Военного ведомства, местной администрации, Горного управления и др. Актуальным в обучении и воспитании нижних чинов было и боевое прошлое полков.

Большое значение для «Сибирского укрепрайона» имело обеспечение его провиантом и различным военным имуществом. Особенно хлопотным была его доставка, которую затрудняли плохие дороги и ранняя зима. Поэтому обычно использовали местные реки, когда солдаты и казаки с помощью лямок тянули как бурлаки груженные судна. По воде также шёл сплав строительного леса. С берегов его лошадьми увозили к строящимся

¹¹ Андрейчук С.В. Сибирский корпус в системе военной безопасности на юге Западной Сибири : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2010. С. 17, 18.

¹² Андрейчук С.В. Сибирский корпус в системе военной безопасности на юге Западной Сибири : дис... канд. ист. наук. Барнаул, 2010. С. 186, 187.

объектам: новым таможням, гостиним дворам, питейным заведениям. Древесину активно использовали для ремонта старых укреплений, казарм, крепостных зданий. Такими работами занимались колодники и сами военнослужащие. Отходы сбрасывали в ямы, обмазанные глиной, в которых выжигали древесный уголь, выпаривали дёготь и скипидар¹³.

Вскоре после военного переворота 1801 г. и гибели Павла I, новый император Александр I подписал прошение генерал-майора А.А. Скалона об отставке. Ключевыми причинами этого стали повсеместная шпиономания к иностранцам из-за Наполеона, который рвался к мировому господству, а также близость А.А. Скалона к Павлу I. Недоверие было вызвано и тем, что французские агенты действительно многое знали о нашей стране и её армии. Они хорошо изучили будущий театр военных действий, недовольство людей крепостными порядками, хорошо представляли расположение и устройство крепостей, военных складов, продовольственных магазинов, а также имели биографический список на 60 российских военначальников (Иминов, Лютов, Соколов, 2000. С. 14, 15)¹⁴. Однако 26 апреля 1806 г. государь вернул генерала на военную службу. В запрошенной характеристике, полученной от командующего войсками Сибири генерал-лейтенанта Н.И. Лаврова, отмечалось, что А.А. Скалон: «к повышению достоинств, своим служением нам предан». В автобиографии А.А. Скалон писал: «Российскую службу принял навечно и по отставке желаю остаться в России и на подданство со своими детьми присягу принял» (Исупов, 2015. С. 16, 17).

Сибиряки в Отечественной войне 1812 года

В начале XIX в. в условиях европейских войн в Русской армии начали осуществляться мероприятия по увеличению ее численности, совершенствованию военного управления и боевой подготовки.

29 марта 1801 г. Указом Александра I в России были сформированы 14 инспекций, в т. ч. Сибирская. В феврале 1808 г. Сибирская инспекция была преобразована в 24-ю дивизию. В армии отказались от прусской линейной системы и стали практиковать занятия по новым уставам, подготовленными отечественными военначальниками: П.И. Багратионом, А.А. Аракчеевым, А.И. Кутайсовым и др. Военнослужащих подразделения и воинские части учили вести прицельный огонь и действиям в колоннах и рассыпном строю. Основным боем считался наступательный, при атаке артиллерия должна была уничтожать пушки врага, при отступлении – сдерживать конницу и пехоту (Иминов, Лютов, Соколов, 2000. С. 20–22)¹⁵.

Сибирские полки настойчиво изучали военное дело и готовили себя к предстоящим сражениям. В июне и июле 1806 г. все роты Томского мушкетёрского полка в течение шести недель занимались боевой учебой в открывшемся полевом лагере в заводе Барнаула. 16 июня 1807 г. на 6-недельный лагерный сбор и учения вышли роты Селенгинского мушкетёрского полка и расположились полевым лагерем при Усть-Каменогорской крепости (Ростов, 2005. С. 21, 22; Андриевич В.К. Сибирь в XIX столетии. Ч. II. // ГААК. Ф. 163. Оп. 1. Д. 60. Л. 269; Мальцева, 2002. С. 188). На формирование новых полков Русской армии в соответствии с указаниями Военной коллегии от 16 августа 1806 г. из войск, стоявших в Сибири, было выделено 5 кавалерийских эскадронов, 6 мушкетёрских и 2 егерских батальонов (ГААК. Ф. 1. Оп. 2. Д. 948. Л. 81, 81 об.). В конце июля 1808 г. вновь назначенный командующим 24-й дивизии генерал-лейтенант Г.И. Глазенап получил приказ Военного министра А.А. Аракчеева о подготовке к выводу из Сибири к Казани Сибирского и Иркутского драгунских, Томского и Ширванского мушкетёрских и 19-го егерского полков и передислокации Селенгинского мушкетёрского и 18-го егерского полков. Командовать всеми полками был назначен генерал-майор А.А. Скалон. Полкам следовало выступить из полевых лагерей побатальонно и поэскадронно. До границ Тобольской гу-

¹³ Андрейчук С.В. Сибирский корпус в системе военной безопасности на юге Западной Сибири : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2010. С. 21.

¹⁴ Иминов В.Т., Лютов И.С., Соколов Ю.Ф. Ратная слава Отечества : пособие по «Истории России» для школ, суворовских и нахимовских училищ и кадетских корпусов. Народ на защите Родины. М.: «РАУ-Университет», 2000. Кн. 3. 336 с.

¹⁵ Иминов В.Т., Лютов И.С., Соколов Ю.Ф. Ратная слава Отечества : пособие по «Истории России» для школ, суворовских и нахимовских училищ и кадетских корпусов. Народ на защите Родины. М.: «РАУ-Университет», 2000. Кн. 3. 336 с.

бернии выводимые полки сопровождал генерал-лейтенант Г.И. Глазенап, далее до назначенного места отвечал генерал-майор А.А. Скалон (ГААК. Ф. 1. Оп. 2. Д. 948. Л. 20–22; Ростов, 2013. С. 148). В августе 1808 г. предназначенные к выводу в центральную Россию сибирские полки, оставив в полковых лазаретах и инвалидных командах больных, выступили в поход. От места расположения до Казани полкам следовало пройти: 19-му егерскому полку от крепости Пресновской – 1528,5 вёрсты за 95 дней; Сибирскому драгунскому полку от крепости Святого Петра – 1693,5 версты за 106 дней; Ширванскому мушкетёрскому от Омской крепости – 1844,5 версты за 115 дней; Иркутскому драгунскому от форпоста Коряковского – 2251,5 версты за 142 дня; Томскому мушкетёрскому от города Барнаула – 2720,5 вёрсты за 167 дней (РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 981. Л. 79, 86, 90). Сибирские полки организованно прибыли к Казани. Все 6 больных нижних чинов и 2 офицера по их настоятельным просьбам были оставлены в полковых лазаретах. За этот поход, как явствует из реляции военного министра А.А. Аракчеева: «генерал Скалон восхищения и награды достоин». За совершение похода в исключительном порядке «с особенным сбережением людей» генерал-майор А.А. Скалон был удостоен ордена Святого Владимира 3-й степени (Ростов, 2005. С. 24; Ростов, Андрейчук, 2011. С. 256; Ростов, Андрейчук, 2015. С. 121).

После кратковременного отдыха в Казани Томский полк продолжил поход и 14 сентября 1809 г. достиг Волынской губернии. В краткой истории полка поручик Плескановский писал: «Целый год мы шли походом. Скучная была дорога: деревни не так часто попадались... Идёшь, идёшь, конца не видно – так и приходилось иной раз ночевать в чистом поле... В сентябре уже морозы хватили. Только тем и грелись, что скоро шли и вокруг костров...» (Ростов, 2005. С. 24, 27, 28). Указом от 19 августа 1808 г. все казаки, служившие на пограничных линиях, – Пресногорьевской (Новоишимской), Иртышской, Бухтарминской, Колывано-Кузнецкой, и крестьяне-переселенцы были объединены в Сибирское линейное казачье войско в составе 5950 чел. (Ростов, 2005. С. 27, 28, 30). Осенью 1810 г. оставшиеся в Сибири Селенгинский мушкетёрский и 18-й егерский полки были выведены в центральную Россию и включены в состав сформированной

23-й дивизии генерал-майора А.Н. Бахметева 1-го (ГААК. Ф. 163. Оп. 1. Д. 60. Л. 3 об.)

Все сибирские полки, а также отдельные роты и батальоны (всего свыше 25 тыс. человек) были распределены по 1-й, 2-й и 3-й Западным Русским армиям. С началом Отечественной войны 1812 года в тяжелых арьергардных боях Русских армий самоотверженно участвовали и сибиряки. Под Витебском героически сражался Селенгинский пехотный полк. В течение трёх суток на своём участке он сдерживал превосходящие по численности силы противника. Аналогично вели себя находящиеся по соседству Сибирский и Иркутский драгунские полки. В авангарде Русской армии стойко сражался 18-й егерский полк. Батальонный командир майор М.М. Петров свидетельствовал, что в длительном переходе к Смоленску его поразила забота сибирских офицеров о своих подчинённых. В двух егерских полках изнурённые солдаты падали от усталости. Офицеры некоторым передали своих лошадей, а у других забрали и несли их тяжёлые ранцы и ружья (Ростов, 2005. С. 35, 36, 39).

Героически сражались сибиряки и в ожесточённых боях за Смоленскую крепость. Трое суток с 4 по 6 августа 30 тыс. русских сдерживали 150 тыс. солдат маршала Л. Даву, дав возможность оторваться от неприятеля объединённым 1-й и 2-й Западным армиям. Главный удар враг наносил на Молоховские ворота. В обороне отличилась батальонная рота подполковника Апушкина, которая четырежды меняла свою прислугу. Вместе с ней находился и Иркутский драгунский полк генерал-майора А.А. Скалона. В трудный момент, когда в атаку пошла французская кавалерия, им навстречу двинулись кавалеристы-сибиряки. В ожесточённом бою у Молоховских ворот мужественный генерал погиб. Героически обороняли Смоленскую крепость сибирские Томский, Ширванский, 19-й егерский полки сибирской 24-й пехотной дивизии. В ходе контратаки Тобольского пехотного полка от русского штыка в предместье крепости погиб командир 18-й пехотной дивизии противника генерал М. Грабовский. Обученные сибиряки знали, что кремневые ружья и пушки врага тратят значительное время на свою перезарядку. За это время солдаты сближались с врагом и в рукопашном бою применяли штыки и приклады (РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 981. Л. 40). Разрушив несколько крепост-

ных ворот, неприятель вступил в Смоленск. Французские офицеры отмечали, что им досталась «победа бесплодная и слава кровавая». В тяжёлых боях сибиряки понесли большие потери. Только Томский пехотный полк потерял 492 чел. убитыми, ранеными и пропавшими без вести (Ростов, 2005. С. 44, 45).

Верой и правдой родному Отечеству послужили сибиряки и в Бородинской битве. Перед её началом многие из них решали ключевые задачи: сдерживали врага пока шли инженерные работы, охраняли переправы и дороги у реки Колочи, мосты и овраги у ручья Огник. Батальон Селенгинского пехотного полка находился «в конвое при Главной квартире». Лекарем при штабе Главнокомандующего Русской армией М.И. Кутузова был служащий барнаульской аптеки Ф.Д. Ложников.

М.И. Кутузов придавал большое внимание моральному духу воинов. 25 августа при объезде войск он остановился около Сибирского драгунского полка и обратился к сибирякам со словами: «Вам придётся защищать землю родную, послужите верой и правдой до последней капли крови».

На рассвете 26 августа (7 сентября) свыше 100 французских орудий открыли огонь по русским войскам, расположенным на флешах генерала П.И. Багратиона и у деревни Семеновская. Русские войска открыли ответный огонь, началась Бородинская битва. На левом фланге Русской армии, защищая Багратионовские флешы, героически сражались батальоны Селенгинского и Тобольского пехотных, эскадроны Иркутского и Сибирского драгунских полков (Дулов, 1971; Ростов, 2005. С. 61–65). В центре русской позиции в решающую минуту сражения сибиряки 24-й пехотной дивизии генерал-майора П.Г. Лихачёва в штыковой контратаке отбили у противника захваченную им Курганную батарею. В ходе этой контратаки враг потерял свыше 3 тыс. человек, а фельдфебель сибирского 18-го егерского полка И. Золотов пленил бригадного генерала Шарля Бонами. За этот подвиг М.И. Кутузов произвёл сибиряка в подпоручики (Ростов, 2005. С. 68–70). Сменив части 26-й пехотной дивизии, сибиряки расположились на укреплениях Курганной батареи и самоотверженно защищали её в ходе сражения. В третьем часу на сибиряков обрушился огонь из более чем 120 французских орудий. Используя четырехкратное пре-

восходство над сибиряками и воспользовавшись тем, что французская конница сковала русские резервы, французы ворвались на батарею. Сибиряки штыками сбрасывали взбравшегося врага и вместе с ним гибли в ожесточённом рукопашном бою. Среди убитых был и французский генерал О.Ж. Колленкур – командир кирасирской дивизии (Ростов, 2005. С. 70, 73–76).

Когда французы ворвались на Курганную батарею, раненый генерал-майор П.Г. Лихачёв вместе со своими солдатами пошёл в последнюю атаку на французские штыки. Сбитый с ног ударом приклада, исколотый штыками, он был взят в плен и представлен Наполеону. Французский император, восхищённый героем, пытался вернуть ему шпагу, но мужественный генерал отказался её принять из рук врага. О храбрости и самоотверженности сибиряков свидетельствуют архивные документы и воспоминания французских офицеров. В исторической справке Французской армии «Эпизод сражения на Москверекке» так описывается бой «за Большой Бородинский редут»: «Перед глазами ворвавшихся на редут солдат 9-го линейного полка предстала ужасающая картина: редут был похож на настоящий огнедышащий кратер; на полуразрушенных брустверах были разбиты все бойницы... Большая часть орудий была опрокинута или сброшена с разбитых лафетов. Русские отчаянно обороняли позицию и умирали...». Участник Бородинского сражения французский офицер Цезарь де Ложье записал в своем дневнике: «Почти целиком погибшая здесь дивизия Лихачёва, казалось, и мёртвая всё ещё продолжала охранять свои укрепления» (Иминов, Лютов, Соколов, 2000. С. 59¹⁶; Ростов, 2005. С. 77, 78; Военная энциклопедия, 1914. С. 22¹⁷). В Военной галерее Зимнего дворца в Санкт-Петербурге среди 332 портретов прославленных русских генералов – участников Отечественной войны 1812 года имеются и портреты командира Иркутского драгунского полка генерал-

¹⁶ Иминов В.Т., Лютов И.С., Соколов Ю.Ф. Ратная слава Отечества : пособие по «Истории России» для школ, суворовских и нахимовских училищ и кадетских корпусов. Народ на защите Родины. М.: «РАУ-Университет», 2000. Кн. 3. 336 с.

¹⁷ Военная энциклопедия. СПб.: Т-во И.Д. Сытина, 1911–1915 [Т. 15: Линтулак – Минный отряд Балтийского флота] / под ред. К.И. Величко [и др.]. 1914. [2], 320, [6] с., [16] л. ил.: ил. – На обл. дата изд.: 1911.

майора А.А. Скалона и командира 24-й пехотной дивизии генерал-майора П.Г. Лихачёва (Ростов, 2005. С. 113).

Бородино дорого обошлось Наполеону. Французская армия потеряла убитыми и ранеными около 50 тыс. человек (свыше 43 % своего состава), она лишилась около 60 % своей конницы. Значительными были потери и в Русской армии. В ходе Бородинского сражения потери убитыми, ранеными и пропавшими без вести составили: в 24-й пехотной дивизии – 2616 чел.; в Томском пехотном полку – 464 чел., в Иркутском драгунском полку – 123 чел. В Ширванском пехотном полку после сражения из 1300 чел. в строю осталось 96 солдат и 3 офицера; в 18-м егерском полку из 563 чел. – 65 чел.; Тобольский пехотный полк, в следствие тяжёлых потерь превратился по численности в роту. Величайшая битва завершилась, но впереди были: горящая Москва, Тарутинский манёвр, Малоярославец, Смоленск, Красное, Березина, а также изгнание врага за пределы России. Из 380 тыс. армии Наполеона в ноябре 1812 г. через Березину переправились около 20 тыс. чел., из 1400 орудий было вывезено только 9 (Ростов, 2005. С. 80–82; Сегюр, 1897. С. 67). За проявленные мужество и доблесть в Отечественной войне 1812 года и в Заграничных походах Русской армии все сибирские полки были удостоены высоких наград и персональных знаков. Значительное число солдат и офицеров сибирских полков были заслуженно отмечены орденами и медалями. П.Г. Лихачёв был пожалован алмазными знаками к ордену Святой Анны 1-й степени. Благодарности Главнокомандующего и орденов Святого Великомученика и Победоносца Георгия 4-й степени, Святого Владимира 4-й степени с бантом и Святой Анны 2-го класса был удостоен командир Томского пехотного полка полковник И.И. Попов. Золотое оружие «За храбрость» было вручено майору О.М. Сегимину и капитану И.С. Кашкарову, орденом Святой Анны 3-го класса были награждены штабс-капитан П.С. Какташёв, майор М.Я. Крутых и др. (РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 981. Л. 1, 2, 5 об.; Ростов, 2005. С. 48, 83, 84).

Высокий патриотизм сибиряков пограничных линий «Сибирского укрепрайона» и сибирских губерний в ходе Отечественной войны 1812 года проявился и в сборе добровольных денежных и материальных пожертвований. На нужды Русской армии

поступило: от населения Каинского уезда – 13850 руб., кузнецких инородцев – 23710 руб., красноярцев – 10878 руб., бурят Иркутской губернии – 200 тыс. руб. Также сибиряки активно жертвовали золотом, серебро, пушнину. Внук Акинфия Демидова – Н.Н. Демидов из своих капиталов обязался сформировать и содержать целый полк, а еще 100 тыс. руб. пожертвовал инвалидам войны. По неполным данным сибиряки пожертвовали свыше 600 тыс. руб., в т. ч.: Тобольская губерния – около 100 тыс. руб., Томская губерния – свыше 100 тыс. руб., Иркутская губерния – свыше 370 тыс. руб., Колывано-Воскресенский округ – свыше 75 тыс. руб. Народную помощь поддерживала центральная власть, которая за благотворительность активно поощряла попечителей. Только на Алтае 26 декабря 1820 г. начальник Колывано-Воскресенских заводов П.К. Фролов получил 101 бронзовую медаль для дворянства и столько же актов «на ношение сих медалей». Денежных премий были удостоены: начальник Горного округа И.И. Эллерс, штаб-лекарь С.И. Шангин, бергмейстер И.А. Аболтин и др. Аналогичные награды были вручены во всех соседних губерниях (Ростов, 2005. С. 87, 88; Дударева, 2002. С. 186; Стрельский, 1942. С. 31).

Военнослужащие казачьих подразделений окончательно утверждаются в Табеле о рангах со всеми полагающимися им льготами. Конные команды казаков дисциплинированно несли пограничную службу. Она была необходима потому, что в середине XIX в. Сибирская сторожевая линия продвинулась от Семипалатинска до форта Верный (Алматы) (Живописцев, 2003. С. 95). Большинство укреплений «Сибирского укрепрайона» стали тыловыми, так как граница смещалась все дальше на юг. Всё чаще различные инспекторы отмечают, что для охраны рудников и заводов уже не требуются крепости и укрепления. Аналогично высказывался и губернатор Западной Сибири И.О. Гасфорт.

Например, в марте 1856 г. было решено передать Кузнецкую крепость гражданскому ведомству. Там разместили тюрьму, часть построек на слом передали купцам (сегодня идёт реставрация памятника – авт.)¹⁸ (Ростов, 2005. С. 17). Отставные воен-

¹⁸ Андрейчук С.В. Сибирский корпус в системе военной безопасности на юге Западной Сибири : дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2010. 297 с.

нослужащие вместе с семьями были оставлены жить в местных сёлах и городах.

История «Сибирского укрепрайона» завершилась во второй половине XIX в. Военно-административная реформа военного министра генерала Д.А. Милютин в 1864–1868 гг. кардинально изменила систему военной безопасности Российского государства. Указом императора Александра II в 1865 г. были сформированы Западно-Сибирский и Восточно-Сибирский военные округа. Нарботанный сибиряками в XVIII и XIX веках опыт по защите Отечества получил дальнейшее развитие в войнах начала XX века, где ими было явлено множество примеров доблести и героизма (Горелов, 2003).

«Сибирский укрепрайон» сыграл исключительно важную роль в обеспечении военной без-

опасности России на юге Западной Сибири в XVIII–XIX вв. Он представлял собой стройную систему оборонительных укреплений на Сибирских пограничных линиях. Уникальность исторического опыта обеспечения военной безопасности России в сибирском регионе в рассматриваемый исторический период обусловлена: созданием отдельного Сибирского корпуса, в последующем Сибирской инспекции, дивизии; централизацией управления всеми войсками; в подчинении командующего Сибирским корпусом напрямую Военной коллегии; в предоставлении военному командованию широких полномочий по обеспечению военной безопасности в регионе, его хозяйственному освоению, организации взаимовыгодной приграничной торговли и культурного обмена.

Список источников

Гагина Т.Н. Жизнь и научная деятельность В.Н. Скалона. Иркутск, 2003. 376 с.

Горелов Ю.П. Сибиряки на защите Отечества в войнах начала XX века. Кемерово : Кузбассвуиздат, 2003. 388 с.

Дмитриев М.Я. Краткая хроника 39-го пехотного Томского Его Императорского Высочества Эрц-Герцога Австрийского Людвиг-Виктора полка. Лович : Тип. К. Рыбацкого, 1896. 37 с.

Дударева О.Н. Барнаульцы в Отечественной войне 1812 г. // Алтайский архивист. Барнаул. 2002. № 2. С. 184–187.

Дулов А.В. Сибиряки в Бородинском сражении // Учёные Записки Географического общества СССР. Восточно-Сибирский отдел. Иркутский областной музей краеведения. Иркутского областного музея. Вып. 4 : Вопросы истории Сибири. Ч. 1. Иркутск, 1971. С. 78–85.

Ермолаев А.Н. Уездный Мариинск 1856–1917 гг. Кемерово : Кузбассвуиздат, 2008. 743 с.

Живовищев М.Ю. Земля Беловская. Очерки об истории нашего города и края. Белово, 2003. 132 с.

Исупов С.И. Потомки крестоносцев в Бийской крепости, или Судьба героя 1812 года // Избранные страницы: Клубу любителей алтайской старины – 25 лет (Сборник). Барнаул : РИО АКУНБ, 2015. С. 15–19.

Карлашов Н.А. Краткий очерк истории 41-го пехотного Селенгинского полка. Орел : Тип. Губ. Правл., 1893. 183 с.

References

Gagina T.N. (2003) Life and scientific activity of V.N. Skalon. Irkutsk. 376 p. (In Russ.).

Gorelov Yu.P. (2003) Siberians defending the Fatherland in the wars of the early twentieth century. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat. 388 p. (In Russ.).

Dmitriev M.Ya. (1896) Brief chronicle of the 39th Infantry Tomsk of His Imperial Highness the Archduke of Austria Ludwig-Victor regiment. Lovich: Tip. K. Rybatskogo. 37 p. (In Russ.).

Dudareva O.N. (2002) Barnaulians in the Patriotic War of 1812. *Altayskii archivist = Altai archivist*. Barnaul. P. 184–187. (In Russ.).

Dulov A.V. (1971) Siberians in the Battle of Borodino. *Uchenye Zapiski Geograficheskogo obshchestva SSSR. Vostochno-Sibirskii otdel. Irkutskii oblastnoi muzei kraevedeniya. Irkutskogo oblastnogo muzeya = Scientists Notes of the Geographical Society of the USSR. East Siberian Department. Irkutsk Regional Museum of Local Lore. Irkutsk Regional Museum. Iss. 4. Questions of the History of Siberia. Pt. 1*. Irkutsk. P. 78–85. (In Russ.).

Ermolaev A.N. (2008) County Mariinsk, 1856–1917. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat. 743 p. (In Russ.).

Zhivopistsev M.Yu. (2003) Belovskaya land. *Ocherki ob istorii nashego goroda i kraia = Essays on the history of our city and region*. Belovo. 132 p. (In Russ.).

Isupov S.I. (2015) Descendants of the crusaders in the Biysk fortress, or the fate of the hero of 1812. *Izbrannye stranitsy: Klubu lyubitelei altaiskoi stariny – 25 let (Sbornik) = Selected pages. Club of Lovers of the Altai Antiquity is 25 years old (Collection)*. Barnaul. P. 15–19. (In Russ.).

Karlashov N.A. (1983) A brief outline of the history of the 41st Infantry Selenginsky Regiment. Eagle: Lip type. Edit. 183 p. (In Russ.).

Кислицын В.Н. Землеустройство и земельные отношения сибирского казачьего войска (Колывано-Кузнецкая линия) // Избранные страницы: Клубу любителей алтайской старины – 25 лет (Сборник). Барнаул : РИО АКУНБ, 2015. С. 22–26.

Литературное наследство Сибири. Т. 6. Потанин Г.Н. Воспоминания / сост. Н.Н. Яновский. Новосибирск : Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1983. 336 с.

Макачук С.В. Приписные крестьяне Кемеровских деревень в XVIII–XIX вв. // Балибаловские чтения : материалы шестой науч.-практ. конф., Кемерово, июнь 2011 г. Кемерово : Кузбассвузиздат, 2011. Вып. 6. С. 21–25.

Мальцева Т.Г. Отечественная война 1812 года и Алтай // Алтайский архивист. Барнаул. 2002. № 2. С. 187–189.

Отечественная война 1812 года / авторы сост.: С.Ю. Исупов, Н.Д. Ростов, Ю.А. Цапко. Барнаул : Алтай, 2012. 196 с.

Ростов Н.Д. Земли Алтайской верные сыны. Из истории доблести и чести воинской сибирских полков. Барнаул : Изд-во АлтГТУ, 2005. 304 с.

Ростов Н.Д. Сибиряки в военной истории России // Гуляевские чтения : материалы 7 и 8 историко-архивных конференций. Барнаул : Азбука, 2013. Вып. 3. С. 146–153.

Ростов Н.Д., Андрейчук С.В. Военно-профессиональное воспитание детей в российской армии: традиции и современность (на примере Сибирского региона) // Алтайский архивист. 2009. № 1 (17). С. 245–262.

Ростов Н.Д., Андрейчук С.В. Сибирская инспекция на рубеже XVIII–XIX веков // Избранные страницы: Клубу любителей алтайской старины – 20 лет : сборник / сост. В.П. Кладова. Барнаул : РИО АКУНБ, 2011. С. 250–256.

Ростов Н.Д., Андрейчук С.В. Сибирская инспекция на рубеже XVIII–XIX вв. // Избранные страницы: Клубу любителей алтайской старины – 25 лет : сборник. Барнаул : РИО АКУНБ, 2015. С. 119–121.

Сегюр Ф.-П. Бородинское сражение : (Séjour. La Bataille de la Moscova) / пер. с фр. Л.Д. Киев; Харьков : Ф.А. Иогансон, 1897. 76 с.

Стрельский В.И. Сибирь в Отечественной войне 1812 года. Омск : ОГИЗ, ОМГИЗ, 1942. 48 с.

Информация об авторах

Горелов Юрий Павлович,
доктор исторических наук, профессор, независимый исследователь, ветеран Кемеровского государственного университета,
650025, г. Кемерово, ул. Коммунистическая, 90, кв. 22, Россия.

Kislitsyn V.N. (2015) Land management and land relations of the Siberian Cossack Army (Kolyvano-Kuznetskaya line). *Izbrannye stranitsy: Klubu lyubitelei altaiskoi stariny – 25 let (Sbornik) = Selected pages: Club of Lovers of the Altai Antiquity is 25 years old (Collection)*. Barnaul: RIO AKUNB. P. 22-26. (In Russ.).

Yanovskii N.N. (1983) Literary heritage of Siberia. Potanin G.N. *Memories*. Novosibirsk: Zap. Sib. kn. izd-vo. Vol. 6. 336 p. (In Russ.).

Makarchuk S.V. (2011) Ascribed peasants of "Kemerovo villages" in the XVIII-XIX centuries. *Balibalovskie chteniya. Materialy shestoi nauch.-prakt. konf., Kemerovo, iyun' 2011 g. = Balibal Readings. Proceedings of the Sixth Scientific and Practical Conference. Kemerovo, June, 2011*. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat. P. 21-25. (In Russ.).

Mal'tseva T.G. (2002) Patriotic War of 1812 and Altai. *Altayskii arkhivist = Altai Arkhivist*. Barnaul. No. 2. P. 187-189. (In Russ.).

Isupov S.Yu., Rostov N.D., Tsapko Yu.A. (2012) Patriotic War of 1812. Barnaul: Altai. 196 p. (In Russ.).

Rostov N.D. (2005) The faithful sons of the Altai lands. From the history of the valor and honor of the military prowess of the Siberian regiments. Barnaul: Altai State Technical University. 304 p. (In Russ.).

Rostov N.D. (2013) Siberians in the military history of Russia. *Gulyaevskie chteniya: materialy 7 i 8 istoriko-arkhivnykh konferentsii = Gulyaev Readings: Proceedings of the 7th and 8th Historical and Archival Conferences*. Barnaul: Azbuka. P. 146-153. (In Russ.).

Rostov N.D., Andreichuk S.V. (2009) Military professional education of children in the Russian Army: traditions and modernity (on the example of the Siberian region). *Altayskii arkhivist = Altai Arkhivist*. No. 1 (17). P. 245-262. (In Russ.).

Rostov N.D., Andreichuk S.V. (2011) Siberian inspection at the turn of the XVIII-XIX centuries. *Izbrannye stranitsy: Klubu lyubitelei altaiskoi stariny – 20 let (Sbornik) = Selected pages. The Club of Lovers of Altai Antiquity is 20 years old (Collection)*. Barnaul: RIO AKUNB. P. 250-256. (In Russ.).

Rostov N.D., Andreichuk S.V. (2015) Siberian inspection at the turn of the XVIII-XIX centuries. *Izbrannye stranitsy: Klubu lyubitelei altaiskoi stariny – 25 let (Sbornik) = Selected pages. The Club of Lovers of Altai Antiquity is 25 years old (Collection)*. Barnaul: RIO AKUNB. P. 119-121. (In Russ.).

Segyur F.-P. (1897) Battle of Borodino. Kiev; Khar'kov. 76 p.

Strel'skii V.I. (1942) Siberia in the Patriotic War of 1812. Omsk: OGIZ; OMGIZ. 48 p. (In Russ.).

Information about the authors

Yury P. Gorelov,
Dr. Sci (History), Professor, Veteran of the Kemerovo State University,
apt. 22, 90, Communist St., Kemerovo 650025, Russia.

Ростов Николай Дмитриевич,
доктор исторических наук, профессор кафедры
философия и социологии,
Алтайский государственный технический университет
им. И.И. Ползунова,
656038, г. Барнаул, пр. Ленина, 46, Россия,
e-mail: ndrostov@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-3571-29-43>

Nikolai D. Rostov,
Dr. Sci. (History), Professor of the Department of Philosophy
and Sociology,
Altai State Technical University named after I.I. Polzunov,
46, Lenin Ave., Barnaul 656038, Russia,
e-mail: ndrostov@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-3571-29-43>

Вклад авторов

Все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 15 февраля 2023 г.; одобрена после рецензирования 25 апреля 2023 г.; принята к публикации 15 мая 2023 г.

Contribution of the authors

The authors contributed equally to this article.

Conflict of interests

The authors declare no conflict of interests.

The authors have read and approved the final manuscript.

Article info

The article was submitted February 15, 2023; approved after reviewing April 25, 2023; accepted for publication May 15, 2023.

Научная статья
УДК 930:355/359.07
EDN: KBXAGU
DOI: 10.21285/2415-8739-2023-3-88-98

Иркутский резервный батальон и проблемы резервных пехотных частей Сибирского военного округа в 1899 г. (по материалам поездки А.Н. Куропаткина)

Р.С. Авилов^{1, 2}

¹ Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, г. Владивосток, Россия

² Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток, Россия

Аннотация. В статье, на впервые вводимых в научный оборот материалах Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА), рассматривается состояние Иркутского резервного батальона и делается вывод о боеспособности резервных пехотных частей Сибирского военного округа в 1899 г. В этом году состоялась поездка военного министра Российской империи А.Н. Куропаткина в Сибирский военный округ. Визит представляет большой научный интерес, так как имел место менее чем за 7 месяцев до начала мобилизации Сибирского военного округа 8 июля 1900 г. в связи с Боксерским восстанием в Китае и примерно за четыре года до начала Русско-японской войны 1904–1905 гг. Поездка осуществлялась в целях личного ознакомления военного министра с состоянием созданного незадолго до этого Сибирского военного округа, оценки состояния и боеспособности дислоцировавшихся в нем войск, изучения состояния военной инфраструктуры, сбора материалов для разработки планов дальнейших военных преобразований в Сибири, а также разработки планов обороны азиатской части Российской империи. Передвигаясь по Великой Сибирской железной дороге, военный министр осмотрел военные учреждения и войска крупнейших сибирских гарнизонов, в числе которых были 4 из 6 дислоцировавшихся в Сибирском военном округе резервных пехотных батальонов, в том числе и Иркутский. В статье публикуется наиболее подробное из известных к настоящему времени описаний Иркутского резервного батальона в конце XIX в. Приводятся данные об особенностях службы резервных пехотных частей в Сибири, стоящих перед ними задачах и сложности организации их боевой подготовки. Делается вывод о том, что необходимость использования их по прямому назначению в военное время требовала серьезных изменений в их службе и боевой подготовке.

Ключевые слова: Сибирский военный округ, Иркутский военный округ, Приамурский военный округ, местные войска, Иркутский резервный батальон, А.Н. Куропаткин, Восточная Сибирь, Забайкалье, Иркутск, русская армия

Для цитирования: Авилов Р.С. Иркутский резервный батальон и проблемы резервных пехотных частей Сибирского военного округа в 1899 г. (по материалам поездки А.Н. Куропаткина) // Известия Лаборатории древних технологий. 2023. Т. 19. № 3. С. 88–98. <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2023-3-88-98>. EDN: KBXAGU.

History

Original article

The Irkutsk Reserve Battalion and the problem of reserve infantry troops in Siberian Military District in 1899 (based on material of visit of Aleksey N. Kuropatkin)

Roman S. Avilov^{1, 2}

¹ Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East FEB RAS, Vladivostok, Russia

² Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia

Abstract. This article based on a large body of unpublished documents from the Russian State Military Historical Archive (RSMHA). The author analyzes the current situation in Irkutsk Reserve Battalion and describe the level of combat readiness of the

other reserve infantry troops, dislocated in Siberian Military District in 1899. In that year there was a visit of the War Minister of Russian Empire Aleksey N. Kuropatkin to Siberian Military District. That visit was of historic importance as it took place less than 7 months before the Siberian Military District mobilization in July 7th 1900 in response to the Boxer Rebellion in China and about 4 years prior the Russo-Japanese War of 1904–1905. Its purpose was personal acquaintance of the War Minister with the recently created Siberian Military District; specifically, evaluation of the actual state and combat readiness of the dislocated troops, the current situation with military infrastructure, data gathering to further develop defense plans and regional military reforms in Siberia. Traveling by Trans-Siberian Railway, Kuropatkin inspected military objects in cities and the troops of the largest Siberian garrisons, including 4 of the 6 reserve infantry battalions, dislocated in Siberian Military District and Irkutsk Reserve Battalion among them. In this article is first published the most detailed descriptions of Irkutsk Reserve Battalion in the end of XIX century. It has presented the data about the service particularity of the reserve infantry troops in Siberia, their tasks and the difficulties of organization their military education. It has concluded that the necessity of use them for intended purpose in a wartime demand a serious changes in its service and military education.

Keywords: Siberian Military District, Irkutsk Military District, Amur Military District, local troops, Irkutsk Reserve Battalion, Aleksey N. Kuropatkin, East Siberia, Transbaikalia, Irkutsk, Russian Army

For citation: Avilov R.S. (2023) The Irkutsk Reserve Battalion and the problem of reserve infantry troops in Siberian Military District in 1899 (based on material of visit of Aleksey N. Kuropatkin). *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 19. No. 3. P. 88-98. (In Russ.). <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2023-3-88-98>. EDN: KBXAGU.

Несмотря на наметившийся в последние 30 лет рост внимания исследователей к военной истории Сибири в конце XIX – начале XX в., дислоцировавшиеся на ее территории резервные части русской армии все еще не являются предметом постоянного интереса историков. Публикации о них по-прежнему не многочисленны (Кузнецов, 2019b). Между тем смежные направления исследуются достаточно активно. Появляются работы по истории казачества (Романов, Новиков, 2009; Авилов, 2021c), местных войск (Кузнецов, 2018; Кузнецов, 2019a; Кузнецов, Новиков, 2022), военно-окружной системы (Авилов, 2014; Безугольный, Ковалевский, Ковалев, 2012; Копылов, Миллюхин, Фабрика, 1995; Ращупкин, 2003), участию сибирских войск в Русско-японской войне 1904–1905 гг. (Ростов, Ширшов, 2018; Ростов, Ширшов, 2019a; Ростов, Ширшов, 2019b). Отдельно следует выделить работы по истории визита военного министра А.Н. Куропаткина в Сибирский военный округ (Авилов, 2019; Авилов, 2021a; Авилов, 2021b; Авилов, 2021c) и Китайского похода 1900–1901 гг. (Дацышен, 1996; Дацышен, 2001; Дацышен, 2008; Попов, 2004), поскольку последние два события разделяет буквально несколько месяцев. При этом детальное изучение участия русских войск, в том числе резервных, в событиях 1900–1901 гг. без подробного рассмотрения предыстории самих войск представляется затруднительным. Поэтому цель данной статьи – рассмотреть на материалах поездки А.Н. Куропаткина состоя-

ние резервных пехотных частей Сибирского военного округа в 1899 г., сделав упор на Иркутский резервный батальон, как дислоцировавшийся наиболее близко к театру развернувшихся впоследствии военных действий.

Когда в 1899 г. Иркутский и Омский военные округа объединили в Сибирский, в составе последнего оказались: 1 линейный батальон, 6 резервных батальонов, 32 местные команды, 15 конвойных команд, 2 местные артиллерийские команды, один Сибирский казачий полк и 2 отдельные казачьи сотни. По одному резервному батальону располагались в каждой из губерний и областей округа (за исключением Якутской). Они именовались по городам, в которых дислоцировались: Тобольский, Томский, Красноярский, Иркутский, Омский и Семипалатинский. Формально в мирное время все эти батальоны были 5-ротного состава, однако на практике их состав существенно различался (от 20 до 46 рядов в полуротах), в зависимости от предполагаемых масштабов караульной и конвойной службы. По штатам мирного времени суммарная численность всех шести батальонов определялась в: 216 офицеров и 5018 нижних чинов. В случае мобилизации каждый резервный батальон предполагалось развернуть в 5-батальонный полк и сформировать по одному запасному пехотному батальону. На этот батальон планировалось возложить караульную службу в месте дислокации и, в случае необходимости, он должен был обеспечить подготовку

маршевого пополнения. Суммарная численность 6 полков и 6 батальонов в военное время составляла 538 офицеров и 36372 нижних чина. Иначе говоря, число офицеров возрастало в 2,5 раза, нижних чинов – более чем в 7 раз.

Еще один резервный батальон намечалось сформировать на базе Барнаульской местной команды до конца 1903 г. Вообще при подготовке плана мероприятий, намеченных к осуществлению на пятилетие 1899–1903 гг., предполагалось сформировать в Сибири еще два новых резервных батальона, но от планов отказались из-за нехватки финансовых средств (Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 400. Оп. 1. Д. 2617. Л. 17–17 об.).

Во время поездки по Сибирскому военному округу А.Н. Куропаткин осмотрел 4 из 6 находившихся на его территории резервных батальонов: Омский – 6 и 7 октября, Томский – 11 и 12 октября, Красноярский – 15 и 16 октября и Иркутский – 19 октября (РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 2617. Л. 19–21, 25–29, 31–32 об.). В рамках данной статьи будет подробно рассмотрен лишь Иркутский резервный батальон, однако, поскольку проблемы, имевшиеся в сибирских резервных пехотных частях, были практически идентичными, на основе этих данных вполне можно судить и об общем состоянии других батальонов.

По штату в Иркутском резервном батальоне должно было быть 36 офицеров и 1131 нижний чин, но к моменту прибытия военного министра списочный состав батальона оказался даже больше – 36 офицеров и 1305 нижних чинов. Больных нижних чинов в день смотра оказалось 40 чел., т. е. 3 % списочного состава, в том числе, к большому огорчению министра, 20 чел., т. е. половина, болели сифилисом. Штрафованных нижних чинов было 99 чел. (7,5 % общего списочного состава), в том числе 39 чел., заключенных в дисциплинарную роту. Такое высокое число штрафованных отчасти объяснялось тем, что в резервные батальоны переводили всех штрафованных из конвойных команд, где служба таких нижних чинов не допускалась. В Иркутском резервном батальоне таких оказалось 18 чел. из 99 (РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 2617. Л. 31).

Служебная нагрузка на личный состав батальона была очень высокая. В караулы по городу

Иркутску ежедневно отправляли 6 унтер-офицеров и 102 рядовых. Для надобностей батальона ежедневно наряжались: в караул – 3 унтер-офицера и 25 рядовых и должностных – 9 унтер-офицеров и 43 рядовых. Таким образом, суммарный ежедневный наряд от батальона составлял 18 унтер-офицеров и 170 рядовых. Независимо от этого батальон нес большой наряд по конвойной службе, который хотя и требовался лишь периодически, но доходил одновременно до 22 унтер-офицеров и 121 рядового. В целом наряд в конвой от батальона составил: в 1897 г. – 659 чел., в 1898 г. – 791 чел. и за прошедший к прибытию А.Н. Куропаткина период 1899 г. – 551 чел.

Самый большой наряд в конвой требовался для сопровождения арестантов в с. Оек в 45 верстах от Иркутска. Причем наряд туда был необходим до трех раз в неделю, что составляло до 500 нижних чинов в год. Крайне обременительным был и наряд конвоя для сопровождения арестантов по Якутскому тракту, требовавшийся по 3 раза в год и составлявший 42 нижних чина, которые отсутствовали в батальоне в течение 3–4 месяцев и возвращались обратно поодиночке, по мере сдачи арестантов в попутные тюрьмы. Этот наряд был одним из самых проблемных, поскольку действовал «несомненно развращающим образом на нижних чинов, находящихся столь продолжительное время в общении с арестантами».

Еще до 84 нижних чинов батальона прикомандировывались из рот к канцелярии и разным хозяйственным учреждениям, и эту цифру военный министр признал чрезмерной.

«Если затем считать больных, арестованных, офицерскую прислугу, состоящих в учебной команде, учителей молодых солдат, не несущих никаких нарядов по службе (всего 277 нижних чинов), то окажется, что для несения караульной службы едва хватает людей на 3 смены.

Указанный наряд в особенности для надобностей батальона представляется преувеличенным и его необходимо будет пересмотреть. Вместе с тем, однако необходимо будет принять меры к сокращению наряда в городские караулы и в конвой.

Размер указанных выше нарядов служит причиною, что в Иркутском резервном батальоне задержаны все нижние чины срока службы 1896

года, подлежащие увольнению в запас осенью сего года», – отмечал А.Н. Куропаткин (РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 2617. Л. 31 об.).

Почетный караул при встрече министра был выставлен сводный от двух рот батальона. Наружный вид нижних чинов был хороший, но стойка, равнение и держание ружей оказались не вполне хорошие. На приветствие они отвечали совершенно неестественно, и явно не были внимательно осмотрены перед отправкой в караул к столь высокому гостю, что не ускользнуло от внимания последнего. Состав нижних чинов, по мнению А.Н. Куропаткина, был «прекрасный – батальон получает исключительно местное укомплектование – хотя встречается довольно много утомленных лиц, что объясняется тяжелою караульною и конвойною службою». Из 36 офицеров Иркутского резервного батальона 14 офицеров, т. е. 39 %, окончили курс военных училищ, что тоже было достаточно высоким показателем (РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 2617. Л. 31 об.).

Как и в случае с другими, находящимися в Иркутске военными частями и учреждениями, министр подробно ознакомился с казарменным расположением батальона, который размещался в двух каменных зданиях, отведенных городом. В старом здании – две роты, в новом – три. «В старом здании роты размещены не вполне удовлетворительно; помещение тесно и на каждого нижнего чина приходится только по 1 куб. сажени воздуха; форточек очень мало и вентиляция плоха; чистоты надлежащей в этом помещении не было и они бедно обставлены. Отдельные роты в новом здании помещены лучше и казармы эти содержатся в надлежащей чистоте. Отхожие места издают сильное зловоние. Кухни и пекарни помещаются в трех зданиях, очень ветхих и требующих ремонта; очень дурные столовые, а одна рота и вовсе не имеет столовой. Кухня и кладовая содержатся не достаточно чисто. Пища в день смотра была не достаточно вкусно приготовлена. Осмотренные продукты оказались неудовлетворительного качества. Хлеб выпекается удовлетворительный, но хлеб малых размеров, вследствие чего получается много корки. В 4 роте корка вся обгорела. Горячая пища готовится 2 раза в день: к обеду суп или щи и каша, а к ужину – кашка. Карцера непригодны для пользования, по своей

маломерности» (РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 2617. Л. 32).

В хорошем состоянии оказалась баня, которая, в отличие от казарм, была устроена попечением батальона. Приемный покой был просторный и вполне благоустроенный во всех отношениях. Неоднозначное впечатление на министра произвела канцелярия батальона, которая, с одной стороны, содержалась в полном порядке, а с другой – находилась в плохо отремонтированном помещении.

Переписка батальона оказалась значительной – до 10 тыс. исходящих номеров в год, в результате чего к канцелярии было прикомандировано из рот для письменных занятий 8 нижних чинов. По мнению А.Н. Куропаткина, – явный перебор.

«Военное собрание устроено весьма удовлетворительно за счет помещений, отведенных городом для батальона.

При батальоне имеется церковь достаточно просторная и хорошо обставленная внутри. Священник отличный, но положение его не нормальное: не пользуется правами и преимуществами, предоставленными военному духовенству.

Солдатская лавочка и чайная помещена хорошо и торгует бойко. Поражает большое количество белого хлеба, колбасы и ветчины, покупаемой нижними чинами – доказательство, что пища в батальоне неудовлетворительная» (РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 2617. Л. 32).

Осмотренные батальонные мастерские были удовлетворительные, но помещение для мастеровых оказалось тесным. Своего здания гауптвахты у батальона тоже не было, и гарнизонная гауптвахта размещалась в каменном городском здании, где «карцера неудовлетворительны в гигиеническом отношении – темны и лишены вентиляции». Зато осмотренный министром караул при гауптвахте оказался одетым чисто и представился в порядке. Арестованные в общей камере подсудимые нижние чины тоже были одеты удовлетворительно. Последнее объяснялось поддержанием со стороны руководства гауптвахты должного уровня личной гигиены подсудимых, которые посещали баню и меняли белье раз в неделю. Пищей заключенные тоже оказались довольны (РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 2617. Л. 32–32 об.).

Подробный осмотр зданий батальона произвел сопровождавший министра член Главного инженерного комитета, военный инженер полковник Л.И. Безрадецкий. Роты батальона, учебная команда и швальня были размещены в двух каменных 2-этажных зданиях. В старом здании роты размещены хуже, в новом же здании – достаточно хорошо. По мнению ревизора, при надлежащем ремонте некоторых частей здания старой казармы, она удовлетворила бы потребности батальона в достаточной степени, хотя и в последнем случае помещения батальона в периоды прибытия новобранцев все-таки были бы несколько тесны (при 200 чел. в роте – всего 209 куб. саж.). При осмотре же зданий среднее число нижних чинов в роте было 150 чел., т. е. объем помещений почти соответствовал положению.

«Следует однако заметить, что для лучшего проветривания помещений надлежало бы увеличить число форточек и вообще в обоих зданиях озаботиться топкою существующих в помещениях каминов, которыми по-видимому батальон совершенно не пользуется. В отношении размещения кроватей обращает внимание не вполне удачная постановка их в 5-й роте, где 4-й взвод помещен в полутемном помещении, при чем световые арки в стенах к тому же еще заставлены полками с амуницией и пирамидами с оружием; в равной мере не следовало бы для хранения ружей в 4-й роте выделять перегородками особое совершенно замкнутое помещение. Эти перегородки стесняют ротное помещение, лишают его света и сквозного проветривания. Опасение за кражу ружей в данном случае едва ли может служить достаточным основанием к созданию отдельного помещения для хранения ружей. В новой казарме помещения тоже несколько тесны (40 куб. саж. на 35 чел.); там же замечено несколько балок потолочных сильно растрескавшихся; надлежит обратить внимание на укрепление их сквозными болтами», – докладывал А.Н. Куропаткину Л.И. Безрадецкий (РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 2617. Л. 93 об.).

Под кухни были заняты 3 здания – все ветхие. Несколько лучше кухни и столовые 1-й и 5-й рот, остальные же требовали усиленного ремонта. «В особенности дурны столовые: холодные, маломерные и плохо отремонтированные, причем нет

при кухнях кладовых и помещений для хлебопек и кашеваров. 2-я рота даже не имеет столовой.

Карцера совершенно непригодны для пользования по своей маломерности; караульная загромождена печью, опасной в пожарном отношении. Здание весьма ветхо и едва ли заслуживает возобновления. [...] Прачечная неудовлетворительна и ею батальон не пользуется, ввиду полной ее непригодности. Здания для мучных цейхгаузов сыры, а хлебных цейхгаузов вовсе нет. Здание батальонной лавочки и солдатской чайной в хорошем состоянии и все помещения их вполне благоустроены заботами батальона.

Здание батальонной канцелярии и офицерского собрания весьма обширно по своим размерам, но крайне ветхо; хотя заботами батальона все помещения офицерского собрания приведены в удовлетворительное состояние и имеют вполне приличный вид, но зато в помещении канцелярии найдены существенные недостатки: печи совершенно ветхи, штукатурка стен и потолков поотстала и во многих местах отвалилась, полы давней окраски, переплеты ветхи; короче сказать эти помещения оказались совершенно не отремонтированными и требуют затрат на капитальный ремонт». И только ротные постройки сараев и конюшен оказались удовлетворительными (РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 2617. Л. 93 об.–94).

Неприкосновенный запас батальона размещался в трех зданиях. Неприкосновенный вещевой запас хранился в одном 2-этажном деревянном здании, где сообщение с верхним этажом было устроено по двум крутым узким деревянным лестницам. «В пожарном отношении здание это не безопасно, ибо кругом пролегают другие деревянные жилые постройки», – констатировал А.Н. Куропаткин. Помещение для вещевого запаса было тесное. Вещей в нем хранилось на 5444 нижних чина, причем были вещи заготовления 1890 г., оказавшиеся уже непрочными. Подробное выяснение причин последнего показало, что батальон освежал вещевой запас не по срокам заготовления – выдавал на текущую потребность вещи более позднего заготовления, оставляя в запасе вещи старших сроков. В результате в запасе оказалось особенно много шинелей заготовления 1891 г., в то время как батальон выдал в 1899 г.

новобранцам, следующим в Приамурский военный округ, 5400 шинелей заготовления 1893–1896 гг. «Эта выдача вещей новобранцам из неприкосновенного запаса в столь значительном количестве – явление крайне нежелательное, ибо Интендантство возвращает эти вещи поздно и батальон три-четыре весенних месяца не имеет полного неприкосновенного запаса. По объяснению Главного Интенданта, такая выдача была случайною и более не повторится», – отметил военный министр.

Сапожный товар в неприкосновенном запасе был хорошего качества. Неприкосновенный запас оружия содержался в порядке. Хорошо сохранены были осммотренная в ротах мундирная одежда и обувь. Маломерных шинелей оказалось только несколько штук. Белья у нижних чинов тоже было достаточно (РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 2617. Л. 32–32 об.).

Однако странности с выдачей вещей из запаса новобранцам заставили проверить неприкосновенный вещевой запас батальона более тщательно, что и сделал в тот же день чиновник особых поручений V класса при начальнике Главного Штаба, надворный советник Климентовский. Содержать запас положено было на 5444 нижних чина и размещался он целиком в одном 2-этажном деревянном здании во дворе казарм резервного батальона. Здание было построено городом еще в 1876 г. для ротных цейхгаузов Иркутского местного батальона. Впоследствии его разделили на 4 отдельные кладовые, по две кладовые на каждом этаже. Сообщение с верхними кладовыми осуществлялось по двум наружным крутым, не широким, деревянным лестницам, ведущим на веранду, пристроенную к зданию.

«В пожарном отношении здание это не представляет гарантии для хранения в нем неприкосновенного запаса, ибо кругом его, на близком сравнительно расстоянии, расположены жилые деревянные строения и, кроме того, к бокам здания, приблизительно в 7–8 саженьях, примыкают кухни: с одной стороны – управления уездного воинского начальника, а с другой – 4-й роты резервного батальона.

Весною нынешнего года в этой ротной кухне произошел пожар и, благодаря только случайно бывшему на веранде склада батальонному казна-

чею, выбивавшийся из-под крыши огонь был замечен и своевременно потушен при небольшой разборке потолка и крыши, которые и по сие время не исправлены городом», – докладывал военному министру ревизор.

Для имевшегося вещевого запаса здание было явно тесным. Свободного места для сортировки товаров в нем не имелось. Прием транспорта с интендантскими вещами приходилось производить во дворе, иногда в ненастную погоду или в очень суровые морозы.

Вещи были, хотя сжато, но аккуратно разложены по 3-ярусным стеллажам по годам изготовления («постройки») и по росту, а сапоги развешаны попарно на перекладинах также по годам и по росту. Везде имелись ярлыки с обозначением в них количества и года изготовления и приема вещей. Суконные вещи были обильно пересыпаны нафталином и проложены листовым табаком, поэтому «особенно побитых молью не замечено». Сапожный товар – хорошего качества, залежалого и перегорелого замечено не было. Все шитые вещи оказались прочными, но на многих шитых вещах и сапожном товаре уже нельзя было прочесть клейма приемной комиссии, настолько они утратились. На двух кусках темно-зеленого сукна не имелось пломбы приемной комиссии.

Исключение в плане прочности составляли шаровары. «Насколько будут прочны в носке 320 штук суконных шаровар постройки 1890 года и по ныне хранящихся в неприкосновенном запасе, сказать трудно, но проба на прочность сукна с одной парю шаровар показала, что при небольшом усилии сукно расползается», – не без ехидства докладывал по итогам осмотра Климентовский (РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 2617. Л. 82 об.).

Детальное изучение самих вещей, клейм и документации позволило разобраться и со странностями в их отпуске в войска. При осмотре взятых на выбор связок с шитыми вещами оказалось, что год их изготовления на ярлыках показан правильно только относительно вещей, сделанных в батальонной мастерской. Что касается вещей интендантского заготовления, то ярлыки не согласовывались с имевшимися на вещах клеймами интендантских же приемных комиссий. Так, в связках с шинелями, мундирами, шароварами, лежащими под ярлыками 1896–1897 гг., оказались ве-

щи изготовления 1890–1895 гг. «Объясняется этот порядок хранения тем, что батальонная приемная комиссия на всех вещах, поступающих в неприкосновенный запас из интендантских ли складов, или из батальонной мастерской безразлично, ставит свое клеймо. Это клеймо и принято считать за основание при сортировке, хранении и освежении запасов» (РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 2617. Л. 83). История с отпуском новобранцам вещей более новых сроков изготовления стала прямым следствием подобного порядка, поскольку в условиях сибирской действительности время изготовления вещи и ее доставки в батальон с последующей приемкой, могло различаться на несколько лет.

Проходившие зимой 1898–1899 гг. через Иркутск на Амур новобранцы настолько поистрепали свою обувь и одежду, что отпустить их в ней в дальнейший путь без вреда для их здоровья было признано невозможным. Поэтому, по требованию Иркутского уездного воинского начальника, из неприкосновенного запаса было отпущено в его

распоряжение необходимое количество вещей, причем почти исключительно батальонного изготовления (табл. 1).

Выпуская эти вещи, как бы подлежащие освежению, в запасе между тем оставили вещи более раннего изготовления, поскольку они, согласно батальонному клейму, находились под ярлыками 1896 и 1897 гг. Эти вещи следующие (табл. 2).

«Таким образом, вещи ранней постройки продолжают храниться в неприкосновенном запасе, а поздней постройки выпущены из него на такую потребность, как на новобранцев, которая к зачету обмундирования, положенного им по закону при вступлении в ряды войск, не принимается. При сортировке же вещей по интендантским клеймам, неправильного освежения их, подобно описанному, произойти не могло», – доложил А.Н. Куропаткину надворный советник Климентовский, после чего всю систему учета и хранения вещей в батальоне пришлось менять (РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 2617. Л. 83).

Таблица 1. Вещи, отпущенные из неприкосновенного запаса Иркутского резервного батальона для снабжения новобранцев, следующих через Иркутск на Амур зимой 1898–1899 гг.

Table 1. The things issued from the emergency store of Irkutsk Reserve Battalion for supply the recruits following via Irkutsk to Amur in the winter of 1898–1899

Наименование вещей	Количество	Годы изготовления
Шинелей	5450 шт.	1893–1896
Шаровар	5150 "	1895
Сапог	3150 пар	1890–1897
Башлыков	664 шт.	1893–1898
Галстуков	179 "	1895

Таблица 2. Вещи, более ранних сроков изготовления, не отпущенные из неприкосновенного запаса Иркутского резервного батальона для снабжения новобранцев, следующих через Иркутск на Амур зимой 1898–1899 гг.

Table 2. The things of earlier production dates, which were not been issued from the emergency store of Irkutsk Reserve Battalion for supply the recruits following via Irkutsk to Amur in the winter of 1898–1899

Год заготовки	Наименование вещей				
	Мундиры	Шаровары	Шинели	Башлыки	Сапоги
1890	–	320	3	–	1
1891	–	8	2308	–	3
1892	174	–	1	2	3
1893	355	24	18	661	10
1894	537	–	335	–	13
1895	706	–	15	–	1219
1896	620	–	453	–	1325

Во время осмотра батальона военный министр обнаружил также, что в нем не имелось форменного обоза, за исключением аптечных и патронных двуколок, а переданные в батальон из Казанского военного округа патронные двуколки оказались неудовлетворительными и потребовали большого ремонта.

На поддержание в ротах внутреннего порядка было обращено достаточно внимания и столичные гости не без удовольствия отмечали, что нижние чины были опрятно одеты и в казармах соблюдается возможная чистота. Сведения, обязательные для каждого рядового, не все нижние чины усвоили достаточно твердо. Некоторые не знали, какие отличия части и отдельные нижние чины могут получить в военное время, не знали и обязанностей дневальных и других подобного рода сведений. Больше всех отличился командир 4-й роты, который не знал, кто из нижних чинов роты женат.

В итоге гимнастику в присутствии министра проверили именно в этой роте. Оказалось, что делают ее удовлетворительно, а слабо делали только мастеровые и вольноопределяющиеся.

Ротное ученье произвели уже 1-й и 4-й ротам. «В общем роты учились удовлетворительно, – зафиксировал А.Н. Куропаткин, – 1-ю ротой командовал, по моему приказанию, подпрапорщик весьма удовлетворительно и лишь для встречи кавалерии долго не мог выбрать должный строй для роты и вследствие этого пропустил много времени. В 4-й роте равнение неудовлетворительно и ружья держат разнообразно. Шаг в обеих ротах выработан твердый и правильный; внимание в строю не вполне достаточное. Батальон в составе 1, 2 и 3 рот учился дружно и хорошо. Нога выработана; учились без суеты. Беглым шагом ходили удовлетворительно, но в бег не втянуты (РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 2617. Л. 32–32 об.).

Ранее мы уже приводили обзор выявленных в 1899 г. А.Н. Куропаткиным недостатков резервных частей (Авилов, 2019), поэтому здесь ограничимся только теми фрагментами, которые прямо относятся к Иркутскому батальону.

«В наиболее неудовлетворительных условиях находится Иркутский резервный батальон, в котором особенно обременительная конвойная служба. Эта последняя развращает нижних чинов, ибо они, конвоируя арестантов по сухопутным трак-

там, иногда на 2000 верст, находятся значительный промежуток времени в общении с арестантами. Наряды для домашних потребностей несомненно преувеличены и при более внимательном отношении к этому вопросу могут быть сокращены» (РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 2617. Л. 37–37 об.). Представлялось безусловно необходимым пересмотреть и наряды в караулы для нужд гражданского ведомства (главным образом – для охраны тюрем) и наряды в конвой. Состав нижних чинов резервных батальонов в значительной степени портился переводом в батальоны порочных нижних чинов из конвойных команд и разных учреждений. В Иркутский батальон таковых поступило 143 чел. Напротив преимуществом Иркутского батальона было то, что его лагерное место лежало за пределами городской черты, давая больший простор для ведения боевой подготовки.

Сильно запущенное состояние резервных частей Сибирского военного округа требовало комплекса немедленных мер, который в отчете А.Н. Куропаткина и был предложен. Все 6 резервных батальонов предлагалось выделить из ведения начальников местных бригад, сведя их в одну резервную пехотную бригаду с управлением в г. Омск. Как уже говорилось, из Барнаульской местной команды формировался одноименный резервный батальон. Для облегчения караульной и конвойной службы Иркутского резервного батальона и для образования в Иркутске резерва предлагалось сформировать еще один резервный батальон. После формирования этих двух резервных батальонов образовать в Сибирском военном округе еще одну резервную пехотную бригаду, включив в состав 1-й Сибирской резервной пехотной бригады со штабом в г. Омск: Тобольский, Омский, Семипалатинский и Барнаульский резервные батальоны, а в состав 2-й Сибирской резервной пехотной бригады со штабом в г. Иркутск: Томский, Красноярский, Иркутский и вновь формируемый резервные батальоны.

Также предлагалось: обеспечить войска подходящими лагерными местами и организовать в 2–3 пунктах общие лагерные сборы для войск; по возможности освободить резервные батальоны от охраны гражданских тюрем и конвойной службы; прекратить перевод в резервные батальоны порочных и штрафованных нижних чинов.

Предложено пересмотреть мобилизационные планы войсковых частей таким образом, чтобы последние партии запасных назначались в 5-е и запасные батальоны, формируемые при мобилизации при каждом резервном батальоне. Первые четыре батальона, формируемые из первых четырех рот каждого резервного батальона и сводимые в полки, должны были быть готовы к скорейшему выступлению в поход, а 5-е батальоны – оставались на месте для несения внутренней службы (РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 2617. Л. 39 об.–40).

Сразу после отъезда А.Н. Куропаткина командующий войсками Сибирского военного округа генерал от кавалерии барон М.А. Таубе вступил в переписку с центральным аппаратом Военного министерства по реализации вышеуказанных предложений. Реализация затянулась и формирование Барнаульского батальона и перераспределение резервных батальонов по Сибирским резервным пехотным бригадам пришлось проводить уже в условиях мобилизации для Китайского

похода 1900–1901 гг. Тогда одновременно разворачивали и сами батальоны в резервные 5-е батальонные полки, а резервные бригады – в Сибирские пехотные бригады.

Этих неудобств можно было избежать, если бы меры по повышению боеготовности резервных частей Сибирского военного округа были приняты одновременно с началом активного этапа строительства Транссиба, ко времени завершения которого Россия получала возможность перебрасывать войска не только из Европейской части в Азиатскую, но и наоборот, из Сибирского и Приамурского военных округов на Европейский ТВД. Эта возможность до определенной степени снимала любимый тезис А.Н. Куропаткина о том, что усиливать русскую армию в Сибири и на Дальнем Востоке при недостатке финансовых средств, значит ослаблять ее на Европейских границах. Впрочем, саму возможность подобного стратегического маневра впервые начнут рассматривать в Военном министерстве только после поражения России в войне с Японией.

Список источников

Авилов Р.С. Сибирский военный округ (1899–1906 гг.): страницы истории // Военно-исторический журнал. 2014. № 7. С. 15–21. EDN: SJVEQB.

Авилов Р.С. Поездка военного министра А.Н. Куропаткина в Сибирский военный округ в 1899 г. и ее результаты // Мир политики и социологии. 2019. № 4. С. 157–176. EDN: SHKDIO.

Авилов Р.С. Военно-учебные заведения Забайкалья в 1899 г. Ч. 1. Иркутская приготовительная школа Сибирского кадетского корпуса (по материалам поездки А.Н. Куропаткина) // Известия Лаборатории древних технологий. 2021а. Т. 17. № 1. С. 182–194. <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2021-1-182-194>. EDN: KKCLNG.

Авилов Р.С. Военно-учебные заведения Забайкалья в 1899 г. Ч. 2. Иркутское юнкерское училище (по материалам поездки А.Н. Куропаткина) // Известия Лаборатории древних технологий. 2021б. Т. 17. № 2. С. 112–126. <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2021-2-112-126>. EDN: SAXVDB.

Авилов Р.С. Братья по несчастью: Иркутская и Красноярская казацкие сотни в 1899 г. (по материалам поездки А.Н. Куропаткина) // Известия Лаборатории древних технологий. 2021с. Т. 17. № 3. С. 147–160. <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2021-3-147-160>. EDN: JEEPБZ.

References

Avilov R.S. (2014) Siberian Military District (1899-1906): pages of history. *Voenno-istoricheskii zhurnal = Military History Magazine*. No 7. P. 15-21. (In Russ.). EDN: SJVEQB.

Avilov R.S. (2019) The 1899 visit of the War Minister Gen. Kuropatkin to the Siberian Military District and its results. *Mir politiki i sotsiologii = World of Politics and Sociology*. No. 4. P. 157-176. (In Russ.). EDN: SHKDIO.

Avilov R.S. (2021a) The military-educational institution of Transbaikalia in 1899. Part. 1. Irkutsk Preparatory School of Siberian Cadet Corps (based on the data of visit of Aleksey N. Kuropatkin). *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 17. No. 1. P. 182-194. (In Russ.). <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2021-1-182-194>. EDN: KKCLNG.

Avilov R.S. (2021b) The military-educational institution of Transbaikalia in 1899. Pt. 2. Irkutsk Junker School (based on material of visit of Aleksey N. Kuropatkin). *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 17. No. 2. P. 112-126. (In Russ.). <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2021-2-112-126>. EDN: SAXVDB.

Avilov R.S. (2021c) Companions in misfortune: Irkutsk and Krasnoyarsk Cossack Hundreds in 1899 (based on material of visit of Aleksey N. Kuropatkin). *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 17. No. 3. P. 147-160. (In Russ.). <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2021-3-147-160>. EDN: JEEPБZ.

Безугольный А.Ю., Ковалевский Н.Ф., Ковалев В.Е. История военно-окружной системы в России, 1862–1918. М.: Центрполиграф, 2012. 463 с. EDN: OYRASU.

Дацышен В.Г. Русско-китайская война. Маньчжурия 1900 г.: Ч. 1. Боевые действия на сухопутном фронте. СПб.: Галей Принт, 1996. 144 с. EDN: VNXGWJ.

Дацышен В.Г. Боксерская война. Военная кампания русской армии и флота в Китае в 1900–1901 гг. Красноярск: РИО КГПУ, 2001. 336 с. EDN: TWFYFT.

Дацышен В.Г. Война в Приамурье. Из истории кампании русской армии и флота в Китае 1900–1902 гг. // Военные события в Приамурье 1900–1902. Благовещенск: Амурская ярмарка, 2008. С. 160–280. EDN: VRZXYT.

Копылов В.А., Милухин В.П., Фабрика Ю.А. Сибирский военный округ: Первые страницы истории (1865–1917). Новосибирск, 1995. 246 с. EDN: RSWWCD.

Кузнецов М.Ю. Особенности организации управления местными войсками Восточно-Сибирского военного округа в 1865–1884 гг. // Известия Лаборатории древних технологий. 2018. Т. 14. № 3. С. 136–149. <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2018-3-136-149>. EDN: YUJSTR.

Кузнецов М.Ю. Иркутская дисциплинарная рота в 1879–1884 гг. // Двенадцатые Байкальские социально-гуманитарные чтения. Иркутск, 2019а. Т. 1. С. 58–63. EDN: HRJBLW.

Кузнецов М.Ю. Красноярский и Иркутский резервные батальоны. Организация, подготовка и служебные функции (1882–1900 гг.) // Северные архивы и экспедиции. 2019б. Т. 3. № 2. С. 44–58. <https://doi.org/10.31806/2542-1158-2019-3-2-44-58>. EDN: NUFQTO.

Кузнецов М.Ю., Новиков П.А. На службе охранной и мобилизационной: местные войска в Восточной Сибири в 1864–1920 гг.: монография. Иркутск : Изд-во ИРНТУ, 2022. 416 с.

Попов И.М. Россия и Китай: 300 лет на грани войны. М.: АСТ; Ермак, 2004. 510 с.

Ращупкин Ю.М. Иркутский военный округ во второй половине XIX – начале XX века: формирование, специфика и деятельность. Иркутск : Вост.-Сиб. ин-т МВД России, 2003. 207 с.

Романов Г.И., Новиков П.А. Иркутское казачество (2-я половина XVII – начало XX в.). Иркутск : Земля Иркутская, 2009. 350 с.

Ростов Н.Д., Ширшов М.А. Призыв ратников Государственного ополчения в Сибирском военном округе в годы Русско-японской войны 1904–1905 гг. // Известия Лаборатории древних технологий. 2018. Т. 14. № 2. С. 177–185. <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2018-2-177-185>. EDN: USIPCQ.

Ростов Н.Д., Ширшов М.А. Отдельные батальоны Сибирского военного округа в годы Русско-японской войны

Bezugoľnyi A.Yu., Kovalevskii N.F., Kovalev V.E. (2012) The history of military-district system in Russia. 1862–1918. Moscow: Sentrpolugraph Publishing Company. 463 p. (In Russ.). EDN: OYRASU.

Datsyshen V.G. (1996) The Russo-China War. Manchuria 1900. Pt. 1. The warfare in a land front. St.Petersburg: Galleya Print. 144 p. (In Russ.). EDN: VNXGWJ.

Datsyshen V.G. (2001) Boxer War. The Russian Army and Navy campaign in China in 1900-1901. Krasnoyarsk: RIO KGPU. 336 p. (In Russ.). EDN: TWFYFT.

Datsyshen V.G. (2008) The War in Amur Region. From the history of the campaign of the Russian army and navy in China 1900–1902. *Voyennye sobitiya v Priamurie. 1900–1902 = The War Events in Amur Region in 1900-1902*. Blagoveshchensk: Amurskaya Yarmarka. P. 160-280. (In Russ.). EDN: VRZXYT.

Kopylov V.A., Milyukhin V.P., Fabrika Yu.A. (1995) Siberian Military District: first pages of history (1865-1917). Novosibirsk. 246 p. (In Russ.). EDN: RSWWCD.

Kuznetsov M.Yu. (2018) Features of the organization of management of local troops of the East-Siberian Military District in 1865–1884. *Izvestiya Laboratorii drevnih tekhnologij = Journal of Ancient Technology Laboratory*. Vol. 14. No. 3. P. 136–149. (In Russian). <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2018-3-136-149>. EDN: YUJSTR.

Kuznetsov M.Yu. (2019a) Irkutsk Disciplinary Company in 1879-1884. In 2 Vol. *Dvenadtsatye Baikal'skie sotsial'no-gumanitarnye chteniya = 12th Baikal Social-Humanity Readings*. Irkutsk. Vol. 1. P. 58-63. (In Russ.). EDN: HRJBLW.

Kuznetsov M.Yu. (2019b) Krasnoyarsk and Irkutsk Reserve Battalions. Organization, training and official functions (1882-1900). *Severnnye arkhivy i ekspeditsii = Northern Archives and Expeditions*. Vol. 3. No. 2. P. 44-58. (In Russ.). <https://doi.org/10.31806/2542-1158-2019-3-2-44-58>. EDN: NUFQTO.

Kuznetsov M.Yu., Novikov P.A. (2022) On the security and mobilization service: the local troops in East Siberia in 1864-1920. Irkutsk: Irkutsk National Research Technical University. 416 p. (In Russ.).

Popov I.M. (2004) Russia and China: 300 years on the brink of war. Moscow: AST; Ermak. 510 p. (In Russ.).

Raschupkin Yu.M. (2003) Irkutsk Military District in 2nd part of XIX - early XX century: creating, particularity and practice. Irkutsk: East-Siberian Institute of Russian Ministry of Internal Affairs. 207 p. (In Russ.).

Romanov G.I., Novikov P.A. (2009) Kossaks of Irkutsk (2nd part of XVII - early XX century). Irkutsk: Terra Irkutsk. 350 p. (In Russ.).

Rostov N.D., Shirshov M.A. (2018) Call of the Government militia warriors in the Siberian military district in the years of the Russian-Japanese War (1904–1905). *Izvestiya Laboratorii drevnih tekhnologij = Journal of Ancient Technology Laboratory*. Vol. 14. No. 2. P. 177–185. <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2018-2-177-185>. EDN: USIPCQ.

Rostov N.D., Shirshov M.A. (2019a.) Detached battalions of the Siberian Military District in the Russo-Japanese

1904–1905 гг. // Военно-исторический журнал. 2019а. № 9. С. 53–60. EDN: RRKWYY.

Ростов Н.Д., Ширшов М.А. IV Сибирский армейский корпус в Русско-японской войне 1904–1905 гг. Барнаул : АЗБУКА, 2019b. 224 с.

Информация об авторе

Авилов Роман Сергеевич,
кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник,
Институт истории, археологии и этнографии народов
Дальнего Востока ДВО РАН,
690001, Владивосток, ул. Пушкинская, 89, Россия,
главный библиотекарь Научной библиотеки,
Дальневосточный федеральный университет,
690095, г. Владивосток, ул. Алеутская, 65-б, Россия,
e-mail: avilov-1987@mail.ru

Вклад автора

Авилов Р.С. выполнил исследовательскую работу, на основании полученных результатов провел обобщение и подготовил рукопись к печати.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 22 апреля 2023 г.; одобрена после рецензирования 23 мая 2023 г.; принята к публикации 29 мая 2023 г.

War of 1904-1905. *Voenno-istoricheskii zhurnal = Military-History Magazine*. No. 9. P. 53-60. (In Russ.). EDN: RRKWYY.

Rostov N.D., Shirshov M.A. (2019b) IV Siberian Army Corps in Russo-Japanese War of 1904–1905. Barnaul: Azbuka. 224 p. (In Russ.).

Information about the author

Roman S. Avilov,
Cand. Sci. (History),
Senior Researcher,
Institute of History, Archaeology and Ethnography of the
Peoples of the Far East FEB RAS,
89, Pushkinskaya St., Vladivostok 690001, Russia,
Chief Librarian of the Scientific Library,
Far Eastern Federal University,
65b, Aleutskaya St., Vladivostok 690095, Russia,
e-mail: avilov-1987@mail.ru

Contribution of the author

Avilov R.S. carried out a research work, based on the obtained results made the generalization and prepared the manuscript for publication.

Conflict of interests

The author declares no conflict of interests.

The author has read and approved the final manuscript.

Article info

The article was submitted April 22, 2023; approved after reviewing May 23, 2023; accepted for publication May 29, 2023.

Научная статья
УДК 908
EDN: KTQFSP
DOI: 10.21285/2415-8739-2023-3-99-107

Историография и источники по истории полиции в Новороссийских губерниях во второй половине XIX – начале XX в.

А.В. Данчевская

Восточно-Сибирский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, г. Иркутск, Россия

Аннотация. Начало специальной военной операции России на Украине, присоединение к России Донецкой и Луганской народных республик, а также Херсонской и Запорожской областей осенью 2022 г. актуализировали обращение к истории этих земель, долгое время входивших в состав Российского государства. Определено, что собирательное название Новороссия применялось к четырем губерниям: Херсонской, Екатеринославской, Таврической, Бессарабской и к трем областям: Войска Донского, Кубанской и Черноморской. Из них первые три представляют особый научный интерес как территории либо уже вошедшие в состав России, либо те, на которых ведутся военные действия. В дореволюционный период эти территории являлись частью Российской империи и были глубоко интегрированы в её состав ещё с конца XVIII в. Исследование историографии проблемы выявило в российском научном пространстве ограниченное количество авторов и работ, посвящённых органам полиции Таврической губернии, и единицы научных трудов, освещающих проблемы развития полиции в Херсонской и Екатеринославской губерниях. Тем не менее поле для исследования истории органов общей полиции на указанных территориях представляется достаточно широким. Были намечены основные виды источников для изучения поставленной проблемы и степень их доступности для современного российского историка. Краткий обзор социально-экономического устройства региона позволил выявить основные факторы, которые оказывали влияние на деятельность полицейских органов. К ним относятся: прибрежное расположение губерний, их смешанная аграрно-промышленная специализация, пёстрый социальный состав населения с привлечением сезонных работников.

Ключевые слова: Новороссия, Херсонская губерния, Таврическая губерния, Екатеринославская губерния, полиция, городское полицейское управление, уездное полицейское управление, полицмейстер, исправник, сыскное отделение

Для цитирования: Данчевская А.В. Историография и источники по истории полиции в Новороссийских губерниях во второй половине XIX – начале XX в. // Известия Лаборатории древних технологий. 2023. Т. 19. № 3. С. 99–107. <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2023-3-99-107>. EDN: KTQFSP.

History

Original article

Historiography and sources on the history of police in the provinces of Novorossia in the second half of the 19th - early 20th centuries

Anastasiya V. Danchevskaya

East-Siberian Institute of the Ministry of the Internal Affairs of the Russian Federation, Irkutsk, Russia

Abstract. The beginning of Russia's special military operation in Ukraine, and the joining to Russia of the Donetsk and Lugansk People's Republics, as well as the Kherson and Zaporozhye regions in the fall of 2022 actualized the appeal to the history of these lands, which for a long time were part of the Russian state. It is determined that the collective name Novorossia is applicable to several regions: Kherson, Yekaterinoslav and Taurida provinces, Bessarabia region, Donskoy Army region, Kuban region and Black Sea province. Of these, the first three are of special scientific interest as territories either already part of Russia, or those where military operations are being conducted. In the pre - revolutionary period, these territories were part of the Russian Empire and were deeply integrated into its composition since the end of the XVIII century. The study of the historiography of the problem revealed in the Russian scientific space a limited number of authors and works devoted to the police of the Tauride province, and

units of scientific papers covering the problems of police development in the Kherson and Yekaterinoslav provinces. Nevertheless, the field for the study of the history of the general police in these territories seems to be quite wide. The main types of sources for studying the problem and the degree of their accessibility for the modern Russian historian were outlined. A brief overview of the socio-economic structure of the region made it possible to identify the main factors that influenced the activities of police agencies. These include the coastal location of the provinces, their mixed agricultural and industrial specialization, the motley social composition of the population with the involvement of seasonal workers.

Keywords: Novorossia, Kherson province, Taurida province, Yekaterinoslav province, police, city police department, county police department, police chief, police officer, detective department

For citation: Danchevskaya A.V. (2023) Historiography and sources on the history of police in the provinces of Novorossia in the second half of the 19th - early 20th centuries. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 19. No. 3. P. 99-107. (In Russ.). <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2023-3-99-107>. EDN: KTQFSP.

Современная геополитическая ситуация обострила дискуссии по вопросу принадлежности российских исторических земель Новороссии, которые за время своего существования неоднократно переживали административные преобразования, в том числе в годы советской власти, что в результате после распада СССР привело к искусственному разделению исконных русских земель и формированию новой геополитической реальности. В настоящее время на слуху такие города, как Харьков, Херсон, Одесса, Днепр (ранее – Днепропетровск, ещё ранее – Екатеринослав), Николаев и другие, которые власть Украины называет «украинскими» городами, опуская, что основаны они были при Екатерине II и являлись частью России ещё с конца XVIII в. В данном контексте с учётом присоединения к Российской Федерации ряда исконных территорий представляет особый научный интерес история полицейских органов губерний Новороссии – тема в российском научном пространстве малоизученная и перспективная.

Актуальность исследования полицейских органов названных территорий обусловлена исторической ценностью подобной информации и необходимостью объективной, не ангажированной оценки их деятельности в дооктябрьский период. В советское время органы царской полиции воспринимались односторонне – с исключительно негативной для большевиков, пролетариата и крестьянства стороны, однако период идеологической коммунистической предвзятости давно завершился и настало время поиска истины.

Настоящее исследование представляет собой первую часть труда, посвящённого изучению истории полиции губерний Новороссии второй половины XIX – начала XX в. на основе открытых источников, поскольку привлечение архивных материалов

в настоящее время сопряжено с объективными трудностями.

Прежде чем приступать к анализу источников и литературы и непосредственному изучению поставленной проблемы, следует определиться с географическими и хронологическими рамками исследования. По информации Большой Российской энциклопедии, Новороссия – это историческая область, прилегающая к Чёрному и Азовскому морям от Прикубанья до Бессарабии¹. Также весьма показательно название монографии видного специалиста по исторической демографии и географии, знатока этнической статистики Российской империи и СССР В.М. Кабузана «Заселение Новороссии (Екатеринославской и Херсонской губерний) в XVIII – первой половине XIX века» (Кабузан, 1976). В последней трети XIX – начале XX в. название «Новороссийский район» применялось к территории Бессарабской области (с 1873 г. – губернии) и к Екатеринославской, Таврической, Херсонской губерниям (Живописная Россия, 1898), а в ряде случаев дополнялось и за счет областей Войска Донского, Кубанской и Черноморской. Однако чаще последние три области дореволюционная статистическая литература относилась к Северо-Кавказскому району (Кабузан, 1996). Бессарабская область управлялась в соответствии с положениями тома 2 Свода законов Российской империи (ред. 1857 г.) по Особному учреждению, а остальные губернии – по Общему, что свидетельствует об интеграции последних в административно-территориальную, хозяйственную и управленческую системы Российской

¹ Белова Е.В. Новороссия // Большая Российская энциклопедия. URL: https://old.bigenc.ru/domestic_history/text/2668105 (дата обращения: 03.02.2023).

империи. Поскольку Екатеринославская, Таврическая и Херсонская губернии управлялись по Общему учреждению, то на них распространялись нормы Временных правил об устройстве полиции 1862 г., определивших функции и общую структуру городских и уездных полицейских органов вплоть до 1917 г. Следовательно, именно эти даты (1862–1917) и послужат хронологическими границами настоящего научного обзора.

Бессарабская область занимала в составе государства особое положение, как и ряд других территорий (Прибалтики, Восточной и Западной Сибири, Закавказья и прочих), в том числе в связи с тем, что являлась в некотором смысле «разменной монетой» Российской империи во внешних конфликтах государства. Так, части этой территории присоединялись или наоборот передавались по условиям Адрианопольского мира (1829, в состав России включена дельта Дуная), Парижского мира (1856, утрачены Измаильское градоначальство и дельта Дуная), Берлинского трактата (1878, возвращён Измаильский уезд) и прочих внешнеполитических договоров. Тем не менее положения Временных правил об устройстве полиции спустя год после их принятия были распространены и на полицейское управление в Бессарабской области². Несмотря на это, в связи с названными историческими и геополитическими перипетиями оставим Бессарабскую область/губернию за пределами настоящего исследования.

Причины недостатка внимания российского научного сообщества к истории этих территорий объективны: в результате административно-территориальных преобразований внутри СССР они были отторгнуты от РСФСР как принадлежащие Украинской республике и, следовательно, исчезли из внутривнутриполитической реальности Российской Федерации. Возвращение Крыма в состав России весной 2014 г. пробудило интерес к истории этого региона, а создание Крымского филиала Краснодарского университета МВД России приказом министра внутренних дел РФ В. Колокольцева от 5 мая 2014 г. № 400 актуализировало интерес в российском научном историческом пространстве как к истории органов внутренних дел Крыма в це-

лом, так и в частности к проблеме исторического развития образовательных учреждений органов внутренних дел на территории полуострова. Возвращение в состав России Луганской и Донецкой республик, Запорожской и Херсонской областей, зафиксированное Федеральным конституционным законом от 4 октября 2022 г. № 5-ФКЗ, должно также пробудить интерес исследователей к истории этих территорий. С того момента прошёл почти год, интеграция новых территорий в состав Российской Федерации хоть и осложнена ведением военных действий, но осуществляется планомерно. При этом интерес к истории органов полиции/милиции связан не только с созданием органов внутренних дел РФ на территории республик и областей Новороссии, но во многом с культурной и образовательной интеграцией. Перевод образовательных организаций на новых территориях на российскую систему образования, особенно в отношении высшего образования, а также потенциальная вероятность создания ведомственных вузов, в том числе принадлежащих МВД России, определяют необходимость разработки как истории регионов в целом, так и отдельных сторон их развития, в частности.

Названное предопределило возникновение научных публикаций, посвящённых вопросам создания и развития полицейских (милицийских) органов на территории Крымского полуострова, начиная с 2014 г., и наличие единиц русскоязычных исследований, посвящённых истории органов внутренних дел других территорий Новороссии.

История полицейских органов новороссийских губерний до революции 1917 г. нашла косвенное отражение в учебной литературе по истории ОВД, например, в учебнике по истории отечественных органов внутренних дел под редакцией Р.С. Мулукаева³, однако там упоминание осуществляется вскользь, без комплексного углубления в региональную проблематику. Имеются также работы, посвященные развитию полицейских органов на Украине в целом, например, труды А.Н. Ярмыш (Ярмыш, 1992). Под его руководством на тему истории полицейских органов Украины написана и в 2002 г. защищена диссертация на соиска-

² Об устройстве полиции в Бессарабской области. ПСЗ. 1863. Т. 38. Отд-ние 2. № 40340.

³ История отечественных органов внутренних дел : учебник для вузов // под ред. Р.С. Мулукаева. М.: NOTA BENE Медиа Трейд Компания, 2005. 336 с.

ние учёной степени кандидата исторических наук (Холод, 2002)⁴. Также имеются упоминания о состоянии и развитии правоохранительных органов на изучаемых территориях в публикациях, посвященных истории органов внутренних дел Украины советского периода (Из истории милиции..., 1965; Рогожин, 1964⁵). Часть таких работ написана на украинском языке.

Среди исследователей, изучавших проблемы создания и функционирования органов общей и политической полиции Крыма, следует выделить В.И. Королёва (Королёв, 2004), И.А. Пасечникова (Пасечников, 2012; Пасечников, 2014), а также Ю.В. Микитюк (Микитюк, Токарчук, 2018; Микитюк, 2019). В.И. Королёв дал общую характеристику состояния и развития органов общей полиции в Таврической губернии на основе архивных и статистических данных, а также отметил достоинства и недостатки сформировавшейся системы, например, привёл требования к кандидатам, поступавшим на полицейскую службу, а также выявил высокую текучесть кадров в некоторых подразделениях. Отметил он также процессы, происходившие в полицейских управлениях с кадрами после начала Первой мировой войны. В целом данный труд можно охарактеризовать как достойное, но не исчерпывающее историческое исследование. И.А. Пасечников разместил результаты своих исследований в нескольких публикациях, отражающих развитие изучаемого процесса в хронологической последовательности. Однако в контексте настоящего исследования данные труды неприменимы, поскольку посвящены проблеме развития органов политической, а не общей полиции в Таврической губернии. Ю.В. Микитюк в соавторстве с Р.Е. Токарчук изучал период с 1771 по 1787 гг., когда после присоединения Крыма к Российской империи там стали создаваться органы, выполнявшие полицейские функции, таким образом ими был поставлен вопрос о времени создания полиции в

Крыму. Таким днём они предлагают считать 29 января 1787 г. – день открытия присутственных мест, выполнявших полицейские функции и наделённых соответствующими полномочиями. В другой работе Микитюк исследовал организационные и правовые основы служебной деятельности органов общей полиции Таврической губернии конца XVIII – начала XIX в. на основе архивных источников и нормативных правовых актов. Также необходимо упомянуть В.В. Прохорова, который изучал различные стороны истории органов внутренних дел (как полиции Российской империи, так и рабоче-крестьянской милиции) на территории Крымского полуострова, в том числе вопросы профессиональной подготовки полицейских чинов и сотрудников милиции (Прохоров, 2019; Прохоров, 2020).

История полиции других изучаемых нами территорий исследована крайне фрагментарно. В 2007 г. в Славянске была опубликована коллективная монография довольно скромного объёма «История правоохранительных органов Бахмута-Артемовска» (Бровкин, Татаринов, Шаталин, 2007)⁶, в которой в сжатом виде представлена краткая картина развития полицейских органов с конца XVII в. до начала XXI в. Фактически данная монография представлена в виде сборника фактов, изложенных в хронологическом порядке по ряду направлений: «На службе государевой...», «Судебные органы», «Полицейские органы», «Тюремные заведения», «У истоков советской милиции...» и прочее. Раскрытие истории полицейских органов начинается с учреждения в 1837 г. должностей становых приставов и продолжается до 1915 г., однако в большей степени раскрыт период, начиная со второй половины 1890-х гг. В разделе указан численный состав должностей полицейских служителей и объём трат органов местного самоуправления на содержание полиции, приведены примеры преступлений, с которыми приходилось сталкиваться бахмутским полицейским, раскрыт вопрос деятельности полиции в годы первой русской революции. На наш взгляд, в данном труде на фоне насыщенности фактами недостаёт аналитического компонента.

⁴ Холод Ю.А. Загальна поліція Російської імперії в Україні в 1862-1905 рр.: Дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Національний ун-т внутрішніх справ МВС України. Х., 2002. 209 арк.

⁵ Рогожин А.И. Рабоче-крестьянская советская милиция УССР в период иностранной военной интервенции и гражданской войны. Харьков : Харьк. юрид. ин-т, 1964. 30 с.

⁶ Бровкин Л.В., Татаринов С.И., Шаталин А.В. История правоохранительных органов Бахмута-Артемовска. Славянск : Печатный двор, 2007. 72 с.

В 2013 г. один из авторов указанной монографии, С.И. Татаринов, опубликовал украиноязычную статью, посвященную проблеме влияния земских учреждений Бахмутского уезда на деятельность полицейских органов Донбасса в конце XIX – начале XX в. (Татаринов, 2013). В ней сделан акцент на изучении вопросов финансирования полиции органами земского самоуправления Бахмута и уезда, изучены формы деятельности и функции полиции. Главный вывод, сделанный автором, состоит в том, что содержание городской и уездной полиции Бахмута составляло значительную часть в расходах городской Думы и земства, которые в свою очередь обязаны были содержать полицию, но при этом никак не могли влиять на её деятельность. Отметим, что данная особенность была характерна для всей полицейской системы дореволюционной России: большая часть финансирования полиции возлагалась на органы местного самоуправления, в том числе в Сибири. Это же отмечено в работе Д.В. Коротенко, изучавшей проблемы реализации полицейской реформы 1862 г. на примере Екатеринославской губернии (Коротенко, 2013). Общим выводом работы стал положительный опыт реформы, утвердившей новый принцип функционирования местной полиции, ее структура стала более стройной, а комплектование – более совершенным. Кроме того, Д.В. Коротенко ещё десятилетие назад отметила, что деятельность полиции в изучаемых хронологических и географических рамках «не нашла достаточно полного освещения в трудах историков» (Коротенко, 2013. С. 87). В настоящее время ситуация существенно не изменилась.

Проблема деятельности полиции на территории губерний Новороссии косвенно с позиций организации сыскной работы затронута в исследовании Т.Л. Матиенко, посвященном вопросам организации сыскной работы в России, а именно в Екатеринославской губернии (Матиенко, 2017). В работе автор отмечает недейственность введения института полицейских урядников 1878 г. и приводит причины такого вывода.

Наиболее свежей к настоящему моменту является научная статья исследователей Ростовского юридического института МВД России Г.Г. Небратенко и Санкт-Петербургского университета МВД России А.И. Каплунова и В.В. Балахонского (Небратенко,

2023), посвящённая историко-правовому изучению процесса зарождения российской полиции в Восточном Приазовье со второй половины XVIII до начала XIX в. Хронологически данное исследование находится за пределами изучаемого нами периода, однако сам факт его публикации свидетельствует о развитии научного интереса к проблеме истории полиции Новороссии.

Таким образом, можно констатировать, что история полицейских органов на территории Новороссии изучена фрагментарно и ждёт своего исследователя. Комплексные исследования, которые бы охватывали организационное устройство полиции в Херсонской, Екатеринославской и Таврической губерниях, её практическую деятельность, результативность и эффективность, системное развитие и прочее, попросту отсутствуют. Наибольший интерес учёные проявляют к органам политической полиции Крыма, другие же стороны развития полицейских органов, особенно на территории других губерний, оставляют широкий простор для реализации научного исторического интереса.

Что касается источников изучения поставленного вопроса, то они разнообразны и разнородны по своему содержанию. Условно их можно разделить на несколько видов: государственные нормативно-правовые акты (в составе Полного собрания законов Российской империи или Свода законов Российской империи), ведомственные нормативные акты Министерства внутренних дел Российской империи (в том числе циркулярные распоряжения), различные документальные материалы (в том числе относящиеся к полицейскому делопроизводству) в фондах разных архивов России и Украины, источники личного происхождения, местная пресса и прочее. Анализ материалов Полного собрания законов на предмет отражения истории полицейских органов губерний Новороссии будет посвящена наша следующая работа. К сожалению, в настоящее время изучение архивных материалов на территории Украины гражданином России представляется затруднительным, как и исследование материалов, хранящихся в архивах Донецкой и Луганской народных республик, Херсонской и Запорожской областей, однако остальные источники доступны и представлены в большом объёме, что позволяет начать исследование на их основе, а материалы украинских архивов

привлечь позже, когда это станет возможным. Так, в Государственном архиве Донецкой народной республики содержится 11 тыс. фондов с более чем двумя млн дел, из которых 397 фондов относятся к досоветскому периоду (1784–1928 гг.). Среди фондов Государственного архива Херсонской области также имеется несколько наименований, относящихся к деятельности органов министерства внутренних дел и министерства юстиции Российской империи.

К источникам личного происхождения можно отнести воспоминания известного сыщика В.В. фон Ланге (Фон-Ланге, 1906), служившего в конце XIX – начале XX в. помощником начальника сыскного отделения Одессы и начальником Харьковской сыскной полиции, а также на других полицейских должностях. Именно поэтому сыские отделения в Одессе и Ростове возникли раньше, чем по всей стране. Так, сыское отделение в составе Одесской городской полиции было учреждено ещё в 1902 г.

С принятием Временных правил об устройстве полиции (1862) на территории Екатеринославской, Херсонской и Таврической губерний, а также Бессарабской области создавались новые или были преобразованы из существовавших городские и уездные полицейские управления. Общая характеристика полицейской реформы 1862 г., её причины, содержание и место в контексте либеральных преобразований Александра II освещены достаточно широко (например, здесь: Мочалова, 2017), поэтому мы не будем останавливаться на этих моментах в данной работе и дублировать известные истины.

Более интересным представляется изучение опыта реализации реформы на обозначенных нами территориях, поскольку в плане географического положения, социального состояния и развития они обладали рядом особых характеристик, оказавших непосредственное влияние на реорганизацию органов полиции. Так, каждая из губерний имела выход к одному или обоим морям – Азовскому и Чёрному, а, следовательно, существовали военные и торговые порты, которые следовало охранять особенно внимательно. Кроме того, прибрежная полоса с удобными бухтами позволяла причаливать судам, не желавшим швартоваться в портах по каким-либо причинам, в том числе криминального характера. Всё это обуславливало спе-

цифику деятельности местных полицейских органов.

К социальным факторам, оказывавшим влияние на деятельность органов полиции, можно отнести высокую социальную динамику данной местности: как и в Сибири, в новороссийских губерниях было множество переселенцев, что обуславливало пёстрый социальный состав местного населения. Из материалов Всероссийской переписи 1897 г. следует, что плотность населения в изучаемых губерниях была выше средней по регионам европейской России и составляла в Херсонской области 43,9 чел. на одну квадратную версту, в Екатеринославской – 38,3 чел., в Таврической – 27,3 чел. (Россия..., 1910. С. 172). Кроме того, в летние месяцы на сельскохозяйственные работы прибывало в Херсонскую и Таврическую губернии 150–200 тыс. чел. (Россия..., 1910. С. 175).

Тем не менее, в отличие от сибирских губерний, на изучаемых территориях были в большей степени распространены более лёгкие имущественные преступления, преимущественно, воровство. Это отличает западные губернии от сибирских, где процент тяжких преступлений был существенно выше. Так, в Обзоре Херсонской губернии за 1871 г. указывается, что воровство (кражи) составляли 48,2 % от всех преступлений⁷, которых в обозначенном году зафиксировано 307. В целом следует отметить, что Херсонская, Екатеринославская и Таврическая губернии относились к южному чернозёмному или степному району. В своём исследовании влияния цен на хлеб на динамику преступности известный дореволюционный исследователь-статистик Е.Н. Тарновский отмечал, что «движение имущественной преступности в Новороссии представляет некоторые особенности, которые отличают её от чернозёмной полосы вообще и приближают в некоторой степени к промышленному району» (Тарновский, 1898. С. 96). Эти особенности заключались в том, что преступность в регионе зависела не от цен на хлеб или урожая в конкретном регионе, а от наплыва на территории изучаемых губерний в летний период рабочих из всей чернозёмной полосы. Неурожай там провоцировал миграцию людей и рост преступности в

⁷ Обзор Херсонской губернии за 1871 год. Херсон : Тип. губ. правления, 1872. 29, [37] с. С. 19.

новороссийских губерниях. В период с 1892 по 1896 гг. общее число осуждённых во всей южной степной полосе уменьшалось, в то время как процент пришедших осуждённых возрастал и составлял до 28 % (во всей России этот показатель был вдвое меньше).

Также широко известен факт высокой криминализированности г. Одессы, отразившийся не только в образе известной Соньки Золотой ручки и прочих проявлениях криминального фольклора, но и, например, в воспоминаниях помощника начальника сыскного отделения Одессы и начальника Харьковской сыскной полиции В.В. фон Ланге. Фон Ланге также отмечал преобладание имущественных преступлений (кражи, грабежи, мошенничества) над другими видами (Фон-Ланге, 1906. С. 3). В своей работе он живо и красочно описал будни одесской полиции, привёл примеры дел по видам преступлений, которые были им расследованы, а также описал причины неэффективной сыскной работы полицейских чиновников. К ним он отнёс малочисленность и неопытность кадрового состава имевшихся сыскных отделений, скудное жалование агентов и недостаток средств для правильной организации сыскной работы, а в тех местностях,

где сыскные отделения отсутствовали, отмечал недостаток мотивации (внимания, энергии, уверенности) полицейских чинов к сыску и конкретным преступлениям, а также их недостаточная осведомлённость о притонах и лицах «порочного поведения»: перекупщиках краденого, укрывателях и прочих (Фон-Ланге, 1906. С. 4). Кроме «Одессы-мамы» вторым криминальным центром европейской России стал «Ростов-папа» (Ростов-на-Дону), который с 1888 г. вместе с посадом Азов Таганрогского градоначальства отошёл к Области войска Донского.

Таким образом, проблема изучения органов общей полиции на территории губерний Новороссии во второй половине XIX – начале XX в. представляется актуальной и перспективной. Анализ историографии показал фрагментарную изученность вопроса и отсутствие комплексных исследований, выявил большое количество неисследованных областей в рамках проблемы. Краткий обзор социально-экономического устройства региона позволил наметить основные факторы, которые оказывали влияние на деятельность полицейских органов.

Список источников

Живописная Россия. Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении / под общей редакцией П.П. Семенова. Т. 5 : Малороссия и Новороссия. Ч. 2 : Бессарабская, Херсонская, Екатеринославская и Таврическая губернии. СПб.; М. : Тип. М.О. Вольф, 1898. 298 с.

Из истории милиции советской Украины / М-во охраны обществ. порядка УССР; под ред. д-ра юрид. наук проф. полк. П.П. Михайленко. Киев: [б. и.], 1965. XV. 399 с.

Кабузан В.М. Заселение Новороссии (Екатеринославской и Херсонской губерний) в XVIII – первой половине XIX века (1719–1858 гг.). М. : Наука, 1976. 308 с.

Кабузан В.М. Население Северного Кавказа в XIX–XX веках: Этностатистическое исследование. СПб. : Рус.-балт. информ. центр «Блиц», 1996. 220 с. EDN: THDKCN.

Королёв В.И. Общая полиция Крыма и северной Таврии во второй половине XIX – начале XX в. (кадровый состав и условия службы) // Историческое наследие Крыма. 2004. № 3–4. С. 74–79.

Коротенко Д.В. Реформа полиции 1862 г.: реалии Екатеринославской губернии // Исторические, философ-

References

Semenov P.P. (1898) Picturesque Russia. Our Fatherland in its land, historical, tribal, economic and everyday significance. Vol. 5. *Malorossiya i Novorossiya = Little Russia and Novorossiya*. Pt. II. *Bessarabskaya, Hersonskaya, Ekaterinoslavskaya i Tavricheskaya gubernii = Bessarabian, Kherson, Yekaterinoslav and Tauride provinces*. St. Petersburg; Moscow: Tip. M.O. Vol'f. 298 p. (In Russ.).

Mikhailenko P.P. (1965) From the history of the militia of Soviet Ukraine. *M-vo ohrany obshchestv. poriyadka USSR = Ministry of Public Order Protection of the Ukrainian SSR*. Kiev. XV. 399 p. (In Russ.).

Kabuzan V.M. (1976) Settlement of Novorossia (Yekaterinoslav and Kherson provinces) in the XVIII-first half of the XIX century (1719-1858). Moscow: Nauka. 308 p. (In Russ.).

Kabuzan V.M. (1996) The population of the North Caucasus in the XIX-XX centuries: An Ethnostatistical study. St. Petersburg: Rus.-balt. inform. center "Blitz". 220 p. (In Russ.). EDN: THDKCN.

Korolev V.I. (2004) The General Police of the Crimea and Northern Tavria in the second half of the XIX - early XX century (personnel composition and conditions of service). *Istoricheskoe nasledie Kryma = Historical Heritage of the Crimea*. No. 3-4. P. 74-79. (In Russ.).

Korotenko D.V. (2013) The reform of the police in 1862: the realities of the Yekaterinoslav province. *Istoricheskie,*

ские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов : Грамота, 2013. № 2 (28). Ч. 1. С. 86–91.

Матиенко Т.Л. Общеуголовный сыск в уездах Российской империи во второй половине XIX – начале XX в.: поиск эффективной модели борьбы с преступностью // Вестник Академии права и управления. 2017. № 2 (47). С. 20–26. EDN: YUGWNT.

Микитюк Ю.В., Токарчук Р.Е. О дате создания полиции Крыма // Общество и право. 2018. № 4 (66). С. 130–136. EDN: YRNYTZ.

Микитюк Ю.В. Органы полиции Таврической области (губернии) в конце XVIII – начале XIX века // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Исторические науки. 2019. Т. 5 (71). № 1. С. 83–92. EDN: YUIZRR.

Мочалова А.А. Полицейская реформа 1862 года: проекты и способы реализации // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. 2017. № 2. С. 94–103. EDN: ZRUJDP.

Небрatenко Г.Г., Каплунов А.И., Балахонский В.В. Зарождение российской полиции в Восточном Приазовье: историко-правовой аспект // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2023. № 1 (104). С. 44–53. <https://doi.org/10.55001/2312-3184.2023.94.48.004>. EDN: BXASHF.

Пасечников И.А. Деятельность органов политической полиции Таврической губернии в 70-е годы XIX века // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Исторические науки. 2012. Т. 25 (64). № 1. С. 129–143. EDN: VBOPSF.

Пасечников И.А. Органы политической полиции Таврической губернии в конце 50-х – первой половине 60-х годов XIX века // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Исторические науки. 2014. Т. 27 (66). № 1. С. 56–66. EDN: UMMHKX.

Прохоров В.В. Профессиональная подготовка чинов полицейской стражи Таврической губернии в начале XX в. // Научный вестник Крыма. 2019. № 1 (19). С. 3. EDN: PCWVEH.

Прохоров В.В. Организационно-правовые основы деятельности Симферопольской городской рабоче-крестьянской милиции (1921–1923 гг.) // Научный вестник Крыма. 2020. № 5 (28). С. 6. EDN: DESSYE.

Россия. Полное географическое описание нашего Отечества: настольная и дорожная книга для русских людей / под ред. В.П. Семенова; под общ. рук. П.П. Семенова

filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki = Historical, Philosophical, Political and Legal Sciences, Cultural Studies and art Criticism. Questions of Theory and Practice. Tambov: Gramota. No. 2. Pt. 1. P. 86-91. (In Russ.).

Matienko T.L. (2017) The ordinary criminal investigation of the Russian Empire counties in the second half of nineteenth - early twenties century: the search of an effective model of struggle against criminality. *Vestnik Akademii prava i upravleniya = Bulletin of the Academy of Law and Management*. No. 2 (47). P. 20-26. (In Russ.). EDN: YUGWNT.

Mikityuk Yu.V., Tokarchuk R.E. (2018) About the date of the creation of the Crimean police. *Obshchestvo i pravo = Society and Law*. No. 4 (66). P. 130-136. (In Russ.). EDN: YRNYTZ.

Mikityuk Yu.V. (2019) Police agencies of the Taurida region (governorate) in the late 18th and early 19th century. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Istoricheskie nauki = Scientific notes of the V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Historical sciences*. No. 1. P. 83-92. (In Russ.). EDN: YUIZRR.

Mochalova A.A. (2017) Police reform of 1862: projects and methods of implementation. *Istoriko-pravovye problemy: novyi rakurs = Historical and legal problems : a new perspective*. No. 2. P. 94-103. (In Russ.). EDN: ZRUJDP.

Nebratenko G.G., Kaplunov A.I., Balakhonskii V.V. (2023) The beginning of the Russian police in the Eastern part of the Azov region: a historical and legal aspect. *Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii = Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. No. 1(104). P. 44-53. (In Russ.). <https://doi.org/10.55001/2312-3184.2023.94.48.004>. EDN: BXASHF.

Pasechnikov I.A. (2012). The activities of the political police of the Taurida governorate in the 70-s of the XIX century. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Istoricheskie nauki = Scientific notes of the V.I. Vernadsky Crimean Federal University. Historical sciences*. Vol. 25. No. 1. P. 129-143. (In Russ.). EDN: VBOPSF.

Pasechnikov I.A. (2014) Bodies of the political police of the Taurida governorate in the late 50's - early 60-ies of the XIX century. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Istoricheskie nauki = Scientific notes of the V.I. Vernadsky Crimean Federal University. Historical sciences*. Vol. 27. No. 1. P. 56-66. (In Russ.). EDN: UMMHKX.

Prohorov V.V. (2019) Professional training of the officials of the police guard of the Taurida province at the beginning of the XX century. *Nauchnyy vestnik Kryma = Scientific Bulletin of the Crimea*. No.1 (19). P. 3. (In Russ.). EDN: PCWVEH.

Prohorov V.V. (2020) Organizational and legal bases of Simferopol city activity working and peasant police (1921-1923). *Nauchnyy vestnik Kryma = Scientific Bulletin of the Crimea*. No. 5 (28). P. 6. (In Russ.). EDN: DESSYE.

Karpov B.G. (1910) Russia. A complete geographical description of our Fatherland: a desktop and travel book for Russian people. Vol. 14. *Novorossiia i Krym: (Bessarabskaya,*

и В.И. Ламанского; [предисл. В. Семенова]. Т. 14: Новороссия и Крым: [Бессарабская, Херсонская, Таврическая и Екатеринославская губернии, области Войска Донского и Ставропольской губернии] / сост. Б.Г. Карпов [и др.]. СПб. : Издание А.Ф. Девриена, 1910. VIII, 983 с., [9] л.

Тарновский Е.Н. Влияние хлебных цен и урожаев на движение преступлений против собственности в России // Журнал Министерства Юстиции. СПб. : Типография Правительствующего Сената, 1898. № 8. С. 73–106.

Фон-Ланге В.В. Преступный мир: мои воспоминания об Одессе и Харькове. Одесса : тип. Л. Нитче, 1906. 64 с.

Ярмыш А.Н. Наблюдать неотступно. Административно-полицейский аппарат и органы политического сыска царизма в Украине в конце XIX – начале XX в. К. : Юринформ, 1992. 186 с.

Татаринов С.И. Влияние земских учреждений Бахмутского уезда Донбасса на деятельность полиции в конце 19 – начале 20 столетий // Theoretical & Applied Science. 2013. № 11 (7). С. 71–78. EDN: RLFRQN. (на украинском).

Информация об авторе

Данчевская Анастасия Викторовна,
кандидат исторических наук, доцент кафедры философии и социально-гуманитарных дисциплин,
Восточно-Сибирский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации,
664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 110, Россия,
e-mail: vashan16@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0003-2263-3768>

Вклад автора

Данчевская А.В. выполнила исследовательскую работу, на основании полученных результатов провела обобщение и подготовила рукопись к печати.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 20 июля 2023 г.; одобрена после рецензирования 18 августа 2023 г.; принята к публикации 28 августа 2023 г.

Hersonskaya, Tavricheskaya i Ekaterinoslavskaya gubernii, oblasti Vojska Donskogo i Stavropol'skoj gubernii = Vol. 14. Novorossiya and Crimea: (Bessarabian, Kherson, Taurida and Yekaterinoslav provinces, regions of the Don and Stavropol provinces). St. Petersburg: Izdanie A.F. Devriena. VIII. 983 p. [9] l. (In Russ.).

Tarnovskii E.N. (1898) The influence of grain prices and harvests on the movement of crimes against property in Russia. *Zhurnal Ministerstva Yustitsii = Journal of the Ministry of Justice*. St. Petersburg : Tipografiya Pravitel'stvyushchego Senata. No. 8. P. 73-106. (In Russ.).

Fon-Lange V.V. (1906) The underworld: my memories of Odessa and Kharkiv. Odessa: tipografiya L. Nitche. 64 p. (In Russ.).

Yarmysh A.N. (1992) Watching relentlessly. Administrative and police apparatus and bodies of political investigation of tsarism in Ukraine in the late XIX - early XX century. K.: Yurininform. 186 p. (In Russ.).

Tatarinov S. I. (2013) The influence of the district council to activities of the police in the Bakhmut district at the end of 19th and the beginning of 20th centuries. *Theoretical & Applied Science*. No. 11 (7). P. 71-78. (In Ukrainian). EDN: RLFRQN.

Information about the author

Anastasiya V. Danchevskaya,
Cand. Sci (History), associate Professor of the Department of Philosophy and Socially-Humanitarian Disciplines,
East-Siberian Institute of the Ministry of the Internal Affairs of the Russian Federation,
110, Lermontov St., Irkutsk 664074, Russia,
e-mail: vashan16@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0003-2263-3768>

Contribution of the author

Danchevskaya A.V. carried out a research work, based on the obtained results made the generalization and prepared the manuscript for publication.

Conflict of interests

The author declares no conflict of interests.

The author has read and approved the final manuscript.

Article info

The article was submitted July 20, 2023; approved after reviewing August 18, 2023; accepted for publication August 28, 2023.

Научная статья
УДК 94(571.6)
EDN: NADZBU
DOI: 10.21285/2415-8739-2023-3-108-119

Предпринимательство в сфере торговли огнестрельным оружием на Дальнем Востоке России на рубеже XIX–XX вв.: особенности регулирования

О.А. Устюгова

Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, г. Владивосток, Россия

Аннотация. На основе изучения обязательных постановлений и переписки военных губернаторов и генерал-губернаторов в статье рассматривается специфика регулирования предпринимательской деятельности в сфере торговли огнестрельным оружием на российском Дальнем Востоке в конце XIX – начале XX в. Исследуются действовавшие для предпринимателей ограничения на ввоз этого товара в регион и его экспорт в Китай, описываются имевшие место трудности с получением разрешений на этот вид торговли, приводятся данные об объемах проданного оружия, а также оценивается эффективность мер местной администрации по контролю за торговлей им. Регулирование торговли оружием в регионе осуществляли высшие должностные лица местной администрации – губернаторы и генерал-губернаторы, которые утверждали нормативные правовые акты, регламентирующие оборот оружия на территории вверенных им губерний и областей. Надзор за торговлей оружием был усилен после объявления в июле 1900 г. ряда местностей российского Дальнего Востока на военном положении в связи с восстанием ихэтуаней в Китае: по распоряжению Приамурского генерал-губернатора были собраны сведения о количестве имевшегося у местных торговцев оружия. Также обо всех, выданных генерал-губернатором разрешениях торговым фирмам на ввоз оружия для продажи, сообщалось полиции для установления надлежащего надзора. В области регулирования торговли огнестрельным оружием на российском Дальнем Востоке была своя специфика, во многом обусловленная его пограничным положением с Китаем: фактически действовал запрет на продажу оружия китайцам и его вывоз в Маньчжурию.

Ключевые слова: Российский Дальний Восток, Китай, торговля, регулирование, обязательные постановления, предприниматели, огнестрельное оружие, китайцы, хунхузы

Для цитирования: Устюгова О.А. Предпринимательство в сфере торговли огнестрельным оружием на Дальнем Востоке России на рубеже XIX–XX вв.: особенности регулирования // Известия Лаборатории древних технологий. 2023. Т. 19. № 3. С. 108–119. <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2023-3-108-119>. EDN: NADZBU.

History

Original article

Entrepreneurship in the field of firearms trade in the Russian Far East at the turn of the XIX-XX centuries: regulatory features

Olga A. Ustyugova

Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East FEB RAS, Vladivostok, Russia

Abstract. Based on the study of obligatory ordinances and correspondence of military governors and Governors-general the article examines the specifics of regulating entrepreneurial activity in the firearms trade in the Russian Far East in the late XIX - early XX century. The restrictions on the import of this product into the region and its export to China and the difficulties in obtaining permits for this type of trade for entrepreneurs are investigated. Data on the volumes of firearms sold are given; the effectiveness of the measures of the local administration to control this trade is assessed. Regulation of the firearms trade in the region was carried out by senior officials of the local administration - governors and Governors-general - who approved legal acts regulating the

circulation of weapons in the territories entrusted to them. The supervision of the firearms trade was strengthened after the declaration in July 1900 of a number of places of the Russian Far East on martial law because of the Boxer Rebellion in China. In this regard, by order of the Governor-general, information was collected on the amount of firearms from local traders. Also, all permits issued by the Governor-general to trading companies to import firearms for sale were reported to the police to establish proper oversight. The regulation of the trade in firearms in the Russian Far East had its own specificity, largely due to its border position with China: in fact, there was a ban on the sale of weapons to the Chinese and its export to Manchuria.

Keywords: Russian Far East, China, trade, regulation, obligatory ordinances, entrepreneurs, firearms, Chinese, Hunghuz

For citation: Ustyugova O.A. (2023) Entrepreneurship in the field of firearms trade in the Russian Far East at the turn of the XIX-XX centuries: regulatory features. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 19. No. 3. P. 108-119. (In Russ.). <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2023-3-108-119>. EDN: NADZBU.

История регулирования оборота огнестрельного оружия в Российской империи достаточно актуальна, историография вопроса сосредоточена вокруг контроля государства за оборотом оружия, что вполне закономерно определяется доступной исследователям источниковой базой, представленной законодательством и материалами делопроизводства государственных учреждений. Проблема достаточно активно изучалась исследователями, преимущественно юристами, которые осуществили историко-правовой анализ российского оружейного законодательства, выявили особенности регламентации изготовления, ношения, применения оружия и его реализации населению (Невский, 2001; Невский, 2015; Киселев, 2015; Тростянский, 2015; Муркштис, 2017; Муркштис, Невский, 2019; Устинов, Якимова, 2019; Морозков, 2022). Также проводилось изучение правовых норм, определявших ответственность за незаконный оборот оружия (Сошина, 2008; Задоян, 2011), и методов борьбы власти с ним (Невский, 2007; Толчинская, Крюкова, 2015; Шалагин, Гребенкин, 2017; Герасимов, 2018; Гуров, 2019). Торговля огнестрельным оружием как составляющая его оборота исследована в меньшей степени. Достаточно подробно охарактеризован механизм правовой регламентации внутренней и внешней торговли оружием в исследуемый период (Жолобова, 2012а; Жолобова, 2012б; Жолобова, 2013а; Жолобова, 2013б), однако поднятая проблема в ее региональном аспекте остается малоизученной: до сих пор не стало предметом специального исследования практическое применение мер регулирования деятельности предпринимателей, торговавших огнестрельным оружием на Дальнем Востоке России в конце XIX – начале XX в.

До конца XIX в. свод законов Российской империи не содержал специальных норм, опреде-

лявших торговлю гражданским огнестрельным оружием в России (Жолобова, 2012б. С. 48). Как правило, регулирование торговли оружием в регионах осуществляли высшие должностные лица местной администрации – губернаторы и генерал-губернаторы, которые утверждали нормативные правовые акты, регламентировавшие оборот оружия на территории вверенных им губерний и областей (Муркштис, Невский, 2019. С. 116, 117). Что касается российского Дальнего Востока, то верховную власть беспокоил главным образом возможный вывоз оружия в Китай, поэтому еще 2 апреля 1862 г. Высочайше утвержденным мнением Государственного Совета генерал-губернатору Восточной Сибири предписывалось учредить в пунктах пограничной торговли надзор со стороны местных властей за непропуском оружия, боеприпасов и пороха в Китай (Российский государственный исторический архив Дальнего Востока (РГИА ДВ). Ф. 702. Оп. 2. Д. 432. Л. 31–31 об.). 12 (24) февраля 1881 г. был подписан Санкт-Петербургский договор с Китаем. Согласно приложенным к нему «Правилам о сухопутной торговле между Россией и Китаем» (ст. 15) не допускались к ввозу или вывозу, а в случае провоза контрабандой подлежали конфискации порох, ружья, винтовки, пистолеты и всякое огнестрельное оружие (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 2. Д. 432. Л. 21).

3 января 1898 г. военный губернатор Амурской области К.Н. Грибский издал обязательное постановление № 5, в котором объявлял, что, как следует из поступающих ему донесений, вопреки действующим законам и распоряжениям властей некоторые торговые фирмы продолжают сбывать оружие и огнестрельные припасы оптом и в розницу как китайским чиновникам, так и частным лицам, вследствие чего они провозятся в Китай и поступают на вооружение китайских пограничных

отрядов, а также попадают в руки хунхузов и других неблагонадежных лиц, совершавших разбойные нападения и грабежи. «В видах государственной безопасности и охранения общественного спокойствия» отныне торговля оружием, порохом и огнестрельными припасами разрешалась только пользующимся доверием фирмам, с личного разрешения губернатора. Для этого предприниматели должны были подать в городское полицейское управление заявления, которые полицмейстер со своим заключением представлял губернатору. Владельцы магазинов, лавок и складов, которым торговля оружием и огнестрельными припасами будет разрешена, в течение месяца со дня обнаружения постановления должны были получить в полиции шнуровые книги установленной формы, в которые записать все имеющиеся у них оружие и огнестрельные припасы, а затем заносить в них новые по мере их получения. Продавать оружие и боеприпасы иностранным подданным можно было только по предъявлении разрешений от Пограничного комиссара. Разрешения должны были храниться при шнуровых книгах, в которых отмечалось: кому и что продано и на каком основании. Русские подданные, виновные в передаче, обмене или продаже иностранным подданным оружия, пороха и других огнестрельных припасов, преследовались по всей строгости закона (РГИА ДВ. Ф. 704. Оп. 3. Д. 996. Л. 2–2 об.). 16 января 1898 г. канцелярия военного губернатора Амурской области препроводила копию постановления в редакцию газеты «Приамурские ведомости» для троекратного опубликования (РГИА ДВ. Ф. 704. Оп. 3. Д. 996. Л. 7), однако оно было напечатано только один раз (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 2. Д. 432. Л. 20).

Как правило, проблем с получением разрешения на торговлю оружием в Амурской области у местных фирм не возникало, однако были и исключения. Так, Благовещенский купец 1-й гильдии Г.П. Косицын 9 февраля обратился в Благовещенское городское полицейское управление с прошением о разрешении производить торговлю огнестрельным оружием и боеприпасами, а также о выдаче ему шнуровой книги (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 2. Д. 432. Л. 2). Несмотря на неоднократные обращения предпринимателя, решение по этому вопросу было принято только через четыре месяца: 8 июня 1898 г. полицейское управление под

подписку объявило Г.П. Косицыну, что он не имеет права торговать огнестрельным оружием и припасами к нему (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 2. Д. 432. Л. 2 об., 3 об.). Следует отметить, что торговый дом «Г.П. Косицын с сыновьями» был третьим по значимости среди торговых фирм Благовещенска, уступая лишь «И.Я. Чурину и К°» и «Кунсту и Альберсу» (Буянов, Косицын, 2013. С. 34).

Купец в тот же день подал военному губернатору Амурской области прошение, в котором выражал свое несогласие с решением полицейского управления, поскольку его фирма за более чем 20 лет деятельности в Благовещенске не была замечена ни в чем предосудительном, в том числе и в запрещенной законом продаже оружия за границу, в то время как разрешения на торговлю получили иностранцы – Дикман, Эмери, фирма «Кунст и Альберс», – «имеющие менее преимущества против русского подданного» (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 2. Д. 432. Л. 3–3 об.). 24 июня военный губернатор в удовлетворении ходатайства отказал, а полиция обязала купца прекратить торговлю огнестрельным оружием с 1 августа 1898 г. (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 2. Д. 432. Л. 4–4 об.).

31 августа 1898 г. Г.П. Косицын, считая несправедливым пристрастное отношение полицмейстера, подал прошение Приамурскому генерал-губернатору с просьбой разрешить ему торговать оружием в Благовещенске (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 2. Д. 432. Л. 2 об., 7 об.). Проситель писал: «Отказ военного губернатора поставил меня в самое неблагоприятное положение как во мнении моих многочисленных покупателей, так и в финансовом отношении: не зная высочайше утвержденного постановления, я массу имею огнестрельного оружия и припасов к нему, а также и вновь куплено в нынешнюю поездку в Европейскую Россию больше чем на 15 тыс. руб.; следовательно, теперь весь этот товар будет лежать или совсем без продажи, или я должен его сбыть за бесценку в убыток фирмам, имеющим разрешение торговать этим товаром, а то и другое для меня невыгодно» (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 2. Д. 432. Л. 7).

28 сентября 1898 г. канцелярия генерал-губернатора препроводила прошение Г.П. Косицына военному губернатору Амурской области с просьбой сообщить необходимые для принятия решения сведения (РГИА ДВ. Ф. 702.

Оп. 2. Д. 432. Л. 7 об.). В своем рапорте военному губернатору Амурской области от 7 ноября 1898 г. и. д. Благовещенского полицмейстера Войсковой старшина Кононович разъяснял, что причиной отказа были «некрасивые стороны секретных дел фирмы, которые негласно известны полиции и многим жителям города» (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 2. Д. 432. Л. 8). Чиновник утверждал, что сам Г.П. Косицын и его сыновья, за преклонностью лет отца управляющие фирмой, – молокане, а все сектанты, по его мнению, «люди весьма вредные не только в религиозном, но даже и в полицейском отношении; они всегда ведут свои дела крайне скрытно, помогая друг другу, всегда стремятся обойти закон, нарушить известные требования, уклониться от исполнения их под разными предлогами, стараясь достигнуть своего хотя при помощи подкупа; зачастую устраивают стачки и нередко ведут торговлю не по средствам, а затем при помощи «дешевовок» идут на сделки с московскими купцами, платя не рубль за рубль, а половину и менее» (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 2. Д. 432. Л. 8 об.). И. д. полицмейстера «негласно» выяснил, что все братья и отец занимаются тайной скупкой хищнического золота (до 10 пуд. и более в год) как на приисках, так и в городе, и продажей его в Китай, а все пароходы торгового дома, совершавшие рейсы по р. Зее, перевозят золото, спирт, ханшин и спиртоносов. Пароходы несколько раз осматривались полицией, но никаких улик найти не удалось. Также полиции сообщали, что эта фирма «имела возможность в выделке и сбыте фальшивых кредитных билетов в Китай во время предполагавшегося плавания ее парохода по р. Сунгари, но таковое не состоялось за своевременным открытием собиравшейся организовать шайки» (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 2. Д. 432. Л. 9). В 1898 г. в магазине Г.П. Косицына произошел пожар, и, хотя следов поджога обнаружено не было, ходили слухи, что он все-таки имел место. Фирма заплатила 30 тыс. руб. из страховой премии агенту страхового общества Людерсу, а сама получила 90 тыс. руб. и весь оставшийся товар, который оценили на 45 тыс. руб., хотя до пожара в магазине его было всего на 60–70 тыс. руб. После этой сделки Людерс построил себе каменный дом, а Косицыны начали закупать стройматериалы для возведения нового каменного магазина. Чиновник резюмировал: «Разу-

меется, весь этот слух не давал мне права высказаться одобрительно про эту первогильдейскую фирму» (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 2. Д. 432. Л. 9 об.). Кононович допускал, что Косицыны могут продавать оружие кому угодно, лишь бы выручить побольше денег, тем более что случаи продажи молоканами оружия в Китай уже были: так, фирма «Филипп Коротаев» продала 40 винтовок с 8000 патронами хунхузам (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 2. Д. 432. Л. 9–9 об.). Военный губернатор Амурской области К.Н. Грибский поддержал мнение и. д. полицмейстера, полагая, что нет оснований считать его заявления не соответствующими действительности (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 2. Д. 432. Л. 1–1 об.).

9 декабря 1898 г. Г.П. Косицын снова отправил телеграмму Приамурскому генерал-губернатору с просьбой разрешить ему продавать оружие, большой запас которого хранится в его магазинах в Благовещенске и на Зейской Пристани, поскольку он несет значительные убытки. Однако решение этого вопроса было отложено до получения необходимых сведений от военного губернатора Амурской области (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 2. Д. 432. Л. 12–13).

За Г.П. Косицына вступился помощник Приамурского генерал-губернатора А.С. Беневский, 21 декабря 1898 г. конфиденциально обратившийся к военному губернатору Амурской области с письмом, в котором просил разрешить купцу торговать огнестрельным оружием в Благовещенске, указав, что законных оснований к ограничению его в правах торговли нет, а заключение полиции относительно его неблагонадежности не подкреплено фактами. Отметив предвзятое отношение и. д. полицмейстера к сектантам, на основе собственного опыта, как бывший губернатор Амурской области, А.С. Беневский подчеркнул, что не следует забывать их заслуг перед краем в деле развития сельского хозяйства и торговли, особенно мясной. По его мнению, Косицыны выделялись среди купцов-молокан особой предприимчивостью и умелым ведением дела, а в отношении патриотизма и коммерческой честности не уступали купцам православного вероисповедания (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 2. Д. 432. Л. 14 об.–15 об.).

Возможно, вмешательство А.С. Беневского способствовало положительному решению вопроса: поданое в начале января 1899 г. прошение Г.П. Косицына о разрешении распродать завезен-

ное в Зейскую Пристань оружие было удовлетворено. 24 января 1900 г. купец просил продлить назначенный ему для распродажи оружия срок и снова получил разрешение (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 2. Д. 432. Л. 38–38 об.).

Сложно сказать, имели ли место в действительности приведенные полицией факты, однако в ноябре 1902 г. против братьев Герасима и Ефима Косицыных, арестованных и заключенных под стражу, было возбуждено уголовное дело по обвинению в организации в сентябре того же года умышленного поджога на зафрахтованном фирмой пароходе «Гиллюй», на который, согласно фактуре, погрузили застрахованные на сумму более 300 тыс. руб. чай, пушнину, зеркала, эмалированную посуду, металлические изделия и мануфактурный товар. На суде в мае 1904 г. было доказано, что оценка имущества при страховании была существенно завышена: на месте пожара не было обнаружено следов части сгоревших товаров, а документы на крупную партию пушнины отсутствовали. Герасим Косицын был осужден и отправлен на каторгу, а его отец скончался, не вынеся позора. Исследователи предполагают, что фирма пыталась погасить дефицит оборотных средств, возникший из-за больших вложений в строительство открытого в 1902 г. нового универмага «Пассаж» с 8 залами для торговли (Буянов, Косицын, 2013. С. 34–35). Возможно, подозрения полиции Благовещенска в неблагонадежности этой фирмы были вовсе не беспочвенными?

10 июня 1900 г. обязательное постановление о торговле оружием издал военный губернатор Приморской области Н.М. Чичагов: с 20 июня 1900 г. запрещалась продажа огнестрельного оружия, патронов, пороха, свинца и дроби без предъявления разрешительных свидетельств полицейских властей, разрешение на торговлю фирмам и купцам, в отличие от Амурской области, не требовалось (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 274. Л. 158).

В июле 1900 г. целый ряд местностей Приморской области был объявлен на военном положении в связи с восстанием ихэтуаней в соседнем Китае, поэтому местные власти усилили контроль за оборотом оружия. Городской и земской полиции военным губернатором было дано распоряжение иметь самый строгий надзор за тайным провозом огнестрельного оружия и боеприпасов, а также не

допускать их вывоза в Маньчжурию, причем было предписано объявить торговцам, что привоз в край огнестрельного оружия для продажи допускается только с разрешения Приамурского генерал-губернатора. Для предотвращения случаев продажи оружия и огнестрельных припасов из лавок и магазинов как проживающим в области китайцам и корейцам, так и другим лицам, которым в целях общественной безопасности в военное время нельзя позволить владеть огнестрельным оружием, было дано распоряжение полиции, чтобы она обязала всех торговцев продавать его только тем, кто будет иметь разрешительное свидетельство на право покупки огнестрельного оружия и боеприпасов, причем было предписано таких свидетельств китайцам не выдавать (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 341. Л. 71–71 об.).

В декабре 1900 г. по распоряжению генерал-губернатора военный губернатор Приморской области приказал городской, окружной, земской полиции «привести в точную известность» количество имеющегося для продажи огнестрельного оружия и припасов у всех торговцев в городах и селениях. Кроме того, о каждом случае разрешения генерал-губернатора какой-либо торговой фирме ввезти в область оружие и огнестрельные припасы для продажи немедленно сообщалось городской или земской полиции для установления надлежащего надзора за этой торговлей (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 341. Л. 71–71 об.; Ф. 1. Оп. 4. Д. 1913. Л. 55–55 об.). Сведения, собранные полицмейстерами городов, были препровождены в канцелярию Приамурского генерал-губернатора 23 февраля 1901 г. (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 341. Л. 166–166 об.) (табл. 1).

По сообщениям Владивостокского полицмейстера в городе торговали оружием фирмы «Кунст и Альберс», «И.Я. Чурин и К°», «И. Лангелитье», «Гейтман и Аурнгаммер», С.Л. Смит, П.М. Пономарев, а в магазинах Шпенглера и Братьев Бородиных в указанный промежуток времени продавалась только дробь (подсчитано по: РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 1913. Л. 62–62 об.) (табл. 2).

В рапорте и. д. Хабаровского полицмейстера С. Гар военному губернатору Приморской области от 2 января 1901 г. содержались сведения о количестве проданного оружия и боеприпасов по данным полицейским управлением удостоверени-

Таблица 1. Сведения о количестве огнестрельного оружия у купцов в городах Приморской области за 1900 г.

Table 1. Information on the number of firearms from merchants in the cities of the Primorsky Region in 1900

В городах	К 12 июня 1900 г. состояло		С 12 июня 1900 г. по 1 января 1901 г. было продано		На 1 января 1901 г. состояло	
	Ружей	Револьверов	Ружей	Револьверов	Ружей	Револьверов
Хабаровск	719	335	123	100	596	235
Владивосток	1352	1718	724	727	628	991
Николаевск	401	257	235	110	166	147
Никольск-Уссурийский	458	135	214	85	244	50
Итого	2930	2445	1296	1022	1634	1423

Таблица 2. Сведения о количестве проданного в г. Владивостоке огнестрельного оружия за 1900 г.

Table 2. Information on the number of firearms sold in Vladivostok in 1900

В магазинах	Состояло в наличии на 12 июня 1900 г.		Продано по 1 января 1901 г.		Осталось в наличии на 1 января 1901 г.	
	Ружья	Револьверы	Ружья	Револьверы	Ружья	Револьверы
«Кунст и Альберс»	440	333	258	287	182	46
«И.Я. Чурин и К°»	179	269	144	67	35	202
С.Л. Смит	371	856	265	258	106	598
«И. Лангелитье»	250	150	47	81	203	69
«Гейтман и Аурнгам-мер»	52	55	10	25	42	30
П.М. Пономарев	60	55		9	60	46
Всего	1352	1718	724	727	628	991

ям жителям Хабаровска и прочим лицам в 1900 г. (РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 1913. Л. 67–81). На 1 января 1901 г. включительно было выдано 230 удостоверений, в том числе 191 – на покупку оружия и 39 – только боеприпасов. Было продано 111 револьверов и 199 ружей (включая 4 берданки, в том числе 3 кавалерийского образца, 2 винчестера и одно двуствольное ружье) (Подсчитано по: РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 1913. Л. 68–81). Оружие для собственной надобности в основном покупали частные лица – военные и чиновники военного ведомства, казаки, купцы, мещане и крестьяне. Было выдано всего три разрешения на приобретение оружия для учреждений и организаций: торговым домом «Кунст и Альберс» было куплено 1 ружье и 4 пуд. дробы, Начальником 3-го дистанционного строительного участка КВЖД – 15 ружей, 15 револьверов, 6000 патронов для служащих, агентом КВЖД – 10 ружей, 5000 патронов для собственной надобности и для магазина продовольственного

комитета (РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 1913. Л. 69, 70, 76 об.).

По докладом с мест нарушений при продаже огнестрельного оружия замечено не было. Так, Начальник Южно-Уссурийского округа 8 февраля 1901 г. в своем рапорте военному губернатору Приморской области сообщил, что на покупку огнестрельного оружия частными лицами с 12 июня 1900 г. полицией выдаются удостоверения, предъявляемые покупателями в магазинах (РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 1913. Л. 58 об.). В рапорте от 13 февраля 1901 г. им была представлена подписка торговцев огнестрельным оружием в г. Никольске-Уссурийском: представители торговых домов «И.Я. Чурин и К°», «Кунст и Альберс», «И. Лангелитье» и купец Р.А. Шпринк обязались немедленно завести книги для записи имеющегося в продаже огнестрельного оружия и боеприпасов, с точным обозначением их рода и количества, и отмечать в них кому, когда и по какому разреши-

тельному свидетельству они проданы, с указанием номера оружия или названия фирмы (РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 1913. Л. 63–64 об.).

И. д. Хабаровского полицмейстера С. Гар в своем рапорте военному губернатору Приморской области от 26 февраля 1901 г. сообщил, что всем, торговавшим огнестрельным оружием и боеприпасами, были выданы книги, которые им же прошнурованы, припечатаны казенной печатью и скреплены его подписью, а полицейским надзирателям было приказано строго следить за правильностью продажи и ежемесячно проверять книги и расписываться в них; через каждые три месяца книги должны предоставляться полицмейстеру для просмотра и подписи (РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 1913. Л. 186). Всего было выдано 12 книг – в магазины торговых домов «И.Я. Чурин и К°», «Кунст и Альберс», «И. Эмери», «Гейтман и Аурнгаммер», а также С. Богданова, В. Плюснина, Кузина, Маликова, Коротаева, Уткина и Денисова (РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 1913. Л. 187).

5 мая 1901 г. военный губернатор Приморской области уведомил канцелярию Приамурского генерал-губернатора, что всеми торговцами заведены шнуровые книги, а продажа оружия и принадлежностей к нему производится только с разрешения полиции (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 341. Л. 167).

18 августа 1901 г. по приказанию Приамурского генерал-губернатора его канцелярия запросила у военного губернатора Приморской области сведения о количестве проданных в магазинах Приморской области оружия и боеприпасов до сентября 1900 г., а также разрешенных к пропуску через таможни и отправленных для продажи в другие области до 1 июня 1901 г. (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1.

Д. 341. Л. 162–162 об.). 30 ноября 1901 г. военный губернатор Приморской области препроводил в канцелярию Приамурского генерал-губернатора соответствующую ведомость (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 341. Л. 272 об.–273) (табл. 3). В таблице приводятся сведения в сокращенном виде, без боеприпасов (патронов, пуль, гильз, дроби, пороха, пистонов, пыжей и ружейных приборов), указано только оружие – ружья и револьверы.

Следует отметить, что в Приморскую область огнестрельное оружие в значительном количестве ввозилось торговыми фирмами из-за границы через порты Владивосток и Николаевск-на-Амуре. Когда здесь действовал режим порто-франко, этот товар свободно пропусклся для выдачи адресатам, поэтому никакого надзора за ввозимым в область оружием не было (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 341. Л. 4). 20 сентября 1900 г. Товарищ министра внутренних дел князь П.Д. Святополк-Мирский сообщил, что Министр финансов предписал таможням, к этому времени уже появившимся в портах Приморской области, пропускать огнестрельное оружие только с разрешения, в каждом отдельном случае, Приамурского генерал-губернатора (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 341. Л. 28 об.). 18 ноября 1900 г. это распоряжение было доведено до сведения военных губернаторов Приморской и Амурской областей (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 341. Л. 29).

Согласно справке канцелярии Приамурского генерал-губернатора, с 11 сентября 1900 г. по 13 июня 1901 г. включительно был разрешен ввоз оружия по 48 ходатайствам для фирм «Кунст и Альберс», «И.Я. Чурин и К°», «Гейтман и Аурнгаммер», «И. Эмери», «Шевелев и К°», «Шульц и Гре-

Таблица 3. Сведения о количестве разрешенного к ввозу и продававшегося в Приморской области огнестрельного оружия (1900–1901 гг.)

Table 3. Information on the number of firearms allowed for import and sold in the Primorsky Region (1900-1901)

Было в продаже до 1 сентября 1900 г.		Разрешено к ввозу с 1 сентября 1900 г. по 1 июня 1901 г.		Направлено для продажи					
				Приморская область		Амурская область		Забайкальская об- ласть	
Через Владивостокскую таможню									
Руж.	Рев.	Руж.	Рев.	Руж.	Рев.	Руж.	Рев.	Руж.	Рев.
1382	1880	2453	2785	419	413	350	520	77	452
Через Николаевскую таможню									
198	221	56	—	26	5	67	24	—	—

чушкин», магазина С.Л. Смит, купцов С. Богданова, В. Плюснина и др. (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 341. Л. 163, 274–277). Значительное количество оружия – 1873 ружья (охотничьих, винчестеров, маузеров, монте-кристо и т. п.) и 67 ящиков разных ружей, 1232 револьвера и 24 ящика разных револьверов – ввезла фирма «Кунст и Альберс». В «Американский магазин С.Л. Смит», специализирующийся на торговле оружием, было доставлено 250 револьверов, 4 винчестера, 18 ящ. дробовиков и винчестеров и 21 ящик ружей. «Гейтман и Аурнгаммер» ввезли 190 ружей и 205 револьверов, «И.Я. Чуринов и К°» – 106 шт. и 3 ящика ружей и 100 револьверов, «И. Эмери» – 3 ящика ружей и револьверов, 29 ружей и 292 револьвера, С. Богданов – 76 ружей и 75 револьверов (Подсчитано по: РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 341. Л. 274–277).

С сентября 1900 г. по январь 1902 г. Приамурский генерал-губернатор, как правило, разрешал торговым фирмам и предпринимателям «Кунст и Альберс», «И. Лангелитъе», «И. Эмери», «Гейтман и Аурнгаммер», С.Л. Смит, В. Плюснину и др. получать из таможен доставленное им на пароходах для продажи оружие (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 341. Л. 15–16 об., 40–41, 44, 55–56; Оп. 2. Д. 687. Л. 1–2, 13–14, 38–39). Однако затем ситуация изменилась. Поскольку, по имеющимся у властей сведениям, несмотря на то, что Высочайшим указом от 4 августа 1900 г. запрещался вывоз из России в Китай огнестрельного оружия и боеприпасов, они провозились в Северную Маньчжурию в довольно значительном количестве и свободно продавались там китайцам, генерал-губернатор предложил военным губернаторам областей вверенного ему края установить особенно тщательное наблюдение за точным исполнением указа и принять все меры к недопущению провоза оружия в Маньчжурию как торговцами, так и частными лицами (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 402. Л. 3). 18 февраля 1902 г. генерал-губернатор распорядился до получения сведений о возвращении оружия и боеприпасов, вывезенных в Маньчжурию до обнаружения Высочайшего указа от 4 августа 1900 г., ввоз оружия в Приморскую область не разрешать (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 2. Д. 687. Л. 36, 106).

Так, например, «Американскому магазину С.Л. Смит» разрешение на ввоз из Владивостокской таможни прибывшего на пароходе оружия было

выдано 26 апреля 1902 г. лишь после проверки Владивостокским полицмейстером по поручению военного губернатора Приморской области шнуровых книг, в результате которой было установлено, что случаев вывоза оружия для продажи в Маньчжурию не было (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 2. Д. 687. Л. 29, 30).

19 марта 1902 г. доверенный фирмы «Гейтман и Аурнгаммер» Р.И. Титтуон ходатайствовал о получении из Владивостокской таможни 7 охотничьих ружей для ее магазина, а 26 марта 1902 г. Приамурский генерал-губернатор просил военного губернатора Приморской области сообщить, не было ли нарушений законов и распоряжений администрации при продаже оружия, ранее разрешенного к ввозу этой фирме, и не вывозилось ли оно в Маньчжурию (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 402. Л. 7, 7 об., 9–9 об.). По донесению Владивостокского полицмейстера, 15 сентября 1901 г. фирма отправила в свое отделение в Харбине 6 охотничьих двухствольных ружей без разрешения (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 402. Л. 13). 18 июля 1902 г. военный губернатор Приморской области сообщил в канцелярию генерал-губернатора, что самовольно вывезенные в Маньчжурию охотничьи ружья не были проданы и возвращены во Владивосток, о чем свидетельствовала квитанция Пограничной таможенной заставы. 3 августа 1902 г. генерал-губернатор разрешил военному губернатору удовлетворить прошение фирмы (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 402. Л. 27, 29).

Купец Я.П. Рябоконь ходатайствовал о разрешении ввоза для продажи в Никольск-Уссурийске выписанного из Гамбурга через торговую фирму «Феттер и Генкель» в Москве оружия. Из собранных военным губернатором Приморской области сведений следовало, что в Маньчжурию этот купец оружие не отправлял, а в 1900–1901 гг. торговлю им не осуществлял, поэтому 10 августа 1902 г. Приамурский генерал-губернатор Н.И. Гродеков прошение купца удовлетворил (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 2. Д. 687. Л. 79–80).

Прошениями от 20 июня и 16 июля 1902 г. торговый дом «И.Я. Чуринов и К°» ходатайствовал о разрешении получить из Владивостокской таможни доставленные на пароходах 10 ружей фабрики Винчестера и 92 револьвера. По имеющимся у военного губернатора Приморской области сведениям

ям, торговым домом было вывезено в Маньчжурию значительное количество оружия еще до обнародования указа 4 августа 1900 г. и распоряжением генерал-губернатора от 18 февраля 1902 г. прошения были оставлены без движения до возвращения в пределы края всего находящегося там оружия, о чем ему и было объявлено через Владивостокскую полицию. Приамурский генерал-губернатор разрешил фирме ввоз ружей и револьверов только 20 октября 1902 г., когда все оружие торгового дома, которое находилось в продаже в Харбине, было возвращено в Благовещенск (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 2. Д. 687. Л. 106–107).

Несмотря на все принятые администрацией меры по предотвращению нелегального ввоза оружия и продажи его неблагонадежным лицам, в прессе появлялись сообщения о нападениях китайцев с оружием на местных жителей. Так, в разделе «Хроника» газеты «Дальний Восток» от 4 января 1902 г. сообщалось о произошедшем во Владивостоке ограблении китайского подданного А-жина вооруженными револьверами хунхузами. В связи с этим генерал-губернатор просил военного губернатора Приморской области сообщить, что сделано во Владивостоке для воспрепятствования продажи китайцам оружия из частных магазинов (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 402. Л. 2). Военный губернатор Приморской области ответил, что в городах и селениях области продажа огнестрельного оружия и боеприпасов производится с разрешения городской и окружной полиции по выдаваемым ей удостоверениям. Во всех магазинах и лавках ведутся шнуровые книги, которые время от времени контролируются чинами полиции, а продажа оружия и боеприпасов китайцам запрещена (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 402. Л. 6).

14 февраля 1902 г. Приамурским генерал-губернатором Н.И. Гродековым было издано обязательное постановление, согласно которому продажа огнестрельного оружия и боеприпасов в пределах Амурской и Приморской областей, кроме северных округ последней (Анадырской, Петропавловской, Гижигинской, Охотской и Командорских островов), могла производиться торговцами лишь лицам, имеющим разрешения указанных губернаторами чиновников. Покупатели должны были получить в полиции разрешения на приобретение оружия, которые хранились при шнуровых

книгах у торговцев. За нарушение этих правил торговцы подвергались взысканию, не превышающему трехмесячного ареста или денежного штрафа в 500 руб. (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 2. Д. 432. Л. 64).

Имели ли в действительности место случаи продажи торговыми фирмами оружия китайцам? Нам удалось найти лишь один пример подобного расследования. 22 июня 1902 г. в канцелярию генерал-губернатора была препровождена выписка из полученной Штабом Приамурского военного округа от Председателя войскового правления Уссурийского казачьего войска полковника Копейкина телеграмма, в которой сообщалось о задержании четырех китайцев, вооруженных винтовками с отметками на бирках торгового дома «Кунст и Альберс» (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 2. Д. 432. Л. 83–84). В связи с этим военным губернаторам Приморской и Амурской областей было предписано установленные обязательным постановлением от 14 февраля 1902 г. разрешения на покупку оружия китайцам не выдавать, а полицейские учреждения при выдаче этих разрешений другим лицам должны брать с них подписку в том, что приобретенное оружие и боеприпасы ими не будут переданы в другие руки, в особенности китайцам (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 2. Д. 432. Л. 86–87 об.; Ф. 704. Оп. 3. Д. 1018. Л. 28).

На запрос Приамурского генерал-губернатора от 24 июня 1902 г. 16 декабря военный губернатор Приморской области сообщил, что задержание четырех китайцев, один из которых был вооружен винтовкой Бердана и трое – винтовками Маузера, с отметками на бирках торгового дома «Кунст и Альберс», произошло во время преследования хунхузов, убивших казачку Федорееву, высланным для этого отрядом охотников совместно с казаками станицы Полтавской. Китайцы были задержаны на их собственном ханшинном заводе на р. Суйфун, в 6 верстах от г. Санчагоу, с тремя винтовками Маузера с подствольным магазином, одна из которых под № 81173 была приобретена в октябре 1901 г. у владельца ханшинного завода китайца Ван-ленгуна, а две другие под №№ 2445 и 894 А – в апреле и мае 1902 г. у китайцев Ван-ленгуна и Улян-сана. По проверке, проведенной по поручению военного губернатора Владивостокским полицмейстером, в магазине «Кунст и Альберс» винтовок Маузера с указанными номерами в продаже в 1901–1902 гг. не было. Хотя из рапорта Полтавского Станичного

атамана в Войсковое правление следовало, что по найденным пломба отобранное у китайцев оружие приобреталось в магазине «Кунст и Альберс», однако, согласно показаниям урядника станицы Полтавской Ф. Дьячкова, ярлыки фирмы были им увезены к себе домой и там детьми его утеряны, при чем их номера не совпадали с номерами отобранных винтовок. Военный губернатор Приморской области резюмировал, что на основе собранных данных не представляется возможным установить факт продажи китайцам оружия торговым домом «Кунст и Альберс» (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 2. Д. 432. Л. 86–86 об., 90–91).

Итак, на рубеже XIX–XX вв. контроль за деятельностью предпринимателей, осуществлявших

торговлю оружием, был довольно жестким: фирмы должны были получать разрешение на право торговли и на ввоз оружия и боеприпасов на территорию российского Дальнего Востока, а также вести учет всего проданного товара и покупателей в специальных книгах. В области регулирования торговли огнестрельным оружием на российском Дальнем Востоке была и своя специфика, обусловленная его пограничным положением и концентрацией в регионе значительного количества китайцев. Власти стремились защитить местное население от нападений хунхузов, фактически запретив как продажу оружия китайцам, так и его экспорт в Маньчжурию.

Список источников

Буянов Е.В., Косицын И.К. Благовещенские купцы Косицыны // Вестник Амурского государственного университета. Сер. Гуманитарные науки. 2013. № 60. С. 34–37. EDN: PYXFGL.

Герасимов Ю.Е. История развития законодательства об ответственности за незаконный оборот оружия в дореволюционной России // Проблемы формирования правового социального государства в современной России : материалы XIV Всероссийской национальной научно-практической конференции 26 октября 2018 г., г. Новосибирск. Новосибирск : Изд-во Новосибирского ГАУ, 2018. С. 89–92. EDN: YOXTJJ.

Гуров К.А. Нелегальный оборот огнестрельного оружия в Иркутске, на примере расследований Иркутского губернского жандармского управления в 1912–1913 годах // Иркутский историко-экономический ежегодник: 2019. Иркутск : Байкальский государственный университет, 2019. С. 95–99. <https://doi.org/10.17150/978-5-7253-3001-4.12>. EDN: EVYAUN.

Жолобова Г.А. Механизм правового регулирования торговли гражданским огнестрельным оружием в Оренбургской губернии на рубеже XIX–XX вв. // Труды Оренбургского института (филиала) Московской государственной юридической академии. 2012а. Вып. 16. С. 6–18. EDN: PXUHBD.

Жолобова Г.А. Механизм правового регулирования торговли гражданским огнестрельным оружием в Российской империи на рубеже XIX–XX веков // Академический юридический журнал. 2012б. № 4 (50). С. 48–59. EDN: PIVIVV.

Жолобова Г.А. Механизм правового регулирования внешней торговли огнестрельным оружием в Российской империи на рубеже XIX–XX веков // Право и политика. 2013а. № 5. С. 691–699. EDN: QALTXF.

References

Buyanov E.V., Kositsyn I.K. (2013) Blagoveshchensk merchants Kositsyn. *Vestnik Amurskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Gumanitarnye nauki = Bulletin of the Amur State University. Ser. Humanities*. No. 60. P. 34–37. (In Russ.). EDN: PYXFGL.

Gerasimov Yu.E. (2018) History of the development of legislation on responsibility for illicit trafficking in arms in pre-revolutionary Russia. *Problemy formirovaniya pravovogo sotsial'nogo gosudarstva v sovremennoi Rossii: materialy XIV Vserossiiskoi natsional'noi nauchno-prakticheskoi konferentsii 26 oktyabrya 2018 g. Novosibirsk = Problems of formation of a legal social state in modern Russia: Proceedings of the XIV All-Russian National Scientific and Practical Conference. October 26, 2018, Novosibirsk*. Novosibirsk: Novosibirsk State Agrarian University. P. 89–92. (In Russ.). EDN: YOXTJJ.

Gurov K.A. (2019) Illegal turnover of firearms in Irkutsk, on the example of the investigations of Irkutsk Gubernsky Gandarms Management in 1912–1913. *Irkutskii istoriko-ekonomicheskii ezhegodnik. 2019 = Irkutsk Historical and Economic Yearbook. 2019*. Irkutsk: Baikal State University. P. 95–99. (In Russ.). <https://doi.org/10.17150/978-5-7253-3001-4.12>. EDN: EVYAUN.

Zholobova G.A. (2012a) Legal regulation mechanism of civil firearms trade in Orenburg Province at the turn of the XIX–XX centuries. *Trudy Orenburgskogo instituta (filiala) Moskovskoi gosudarstvennoi yuridicheskoi akademii = Proceedings of the Orenburg Institute (Branch) of the Moscow State Law Academy*. Iss. 16. P. 6–18. (In Russ.). EDN: PXUHBD.

Zholobova G.A. (2012b) Legal regulation the mechanism of civil firearms trade in the Russian Empire at the turn of the XIX–XX centuries. *Akademicheskii yuridicheskii zhurnal = Academic Law Journal*. No. 4 (50). P. 48–59. (In Russ.). EDN: PIVIVV.

Zholobova G.A. (2013a) Mechanism of legal regulation of foreign trade in firearms in the Russian Empire at the turn of the XIX–XX centuries. *Pravo i politika = Law and Politics*. No. 5. P. 691–699. (In Russ.). EDN: QALTXF.

Жолобова Г.А. Правовые ограничения торговли охотничьим оружием в Российской империи в начале XX в. // Российский юридический журнал. 2013b. № 1 (88). С. 185–192. EDN: PWIZDL.

Задоян А.А. Незаконный оборот оружия в дореволюционном уголовном праве России // История государства и права. 2011. № 16. С. 17–24. EDN: OFTBKZ.

Киселев А.В. Исторический анализ особенностей нормативно-правового регулирования оборота огнестрельного оружия в России // Социология и право. 2015. № 2 (28). С. 88–94. EDN: UBGUSJ.

Морозков В.А. Регулирование гражданского оборота огнестрельного оружия в России в историко-правовой ретроспективе // Общество: политика, экономика, право. 2022. № 5 (106). С. 77–85. <https://doi.org/10.24158/pep.2022.5.11>. EDN: CNRNRI.

Муркштис М.И. Правовой режим охотничьего огнестрельного оружия в Российской империи // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2017. № 5. С. 69–72. <https://doi.org/10.23672/SAE.2017.5.6062>. EDN: YTFRCR.

Муркштис М.И., Невский С.А. Генезис российского законодательства об обороте оружия (часть 1) // Образование и право. 2019. № 1. С. 112–126. EDN: ZEJVQD.

Невский С.А. Правовое регулирование оборота оружия в Российской Империи (научно-исторический обзор). Краснодар : Краснодарский юридический институт МВД России, 2001. 34 с.

Невский С.А. Из истории борьбы с незаконным оборотом оружия, боеприпасов и взрывчатых веществ в России // Общество и право. 2007. № 2 (16). С. 53–62. EDN: QALSGD.

Невский С.А. Особенности административно-правового регулирования оборота огнестрельного оружия в Российской Империи в начале XX в. // Административное право и процесс. 2015. № 4. С. 42–48. EDN: TPFZSH.

Сошина Л.А. История развития уголовно-правовых норм, регламентирующих ответственность за незаконный оборот оружия в дореволюционный период в России // Сибирский юридический вестник. 2008. № 2. С. 103–107. EDN: JXDABN.

Толчинская Т.И., Крюкова Л.В. Исторический опыт деятельности полиции по противодействию незаконному обороту огнестрельного оружия в дореволюционной России // Социально-политические науки. 2015. № 4. С. 55–59. EDN: VDWCT.

Тростянский А.Г. Законодательное регулирование оборота оружия в России: история и современность // Наука. Общество. Государство. 2015. Т. 3. № 3 (11). С. 11–21. EDN: YKVZKX.

Устинов А.Н., Якимова Е.М. Государственное регулирование оборота оружия в Российской империи // Административное право и процесс. 2019. № 4. С. 32–35. EDN: ZCYQRN.

Zholobova G.A. (2013b) Legal restrictions on hunting weapon trade in the Russian Empire at the beginning of the XX century. *Rossiiskii yuridicheskii zhurnal = Russian Law Journal*. No. 1 (88). P. 185–192. (In Russ.). EDN: PWIZDL.

Zadoyan A.A. (2011) Illegal turnover of weapons in the pre-revolutionary criminal law of Russia. *Istoriya gosudarstva i prava = History of State and Law*. No. 16. P. 17–24. (In Russ.). EDN: OFTBKZ.

Kiselev A.V. (2015) Historical analysis of the peculiarities of legal regulation of firearms in Russia. *Sotsiologiya i pravo = Sociology and Law*. No. 2 (28). P. 88–94. (In Russ.). EDN: UBGUSJ.

Morozkov V.A. (2022) Regulation of firearms civil circulation in Russia in historical and legal retrospective. *Obshchestvo: politika, ekonomika, pravo = Society: Politics, Economics, Law*. No. 5 (106). P. 77–85. (In Russ.). <https://doi.org/10.24158/pep.2022.5.11>. EDN: CNRNRI.

Murkshtis M.I. (2017) The legal regime of hunting firearms in the Russian Empire. *Gumanitarnye, sotsial'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki = Humanities, Socio-Economic and Social Sciences*. No. 5. P. 69–72. (In Russ.). <https://doi.org/10.23672/SAE.2017.5.6062>. EDN: YTFRCR.

Murkshtis M.I., Nevskii S.A. (2019) The genesis of the Russian legislation arms trafficking (part 1). *Obrazovanie i pravo = Education and Law*. No. 1. P. 112–126. (In Russ.). EDN: ZEJVQD.

Nevskii S.A. (2001) Legal regulation of arms turnover in the Russian Empire (scientific historical review). *Krasnodar: Krasnodarskii yuridicheskii institut MVD Rossii*. 34 p. (In Russ.).

Nevskii S.A. (2007) From the history of the fight against illicit trafficking in weapons, ammunition and explosives in Russia. *Obshchestvo i pravo = Society and Law*. No. 2 (16). P. 53–62. (In Russ.). EDN: QALSGD.

Nevskii S.A. (2015) Features of administrative and legal regulation of firearms circulation in the Russian Empire in the early XX century. *Administrativnoe pravo i protsess = Administrative Law and Process*. No. 4. P. 42–48. (In Russ.). EDN: TPFZSH.

Soshina L.A. (2008) The history of the development of criminal law norms regulating responsibility for illegal arms turnover in pre-revolutionary period in Russia. *Sibirskii yuridicheskii vestnik = Siberian Law Bulletin*. No. 2. P. 103–107. (In Russ.). EDN: JXDABN.

Tolchinskaya T.I., Kryukova L.V. (2015) Historical experience of activities of police for counteraction to illicit trafficking in firearms in prerevolutionary Russia. *Sotsial'no-politicheskie nauki = Social and Political Sciences*. No. 4. P. 55–59. (In Russ.). EDN: VDWCT.

Trotyanskii A.G. (2015). Legislative regulation of the trafficking of weapons in Russia: history and modernity. *Nauka. Obshchestvo. Gosudarstvo = Science. Society. State*. Vol. 3. No. 3 (11). P. 11–21. (In Russ.). EDN: YKVZKX.

Ustinov A.N., Yakimova E.M. (2019) State regulation of firearms circulation in the Russian Empire. *Administrativnoe pravo i protsess = Administrative Law and Process*. No. 4. P. 32–35. (In Russ.). EDN: ZCYQRN.

Шалагин А.Е., Гребенкин М.Ю. Незаконный оборот оружия и его предупреждение // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2017. № 2 (28). С. 55–60. EDN: YRSZLT.

Shalagin A.E., Grebenkin M.Yu. (2017) Illicit arms trafficking and its warning. *Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii = Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. No. 2 (28). P. 55–60. (In Russ.). EDN: YRSZLT.

Информация об авторе

Устюгова Ольга Александровна,
кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
Отдела истории Дальнего Востока России,
Институт истории, археологии и этнографии народов
Дальнего Востока ДВО РАН,
690001, г. Владивосток, ул. Пушкинская, 89, Россия,
e-mail: ustyugova75@mail.ru

Information about the author

Olga A. Ustyugova,
Cand. Sci. (History), Senior Researcher of the Department of
History of the Russian Far East,
Institute of History, Archaeology and Ethnography of the
Peoples of the Far East FEB RAS,
89, Pushkinskaya St., Vladivostok 690001, Russia,
e-mail: ustyugova75@mail.ru

Вклад автора

Устюгова О.А. выполнила исследовательскую работу,
на основании полученных результатов провела обобщение
и подготовила рукопись к печати.

Contribution of the author

Ustyugova O.A. carried out a research work, based on
the obtained results made the generalization and prepared
the manuscript for publication.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The author declares no conflict of interests.

**Автор прочитал и одобрил окончательный вариант
рукописи.**

**The author has read and approved the final manu-
script.**

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 25 марта 2023 г.;
одобрена после рецензирования 28 апреля 2023 г.;
принята к публикации 15 мая 2023 г.

Article info

The article was submitted March 25, 2023; approved
after reviewing April 28, 2023; accepted for publication
May 15, 2023.

Научная статья
УДК 94 (470+571)
EDN: NDBDNQ
DOI: 10.21285/2415-8739-2023-3-120-129

Гражданская война на Юге России в воспоминаниях последнего протопресвитера русской армии и флота о. Георгия Шавельского

А.С. Пученков

Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия

Аннотация. Статья посвящена анализу идейно-концептуального и фактологического содержания воспоминаний отца Георгия Шавельского, последовательно являвшегося последним протопресвитером военного и морского духовенства Российской империи, а с конца ноября 1918 г. протопресвитером военного и морского духовенства Добровольческой армии, о событиях Гражданской войны на Юге России. Автор был чрезвычайно умным человеком, имел безупречный моральный облик, а личное обаяние и особая набожность придавали его отношениям с людьми особую доверительность, сделавшую мемуары максимально информативными. Отец Георгий стремился быть беспристрастным, не скрывая и разнообразных «язв» белого добровольчества. Развернуто освещено отношение к высшему командованию различных кругов, подчеркнуто негативная роль «толков и пересудов». «Все, кому было что и кому было нечего делать, обсуждали и критиковали стратегию и политику». Отдельная глава воспоминаний о. Георгия посвящена «Недугам Добровольческой армии»: претензиям первоходников на преимущества, нетерпимость к вынужденно служившим у большевиков, распространенным грабёжам и пьянстве и т. д. Перед переходом к оценке освещения в воспоминаниях о. Георгия церковных проблем охарактеризована степень историографической освещённости религиозного влияния на политические процессы периода Гражданской войны. Далее показано, как Главнокомандующий Вооружёнными силами Юга России генерал А.И. Деникин, сам неоднократно подчёркивавший свою глубокую религиозность, выстраивал новую систему государственно-церковных отношений. Раскрыты мотивы и обстоятельства организации высшей церковной власти. В главе «Закат Добровольческой армии» описан финал деникинской эпопеи, в том числе судьба генерала И.П. Романовского.

Ключевые слова: Георгий Шавельский, протопресвитер, воспоминания, исторические оценки, критика, белое движение, исторический источник, Гражданская война, Антон Деникин, духовенство, Русская православная церковь, Временное Высшее церковное управление

Благодарности: материал подготовлен при поддержке Российского научного фонда, проект №21-18-00266, «Религиозный фактор в России в годы Гражданской войны, феномен, значение и региональная специфика».

Для цитирования: Пученков А.С. Гражданская война на Юге России в воспоминаниях последнего протопресвитера русской армии и флота о. Георгия Шавельского // Известия Лаборатории древних технологий. 2023. Т. 19. № 3. С. 120–129. <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2023-3-120-129>. EDN: NDBDNQ.

History

Original article

The Civil War in the South of Russia in the memoirs of the last protopresbyter of the Russian Army and Navy, Fr. George Shavel'sky

Alexander S. Puchenkov

St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

Abstract. The article is devoted to the analysis of the ideological, conceptual and factual content of the memoirs of Father George Shavel'sky, who was consistently the last protopresbyter of the military and naval clergy of the Russian Empire, and since the end of November 1918 protopresbyter of the military and naval clergy of the Volunteer Army, about the events of the Civil War

in the South of Russia. The author was an extremely intelligent man, had an impeccable moral character, and personal charm and special piety gave his relationships with people a special confidence, which made the memoirs as informative as possible. Father George strives to be impartial, not hiding the various “ulcers” of White volunteerism. The attitude of various circles to the high command is highlighted in detail, the negative role of “rumors and gossip” is emphasized. “Everyone who had something to do and who had nothing to do discussed and criticized strategy and policy.” A separate chapter of Fr. George's memoirs is devoted to the “Ailments of the Volunteer Army”: the claims of the first-time income earners for advantages, intolerance to those forced to serve with the Bolsheviks, widespread robberies and drunkenness, etc. Before proceeding to the assessment in the memoirs of Fr. George the lighting of the problems of Church the degree of historiographical illumination of religious influence on the political processes of the Civil War period is characterized. It is show further how the Commander-in-Chief of the Armed Forces of the South of Russia, General A.I. Denikin, who himself repeatedly emphasized his deep religiosity, built a new system of state-church relations. The motives and circumstances of the organization of the supreme church authority are revealed. The chapter “The Decline of the Volunteer Army” describes the finale of Denikin's epic, including the fate of General I.P. Romanovsky.

Keywords: Georgy Shavelsky, protopresbyter, memoirs, historical assessments, criticism, White movement, historical source, Civil War, Anton Denikin, clergy, Russian Orthodox Church, Provisional Supreme Church Administration

Acknowledgements: the material was prepared with the support of the Russian Science Foundation, project No. 21-18-00266, “The religious factor in Russia during the Civil War, phenomenon, significance and regional specifics.”

For citation: Puchenkov A.S. (2023) The Civil War in the South of Russia in the memoirs of the last protopresbyter of the Russian Army and Navy, Fr. George Shavelsky. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 19. No. 3. P. 120-129. (In Russ.). <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2023-3-120-129>. EDN: NDBDNQ.

Последний протопресвитер военного и морского духовенства в период императорской России отец Георгий Шавельский не нуждается в представлениях: читающая публика хорошо знакома с его воспоминаниями (Шавельский, 1954; Шавельский, 2016). Цепкая память, исключительная наблюдательность, ум и природная доброжелательность отца Георгия превращают его записки в уникальный документ по истории России начала XX века. Особый интерес вызывают те страницы его воспоминаний, которые посвящены описанию событий Гражданской войны на Юге России. На наш взгляд, антирелигиозная политика большевиков и их стремление к уничтожению Церкви как института, буквально толкало православное духовенство в объятия Белого движения как той силы междоусобного конфликта (Смирнов, 2022а), которая видела в Российской православной Церкви своего естественного союзника, отец Георгий в этом плане не был исключением, глубоко и искренне разделяя идеалы Корнилова, Деникина, Алексея и тех, кто служил и воевал под их знаменами. Симпатизируя Деникину и его делу, отец Георгий стремится быть беспристрастным, повествуя и о неприглядных страницах белого добровольчества. «Отец Георгий предельно откровенен: он не стремится оправдать или обличить, выступая в роли “фиксатора событий”, – замечает тонкий знаток церковной истории С.Л. Фирсов, посчитавший необходимым отметить, что «Протопресвитер

был не только крупным церковным деятелем предреволюционной эпохи, он был еще и внимательным наблюдателем революционного безвременья, пытавшимся разобраться в том, что произошло в России после отречения императора Николая II» (Фирсов, 2018. С. 145–147). С.Л. Фирсов обратил внимание и на еще один важный момент, связанный со значением воспоминаний о. Георгия: «благодаря его воспоминаниям мы можем говорить о том, как вдумчивые клирики оценивали “Белое дело”, точнее сказать, как они воспринимали происходившую борьбу “белых” с “красными”» (Фирсов, 2018. С. 146). И действительно: события российской междоусобицы в изображении о. Георгия – это, вне всякого сомнения, взгляд со стороны «белых», симпатии к которым представитель духовенства и не думал скрывать. Исключительное личное обаяние, а также особая набожность, бывшие неотъемлемыми чертами образа о. Георгия, придавали его отношениям с людьми особую доверительность: вероятно, именно поэтому протопресвитер находился в теплых отношениях с императором Николаем II, великим князем Николаем Николаевичем, а также такими глубоко и искренне верующими людьми, как белые вожди – А.И. Деникин, начальник его штаба генерал И.П. Романовский, основоположник Белого движения генерал М.В. Алексеев (Калиновский, 2021). Помимо поистине безупречного с моральной точки зрения облика о. Георгий был еще и чрезвычайно

умным человеком: не случайно лица, наделенные огромной властью, не стеснялись спрашивать у него совета – всегда в высшей степени мудрого и компетентного. В нашей статье мы позволим себе объемное цитирование мемуариста, чтобы представить максимально близкую к первоисточнику и предельно рельефную картину.

Чудом избежав гибели от рук большевиков, о. Георгий сумел покинуть территорию РСФСР; транзитом через гетманскую Украину и Крым, 26 ноября 1918 г. он прибыл в Екатеринодар, тогдашнюю столицу белого Юга (Если бы..., 2022. С. 102)¹. Для о. Георгия, судя по всему, воспоминания о Добровольческой армии и ее вождях были по-настоящему дороги; страницы записок священнослужителя запечатлели момент его встречи с генералами А.И. Деникиным, А.М. Драгомировым, И.П. Романовским и многими другими, «с которыми меня связывала служба в царской армии. Я не смог сдержать слез. Как ни странен был мой вид – я был коротко острижен, в потрепанной рясе, – но меня узнали» (Шавельский, 2016. С. 502). Уже на следующий день приказом генерала А.И. Деникина он был назначен протопресвитером военного и морского духовенства Добровольческой армии. Представившись Деникину на квартире, о. Георгий получил напутствие белого вождя: «Вам я отдаю все духовное дело, оставляя себе земное, и в ваше дело не намерен вмешиваться» (Шавельский, 2016. С. 503). С этого момента берет свое начало практика регулярных встреч и теплого человеческого общения о. Георгия и генерала Деникина: эти, столь непохожие люди, глубоко уважали друг друга, испытывая потребность обмениваться суждениями о тех проблемах, которые их по-настоящему волновали.

Обязанности протопресвитера, во всяком случае на первых порах, не представляли для о. Георгия особого труда. «Прямого дела по моей должности было очень мало. Число священников в армии не превышало пятидесяти. Ездить по фронту не представлялось никакой возможности, так как части были очень разбросаны и раздроблены, но косвенного дела оказалось уйма. С од-

ной стороны, я в Добровольческой армии стал единственной инстанцией, которую знали, с которой считались и к которой обращались со всеми недоразумениями, сомнениями, неурядицами, касавшимися церковного дела», – вспоминал мемуарист, отмечая также, что его прежняя деятельность была «известна и общественным кругам, которые теперь тоже старались втянуть меня в свое дело» (Шавельский, 2016. С. 503).

Ознакомившись с обстановкой, о. Георгий пришел к выводу, что в Добровольческой армии «политиканство работало вовсю. Все, кому было что и кому было нечего делать, обсуждали и критиковали стратегию и политику, причем каждый хотел, чтоб Деникин, Драгомиров и другие, стоящие у власти, мыслили и поступали так, как ему казалось лучшим. Драгомиров был заброшен проектами, как надо устраивать Россию. В Екатеринодаре шаталось без дела множество генералов, старших Деникину по службе, и большинство его бывших сотрудников. Каждый из них считал, что он заслуженнее и потому не хуже, умнее Деникина. Это еще более усиливало и без того сложный и бурный аппарат этой говорильни, приносившей много зла и едва ли дававшей какие-либо добрые плоды» (Шавельский, 2016. С. 504).

Деникин был не просто диктатором на управляемых им территориях, он был центральной фигурой всего Белого дела. Его аскетическая скромность, жертвенная преданность России и исключительная честность не могли не вызывать у участников Белого движения глубокие симпатии и уважение. Вместе с тем объектом преклонения, подобно, скажем, Корнилову или Врангелю, Антон Иванович так и не стал – да и нуждался ли в этом глубоко чуждый любой рисовке генерал Деникин, подлинный герой Истории? Как отмечал о. Георгий, «ни в светских, ни в военных кругах генерал Деникин особой любовью не пользовался. Кроме его замкнутости этому в сильной степени способствовало следующее обстоятельство. И офицерство, и все чины Добровольческой армии, и сам генерал Деникин влачили нищенское существование. Жизнь вздорожала, ценность денег упала, и требовались для приличного существования большие оклады. Кубанский атаман в конце 1918 г. получал 5 тысяч рублей в месяц при всем готовом, а генерал Деникин в это самое время

¹ Пученков А.С. «Если бы Вас сразу поддержали!»: письмо о. Георгия Шавельского генералу А.И. Деникину. 1923 г. // Исторический архив. 2022. № 3. С. 98–114. EDN: YBVXXD.

имел тысячу с небольшим в месяц без всего готового. Его помощники – еще меньше. Чиновники и офицеры получали крохи. Нужда всюду остро заявляла о себе... Все обвиняли генерала Деникина в скупости. Между тем скупость Деникина вызывалась его поразительной честностью и опасением, как бы потом не обвинили его в расточительности. Но толпа видела крохотные оклады, особенно заметные при сравнении их с донскими и кубанскими окладами, испытывала нужду и не замечала чудной души, прекрасных порывов, кристаллической честности Деникина. Кроме того, к нему, солдату ранее стоявшему далеко от государственных дел и теперь сразу столкнувшемуся со всеми областями и отраслями государственной жизни, предъявляли самые строгие требования, чтобы он был в курсе всего и всегда принимал безошибочные решения. Вот вследствие этого все, кому не лень, критиковали Деникина. Одни вздыхали по Корнилову, другие тосковали по Алексееву, третьи, как генерал Глеб Михайлович Ванновский, всех ругали, очевидно, не договаривая, что они устроили бы все, если б дали им всю власть; четвертые указывали на Колчака: его бы, мол, сюда!... Несомненно, все эти толки и пересуды доходили до Деникина и, конечно, не могли радовать его: страдал он от своего тыла не меньше, чем от неприятеля. Тыл всегда один и тот же: малодушный, трусливый, корыстный и завистливый, жалкий фразер и сплетник. Все это, однако, не мешало Деникину оставаться полным распорядителем судеб территории, занятой его войсками. Диктаторская власть находилась в его руках. Особое совещание фактически было только совещательным органом при нем. Окончательные решения принимались им» (Шавельский, 2016. С. 504–505).

Отдельная глава воспоминаний о Георгии посвящена «Недугам Добровольческой армии». Мемуарист обращает внимание на претензии участников Первого Кубанского «Ледяного» похода – первопоходников – на особое положение в армии, их «заносчивое отношение... ко всем не участвовавшим в этом походе, непомерные претензии их на исключительные права и преимущества и, наконец, крайняя нетерпимость ко всем, кто так или иначе приобщился к службе у большевиков» (Шавельский, 2016. С. 521). Последний

вопрос был необычайно острый и щекотливый: «Добровольцы, – констатирует о. Георгий, – и не хотели понять тех сложных условий, которые заставляли офицеров царской армии служить у большевиков». В значительной степени этот нетерпимый подход разделялся и генералом Деникиным, который, по признанию мемуариста, «был сторонником жестокого отношения только по своей честности, слишком прямолинейной, не знающей уступок. За все время революции он ни разу не изменил своему солдатскому долгу честно служить Родине, много раз мог поплатиться за это своею жизнью, все время оставался верен своим союзникам и своим сильным, но слишком прямолинейным умом не мог понять и в своем сознании примирить офицерского звания со службой у большевиков». «Возможно, – признается о. Георгий, – суровое беспощадное отношение к служившим у большевиков ускорило нашу катастрофу. Оно ожесточило тех, кто готов был стать нашими союзниками; более того, заставило их искать спасения не у нас, а у наших противников. Мы не только лишились их помощи, но и приобрели в их лице серьезных врагов» (Шавельский, 2016. С. 522–523).

В своих воспоминаниях о. Георгий также трагивает и проблему грабежей, производимых чинами Добровольческой армии, включая таких популярных генералов, как А.Г. Шкуро и К.К. Мамонтов (Мамантов). «Некоторые из вождей, такие как кубанский герой генерал Шкуро и донской – генерал Мамонтов, сами показывали пример», – сокрушается мемуарист. «Вслед за вождями грабили офицеры, казаки, солдаты», – пишет о. Георгий, прибавляя, что «общее развращение дошло до бесстыдства. У большинства как будто мозги и совесть перевернулись» (Шавельский, 2016. С. 524–525). «Грабежи, спекуляция, нахальство и бесстыдство разложили дух армии. Грабящая армия не армия, а банда. Она не могла не прийти к развалу и поражению», – правомерно заключает священнослужитель (Шавельский, 2016. С. 526). Однажды о. Георгий отважился сказать начальнику штаба Деникина генералу И.П. Романовскому о преступлениях, творимых добровольцами. Ответ Романовского обескуражил о. Георгия: «Знаем мы и о грабежах, и о пьянстве. Но что мы можем сделать? Запретить и то и

другое – воевать не станут» (Шавельский, 2016. С. 557).

«Если бы не все – этого никогда не бывает, – а хотя бы большинство в Добровольческой армии прониклось мыслью, что в ту пору нужно было жертвовать не только своею жизнью на поле брани, но и своими правами, преимуществами, достоянием своим и мечтать не о реставрации старого, а о строительстве нового, отвечающего интересам не отдельных классов, а целого народа, тогда, думается, добровольческий подвиг привел бы нас к лучшим результатам», – полагал о. Георгий (Шавельский, 2016. С. 527–528).

Теперь перейдем к собственно церковным проблемам. Современный омский историк А.В. Сушко подчеркивает три аспекта влияния религиозного фактора на эскалацию Гражданской войны в России: а) идеологический конфликт сил революции с религиозными конфессиями; б) конфликты между представителями духовенства, вызванные идейными разногласиями по религиозным и политическим вопросам; в) падение авторитета Русской Православной Церкви как социального института культуры у значительной части православного населения и среди неправославных (Сушко, 2022. С. 34). Нам представляется, что именно падение авторитета Русской Православной церкви в годы Первой Мировой войны, Великой Русской Революции 1917 г. и Гражданской войны определили доминанту побед и поражений красного и белого движений. События лета 1914 – зимы 1916 г., непосредственное участие священнослужителей в боевых действиях, реальность, с которой они здесь соприкоснулись, породили в сознании части из них сомнения в религиозных догматах, желание внести в церковную жизнь определенные конструктивные изменения. Исследователи прямо указывают, что «ситуацию, сложившуюся в Церкви в 1915 г., можно назвать церковным кризисом» (Рогозный, 2008. С. 13).

«Поворотным событием как в истории нашей страны, так и в истории русской православной церкви стал 1917 г. Период социальной катастрофы, который последовал за этим поворотом, можно охарактеризовать не иначе как рождение нового мира, как говорили в былые советские времена, и одновременно новой церкви. Это рождение происходило не постепенно, а почти

молниеносно вместе со стихийными процессами, связанными с падением Российской империи, безвластием, поражением в мировой войне, ускорением динамики маргинализации, экономическим спадом и, наконец, двумя революциями и самой кровопролитной в мировой истории гражданской войной», – пишет известный историк Церкви М.Г. Нечаев (Нечаев, 2004. С. 311).

«Традиционно изучалось разделение общества на красных и белых, военная составляющая междоусобного конфликта, но крайне редко исследователи обращали внимание на разделение по религиозному критерию. Вопрос нуждается в глубоком изучении», – констатировал известный петербургский историк Н.Н. Смирнов (Смирнов, 2022b. С. 60). Современными исследователями опубликовано значительное число научных трудов, посвященных отдельным аспектам влияния религии на политические процессы в годы Гражданской войны, как в масштабах страны в целом, так и в ее отдельных регионах (Василевский, 2000. С. 72–82; Молчанов, 2008; Цыремпилова, 2008. С. 42–64; Рогозный, 2008; Фирсов, 2018; Бирюкова, 2019a; Бирюкова, 2019b; Пученков, Калиновский, 2020; Смирнов, 2022a; Бирюкова, 2023).

В мемуарах о. Георгия особое место закономерно занимают вопросы устройства церковной жизни на территории, контролируемой армиями Деникина. Наиболее подробный рассказ об этом содержится в письме священнослужителя Антону Ивановичу, опубликованному автором этих строк (Если бы..., 2022)², однако и в воспоминаниях о. Георгия этому аспекту его деятельности на Юге посвящена целая глава. Будучи, по его словам, «юрисконсульт по всем духовным делам», о. Георгий был немало удивлен тем, что «огромная территория, почти весь юго-восток России с несколькими епархиями, оказалась без высшей церковной власти, которая одна могла бы и направлять, и исправлять церковную жизнь. Необходимость ее была очевидна» (Шавельский, 2016. С. 506). Отец Георгий воспринимал сложившееся положение вещей как «ненормальность», положить конец которой он считал своим долгом, обратившись к Деникину с запиской «о необходимости организовать высшую церковную

² Там же.

власть» (Шавельский, 2016. С. 506). В результате, по завершению работ Юго-Восточного русского церковного собора в Ставрополе в 1919 г., Временное высшее церковное управление приступило к своей деятельности. Из воспоминаний о. Георгия следует, что он принимал непосредственное участие в работе ВВЦУ Юго-Восточной России. Название это полностью повторяло принятое в Сибири, но с указанием краевой принадлежности, при этом практическая деятельность ВВЦУ была достаточно разносторонней, затрагивая, в первую очередь, общецерковные нужды (Цветков, 2016. С. 50, 65). Уместно напомнить, что научное издание материалов Юго-Восточного Русского Церковного Собора 1919 года было осуществлено в 2018 г.³

Главное командование ВСЮР оказало всестороннюю поддержку созыву этого собора. «Церковная жизнь настоятельно требовала устроения», – отмечал А.И. Деникин (Деникин, 2002. С. 430). Главнокомандующий относился к вопросам, связанным с Церковью, вовсе не формально: христианство и православие еще со времен обучения в гимназии были основой его мирозерцания. Говоря о своем отношении к православной вере, Деникин подчеркивал свою глубокую религиозность и отмечал: «С этим жил, с этим и кончаю лета живота своего» (Деникин, 1991. С. 32).

Главнокомандующий Вооруженными силами Юга России генерал А.И. Деникин ответственно выстраивал новую систему государственно-церковных отношений. В декларации об отношениях Церкви и государства он отмечал: «В согласии с новыми началами, на которых создается государственная жизнь России, и в соответствии с постановлениями Всероссийского Поместного Собора Православная Церковь свободна и независима в делах своего внутреннего распорядка и самоуправления» (Деникин, 2014. С. 120). Таким образом, он учитывал мнение самой Церкви, принимая Соборное определение «О правовом положении Церкви в государстве» от 2 декабря 1917 г.

В своем письме Деникину, подготовленному, по всей видимости, в 1923 г., о. Георгий признавался, что имеет все основания гордиться той работой, которую проделало его детище: «Временное Высшее церковное управление на Юге России работало при весьма неблагоприятных условиях. Оно должно было собираться периодически; оно, вследствие военных действий и расстройств железнодорожного и почтового дела, не могло беспрепятственно сноситься с учреждениями и лицами всегда изменявшейся в границах территории; оно затруднено было в средствах; оно не имело еще достаточно налаженного аппарата для приведения в исполнение своих предначертаний, своей воли. Наконец, оно скоро (открылось 5 июля 1919 г.), в начале 1920 г. должно было приостановить свою работу. Но, несмотря на всю эту его деятельность, кто потом ее изучит, заслужит большого внимания. Ибо в своих распоряжениях, коснувшихся весьма многих сторон церковной жизни, Временное Высшее церковное управление сделало достаточно смелый и решительный шаг вперед в обновлении нашей церковной жизни, столь нуждающейся во многих серьезных и коренных реформах» (Если бы..., 2022. С. 107)⁴.

Немало страниц в записках священнослужителя посвящены финалу деникинской эпопеи; отдельная глава книги называется «Закат Добровольческой армии». Известно, что начальника штаба Деникина, его alter-ego, генерала И.П. Романовского, не любили в белой армии, называя его «злым гением Деникина» (Шавельский, 2016. С. 549), и нередко указывая на его близость к Главному как едва ли первопричину поражения Вооруженных Сил на Юге России (Пученков, 2021. С. 562–566, 631–639). Романовский действительно был главным информатором Деникина обо всем, происходившем в Добровольческой армии, Антон Иванович лишь ему поверял свою душу и сокровенные мысли. Подобная-то близость к Главнокомандующему вызывала не только неприятие у тех, кто не любил Романовского, но и служила предметом огромной зависти по отношению к последнему. Недруги Романовского были вынуждены его

³ См.: Юго-Восточный Русский Церковный Собор 1919 года / Сб. документов под ред. Ю.А. Бирюковой. М.: Изд-во Новоспасского монастыря, 2018. 372 с.

⁴ Пученков А.С. «Если бы Вас сразу поддержали!»: письмо о. Георгия Шавельского генералу А.И. Деникину. 1923 г. // Исторический архив. 2022. № 3. С. 98–114. EDN: YBVXXD.

терпеть в дни побед, в пору же неудач армия нашла персональное воплощение образа врага в фигуре всемогущего начальника штаба.

Отец Георгий в течение многих лет хорошо знал И.П. Романовского. «Всегда между нами были отличные сердечные отношения. Я всегда считал его честным, умным, усердным, самоотверженным офицером, сердечным человеком. Я никогда не допускал мысли, чтобы Романовский мог пойти на какую-либо гадкую, недостойную офицера сделку со своей совестью... Но Добровольческая армия ненавидела Романовского. На Романовского валили все, в чем была повинна и неповинна власть. Романовского, можно сказать, обвинили во всем, в чем только можно обвинить человека: даже и в измене, и в хищениях, и во франк-масонстве», – писал мемуарист, по признанию которого, Романовский «тяжко страдал», выслушивая о. Георгия, пересказывавшего ему набор этих беспочвенных обвинений (Шавельский, 2016. С. 550–551).

По словам священнослужителя, в дни, предшествующие эвакуации остатков армий ВСЮР из Новороссийска, ему удалось добиться аудиенции у Деникина. Отец Георгий пересказал Главнокомандующему те обвинения, которые высказываются в адрес генерала И.П. Романовского, и попросил Деникина освободить Ивана Павловича от должности. «Вы думаете, что это так просто сделать? – с дрожью в голосе сказал Деникин. – Сменить... Легко сказать! Мы с ним как два вола, впряглись в один воз... Вы хотите, чтоб я теперь один тащил его... Нет! Не могу! Иван Павлович единственный у меня человек, которому я безгранично верю, от которого у меня нет секретов. Не могу отпустить его...» (Шавельский, 2016. С. 553). «Вы не хотите отпустить его. Чего же вы хотите дожидаться? Чтоб Ивана Павловича убили в вашем поезде, а вам затем ультимативно продиктовали требования? Какое будет тогда ваше положение? Наконец, пожалейте семью Ивана Павловича!» – решительно сказал я. Деникин после этого нервно вытянулся, закинув руки за голову, закрыв глаза и почти просто-на-просто: «Ох, тяжело! Силы духовные оставляют меня...», – так описывает о. Георгий диалог с Главкомом (Шавельский, 2016. С. 553).

Деникин примет отставку Романовского и назначит нового начальника штаба лишь за счи-

танные дни до собственного ухода с поста Главкома. В Константинополе, в первый же день по прибытию на Чужбину, Иван Павлович был убит офицером М.А. Харузиным (Чемакин, 2020). Отец Георгий простился с генералом Романовским за несколько часов до его отъезда из России, священнослужитель благословил Ивана Павловича на дорогу просфорой и проводил его. «Не думал я, что прощаемся навсегда», – с грустью вспоминал мемуарист, отмечая, что в тот вечер, «неожиданно для всех, ни с кем не простившись, уехал на миноносце генерал Деникин. С ним уехал и генерал Романовский. Деникинская эпопея кончилась...» (Шавельский, 2016. С. 554). При новом Главнокомандующем, генерале П.Н. Врангеле, о. Георгий перестал быть протопресвитером армии и флота.

Общий взгляд на Белое дело, высказываемый о. Георгием на страницах его воспоминаний, безусловно положительный. «Роль Добровольческой армии для многих и доселе остается неясной. Многие судят о ней по тому отрицательному, что, к сожалению, случалось и на фронте, и в тылу, по тому, о чем мечтали некоторые ее участники, офицеры-помещики, не имевшие ни разума, ни мудрости, чтобы примириться с потерей своих достояний; наконец, по тем насилиям и грабёжам, которые имели место в армии и в судьбе ее сыгравших роковую роль. И многие забывают, что вожди Добровольческой армии, генералы Алексеев, Корнилов, Деникин, Марков, Романовский, Дроздовский и другие, как и многочисленные ее участники, были воодушевлены самыми чистыми, светлыми, благородными порывами и все стремились только к одному, чтобы вывести свою Родину на путь свободной и счастливой жизни. Все они были демократами в истинном смысле этого слова: они до самозабвения любили свой народ, верили в огромные, еще не развернувшиеся и не использованные (ибо он продолжал еще находиться не по своей вине в невежестве) его силы и хотели вывести его на широкий путь творческой работы. С собой они самоотверженно жертвовали, но своего не искали. Одни из них погибли, другие со смиренным терпением переносят все невзгоды беженского существования, не переставая горячо любить свою Родину и мечтая как о самом великом, возможном для них счастье – остатком своих

сил поработать на родной земле. Возглавлявшаяся ими армия имела свои недостатки, свои недуги, многие тяжкие грехи, но она же изобиловала удивительными примерами истинно русской доблести, мужества, самоотвержения, беспримерного героизма», – писал о. Георгий (Шавельский, 2016. С. 554–555).

Список источников

Бирюкова Ю.А. Проблема формирования новой модели государственно-церковных отношений после Февральской революции в решениях Донского чрезвычайного съезда духовенства и мирян 1917 г. // Научная мысль Кавказа. 2019а. № 1 (97). С. 64–70. <https://doi.org/10.18522/2072-0181-2019-97-1-64-70>. EDN: ERWTEG.

Бирюкова Ю.А. Участие духовенства в политических партиях и надпартийных организациях на белом Юге в период Гражданской войны // Новейшая история России. 2019b. Т. 9. № 4. С. 880–899. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2019.403>. EDN: OJLIYX.

Бирюкова Ю.А. Кубанская епархия и Краевое правительство в годы Гражданской войны // Российская история. 2023. № 4. С. 165–173. <https://doi.org/10.31857/S2949124X23040120>. EDN: HOBKNA.

Василевский В.И. Забайкальская белая государственность в 1918–1920 годах. Краткие очерки истории. Чита : Поиск, 2000. 182 с.

Деникин А.И. Путь русского офицера. М. : Современник, 1991. 300 с.

Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т. IV. Вооруженные силы юга России. Распад Российской империи. Октябрь 1918 – январь 1919. Минск : Харвест, 2002. 560 с.

Деникин А.И. На страже русской государственности: Избранные статьи, речи, письма / сост. и предисл. А.С. Кручинин. М.: Русский путь, 2014. 472 с.

Калиновский В.В. К вопросу о религиозности «белых» вождей // Гражданская война на востоке России: взгляд сквозь документальное наследие : материалы IV Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 100-летию Западно-Сибирского восстания и 10-летию Центра изучения истории Гражданской войны (Россия, Омск, 20–21 окт. 2021 г.) / отв. ред. Д.И. Петин. Омск : Омский государственный технический университет, 2021. С. 107–113. EDN: OHRFML.

Молчанов Л.А. «Мы не дали верующим всего того, что должны были дать» (Временное высшее церковное управление на Юге России) // Белая гвардия: Русская Пра-

вряд ли можно что-то прибавить к этой характеристике Белого дела, данной о. Георгием. Думается, что его воспоминания следует воспринимать как пример взвешенной, осторожной, хотя и глубоко благожелательной оценки как самого южнорусского Белого движения, так и его вождей.

References

Biryukova Yu.A. (2019a) The problem of formation of a new model of church-state relations after the February Revolution in the decisions of the Don Extraordinary Congress of Clergy and Laity in 1917. *Nauchnaya mysl' Kavkaza = Scientific Thought of the Caucasus*. No. 1 (97). P. 64–70. (In Russ.). <https://doi.org/10.18522/2072-0181-2019-97-1-64-70>. EDN: ERWTEG.

Biryukova Yu.A. (2019b) The participation of the clergy in political parties and public political movements in the White South during the Civil War. *Noveishaya istoriya Rossii = Modern History of Russia*. Vol. 9. No. 4. P. 880–899. (In Russ.). <https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2019.403>. EDN: OJLIYX.

Biryukova Yu. A. (2023) Kuban Diocese and the Kuban Government Council during the Civil War. *Rossiiskaya istoriya = Russian History*. No. 4. P. 165–173. (In Russ.). <https://doi.org/10.31857/S2949124X23040120>. EDN: HOBKNA.

Vasilevskii V.I. (2000) Trans-Baikal White statehood in 1918–1920. Brief sketches of history. Chita: Search. 182 p. (In Russ.).

Denikin A.I. (1991) The path of the Russian officer. Moscow: Sovremennik. 300 p. (In Russ.).

Denikin A.I. (2002) Essays on Russian Troubles. Vol. IV. Armed forces of the South of Russia. Collapse of the Russian Empire. October 1918 - January 1919. Minsk: Harvest. 560 p. (In Russ.).

Denikin A.I. (2014) On guard of the Russian statehood: Selected articles, speeches, letters. Moscow: Russian Way. 472 p. (In Russ.).

Kalinovskii V.V. (2021) On the question of the religiosity of the "white" leaders. *Grazhdanskaya voyna na vostoке Rossiі: vzglyad skvoz' dokumental'noe nasledie: materialy IV Mezhdunar. nauch.-prakt. konf., posvyashch. 100-letiyu Zapadno-Sibirskogo vosstaniya i 10-letiyu Tsentra izucheniya istorii Grazhdanskoi voyny (Rossiya, Omsk, 20–21 okt. 2021 g.) = Civil War in the East of Russia: a look through the documentary heritage: Proceedings of the IV International Scientific - Practical Conference, dedicated to the 100th anniversary of the West Siberian Uprising and the 10th anniversary of the Center for the Study of the History of the Civil War (Russia, Omsk, October 20–21, 2021)*. Omsk: Omsk State Technical University. P. 107–113. (In Russ.). EDN: OHRFML.

Molchanov L.A. (2008) "We did not give the believers everything that we had to give" (Temporary Supreme Church Administration in the South of Russia). *Belaya gvardiya: Russ-*

вославная Церковь и Белое движение. М. : Посев, 2008. С. 33–54.

Нечаев М.Г. Церковь на Урале в период великих потрясений: 1917–1922. Пермь : Изд-во Пермского гос. пед. ун-та, 2004. 334 с.

Пученков А.С. Первый год Добровольческой армии: от возникновения «Алексеевской организации» до образования Вооруженных Сил на Юге России. СПб.: Изд-во «Владимир Даль», 2021. 813 с. EDN: WORRNQ.

Пученков А.С., Калиновский В.В. Духовный форпост России: Православное духовенство Крыма в 1914–1920 годах: монография. СПб. : Изд-во «Владимир Даль», 2020. 407 с. EDN: ZMLQKE.

Рогозний П.Г. Церковная революция 1917 года (Высшее духовенство Российской Церкви в борьбе за власть в епархиях после Февральской революции). СПб. : Лики России, 2008. 224 с.

Смирнов Н.Н. Православное духовенство в годы Гражданской войны // Российская история. 2022а. № 6. С. 246–249. <https://doi.org/10.31857/S0869568722060279>. EDN: MOVBJQ.

Смирнов Н.Н. «Нельзя отделять церковь от гражданской истории...» // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2022b. Т. 7. № 2. С. 57–64. <https://doi.org/10.25206/2542-0488-2022-7-2-57-64>. EDN: DPRJFA.

Сушко А.В. Религиозный фактор в годы Гражданской войны в России (на примере процессов в Омской и Павлодарской епархии) // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2022. Т. 7. № 2. С. 34–42. <https://doi.org/10.25206/2542-0488-2022-7-2-34-42>. EDN: LGXZXP.

Фирсов С.Л. «Время войне и время миру». Православная Российская церковь и Гражданская война в России. Очерки истории и историографии. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2018. 168 с. EDN: PMKFNO.

Цветков В.Ж. Белое дело в России. 1920–1922 гг. (формирование и эволюция политических структур Белого движения в России). М. : Достоинство, 2016. Ч. 2. 640 с. EDN: XBBBGH.

Чемакин А.А. «Анонимный центр»: тайные монархические организации и правый терроризм на белом Юге России (1918–1920). М. : Кучково поле Музеон, 2020. 640 с.

Цыремпилова И.С. Русская православная церковь и государство: история взаимоотношений в 1917–1930-е гг. (на материалах Байкальского региона). Улан-Удэ : Восточно-Сибирский государственный институт культуры, 2008. 300 с. EDN: WDJNIT.

Шавельский Г.И. Воспоминания последнего протопресвитера Русской армии и флота. В 2 т. Т. 1–2. Нью-Йорк : Издательство им. Чехова, 1954. 414; 412 с.

kaya Pravoslavnaya Tserkov' i Beloe dvizhenie = White Guard: The Russian Orthodox Church and the White Movement. Moscow: Posev. P. 33-54. (In Russ.).

Nechaev M.G. (2004) The Church in the Urals during the Great Upheavals: 1917-1922. Perm': Perm'State Pedagogical University. 334 p. (In Russ.).

Puchenkova A.S. (2021) The first year of the Volunteer Army: from the emergence of the "Aleksievskaya organization" to the formation of the Armed Forces in the South of Russia. St. Petersburg: Vladimir Dal Publishing House. 813 p. (In Russ.). EDN: WORRNQ.

Puchenkova A.S., Kalinovskii V.V. (2020) The spiritual outpost of Russia: the Orthodox clergy of the Crimea in 1914-1920: monograph. St. Petersburg : Publishing house "Vladimir Dal", 407 p. (In Russ.). EDN: ZMLQKE.

Rogozny P.G. (2008) The Church Revolution of 1917 (The highest clergy of the Russian Church in the struggle for power in the dioceses after the February Revolution). St. Petersburg: Liki Rossii. 224 p. (In Russ.).

Smirnov N.N. (2020a) Orthodox clergy during the Civil War. *Rossiiskaya istoriya = Russian History*. No. 6. P. 246-249. (In Russ.). <https://doi.org/10.31857/S0869568722060279>. EDN: MOVBJQ.

Smirnov N.N. (2022b) The church cannot be separated from civil history... *Omskii nauchnyi vestnik. Ser. Obshchestvo. Istoriya = Omsk Scientific Bulletin. Ser. Society. History. Modernity*. Vol. 7. No. 2. P. 57-64. (In Russ.). <https://doi.org/10.25206/2542-0488-2022-7-2-57-64>. EDN: DPRJFA.

Sushko A.V. (2022) The role of religion during the Civil War in Russia (on the example of processes in the Omsk and Pavlodar Diocese). *Omskii nauchnyi vestnik. Ser. Obshchestvo. Istoriya. Sovremennost' = Omsk Scientific Bulletin. The ser. Society. History. Modernity*. Vol. 7. No. 2. P. 34-42. (In Russ.). <https://doi.org/10.25206/2542-0488-2022-7-2-34-42>. EDN: LGXZXP.

Firsov S.L. (2018) "Time for war and time for peace". The Orthodox Russian Church and the Civil War in Russia. Essays on history and historiography. St. Petersburg: Publishing House of A.I. Herzen RSPU. 168 p. (In Russ.). EDN: PMKFNO.

Tsvetkov V.Zh. (2016) White business in Russia. 1920-1922 (formation and evolution of political structures of the White Movement in Russia). Moscow: Dostoinstvo. Pt. 2. 640 p. (In Russ.). EDN: XBBBGH.

Chemakin A.A. (2020) "Anonymous Center": secret monarchist organizations and right-wing terrorism in the White South of Russia (1918-1920). Moscow: Kuchkovo pole Muzeon. 640 p. (In Russ.).

Tsyrempilova I.S. (2008) The Russian Orthodox Church and the State: the History of Relations in the 1917-1930s. (based on the materials of the Baikal region). Ulan-Ude: East-Siberian State Institute of Culture. 300 p. (In Russ.). EDN: WDJNIT.

Shavel'skii G.I. (1954) Memoirs of the last protopresbyter of the Russian Army and Navy. In 2 vol. New York: Izdatel'stvo im. Chekhova. Vol. 1,2. 414; 412 p. (In Russ.).

Шавельский Г.И., протопресвитер. В школе и на службе. Воспоминания. М.; Брюссель, 2016. 824 с.

Shavelskii G.I., protopresbyter. (2016) At school and at work. Memories. Moscow; Brussels'. 824 p. (In Russ.).

Информация об авторе

Пученков Александр Сергеевич,
доктор исторических наук, профессор кафедры новейшей истории России Института истории,
Санкт-Петербургский государственный университет,
199034, г. Санкт-Петербург, Менделеевская линия, 5,
Россия,
e-mail: a.puchenkov@spbu.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-9016-3991>

Information about the author

Alexander S. Puchenkov,
Dr. Sci. (History), Professor of the Department of Contemporary History of Russia of the Institute of History, St. Petersburg State University,
5, Mendeleevskaya line, St. Petersburg 199034, Russia,
e-mail: a.puchenkov@spbu.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-9016-3991>

Вклад автора

Пученков А.С. выполнил исследовательскую работу, на основании полученных результатов провел обобщение и подготовил рукопись к печати.

Contribution of the author

Puchenkov A.S. carried out a research work, based on the obtained results made the generalization and prepared the manuscript for publication.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The author declares no conflict of interests.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The author has read and approved the final manuscript.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 29 марта 2023 г.; одобрена после рецензирования 3 мая 2023 г.; принята к публикации 15 мая 2023 г.

Article info

The article was submitted March 29, 2023; approved after reviewing May 3, 2023; accepted for publication May 15, 2023.

История

Научная статья
УДК 94(57)
EDN: RSQLEQ
DOI: 10.21285/2415-8739-2023-3-130-139

Роль борьбы с безграмотностью в решении задачи формирования национальных частей Красной армии советского Туркестана (1919–1922 гг.)

В.А. Бармин

Алтайский государственный педагогический университет, г. Барнаул, Россия

Аннотация. История басмаческого движения, участники которого вели борьбу против советской власти в Туркестане вплоть до начала 30-х гг., несмотря на богатую советскую и постсоветскую историографию до настоящего времени сохраняет большое количество малоисследованных сюжетов и белых пятен. Предпринятая большевиками после захвата власти грубая ломка сложившихся обычаев и традиций коренного населения, игнорирование особенностей духовной жизни народов региона, просчеты в реализации экономической политики вызвали массовые протесты мусульман, которые переросли в вооруженное сопротивление и привели к формированию первых отрядов басмачей. Попытки советских властей подавить это движение с помощью военной силы оказались безуспешными. Более того, они спровоцировали расширение и накал сопротивления. В результате советское руководство края пришло к выводу о необходимости использования иных методов борьбы с басмачеством. Наиболее действенным в их перечне был признан метод активного привлечения в Красную армию представителей самого мусульманского населения. Однако при формировании национальных частей и особенно подбора для них командного и политического состава столкнулись с проблемой почти всеобщей неграмотности мобилизованных мусульман. Таким образом, успех привлечения коренного населения Туркестана в Красную армию оказался в зависимости от решения проблемы борьбы с безграмотностью. В российской историографии этот вопрос исследован крайне неудовлетворительно, что не позволяет воссоздать целостную картину истории формирования национальных частей Красной армии Туркестана, а в более широком контексте – историю борьбы с басмаческим движением. Научная новизна предлагаемого исследования заключается в том, что автор на основе вновь выявленных в центральных архивах Российской Федерации источников и анализа ряда публикаций, выполненных по смежным проблемам, восполняет указанный пробел.

Ключевые слова: Туркестан, басмаческое движение, советская власть, партийные органы, Красная армия, Туркестанский фронт, борьба с безграмотностью, мусульмане, национальные части

Для цитирования: Бармин В.А. Роль борьбы с безграмотностью в решении задачи формирования национальных частей Красной армии советского Туркестана (1919–1922 гг.) // Известия Лаборатории древних технологий. 2023. Т. 19. № 3. С. 130–139. <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2023-3-130-139>. EDN: RSQLEQ.

History

Original article

The role of fight against illiteracy in solving the problem of organizing national units of the Red Army in Soviet Turkestan (1919-1922)

Valery A. Barmin

Altai State Pedagogical University, Barnaul, Russia

Abstract. The history of the Basmach movement, whose members fought against the Soviet regime in Turkestan until the early 1930s, still retains a great amount of little-studied plots and unexplored facts despite the great Soviet and post-Soviet historiography. The rough breaking of the established customs and traditions of the indigenous population undertaken by the Bolsheviks after the seizure of power, their ignoring the peculiarities of the spiritual life of these peoples, and miscalculations in the implementation of economic policy caused mass protests of Muslims, which grew into armed resistance and led to the formation of the first Basmach detachments. The Soviet authorities failed in their attempts by to suppress this movement with the help of military force.

© Бармин В.А., 2023

Moreover, they provoked the expansion and heating of resistance. Consequently, the Soviet leadership of the region came to the conclusion to necessarily use other methods of fighting the Basmach movement. The most effective in their list was the method of actively recruiting representatives of the Muslim population into the Red Army. However, the formation of national units, and especially the selection of command and political staff for them, faced the problem of the almost common illiteracy of the mobilized Muslims. Thus, the success of attracting the indigenous population of Turkestan to the Red Army turned out to be dependent on the solution of the problem of combating illiteracy. This issue has been scarcely studied in Russian historiography, which does not allow recreating a complete picture of the history of formation of the national units of the Red Army in Turkestan, and in a broader context, the history of the struggle against the Basmach movement. The scientific novelty of the proposed study lies in the fact that based on the sources newly identified in the central archives of the Russian Federation and the analysis of a number of publications made on related issues the author corrects this historiographic deficiency.

Keywords: Turkestan, Basmach movement, Soviet power, party organs, Red Army, Turkestan Front, fight against illiteracy, Muslims, national units

For citation: Barmin V.A. (2023) The role of fight against illiteracy in solving the problem of organizing national units of the Red Army in Soviet Turkestan (1919-1922). *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 19. No. 3. P. 130-139. (In Russ.). <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2023-3-130-139>. EDN: RSQLEQ.

История Гражданской войны в Туркестане не может рассматриваться иначе как через призму борьбы большевистского правительства этого края с басмаческим движением. При этом следует принимать во внимание, что на территории центральной России, Сибири и Дальнего Востока активная фаза Гражданской войны завершилась к 1921 году, в то время как в среднеазиатском регионе страны она продолжалась практически до начала 30-х гг. Борьба с басмачеством потребовала от советского руководства края и командования Красной армии большого напряжения сил и была сопряжена с огромным количеством человеческих жертв и утратой материальных ресурсов.

Научная и общественно-политическая актуальность проблемы басмачества определили к ней активный исследовательский интерес историков уже в первые годы после завершения Гражданской войны. Однако появлявшиеся в 20–60-х гг. публикации строились на непогрешимости советских идеологических постулатов, отсутствии серьезной источниковедческой базы и, как следствие, не были способны дать сколько-нибудь реальную и объективную картину борьбы советских и партийных органов Туркестана с басмаческим движением. Это объясняется тем, что, во-первых, вплоть до конца 80-х гг. XX века исследователям был крайне затруднен доступ к архивным источникам, хранившимся в закрытых фондах, а, во-вторых, жесткими идеологическими рамками, которые препятствовали объективному освещению исторических событий. Тем не менее

уже в этот период выходили исследования отдельных историков, в которых предпринимались попытки показать условия, определившие возникновение басмачества, идеологические основы этого движения, его социальную базу и причины краха. В числе таких публикаций можно назвать работы Н. Батманова (Батманов, 1921), Л. Соловейчика (Соловейчик, 1923), П. Алексеенкова (Алексеенков, 1931), Д.И. Манжары (Манжара, 1935), С.П. Тимошкова (Тимошков, 1941), Э.А. Воскобойникова и А.И. Зевелева (Воскобойников, Зевелев, 1951), Ю.Н. Алескерова (Алескеров, 1959), Ш.Т. Ташлиева (Ташлиев, 1957), А.Н. Хейфеца (Хейфец, 1964) и ряда других.

Определенным прорывом в деле изучения истории басмаческого движения в Средней Азии стали 1970–1980-е годы, когда в условиях некоторого смягчения ограничительных мер идеологического характера вышли в свет несколько весьма интересных и содержательных работ авторских коллективов под руководством известного исследователя Гражданской войны и басмаческого движения А.И. Зевелева (Зевелев, Поляков, Чугунов, 1981; Зевелев, Поляков, Шишкина, 1986), а также монографии Х.Ш. Иноятова (Иноятов, 1978) и творческого тандема Ю.А. Полякова и В.И. Чугунова (Поляков, Чугунов, 1976). Работы этих и некоторых других авторов, занимавшихся в указанный период историей Гражданской войны в Средней Азии, отличались не только основательной проработкой рассматриваемых проблем, но, что очень важно, строились на более широкой источниковой базе. Это делало выводы предпри-

нятых исследований более доказательными и объективными.

Тем не менее и эти историки в силу указанных выше причин и факторов вынуждены были по-прежнему оставлять за рамками своих исследований многие весьма важные сюжеты и факты, а также избегать оценок, которые противоречили официальной доктрине.

Сложившаяся ситуация изменилась только после распада советского государства и обретения бывшими советскими среднеазиатскими республиками независимости. Появившийся доступ к ранее закрытым источникам и исчезновение идеологических ограничений позволили исследователям значительно обогатить и расширить содержание своих трудов. Следствием этих изменений стало то, что в последние десятилетия появились интересные работы узбекских исследователей К.К. Раджабова (Раджабов, 2019а; Раджабов, 2019b), Р.С. Бобохонова (Бобохонов, 2016), О.Б. Сайфутдиновой (Сайфутдинова, 2018), Ё.Ю. Розимовой (Розимова, 2016), коллективная работа российских историков Ю.Л. Дьякова, Л.П. Колодниковой, Т.С. Бушуевой, (Дьяков, Колодникова, Бушуева, 2012), С.В. Печенкина (Печенкин, 2012), В.В. Терещенко (Терещенко, 2013) и ряда других.

Вместе с тем, несмотря на нарастающую активность в деле изучения истории басмаческого движения, оно по-прежнему не может, на наш взгляд, претендовать ни на объективный характер оценок, ни на глубину исследования. По мнению известного специалиста в области истории Гражданской войны в Средней Азии Р.С. Бобохонова, это объясняется тем, что многие вышедшие в первые постсоветские годы работы, посвященные истории басмачества, писались, «... когда бушевали национальные страсти и эмоции, разговоры об исторической науке были важнее самой науки» (Бобохонов, 2016. С. 5). Представляется, что с этим мнением можно вполне согласиться. Поскольку следствием этого обстоятельства явилось то, что, с одной стороны, в появлявшихся публикациях многие важные события либо вопреки имеющимся источникам подверглись субъективным оценкам, либо вообще не принимались во внимание. А с другой – в современной историографии среднеазиатских республик, а от-

части и в работах российских историков, басмачество перестало рассматриваться как контрреволюционное движение, но все более «...приобретает окраску народного, отстаивавшего интересы национальной самобытности, исповедования своих религиозных убеждений и права на собственный путь развития» (Бармин, 2022. С. 85). В этом контексте за рамками работ, посвященных истории басмаческого движения, оказался проблемный и мало исследованный сюжет, связанный с процессом формирования кадровым и командным составом национальных частей Красной армии, которые внесли серьезный вклад в дело борьбы с басмачеством.

О масштабности и накале развернувшегося на просторах Туркестана сражения Красной армии с отрядами басмачей свидетельствует тот факт, что в отдельные периоды в отрядах крупных курбаши (командиров отрядов басмачей – В.Б.), действовавших только в одной Ферганской долине, насчитывалось до 4 тыс. бойцов, вооруженных нарезным оружием, пулеметами и имеющих артиллерийские орудия (Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 71. Оп. 34. Д. 1585. Л. 78). Массовость и нарастающая сила сопротивления движения свидетельствовали о том, что попытки большевистского правительства решить проблему басмачества только силовым путем, в ходе боевых операций Красной армии, обречены на провал. Один из руководителей советского Туркестана писал по этому поводу, что, несмотря на все усилия, «...население уходило от советской власти все дальше и дальше ...» (Михайлов, 1996. С. 70). В результате уже к середине 1919 г. в среде партийного и советского руководства Туркестана сформировалось убеждение, что «...без опоры на коренное население, на национальные кадры работников и военнослужащих добиться укрепления советской власти в регионе невозможно» (Лысенко, Бармин, Анисимова и др., 2017. С. 287). В этих условиях большевики вынуждены были отказаться от установки на вооруженную борьбу с басмачеством как единственного варианта решения проблемы и обратились к поискам новых форм работы с коренным населением края, которое и являлось социальной базой басмачества.

В перечне наиболее действенных методов такой работы на первое место выдвинулась задача привлечения мусульманского населения в ряды Красной армии. При этом отсутствие реальных успехов в борьбе с басмачеством вынуждало советское руководство форсировать работу по формированию воинских частей, укомплектованных представителями коренного населения края. Понимание необходимости и срочности такой работы появилось и у членов Турккомиссии, которая была сформирована в связи со сложной обстановкой в Туркестане по решению ВЦИК и СНК РСФСР из видных партийных, советских и военных работников. В эту комиссию, в частности, вошли М.В. Фрунзе, В.В. Куйбышев, Ф.И. Рудзутак, Г.И. Бокия и другие. В ноябре 1919 года члены комиссии, задача которой заключалась в оказании практической помощи партийным и советским органам Туркестана, прибыли в Ташкент. А уже в январе 1920 года с пространством докладом о необходимости активизации работы, направленной на мобилизацию представителей коренного населения, на III конференции коммунистов-мусульман Туркестана выступил заместитель председателя Турккомиссии В.В. Куйбышев. В своем докладе, который назывался «О привлечении мусульман к защите социалистического отечества», Куйбышев призывал при решении задачи формирования национальных частей обратить особое внимание на создание «красного мусульманского командного состава» (Бармин, Лысенко, Анисимова и др., 2018. С. 142). Однако, агитируя делегатов конференции начать активную работу по привлечению мусульман в Красную армию, докладчик, вместе с тем, подверг резкой критике выдвигаемую частью коммунистов-мусульман идею формирования отдельной мусульманской армии. Совершенно очевидно, что за этой критикой скрывалось недоверие самого В.В. Куйбышева и стоявшего за ним руководства советского Туркестана к армии, сформированной только из мусульман (Бармин, 2021. С. 268). Ссылаясь на уже имеющийся опыт формирования подобных армий в других республиках, докладчик настаивал на том, что не должно быть отдельной мусульманской или туркестанской армии, а должна быть единая российская армия. Он также указал, что нужно срочно организовывать

курсы по подготовке «политических работников из среды мусульман, которые могли бы вести работу просвещения и привлечения широких масс в ряды армии» (РГАСПИ. Ф. 79. Оп. 1. Д. 152. Л. 18–19).

Но и первая, и вторая установки заместителя председателя Турккомиссии при практической реализации с первых шагов столкнулись со сложнейшей проблемой. Она заключалась в крайне низком уровне грамотности мусульманского населения вообще, и практически всеобщей безграмотностью той части населения, которая была готова к сотрудничеству с новой властью. Исследователи истории Туркестана считают, что в этот период более 87 % коренного населения края было совершенно безграмотным (Солодова, 2019. С. 158). Это обстоятельство требовало от новой власти чрезвычайных мер и усилий, чтобы «...мотивировать активистов из числа местных жителей к изучению не только марксистско-ленинской литературы, но для начала хотя бы первичных основ грамотности. Именно с этого начиналось возвращение будущей местной партийной элиты» (Тальская, 2015. С. 111). Развернутая картина тяжелейшего положения в области грамотности населения Туркестана в этот период дана в монографии известного узбекского исследователя Х.П. Вахидова (Вахидов, 1979).

В результате при решении вопроса о формировании командного и политического состава мусульманских частей, как и самого их кадрового состава, на первое место выдвинулся вопрос борьбы с безграмотностью. Узбекская исследовательница Ё.Ю. Розимова отмечает, что основная сложность в вопросе создания и укомплектования военно-учебных заведений заключалась в том, что для них требовались не только физически крепкие, но и грамотные люди, преимущественно из числа рабочей и крестьянской молодежи (Розимова, 2016. С. 18). Между тем из уже сформированных национальных подразделений в адрес командования Туркфронтом постоянно поступали настойчивые запросы на присылку грамотных политработников и лекторов из числа представителей мусульманского населения. Например, из 1-й Туркестанской дивизии телеграфировали об острой нужде в политработниках, о необходимости организовать агитпункты (Рос-

сийский государственный военный архив (РГВА). Ф. 1075. Оп. 2. Д. 11. Л. 32). В это же время из Катта-Курганского гарнизона сообщали, что у них «отсутствуют партработники, необходимы инструктора... необходим муслектор» (РГВА. Ф. 1075. Оп. 2. Д. 11. Л. 11). Подавляющее количество абсолютно неграмотных среди бойцов национальных частей Красной армии и большей части коренного населения резко ограничивали возможности использования в пропагандистской и агитационной работе газет и печатных материалов. Более того, в типографиях не было даже необходимого шрифта и грамотных наборщиков. Политический отдел 2-й Туркестанской дивизии информировал штаб Туркфронта, что в связи «с возникновением басмаческого фронта» необходимо было выпустить ряд воззваний, листовок, но это не пришлось выполнить в должной мере, ограничиваясь выпуском одного воззвания к мусульманскому населению по причинам недостатка: во-первых, бумаги, во-вторых наборщиков и мусульманского шрифта (РГВА. Ф. 1075. Оп. 2. Д. 159. Л. 153).

Сложившаяся ситуация требовала принятия экстренных мер. Для скорейшего выполнения поставленной задачи все рычаги управления начавшейся кампанией было решено передать в ведение одного органа. Для этого 20 октября 1919 года при политуправлении Туркфронта специальным приказом была учреждена Комиссия по ликвидации безграмотности (РГВА. Ф. 1075. Оп. 2. Д. 20. Л. 7). 21 апреля 1920 г. был издан приказ по Туркфронту за подписью заместителя командующего фронтом Новицкого и члена Реввоенсовета Куйбышева, в котором объявлялось, что «...на ликвидацию безграмотности дается 6 месяцев». При этом за уклонение от занятий красноармейцев планировалось наказывать в дисциплинарном порядке (РГВА. Ф. 1075. Оп. 2. Д. 20. Л. 16). В рамках решения возникшей проблемы 1 июля 1920 г. Реввоенсовет Туркфронта издал еще один приказ с задачей ликвидации безграмотности как среди русских, так и среди мусульман. В тексте излагалось требование, использовать все средства (РГВА. Ф. 1075. Оп. 2. Д. 20. Л. 52).

Однако в армиях и дивизиях фронта практическая работа по выполнению всех этих приказов

и указаний задерживалась целым рядом трудно решаемых проблем. Так, в приказе 1-й Армии Туркфронта по политической части, который был издан 27 августа, отмечалось, что «при практическом осуществлении приказа приходится сталкиваться с полным отсутствием работников-мусульман. Имеющееся небольшое число преподавателей-мусульман имеют свои задачи не только по ликвидации безграмотности, но и подготовке новых работников-учителей. Подобная тяжелая работа требует особых мер поощрения». Далее, в целях организации поощрения, в приказе указывались суммы оплаты дополнительной нагрузки таких преподавателей. Оплата от 300 до 500 рублей должна была учитывать уровень подготовки преподавателя (разряд) и количество проведенных лекций (РГВА. Ф. 1075. Оп. 2. Д. 20. Л. 52 об.).

Почти одновременно с началом кампании по ликвидации безграмотности, 22 июля 1920 г., командование Туркфронта направило в подразделение приказ, требовавший улучшений в деле изучения военнотружениками и политработниками одного из местных или фарсидского языка. Приказ также требовал от политического управления Туркфронта немедленно приступить к изданию учебников и пособий для изучения языков, соответствующих по своим методам и материалу поставленной цели (РГВА. Ф. 1075. Оп. 2. Д. 20. Л. 57). Острая необходимость изучения языков коренного населения Туркестана объяснялась тем, что большая часть политработников в национальных частях Красной армии были русские. В то же время подавляющее большинство бойцов национальных частей Красной армии русского языка не знало. Это крайне затрудняло не только ведение собственно политической работы, но даже само общение. Важность проблемы подчеркивалась тем, что время, необходимое для изучения языков, предлагалось отводить из рабочего дня (РГВА. Ф. 1075. Оп. 2. Д. 20. Л. 57–58). Представляется, что успешное решение этой задачи позволило бы командованию фронтом направлять в национальные части командный состав и политработников, не являвшихся представителями коренных народов Туркестана.

Из-за отсутствия учителей-мусульман к процессу ликвидации безграмотности командование

начало привлекать вообще всех, кто умел читать и писать. В связи с этим в подразделения была направлена телеграмма с требованием подать точные сведения о количественном, национальном и разрядном составе грамотности всех воинских частей (РГВА. Ф. 1075. Оп. 2. Д. 20. Л. 53). В связи с острой необходимостью в учителях-мусульманах была поставлена задача по созданию специальных курсов для их подготовке. Архивные источники свидетельствуют, что уже в 1920 году сеть таких курсов была создана при политотделах всех крупных воинских соединений. Об их успешной деятельности и популярности говорит тот факт, что политотдел армии, дислоцированной в Хиве, считал необходимым специально известить, что прием курсантов на учительские мусульманские курсы прекращен и заявления желающих более не принимаются (РГВА. Ф. 996. Оп. 2. Д. 1. Л. 1).

Решение задач по скорейшей ликвидации неграмотности среди бойцов, представлявших коренные народы Туркестана, заставляло командование фронта идти на целый ряд неординарных мер. Так, 17 ноября 1920 г. последовал приказ по Туркфронту, в котором требовалось в целях скорейшей ликвидации неграмотности во всех удостоверениях личности ставить пометку "грамотен", "не грамотен", а в приказе от 29 ноября того же года командирам частей предлагалось освобождать учащихся на курсах обучения грамоте от всех нарядов кроме строевых и экстренных выходов на боевые операции. При этом указывалось, что неграмотными считались красноармейцы, не умевшие читать и писать на родном языке, а также считать и писать числа (РГВА. Ф. 1075. Оп. 2. Д. 20. Л. 15).

Следует сказать, что вопрос борьбы с безграмотностью касался не только армии, он охватывал все население Туркестана, хотя в условиях продолжавшейся Гражданской войны решение практических задач в этой области также ложилось в основном на командование Туркфронта. Об этом свидетельствует, например, распоряжение политуправления от 29 сентября 1920 г. В нем высказывалось требование «...освободить школьные здания для использования их на школьные нужды местного населения. Оказывать содействие в освобождении учителей от работ в каче-

стве переписчиков и прочих» (РГВА. Ф. 1075. Оп. 2. Д. 20. Л. 56). На местах ответственность за открытие и деятельность курсов ликвидации безграмотности и школ грамоты возлагалась на культурно-просветительные секции политотделов.

В результате предпринятых усилий уже в 1919–1920 гг. практически во всех гарнизонах Красной армии, действовавших в Туркестане, были созданы такие курсы и школы. Одновременно с этим школы открывались в городках и кишлаках, где дислоцировались части Красной армии. В докладе культурно-просветительной секции Андижанского гарнизона в политотдел штаба Туркфронта за август 1919 г., сообщалось об организации школы грамоты для мусульман, мобилизованных коммунистов. Достигнуты благоприятные результаты – школу мусульмане посещали охотно, но занятия прерывались частными командировками на боевые операции против повстанцев. (РГВА. Ф. 1075. Оп. 2. Д. 277. Л. 28 об.). Автор доклада особо отмечал, что «все наши старания и призывы к товарищам русским, желающих не было. Мусульмане же посещали охотно, и уже мы начали составлять вторую группу, но после командировки остановили нашу работу...» (РГВА. Ф. 1075. Оп. 2. Д. 277. Л. 9). Руководитель секции предложил продолжать обучение периодически между командировками (РГВА. Ф. 1075. Оп. 2. Д. 277. Л. 19). В сводке культурно-просветительного подотдела политотдела Ферганской дивизии сообщалось, что в школу направлен мусульманский учитель тов. Ахраров. Отпущены ему буквари, тетради и карандаши (РГВА. Ф. 1075. Оп. 2. Д. 159. Л. 63). Подобные рапорты и доклады поступали из многих гарнизонов и крупных воинских частей.

В итоге предпринятые усилия командования Красной армии, направленные на борьбу с безграмотностью в среде мобилизованных представителей коренного населения, довольно скоро начали давать положительные результаты. Так, если в первых подразделениях, укомплектованных мусульманами, «широко использовались кадры из татар, знающих узбекский язык» (Зевелев, Поляков, Шишкина, 1986. С. 225), то уже в начале 1920 года после создания и успешной работы курсов и школ по ликвидации неграмотности практически все назначенные командиры и

политработники «вели занятия с красноармейцами на понятном им родном языке» (Зевелев, Поляков, Шишкина, 1986. С. 226). Успешная работа по ликвидации неграмотности позволила сформировать и укомплектовать командным и политическим составом крупные подразделения, состоящие из туркмен Хивинского района и узбеков Ферганы (Бармин, 2018. С. 17). На открытые в Бухаре 1 января 1920 г. курсы «общевойскаго командования» были зачислены 96 мусульман. Спустя некоторое время численность курсантов-мусульман значительно возросла, поскольку на курсах были открыты пулеметные и пехотные отделения. Длительность учебы на курсах составляла 4 месяца и включала широкий спектр предметов. В том числе такие, как военная топография, связь, военная гигиена, русский язык, математика, география, узбекский язык. Сам перечень предметов свидетельствовал о возросшем базовом уровне грамотности поступавших курсантов (Розимова, 2016. С. 18). Следом за Бухарой такие же курсы были открыты в Фергане. К 1925 году в национальных частях служили уже 100 командиров, закончивших эти курсы (Розимова, 2016. С. 18).

Список источников

Алексеев П. Что такое басмачество. Ташкент : Узбекгосиздат, 1931. 91 с.

Алескеров Ю.Н. Интервенция и Гражданская война в Средней Азии. Ташкент : Госиздат УзССР, 1959. 234 с.

Бармин В.А. О деятельности партийных и советских органов Туркестана по привлечению мусульманского населения в ряды Красной армии как важном факторе борьбы с басмачеством в 1918–1924 гг. // Гуманитарные проблемы военного дела. 2018. № 1 (14). С. 15–19. EDN: XYXMSL.

Бармин В.А. Причины провала призыва мусульман советского Туркестана в Красную армию (1918–1924 гг.) // Известия Лаборатории древних технологий. 2021. Т. 17. № 1 (38). С. 262–271. <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2021-1-262-271>. EDN: GDQFQX.

Бармин В.А. Басмаческое движение советского Туркестана в планах некоторых антибольшевистских сил (1918–1933 гг.) // Новая и новейшая история. 2022. № 1. С. 84–97. <https://doi.org/10.31857/S013038640018260-4>. EDN: NUOIES.

Бармин В.А., Лысенко Ю.А., Анисимова И.В. и др. Гражданская война в Степном крае и Туркестане (1918–

Надо признать, что в целом проблема ликвидации безграмотности решалась в Туркестане медленнее, чем в центральных областях России. Это было связано с целым рядом причин объективного характера. В числе этих причин можно назвать практически полное исключение из процесса борьбы с безграмотностью женской части населения края, сохранявшуюся традицию беспрекословного подчинения муллам и старейшинам, которые отрицательно относились ко всем мероприятиям советской власти, в том числе и к кампании, направленной на открытие школ и курсов грамоты. Наконец, серьезным сдерживающим элементом в развитии системы образования являлось повсеместное отсутствие необходимой инфраструктуры и оборудования. В этих обстоятельствах мероприятия советского руководства и командования Красной армии, направленные на скорейшее решение проблемы безграмотности в армейских рядах, даже если они носили узко прагматический характер, сыграли в общем деле поднятия культурного уровня населения Туркестана самую положительную роль.

References

Alekseenkov P. (1931) What is Basmachism. Tashkent: Uzbekgosizdat. 91 p. (In Russ.).

Aleskerov Yu.N. (1959) Intervention and Civil War in Central Asia. Tashkent: State Publishing House of the Uzbek SSR. 234 p. (In Russ.).

Barmin V.A. (2018b) On the activities of the party and Soviet organs of Turkestan to attract the Muslims to the Red Army as an important factor in the fight against Basmachism in 1918-1924. *Gumanitarnye problemy voennogo dela = Humanitarian Problems of Military Affairs*. No. 1 (14). P. 15-19. (In Russ.). EDN: XYXMSL.

Barmin V.A. (2021) Reasons for the failure of the conscription of Muslims of Soviet Turkestan to the Red Army (1918-1924). *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologiy = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 17. No. 1. P. 262-271. (In Russ.). <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2021-1-262-271>. EDN: GDQFQX.

Barmin V.A. (2022) Basmach movement of Soviet Turkestan in the plans of some anti-Bolshevik forces (1918-1933). *Novaya i noveyshaya istoriya = New and Modern History*. No. 1. P. 84-97. (In Russ.). <https://doi.org/10.31857/S013038640018260-4>. EDN: NUOIES.

Barmin V.A., Lysenko, Yu.A., Anisimova I.V. et al. (2018) The Civil War in the Steppe Region and Turkestan (1918–

1921 гг.) и отражение данных событий в исторической памяти населения постсоветской Центральной Азии. Барнаул : Изд-во Алтайского государственного ун-та, 2018. 384 с. EDN: ZUNWIQ.

Батманов Н. Басмачество и борьба с ним // Вестник военного научного общества при военной Академии. 1921. № 9. С. 65–68.

Бобохонов Р.С. Басмачество – как священный джихад против советской власти (1918–1934) // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Сер. Гуманитарные науки. 2016. № 9. С. 3–7. EDN: WYRLVJ.

Вахидов Х.П. Просветительская идеология в Туркестане. Ташкент : Узбекистан, 1979. 155 с.

Воскобойников Э.А., Зевелев А.И. Турккомиссия ВЦИК и Совнаркома РСФСР и Туркбюро ЦК РКП(б) в борьбе за укрепление Советской власти в Туркестане (М.В. Фрунзе, В.В. Куйбышев, Л.М. Каганович в Туркестане). Ташкент : Госиздат УзССР, 1951. 192 с.

Дьяков Ю.Л., Колодникова Л.П., Бушуева Т.С. Протестное движение в СССР (1922–1931 гг.): монархические, националистические, контрреволюционные партии и организации в СССР: их деятельность и отношения с властью: по документам ВЧК-ОГПУ. Москва : Прометей, 2012. 330, [1] с. EDN: RVBVKT.

Зевелев А.И., Поляков Ю.А., Чугунов А.И. Басмачество: возникновение, сущность, крах. М. : Наука, 1981. 244 с.

Зевелев А.И., Поляков Ю.А., Шишкина Л.В. Басмачество: правда истории и вымысел фальсификаторов. М. : Мысль, 1986. 256 с.

Иноятлов Х.Ш. Победа Советской власти в Туркестане. М. : Мысль, 1978. 364 с.

Лысенко Ю.А., Бармин В.А., Анисимова И.В. и др. Этнополитические процессы в Центральноазиатских окраинах России в период революций 1917 г. Барнаул : Изд-во Алтайского государственного ун-та, 2017. 366 с. EDN: YLDDAV.

Манжара Д.И. Борьба за власть Советов. К 10-летию национального размежевания среднеазиатских республик. Ташкент : Гос. изд-во УзССР, 1935. 21 с.

Михайлов В.Ф. Хроника великого джута. Алматы : Жалын, 1996. 400 с.

Печенкин С.В. Средняя Азия и «постимперская» политика большевиков в 20-е годы XX века // Современные проблемы науки и образования. 2012. № 3. С. 345. Электронный журнал. URL: <http://www.science-education.ru/103-6350>. EDN: PAAHSJ.

Поляков Ю.А., Чугунов А.И. Конец басмачества. М. : Наука, 1976. 183 с.

Раджабов К.К. Повстанческое движение в Туркестане на фоне Гражданской войны в России (1917–

1921) and the reflection of these events in the historical memory of the population of post-Soviet Central Asia. Barnaul: Altai State University. 384 p. (In Russ.). EDN: ZUNWIQ.

Batmanov N. (1921) Basmachism and the fight against it. *Vestnik voennogo nauchnogo obshchestva pri voennoy Akademii = Bulletin of the Military Scientific Society at the Military Academy*. No. 9. P. 65-68. (In Russ.).

Bobokhonov R.S. (2016) Basmachism - a jihad against Soviet Rule (1918-1934). *Sovremennaya nauka: aktual'nye problemy teorii i praktiki. Ser. Gumanitarnye nauki = Modern Science: Actual Problems of Theory and Practice. Ser. Humanities*. No. 9. P. 3-7. (In Russ.). EDN: WYRLVJ.

Vakhidov Kh.P. (1979) Educational ideology in Turkestan. Tashkent: Uzbekistan. 155 p. (In Russ.).

Voskoboynikova E.A., Zevelev A.I. (1951) The Turkcomission of the Central Executive Committee and the Council of People's Commissars of the RSFSR and the Turkburo of the Central Committee of the RCP (b) in the struggle for strengthening Soviet power in Turkestan (M.V. Frunze, V.V. Kuibyshev, L.M. Kaganovich in Turkestan). Tashkent : Gosizdat UzSSR. 192 p. (In Russ.).

D'yakov Yu.L., Kolodnikova L.P., Bushueva T.S. (2012) Protest movement in the USSR (1922–1931): monarchical, nationalist, counter-revolutionary parties and organizations in the USSR: their activities and relations with the authorities: according to documents of the Cheka-OGPU. Moscow: Prometheus. 330, [1] p. (In Russ.). EDN: RVBVKT.

Zevelev A.I., Polyakov Yu.A., Chugunov A.I. (1981) Basmachism: emergence, essence, collapse. Moscow: Nauka. 244 p. (In Russ.).

Zevelev A.I., Polyakov Yu.A., Shishkina L.V. (1986) The Basmach movement: historical truth and fictions of falsifiers. Moscow: Mysl'. 256 p. (In Russ.).

Inoyatov Kh.Sh. (1978) The victory of Soviet power in Turkestan. Moscow: Mysl'. 364 p. (In Russ.).

Lysenko Yu.A., Barmin V.A., Anisimova I.V. (2017) Ethnopolitical and ethnosocial processes in the Central Asian outskirts of Russia during the 1917 revolutions. Barnaul : Altai State University. 366 p. (In Russ.). EDN: YLDDAV.

Manzhara D.I. (1935) The struggle for the power of the Soviets. To the 10th anniversary of the national division of the Central Asian republics. Tashkent: Gos. izd-vo UzSSR. 21 p. (In Russ.).

Mikhailov V.F. (1996) Chronicle of the great jute. Almaty: Zhalyln. 400 p. (In Russ.).

Pechenkin S.V. (2012) Central Asia and "postimperial" policy of Bolsheviks in the twenties of the 20th century. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya. Elektronnyy zhurnal = Modern Problems of Science and Education*. No. 3. (In Russ.). Available from: <http://www.science-education.ru/103-6350>. EDN: PAAHSJ.

Polyakov Yu.A., Chugunov A.I. (1976) The end of basmachism. Moscow: Nauka. 183 p. (In Russ.).

Radzhabov K.K. (2019a) The insurgent movement in Turkestan against the background of the Civil War in Russia

1922 гг.) // Гражданская война на Востоке России (ноябрь 1917 – декабрь 1922 г.). Сборник материалов Всероссийской научной конференции с международным участием, Новосибирск, 18–20 ноября 2019 года. Новосибирск, 2019а. С. 196–205. <https://doi.org/10.31518/978-5-7692-1664-0-196-205>. EDN: QZSQER.

Раджабов К.К. Вооруженное движение против Советской власти в Туркестане (1918–1935 гг.) // Единство. Гражданственность. Патриотизм. Сборник научных трудов конференции к 100-летию Республики Башкортостан, Уфа, 22–23 марта 2019 года. / Ред. кол.: Гаязов А.С., Акманов А.И., Янгиров [и др.]. Уфа, 2019b. Ч. 2. С. 27–31. EDN: KNMLSV.

Розимова Ё.Ю. Об истории возникновения армии и военного образования в республике Бухара // Наука и мир. 2016. № 10–2 (38). С. 18–20. EDN: WWVYUZ.

Сайфутдинова О.Б. Ликвидация басмачества на территории Средней Азии // Ученые записки Худжандского государственного университета им. академика Б. Гафурова. Серия гуманитарно-общественных наук. 2018. № 4 (57). С. 23–27. EDN: YXICJV.

Соловейчик Л. Очерк возникновения и развития современного басмачества в Бухаре. М.: Красная новь, 1923. 28 с.

Солодова Г.С. Управление Туркестанским краем – некоторые принципы установления российского влияния // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2019. № 51. С. 158–166. <https://doi.org/10.17223/1998863X/51/16>. EDN: PXOUNZ.

Тальская О.Д. Роль Средазбюро в разработке советской среднеазиатской политики 1920–1930-х гг. (по материалам РГАСПИ) // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. 2015. Т. 8. № 4. С. 107–112. EDN: UXKDWB.

Ташлиев Ш.Т. Установление и упрочение Советской власти в Туркестане (1917 – июнь 1918 гг.). Ашхабад : Туркменгосиздат, 1957. 144 с.

Терещенко В.В. Пограничники Среднеазиатских округов в борьбе с басмачами // Армия и общество. 2013. № 2 (34). С. 120–126. EDN: RUSYIH.

Тимошков С.П. Борьба с интервентами, белогвардейцами и басмачеством в Средней Азии. М.: ВАФ, Кафедра истории Гражданской войны, 1941. 127 с.

Хейфец А.Н. Советская Россия и сопредельные страны Востока в годы Гражданской войны (1918–1920). М.: Наука, 1964. 471 с.

(1917–1922). *Grazhdanskaya voyna na Vostoke Rossii (noyabr' 1917 - dekabr' 1922 g.)*. Sb. materialov Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem = *Civil War in the East of Russia (November 1917 – December 1922). Collection of materials of the All-Russian Scientific Conference with international participation*. Novosibirsk. P. 196–205. (In Russ.). <https://doi.org/10.31518/978-5-7692-1664-0-196-205>. EDN: QZSQER.

Radzhabov K.K. (2019b) The armed movement against Soviet power in Turkestan (1918–1935). *Edinstvo. Grazhdanstvennost'. Patriotizm. Sbornik nauchnykh trudov k 100-letiyu Respubliki Bashkortostan = Unity. Citizenship. Patriotism. Collection of scientific papers for the 100th anniversary of the Republic of Bashkortostan*. Ufa: Mir pechati. Pt. 2. P. 27–31. (In Russ.). EDN: KNMLSV.

Rozimova E.Yu. (2016) On the history of army formation and military education in Bukharan Republic. *Nauka i mir = Science and World*. No. 10–2 (38). P. 18–20. (In Russ.). EDN: WWVYUZ.

Saifutdinova O.B. (2018) Basmachism elimination in Central Asia. *Uchenye zapiski Khudzhandskogo gosudarstvennogo universiteta im. akademika B. Gafurova. Seriya gumanitarno-obshchestvennykh nauk = Scientific Notes of academician B. Gafurov Khujand State University. Series of Humanities and Social Sciences*. No. 4 (57). P. 23–27. (In Russ.). EDN: YXICJV.

Soloveichik L. (1923) An essay on the emergence and development of modern Basmachism in Bukhara. Moscow: Krasnaya nov'. 28 p. (In Russ.).

Solodova G.S. (2019) Management of the Turkestan region - some principles of establishing Russian influence. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya = Bulletin of Tomsk State University. Philosophy. Sociology. Political science*. No. 51. P. 158–166. (In Russ.). <https://doi.org/10.17223/1998863X/51/16>. EDN: PXOUNZ.

Tal'skaya O.D. (2015) The role of the Asian Bureau in the development of Soviet Central Asian policy in 1920–1930 (based on materials of RGASPI). *Problemy analiz i gosudarstvenno-upravlencheskoe proektirovanie = Problem Analysis and State-Management Design*. Vol. 8. No. 4. P. 107–112. (In Russ.). EDN: UXKDWB.

Tashliev Sh. T. (1957) Establishment and consolidation of Soviet power in Turkestan (1917 – June 1918). Ashkhabad: Turkmengosizdat. 144 p. (In Russ.).

Tereshchenko V.V. (2013) Border guards of Central Asian districts in the fight against Basmachs. *Armiya i obshchestvo = Army and Society*. No. 2 (34). P. 120–126. (In Russ.). EDN: RUSYIH.

Timoshkov S.P. (1941) The struggle against the interventionists, the White Guards and Basmachism in Central Asia. Moscow : VAF, Department of the History of Civil War. 127 p. (In Russ.).

Kheyfets A.N. (1964) Soviet Russia and neighboring countries of the East during the Civil War (1918–1920). Moscow: Nauka, 471 p. (In Russ.).

Информация об авторе

Бармин Валерий Анатольевич,
доктор исторических наук, профессор, профессор
кафедры всеобщей истории,
Алтайский государственный педагогический университет,
656015, г. Барнаул, ул. Деповская, д. 15. Корп. 2. Кв. 88,
e-mail: valbarmin@mail.ru,
<https://orcid.org/0009-0002-9043-3725>

Вклад автора

Бармин В.А. выполнил исследовательскую работу,
на основании полученных результатов провел обобщение
и подготовил рукопись к печати.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

**Автор прочитал и одобрил окончательный вариант
рукописи.**

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 10 мая 2023 г.;
одобрена после рецензирования 6 июня 2023 г.; принята к
публикации 26 июня 2023 г.

Information about the author

Valery A. Barmin,
Dr. Sci. (History), Professor, Professor of General History
Department,
Altai State Pedagogical University,
Apt. 88, Bl. 2, 15, Depovskaya St., Barnaul 656015, Russia,
e-mail: valbarmin@mail.ru,
<https://orcid.org/0009-0002-9043-3725>

Contribution of the author

Barmin V.A. carried out a research work, based on the
obtained results made the generalization and prepared the
manuscript for publication.

Conflict of interests

The author declares no conflict of interests.

**The author has read and approved the final manu-
script.**

Article info

The article was submitted May 10, 2023; approved after
reviewing June 6, 2023; accepted for publication June 26,
2023.

Научная статья
УДК 947.084.2
EDN: TISAQY
DOI: 10.21285/2415-8739-2023-3-140-148

Марк Б. Таугер о социально-экономических преобразованиях советской деревни 30-х гг. как попытке реформирования сельского хозяйства СССР

И.Г. Карпова

Бурятская государственная сельскохозяйственная академия им. В.Р. Филиппова, г. Улан-Удэ, Россия

Аннотация. Статья посвящена изучению социально-экономических преобразований в советском сельском хозяйстве в первой трети XX века и их влиянию на жизнь и деятельность самого многочисленного класса страны – крестьянства. В начале XX века молодое советское государство отставало по темпам развития от индустриальных европейских стран. Для преодоления отставания был предпринят ряд мер, направленный на модернизацию основных отраслей народного хозяйства. Среди осуществленных преобразований было проведено и реформирование сельского хозяйства, результатом чего стало создание системы коллективных хозяйств на территории всего Советского Союза. Создание колхозной системы получило неоднозначную оценку в работах как отечественных, так и зарубежных исследователей. В статье представлена точка зрения американского исследователя, профессора университета Западной Вирджинии Марка Б. Таугера о характере социально-экономических преобразований, их влиянии на сельское население страны. В своих работах Марк Б. Таугер подчеркивает, что коллективизация, несмотря на все недостатки, носила модернизационный характер и была направлена на улучшение аграрного сектора. Точка зрения Марка Б. Таугера выделяет его работы из большого количества зарубежных исследований, основная часть которых освещает главным образом негативные последствия коллективизации советского сельского хозяйства. При анализе работ Марка Б. Таугера, отмечается, как изменения хозяйственной деятельности крестьян повлияли на взаимоотношения между крестьянством и властью. Изучается также позиция Марка Б. Таугера о причинах голода в СССР в начале 30-х гг. XX века, где он подчеркивает влияние ряда объективных причин на сложившуюся ситуацию. В заключение подводится итог проведенных реформ 30-х гг. XX века, отмечается противоречивость их результатов. Указываются выделенные Марком Б. Таугером изменения жизнедеятельности советского крестьянства, которые стали результатом социально-экономических преобразований и подчеркивается его точка зрения о необходимости объективной оценки исторических событий на основе всех имеющихся данных.

Ключевые слова: Марк Б. Таугер, крестьяне, коллективизация, зарубежная историография, голод, советская деревня, социально-экономические изменения, сельское хозяйство, народное хозяйство

Для цитирования: Карпова И.Г. Марк Б. Таугер о социально-экономических преобразованиях советской деревни 30-х гг. как попытке реформирования сельского хозяйства СССР // Известия Лаборатории древних технологий. 2023. Т. 19. № 3. С. 140–148. <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2023-3-140-148>. EDN: TISAQY.

History

Original article

Mark B. Tauger on the socio-economic transformation of the Soviet village 30-ies of the XXth century as an attempt to reform the agriculture of the USSR

Irina G. Karpova

Buryat State Academy of Agriculture named after V.R. Philippov, Ulan-Ude, Russia

Abstract. The article deals with the study of the social and economic restructuring of the Soviet agriculture in the first third of the XXth century and influence of these changes on personal and professional lives of the most numerous social class of the country – the peasantry. In the beginning of the XXth century the Soviet country lagged behind the rest of the western industrial countries in terms of development. To overcome such lagging the number of actions was made. The aim of these actions was to mod-

ernize the main branches of national economy. Among all the efforts, the reforming of the agriculture was put into practice. Reforming of agriculture resulted in creation of the system of collective farms or kolkhozes on the territory of the Soviet Union. Collectivization got controversial evaluation in the studies of both Soviet and Russian and foreign researches. This article deals with the point of view of an American researcher, professor of the Western Virginia University Mark B. Tauger concerning nature and character of social and economic changes, their influence on the Soviet agriculture and the Soviet peasantry. In his studies Mark. B. Tauger underlines that collectivization was of modernizing nature despite a number of negative effects and was aimed to improve the agricultural sector. Mark B. Tauger's point of view individuates his works from the great quantity of works of foreign researches who mainly discuss the negative consequences of collectivization in the Soviet agriculture. While analyzing Mark B. Tauger's works it is noticed how changes of the peasants' business activity affected the relationships between the government and peasantry. The article also studies the opinion of Mark B. Tauger about the famine that happened in the USSR in the beginning of 30th in the XXth century. Mark B. Tauger underlines that among the reasons of it were also the external ones. In conclusion, the reforms of the 30th in the XXth century are summed up, noticed their controversial results. Also, on a final note, changes in personal and professional lives of peasants, highlighted by Mark B. Tauger, are noted. These changes were a result of social and economic reforms carried out in the agriculture. The opinion of Mark B. Tauger also provided concerning a necessity of balanced assessment of all historic events.

Keywords: Mark B. Tauger, peasants, collectivization, foreign historiography, famine, the Soviet village, social and economic changes, agriculture, national economy

For citation: Karpova I.G. (2023) Mark B. Tauger on the socio-economic transformation of the Soviet village 30-ies of the XXth century as an attempt to reform the agriculture of the USSR. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 19. No. 3. P. 140-148. (In Russ.). <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2023-3-140-148>. EDN: TISAQY.

К началу XX века, когда в большинстве экономически развитых стран господствовала индустриальная система, советское государство оставалось страной с преобладающим большинством крестьянского населения, жизнедеятельность которого регулировалась основной социальной ячейкой – общиной, которая определяла способы ведения хозяйства, мировоззрение крестьян, их представление об окружающем мире – природе и обществе, о своем предназначении. Община представляла собой социальный институт, который регулировал как внутренний распорядок жизни крестьян, так и их связь с внешним миром, сохранял и передавал опыт поколений, определял систему ценностей крестьянства, формировал их характер. Только объединившись крестьяне могли успешно вести хозяйство несмотря на неблагоприятные погодные условия и отсутствие передовой сельхозтехники, могли отстаивать свои права и интересы (Данилова, Данилов, 1996. С. 23). Основой хозяйственной деятельности, носившей потребительский характер, оставалось единоличное крестьянское хозяйство (Данилова, Данилов, 1996. С. 26). В своей хозяйственной деятельности крестьяне опирались на опыт, передаваемый из поколения в поколение, технологические же нововведения и совершенствование производства требовали немалой степени риска (Бердинских, 2001; Казарезов, 2001; Lewin, 1965). Дж. Скотт, В.Б. Безгин объясняют пассивность и нежелание использования крестьянским населением новых технических средств в про-

цессе хозяйственной деятельности страхом голода и страхом оказаться за «нижним пределом продовольствия», что в свою очередь внушало страх за свое будущее и эти опасения вынуждали держаться традиционной системы земледелия (Скотт, 2015. С. 30; Безгин, 2004. С. 33). К настоящему времени в историографии представлены различные методологические и концептуальные подходы, в тех или иных хронологических и территориальных рамках разобран обширный фактический материал и сделаны разнообразные выводы, причем зачастую взаимоисключающие (Проекты преобразования..., 2015; Островский, 2016; Верхотуров, 2019; Максудов, 2019; Шанин, 2020 и др).

Для сокращения отставания от развитых стран Советскому Союзу были необходимы многочисленные и значительные социально-экономические преобразования.

Крупные и значимые изменения предстояло осуществить в сельском хозяйстве как ведущей хозяйственной отрасли страны. Задачам модернизации аграрного сектора отвечало создание системы крупных коллективных хозяйств – колхозов.

Первые коллективные хозяйства в форме артелей, ТОЗов и коммун в России начали появляться уже в конце XIX века, и эти формы сельскохозяйственной производственной кооперации отличались друг от друга способами обработки земли, степенью обобществления средств производства и т. д. (Маслов, 2007). Самой простой формой коллективного

хозяйствования были ТОЗы, в рамках которых происходило объединение земель членов товарищества, которые в дальнейшем и обрабатывались совместным трудом, однако рабочий скот, сельскохозяйственный инвентарь, хозяйственные постройки и другие орудия и средства производства оставались в личной собственности членов ТОЗа. Следующей по сложности формой сельхозкооперации выступала сельскохозяйственная артель. В артелях обобществлялись землепользование, основные орудия и средства производства и труд членов артели; скот, птица и мелкий сельхозинвентарь обобществлению не подлежали. Сельскохозяйственная коммуна характеризуется еще большей степенью обобществления – землепользование, орудия и средства производства, а также отдельные элементы быта членов колхоза (Аксененок, Григорьев, Пятницкий, 1950)¹.

В.П. Данилов, анализируя коллективные формы хозяйствования, подчеркивает ряд их преимуществ, таких как применение передовой машинной техники, кооперирование, разделение труда, что в результате способствовало повышению производительности труда крестьян и улучшению их благосостояния. Однако развитие коллективных форм ведения хозяйства сдерживалось недостатком кадров и средств производства (Данилов, 1977. С. 305–306). Несмотря на ряд недочетов, положительный опыт первых коллективных хозяйств обозначил дальнейший вектор развития аграрного сектора Советского Союза. Переход к колхозной системе включал в себя преобразования, способствовавшие изменению форм собственности и организации производства, активному применению достижений науки и техники в земледелии и животноводстве, повышению уровня грамотности населения, внедрению всеобщего обязательного образования на языках национальностей СССР, освоению новых профессий и появлению новых специалистов на селе – агрономов, инженеров по механизации сельского хозяйства, ветврачей, зоотехников и т. д. Политика коллективизации внесла изменения и в культурную жизнь населения – колхозниками стали выписываться периодические издания, начали работать кинопере-

движки, открываются столовые и бани, широкое распространение получает физкультура.

Таким образом, 30-е гг. XX века для Советского Союза стали временем беспрецедентных социально-экономических реформ, а сами реформы, результаты и их влияние на крестьянское население страны до сих пор являются актуальными темами изучения среди отечественных и зарубежных исследователей.

Советский Союз, история его развития и становления всегда вызывали интерес зарубежных исследователей в силу своей отличности и непохожести на существующие крупные державы. По мнению Майкла Дэвид Фокса, интерес к исследованию СССР то угасал, то появлялся вновь. Так, исследования по истории Советского Союза в США начали появляться в 20–30-е гг. XX века, в 50-е гг. исследования продолжаются, но все они были «вотчиной не профессиональных историков, а политологов» (Американская русистика, 2001. С. 20). Тем не менее появившиеся работы дали импульс для дальнейшего изучения России, однако наибольший интерес для зарубежных исследователей представлял исторический период с 1855 г. по 1917 г. 1970–80-е гг. ознаменованы появлением крупных международных исследований. С получением более свободного доступа к архивным документам в конце 1980-х – начале 1990-х гг. среди зарубежных исследователей возрос интерес к истории Советского Союза; широкое освещение в зарубежной исследовательской традиции получила социальная история, а также изучение модернизации советской деревни в 30-е гг. XX века, анализ причин и полученных результатов (Американская русистика, 2001. С. 22).

Исследование советской аграрной истории за рубежом во многом зависело от господствовавшей в то или иное время методологии, взглядов и настроений исследователей. Как указывают В.И. Меньковский, К. Уль, М.А. Шабасова, до распада СССР в англо-американском сообществе существовали два основных направления изучения Советского Союза – тоталитарная теория и школа ревизионистов (Меньковский, Уль, Шабасова, 2013).

Сторонники первого направления видели в Советском Союзе государство, которое представляло угрозу, поэтому исследования носили скорее негативный характер.

¹ Аксененок Г.А., Григорьев В.К., Пятницкий П.П. Колхозное право : учебник для юридических школ. М. : Гос. изд-во юрид. лит., 1950. 296 с. // Интернет-проект «Исторические МАТериалы». URL: <https://istmat.org/node/23708>

Последователи ревизионистского направления пытались объективно оценить все, что происходило внутри Советского Союза. В их работах происходит пересмотр научных взглядов, которые сложились в предыдущие годы, а также получает распространение изучение социальной истории и исследования советского крестьянства. Ими же освещается коллективизация сельского хозяйства, её достижения и неудачи.

Социально-экономические преобразования, предпринятые для реформирования аграрного сектора в Советском Союзе, зарубежными учеными трактуются неоднозначно. Большинство исследователей негативно оценивает создание колхозной системы и связанных с ней изменений, коллективизация определяется «Гражданской войной» (Л. Виола), «революцией сверху, проведенной без поддержки крестьянства» (Ш. Фицпатрик), «трагедией советской деревни», «роковой катастрофой» (М.Э. Малиа), «смертельным ударом, нанесенным сельскому хозяйству страны» (П.Р. Грегори). Такая точка зрения зарубежных исследователей аргументируется тем, что создание системы коллективных хозяйств стало причиной коренных преобразований в аграрном секторе народного хозяйства, которые сопровождались ломкой прежних традиционных устоев, изменением существующего уклада жизни советского крестьянина – «исчез хозяйственно-свободный и самостоятельный крестьянский двор», личное хозяйство крестьянина являлось «лишь придатком к колхозному», «все хозяйственные понятия, навыки и технические приемы крестьян были насильственно сломаны», имущество было отобрано и передано в чужие руки, которые им и распоряжаются (Виола, 2011; Фицпатрик, 2008; Малиа, 2002; Грегори, 2011).

Альтернативную точку зрения на проблему коллективизации предлагает Марк Б. Таугер, американский историк и писатель, профессор университета Западной Вирджинии (США), кандидат исторических наук. Он подчеркивает, что коллективизация при всех её достоинствах и недостатках носила модернизационный характер, направленный на усовершенствование аграрного сектора, его обновление и улучшение, ускорение темпов его развития, способности преодоления его сильной зависимости от погодных условий (Tauger, 2005). О необходимости реконструкции, технического перевооружения

советского села с целью быстрее преодоления примитивных способов ведения хозяйства и принесения согласованности в деятельность промышленного и аграрного комплексов страны указывает и А.Л. Стронг в своем труде «Современное фермерское хозяйство – Советский стиль управления», изданном в 1930-м году (Strong, 1930).

Марк Б. Таугер, начав свою академическую карьеру как физик, продолжил её на историческом факультете Университета Калифорнии. Он заинтересовался развитием экономики и сельского хозяйства, считая эти отрасли основами существования человечества². Основные направления его исследований – это коллективизация в СССР, голод начала 1930-х гг. в Советском Союзе и отношение крестьян к новым социально-экономическим условиям, сложившимся в рамках коллективизации. Он отмечает, что среди исследователей – его зарубежных коллег – развитие аграрной отрасли в Советском Союзе получило противоречивую оценку³. И для получения истинного знания о произошедших событиях, в данном случае коллективизации, положении крестьянства в период её проведения и голоде 1931–1933 гг., возникает необходимость более полного, детального анализа имеющихся статистических данных и учета всех факторов, влияющих на изучаемые события (Tauger, 2005).

В 30-е гг. XX века привычный образ жизни советского крестьянина был коренным образом изменён. Разрушение традиционных устоев, существовавших на протяжении нескольких сотен лет в результате социально-экономического преобразования деревни, стало сильным потрясением для традиционного менталитета крестьян, которые за многие десятилетия выработали уникальный образ жизни – вся деятельность крестьян строилась внутри общины и регулировалась ею, здесь формировалось миропонимание крестьян, нормы справедливости и законности, отношение к труду и земле (Strong, 1930). Жизнедеятельность крестьян регулировалась

² Марк Таугер о голоде, геноциде и свободе мысли на Украине // ИНОСМИ. URL: <https://inosmi.ru/world/20080519/241433.html> (дата обращения 06.01.2019).

³ Марк Таугер: трагедия 30-х годов это Великий Советский голод // ИНОСМИ. URL: <https://inosmi.ru/world/20081208/245904.html> (дата обращения 06.01.2019).

земледельческим календарем, который был тесно связан с религиозными праздниками. Всё это отражалось в правовых, социальных и экономических отношениях. С установлением колхозной системы поменялся как быт крестьян, так и их отношение к земле, работе, власти. Кроме этих кардинальных изменений, крестьяне, как и вся страна, столкнулись с голодом в начале 1930-х гг., что также стало сильным потрясением для всего Советского государства.

Напряженными на протяжении всей истории были взаимоотношения крестьян и власти. Освещая этот аспект в своих исследованиях, Марк Б. Таугер вступает в полемику с рядом своих зарубежных коллег. Большая часть зарубежных исследователей, говоря об отношении крестьян к власти и к проводимой политике коллективизации, заостряет своё внимание на повсеместном сопротивлении крестьян и формах, которое это сопротивление принимало (Л. Виола, Ш. Фицпатрик, М.Э. Малиа, А. Грациози).

Колхозная деревня 30-х годов XX века – это место, где, как отмечает Л. Виола, разгорелась «война культур» – между новой властью и традиционным крестьянским обществом и вызывало акты как активного, так и пассивного сопротивления, которые проявлялись в самораскулачивании крестьян, написании жалоб, бегстве, поджогах, угрозах лидерам колхозного движения в селе, самосудах (Виола, 2011). Ш. Фицпатрик указывает, что село периода коллективизации было раздираемо склоками и нищетой. К методам сопротивления колхозной политике автор относит написание жалоб на односельчан, которые активно вступали в колхозы (Фицпатрик, 2008). Марк Б. Таугер, признавая факт проявления недовольства крестьянами, подчеркивает, что это было только одним из множества ответных действий крестьян на изменения устоявшегося образа жизни, причем количество крестьян, выражающих несогласие с коллективизацией в сельском хозяйстве было небольшим. Так, основываясь на данных докладов ОГПУ, автор приходит к выводу, что «большая часть крестьян, около 95 %, не принимала участие в протестах в отношении политики, проводимой в деревне, а 90 % всех недовольств носили локальный характер и многие были решены мирным путем посредством разъяснения» (Таугер, 2005. Р. 71). Характеризуя такую реакцию крестьянства на попытки модернизации деревни, Марк Б. Таугер отмечает, что она является традиционной. Он объ-

ясняет это тем, что все неясные крестьянам изменения и явления, они воспринимали с недоверием и потому не принимали их. Опираясь на статистические данные, он показывает, что после проведения разъяснительных работ, количество недовольств среди крестьян сокращалось (Таугер, 2005. Р. 80). А. Грациози в своей работе указывает, что все крестьяне, независимо от того, к какому слою они относились – середняков, бедняков или зажиточных – объединялись в борьбе против коллективизации (Graziosi, 2015). М.Б. Таугер выражает несогласие с утверждением А. Грациози, им отмечается поддержка крестьянами коллективизации, осознание и принятие новых условий жизни. Одной из причин, по которой крестьяне поддерживали создание колхозной системы, Марк Б. Таугер называет определенную схожесть традиционных общин и новых колхозов, в частности отмечается коллективный характер ведения работ. Согласно его заключению, крестьяне были недовольны не самой коллективизацией, но теми мерами, которые применялись для её осуществления, зачастую носившими грубый и непродуманный характер.

Марк Б. Таугер, подробно изучая голод начала 1930-х гг., указывает на особенности быта крестьян периода коллективизации. Известно, что крестьяне, вступившие в колхоз, получали небольшой надел в личное пользование. В неурожайные годы для получения хорошего урожая главы семейств оставались обрабатывать свои участки, а старших детей отправляли на работы в колхозы (Таугер, 2005. Р. 86). При этом первые колхозы сталкивались с рядом проблем – ошибками в управлении, частыми поломками техники, нехваткой специалистов и неудовлетворительной их работой. Это, по мнению М.Б. Таугера, становилось основной причиной выхода крестьян из колхозов, их отказа работать, ухода крестьян на заработки в город, а не их недовольство проводимой политикой коллективизации (Таугер, 2005).

Основная тема исследований Марка Б. Таугера – это голод в СССР в начале третьего десятилетия XX века. Проблема голода 1930–1932 гг. – сложная и, в определенной мере, политизированная. Значительная часть зарубежных исследователей, например А. Грациози, С. Уиткрофт, придерживается мнения о рукотворной природе голода начала 30-х гг. XX века в СССР и, в частности, на Украине. Как отмечает

В.В. Кондрашин, одна из причин, на которой может основываться такая точка зрения, – это «действительно огромные масштабы жертв голода на территории бывшей Советской Украины, по сравнению с российскими регионами, например, Поволжье»⁴. Марк Б. Таугер отмечает, что вопреки общепринятой точке зрения западных коллег о рукотворной природе голода 1930–1932 гг., и тому, что он являлся следствием коллективизации, приходит к выводу, что наряду с человеческими факторами, он был вызван и рядом внешних причин – засухой, различными болезнями растений, а также распространением и заражением сельскохозяйственных культур вредителями. Марк Б. Таугер отмечает, что засуха, а особенно в сочетании с другими неблагоприятными погодными условиями, была основной причиной неурожая в первые годы существования Советского Союза. Кроме того, он подчеркивает, что голод начала 30-х гг. XX века был свойственен не только СССР. Исследователь приводит пример ряда других сельскохозяйственных государств, которые столкнулись с продовольственным кризисом в начале 1930-х гг. В 1930–1931 гг. США пострадали от сильной засухи, в результате которой в 23 штатах, от Техаса до Западной Вирджинии, наблюдалось повышение уровня смертности, а также спровоцировал недовольство населения отказ правительства в помощи. Французские колонии в западной Африке также пострадали от засухи, вызвавшей голод, который, согласно отчетам, был самым страшным из случившихся на этих территориях. С голодом, унесшим около 2 миллионов жизней, в 1931–1932 гг. столкнулись и в Китае, однако здесь причиной стало сильное наводнение. (Tauger, 2001. Р. 8). Говоря о Советском Союзе, Марк Б. Таугер не умаляет влияния и других природных факторов, повлиявших на урожай начала 30-х гг., что вместе с массовой коллективизацией стало причиной голода. Он подчеркивает, что все доказательства искусственности со-

здания голода и использования его как средства подавления оппозиции существующему политическому режиму основаны на неточной и неполной трактовке имеющихся данных, в частности климатических отчетов, игнорировании альтернативных точек зрения на проблему (Tauger, 2005; Tauger, 2006; Tauger, 2014⁵). Похожей точки зрения придерживаются и такие зарубежные исследователи, как С. Коткин и С. Уиткрофт. Несмотря на в целом отрицательную оценку коллективизации С. Коткин подчеркивает, что голод, разразившийся в начале 30-х годов XX века, был ненамеренным, а скорее стал результатом последовательности неблагоприятных событий⁶. С. Уиткрофт указывает, что причиной голода в СССР в 1932–1933 гг., в большей степени были неблагоприятные погодные условия, а не политика коллективизации. Он подчеркивает, что «первая массовая волна раскулачивания началась в январе 1930 года. Если бы она стала причиной голода, то он бы уже начался в середине того же года, а не три года спустя, в первой половине 1933 года»⁷.

Социально-экономические преобразования 30-х гг. в Советском Союзе были беспрецедентными по своим задачам, масштабам и результатам. Кардинальным изменениям подверглись все стороны жизни советского крестьянства – самого многочисленного класса, и, соответственно, затронули большую часть страны. В результате попыток ре-

⁴ В.В. Кондрашин (д. и. н., профессор, Пензенский университет). Голод 1932–1933 гг. в научных исследованиях и исторической публицистике // Украина и Россия: история и образ истории. Сессия 4. Голод 1932–1933 гг.: «геноцид украинского народа» или общая трагедия народов СССР? URL: https://pikabu.ru/story/golod_19321933_gg_genotsid_ukrainskogo_naroda_ili_obshchaya_tragediya_narodov_sssrauchnaya_diskussiya_7477735 (дата обращения 04.11.2020).

⁵ Tauger Mark B. Retrospective for Yale Agrarian Studies, 2014. URL: <https://agrarianstudies.macmillan.yale.edu/sites/default/files/files/papers/TaugerAgrarianStudies.pdf> (дата обращения 10.05.2019).

⁶ Kotkin S. Stalin. URL: [https://archive.org/details/stephen-kotkin-waiting-for-hitler-audio/2017-10-27+-Stephen+Kotkin+-FT+Alphachat+\(Stalin's+Economics\).mp3](https://archive.org/details/stephen-kotkin-waiting-for-hitler-audio/2017-10-27+-Stephen+Kotkin+-FT+Alphachat+(Stalin's+Economics).mp3) (дата обращения 12.08.2019); Stephen Kotkin. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Stephen_Kotkin (дата обращения 01.10.2019); Kotkin Stephen. Stalin: Waiting for Hitler, 1929–1941. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=cNmvgTlmg2o> (дата обращения 01.10.2019); Kotkin Stephen. Why Does Joseph Stalin Matter? Part 1: How Stalin transformed the USSR in profound and enduring ways. URL: <https://www.hoover.org/research/why-does-joseph-stalin-matter> (дата обращения 01.10.2019).

⁷ Кузьменко В. Русский голод. Историк Стивен Уиткрофт об особенностях голода в России в XIX–XX веках. URL: <https://lenta.ru/articles/2015/09/27/golod/> (дата обращения 12.08.2019).

формирования сельского хозяйства изменились условия жизнедеятельности крестьян, в частности, исторически сложившаяся форма проживания и ведения хозяйственной деятельности – община была заменена на колхоз, где крестьяне обрабатывали обобществленные земли. Кроме того, изменился социальный состав населения – был почти полностью ликвидирован зажиточный класс деревенских жителей. Марк Б. Таугер отмечает увеличение количества городского населения за счет ухода крестьян из деревень как ответ на политику массового раскулачивания населения, а также из-за неудовлетворительной работы первых колхозов. Меры, с помощью которых привносились изменения, зачастую вызывали негативную ответную реакцию населения. Это же становится причиной одностороннего изучения проблемы рядом историков и экономистов. Марк Б. Таугер подчеркивает, что на протяжении длительного периода времени, зарубежные исследователи в своих трудах освещают только одну сторону предпринятой модерни-

зации Советского государства, в большей степени негативную, когда исследуются и анализируются перегибы в осуществлении перехода к колхозной системе, возникающие недовольства крестьянского населения, конфликты между односельчанами, которые придерживаются разных точек зрения на изменения. Он же пытается на основе повторного осмысления данных и анализа имеющихся фактов представить альтернативное видение коллективизации советского сельского хозяйства, отношение к ней крестьянства и голода начала 30-х гг. XX века. В целом, не исключая факта недовольств со стороны населения, непродуманных мер осуществления коллективизации, Марк Б. Таугер рассматривает её как попытку реформирования аграрного сектора Советского Союза, как привнесение нового положительного опыта для дальнейшего развития советского сельского хозяйства, как старание преодолеть уязвимость аграрного сектора перед неблагоприятными климатическими факторами.

Список источников

Американская русистика: Вехи историографии последних лет. Советский период: Антология / сост. М. Дэвид-Фокс. Самара : Изд-во «Самарский университет», 2001. 376 с.

Безгин В.Б. Крестьянская повседневность (традиции конца XIX – начала XX века). М. – Тамбов : Изд-во Тамбовского государственного технического ун-та, 2004. 304 с. EDN: QOWAFH.

Бердинских В.А. Крестьянская цивилизация в России. М.: Аграф, 2001. 432 с.

Верхотуров Д.Н. Сталинская коллективизация. Борьба за хлеб. М. : Вече, 2019. 397 с.

Виола Л. Коллективизация как Гражданская война // История сталинизма: итоги и проблемы изучения : материалы Международной научной конференции. Москва, 5–7 декабря 2008 г. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2011. С. 102–111.

Грегори П.Р. Нужен ли был Сталин? // История сталинизма: итоги и проблемы изучения : материалы Международной научной конференции. Москва, 5–7 декабря 2008 г. М.: РОССПЭН; Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2011. С. 10–20.

Данилов В.П. Советская доколхозная деревня. Население. Землепользование. Хозяйство. М. : Наука, 1977. 320 с.

References

David-Fox M. (2001) American Russian studies: milestones of the recent years historiography. The Soviet Period: Anthology. Samara: Publ. House "Samarskii Universitet". 376 p. (In Russ.).

Bezgin V.B. (2004) Peasants' daily life (traditions of the late XIXth century - early XXth century). Moscow-Tambov: Tambov State Technical University. 304 p. (In Russ.) EDN: QOWAFH.

Berdinskikh V.A. (2001) The Peasants' Civilization in Russia. Moscow: Agraf. 432 p. (In Russ.).

Verkhotur D.N. (2019) Stalinist collectivization. The struggle for bread. Moscow: Veche. 397 p. (In Russ.).

Viola L. (2011) Collectivization as a Civil War. *Istoriya stalinizma: itogi i problemy izucheniya. Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. Moskva, 5–7 dekabrya 2008 g. = The History of Stalinism: Results and Problems of Studying. Proceedings of the International Scientific Conference. Moscow, the 5th -7th of December, 2008.* Moscow: ROSSPEN; "The President Centre of B.N. Eltsin Fund". P. 102-111. (In Russ.).

Gregory P.R. (2011) Was Stalin necessary? *Istoriya stalinizma: itogi i problemy izucheniya. Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. Moskva, 5–7 dekabrya 2008 g. = The History of Stalinism: Results and Problems of Studying. Proceedings of the International Scientific Conference. Moscow, the 5th -7th of December, 2008.* Moscow: ROSSPEN; "The President Centre of B.N. Eltsin Fund". P. 10-20. (In Russ.).

Danilov V.P. (1977) The Soviet Pre-kolkhoz village. Population. Land Usage. Economy. Moscow: Nauka. 320 p. (In Russ.).

Данилова Л.В., Данилов В.П. Крестьянская ментальность и община // Менталитет и аграрное развитие России (XIX–XX вв.) : материалы Межд. конференции (Москва, 14–15 июня 1994 г.). М. : РОССПЭН, 1996. С. 22–39.

Казарезов В.В. Крестьянский вопрос в России. От коллективизации до перестройки. М.: Росинформагротех, 2001. Т. 2. 526 с.

Максудов С. Победа над деревней: Демографические потери коллективизации. М.; Челябинск : Социум, 2019. 600 с.

Малия М.Э. Советская трагедия: история социализма в России. 1917–1991 / пер. с англ. М. : РОССПЭН, 2002. 584 с.

Маслов С.С. Колхозная Россия: История и жизнь колхозов. М.: Наука, 2007. 302 с.

Меньковский В.И., Уль К., Шабасова М.А. Советский Союз 1930-х годов в англоязычной историографии. Сыктывкар : Институт языка, литературы и истории, 2013. 220 с.

Островский А.В. Российская деревня на историческом перепутье : конец XIX – начало XX века. М. : Товарищество научных изданий КМК, 2016. 431 с.

Проекты преобразования аграрного строя Сибири в XX в.: выбор путей и методов модернизации / Ильиных А.В., Андреенков С.Н., Рынков В.М. и др. Новосибирск : Сибпринт, 2015. 295 с.

Скотт Дж. Моральная экономика крестьянства. Восстание и выживание в Юго-Восточной Азии. Нью-Хэвен; Лондон : изд-во Йельского ун-та, 1976. IX+246 с. (Реферат) Цит. по: Современное крестьяноведение и аграрная история России в XX веке / под ред. В.В. Бабашкина. М. : Политическая энциклопедия, 2015. 751 с. С. 29–47.

Фицпатрик Ш. Сталинские крестьяне. Социальная история Советской России в 30-е годы: деревня / пер. с англ. Л.Ю. Пантина. 2 изд. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); Фонд Первого Президента России Б.Н. Ельцина, 2008. 422 с.

Шанин Т. Неудобный класс. Политическая социология крестьянства в развивающемся обществе: Россия, 1910–1925 / пер. с английского А.В. Соловьева, под науч. ред. А.М. Никулина. М. : Изд. дом «Дело» РАНХиГС, 2020. 404 с.

Graziosi A. The Impact of Holodomor Studies on the Understanding of the USSR. East/West: Journal of Ukrainian Studies. Volume II, No. 1 (2015). P. 53-79.

Lewin M. The Immediate Background of Soviet Collectivization. Soviet studies. Vol. 17, No. 2 (1965), pp. 162-197.

Strong, Anna Louise. Modern farming--Soviet style (1930). PRISM: Political & Rights Issues & Social Movements. 422. URL: <https://stars.library.ucf.edu/prism/422>

Tauger Mark B. Natural Disaster and Human Actions in the Soviet Famine of 1931-1933. The Carl Beck Papers in Russian and European Studies. No. 1506. University of Pittsburgh, 2001. P. 1-65.

Danilova L.V., Danilov V.P. (1996) Peasants' way of thinking and a community. *Mentalitet i agrarnoe razvitie Rossii (XIX–XX vv.). Materialy Mezhd. konferentsii (Moskva, 14–15 iyunya 1994 g.)* = *Mind-set and Agrarian Development of Russia (XIX-XX centuries). Proceedings of the International Conference. (Moscow, 14–15 July 1994)*. Moscow: ROSSPEN. P. 22-39. (In Russ.).

Kazarezov V.V. (2001) The peasantry issue in Russia. From Collectivization to Perestroika. Moscow: Rosinformagrotech. Vol. 2. 526 p. (In Russ.).

Maksudov S. (2019) Victory over the village: Demographic losses of Collectivization. Moscow-Chelyabinsk.: Sotsium. 600 p. (In Russ.).

Malia M.E. (2002) The Soviet Tragedy: The History of the Socialism in Russia. 1917-1991. Transl. from English. Moscow : ROSSPEN. 584 p. (In Russ.).

Maslov S.S. (2007) The Peasants Russia. History and life of kolkhozes. Moscow: Nauka. 302 p. (In Russ.).

Men'kovskii V.I., Ul' K., Shabasova M.A. (2013) The Soviet Union of 1930s in the historiography of the English-speaking research works. Syktyvkar: Institute of the Language, Literature and History. 220 p. (In Russ.).

Ostrovsky A.V. (2016) A Russian village at a historical crossroads. The end of the XIX - the beginning of the XX century. Moscow: Association of Scientific Publications of the CMC. 431 p. (In Russ.).

Il'inykh A.V., Andreenkov S.N (2015) Projects of transformation of the agrarian system of Siberia in the XX century: the choice of ways and methods of modernization. Novosibirsk: Sibprint. 295 p. (In Russ.).

Scott J. (2015) The Moral Economy of Peasantry. Rebellion and Survival in Southeast Asia. New Haven; London : Publishing House of Yale University, 1976. IX+246 s. (Referat) Cited by Modern peasants study and agrarian history of Russia in the XXth century. Moscow: Politicheskaya entsyklopediya. 751 p. (In Russ.).

Fitspatrik S. (2008) The Stalin's peasants. Social history of the Soviet Russia in the 30th of XX century: the village. Moscow: ROSSPEN; The Fund of the First President of Russia B.N. Yel'tzin. 422 p. (In Russ.).

Shanin T. (2020) Inconvenient class: Political sociology of the peasantry in a developing society: Russia, 1910-1925. Moscow: Publishing House "Delo" RANEPa. 404 p. (In Russ.).

Graziosi A. The Impact of Holodomor Studies on the Understanding of the USSR. East/West: Journal of Ukrainian Studies. Volume II, No. 1 (2015). P. 53-79.

Lewin M. The Immediate Background of Soviet Collectivization. Soviet studies. Vol. 17, No. 2 (1965), pp. 162-197.

Strong, Anna Louise. Modern farming--Soviet style (1930). PRISM: Political & Rights Issues & Social Movements. 422. URL: <https://stars.library.ucf.edu/prism/422>

Tauger Mark B. Natural Disaster and Human Actions in the Soviet Famine of 1931-1933. The Carl Beck Papers in Russian and European Studies. No. 1506. University of Pittsburgh, 2001. P. 1-65.

Tauger Mark B. The Soviet Peasants and Collectivization. 1930-1939: Resistance and Adaptation. In Stephen K. Wegren (ed) Rural Adaptation in Russia. New-York: Routledge, Taylor and Francis group, 2005. P. 65-94. URL: <https://newcoldwar.org/wp-content/uploads/2017/04/Mark-Tauger-Soviet-Peasants-and-Collectivization-1930-1939-33-pp.pdf>

Tauger Mark B. Stalin, the Soviet Agriculture and Collectivization. In: Trentmann, F., Just, F. (eds) Food and Conflict in Europe in the Age of the Two World Wars. London: Palgrave Macmillan UK, 2006. P. 109-142.

Информация об авторе

Карпова Ирина Георгиевна,
старший преподаватель кафедры иностранного и русского языка,
Бурятская государственная сельскохозяйственная академия им. В.Р. Филиппова,
670034, Улан-Удэ, Пушкина, 8, Россия,
e-mail: irusikkig@gmail.com

Вклад автора

Карпова И.Г. выполнила исследовательскую работу, на основании полученных результатов провела обобщение и подготовила рукопись к печати.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 20 февраля 2023 г.; одобрена после рецензирования 15 августа 2023 г.; принята к публикации 28 августа 2023 г.

Tauger Mark B. The Soviet Peasants and Collectivization. 1930-1939: Resistance and Adaptation. In Stephen K. Wegren (ed) Rural Adaptation in Russia. New-York: Routledge, Taylor and Francis group, 2005. P. 65-94. URL: <https://newcoldwar.org/wp-content/uploads/2017/04/Mark-Tauger-Soviet-Peasants-and-Collectivization-1930-1939-33-pp.pdf>

Tauger Mark B. Stalin, the Soviet Agriculture and Collectivization. In: Trentmann, F., Just, F. (eds) Food and Conflict in Europe in the Age of the Two World Wars. London: Palgrave Macmillan UK, 2006. P. 109-142.

Information about the author

Irina G. Karpova,
Senior Lecturer of the Department of Foreign and Russian Languages,
Buryat State Academy of Agriculture named after V.R. Philippov,
8, Pushkin St., Ulan-Ude 670034, Russia,
e-mail: irusikkig@gmail.com

Contribution of the author

Karpova I.G. carried out a research work, based on the obtained results made the generalization and prepared the manuscript for publication.

Conflict of interests

The author declares no conflict of interests.

The author has read and approved the final manuscript.

Article info

The article was submitted February 20, 2023; approved after reviewing August 15, 2023; accepted for publication August 28, 2023.

Научная статья
УДК 929/94
EDN: UVSOJQ
DOI: 10.21285/2415-8739-2023-3-149-160

Сибирский этап жизненного пути переводчика Мао Цзэдуна Ши Чжэ

Ли Вэньгэ¹, В.Г. Дацышен^{2,3}

¹ Харбинский политехнический университет, г. Харбин, КНР

² Институт востоковедения РАН, г. Москва, Россия

³ Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева, г. Красноярск, Россия

Аннотация. Статья посвящена интересному и важному эпизоду истории советско-китайских отношений – сибирскому периоду жизни китайца Ши Чжэ, ставшему позднее переводчиком с русского языка у Мао Цзэдуна. Девятилетний опыт работы в советских спецслужбах в Новосибирске позволил ему стать главным экспертом по СССР в руководстве КПК. В последние годы российские исследователи проявляют большой интерес к биографии Ши Чжэ, но ее сибирский период изучен недостаточно. Исследование базируется на делопроизводственных документах из фондов Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ) и Государственного архива Новосибирской области (ГАОНО), а также на опубликованных в Китае воспоминаниях Ши Чжэ. В Новосибирск этот китаец приехал для работы в органах ОГПУ в 1929 г. под фамилией Карский, уже имея опыт обучения и работы в городах Европейской части СССР. После неудачной попытки вернуться в Китай в 1931 г., он работал в Сибири до 1938 г., сделав хорошую карьеру в советских спецслужбах. В Новосибирске Ши Чжэ женился на девушке из Ачинска, здесь родились его дети. При этом он поддерживал связи с китайцами в Москве и родственниками в Китае, сохраняя стремление вернуться на родину. Ши Чжэ был причастен к произволу спецслужб и политическим репрессиям против местных и интернированных китайцев, но не участвовал в так называемой «Китайской операции», организованных в начале 1938 г. репрессиях против выходцев из Китая. В это время он был уволен из внутренних органов и уехал в Москву, а в 1940 г. вернулся в Китай. Благодаря полученному в Сибири опыту Ши Чжэ в ключевой период борьбы коммунистов за власть в Китае и строительства Китайской Народной Республики стал главным в ЦК КПК переводчиком и экспертом по СССР.

Ключевые слова: Ши Чжэ, биография, Мао Цзэдун, источники, Особое государственное политическое управление, Новосибирск, переводчик, эксперт, СССР, Китай

Для цитирования: Ли Вэньгэ, Дацышен В.Г. Сибирский этап жизненного пути переводчика Мао Цзэдуна Ши Чжэ // Известия Лаборатории древних технологий. 2023. Т. 19. № 3. С. 149–160. <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2023-3-149-160>. EDN: UVSOJQ.

History

Original article

The Siberian stage of the life journey of Mao Zedong's translator Shi Jae

Li Wenge¹, Vladimir G. Datsyshen^{2,3}

¹ Harbin Institute of Technology, Harbin, China

² Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

³ Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astaf'ev, Krasnoyarsk, Russia

Abstract. The article is devoted to an interesting and important episode in the history of Siberia of Soviet-Chinese relations – the Siberian period of the life of the Chinese Shi Jae, who later became Mao Zedong's personal translator of the Russian language. Nine years of experience in the Soviet secret services in Novosibirsk allowed him to become the chief expert on the Soviet Union in the leadership of the CPC. In recent years, Russian researchers have shown great interest in the personality of Shi Jae, but the Siberian period of his biography remains insufficiently studied. The study is based on office documents from the funds of the Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI) and the State Archive of the Novosibirsk Region (GANO), as well as the memoirs of

Shi Jae himself published in China. This Chinese came to Novosibirsk to work for the OGPU in 1929 under the surname Karsky, already having experience of studying and working in different cities of the European part of the Soviet Union. After an unsuccessful attempt to return to China in 1931, he worked in Siberia until 1938, making a good career in the Soviet secret services. In Novosibirsk, Shi Jae married a girl from Achinsk, where his children were born. Working in Siberia, he kept in touch with the Chinese in Moscow and relatives in China, never abandoned his intentions to return to his homeland as soon as possible. Shi Jae was involved in the arbitrariness of the secret services and political repressions against local and interned Chinese, but did not take part in the so-called “Chinese operation” - organized in early 1938, repressions against immigrants from China. At this time, he was dismissed from the internal organs and left for Moscow, and in 1940 he returned to China. Thanks to the experience gained in Siberia, during the key period of the communist struggle for power in China and the construction of the People's Republic of China, Shi Jae became the main translator and expert on the Soviet Union in the CPC Central Committee.

Keywords: Shi Jae, biography, Mao Zedong, sources, Special State Political Administration, Novosibirsk, translator, expert, USSR, China

For citation: Li Wenge, Datsyshen V.G. (2023) The Siberian stage of the life journey of Mao Zedong's translator Shi Jae. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 19. No. 3. P. 149-160. (In Russ.). <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2023-3-149-160>. EDN: UVSOJQ.

В числе китайских государственных деятелей, внесших большой вклад в развитие советско-китайских отношений, был переводчик¹ и советник лидеров КПК Ши Чжэ, известный под именем Михаил Александрович Карский. В справке, подготовленной в августе 1949 г. одним из руководителей советской разведки генерал-майором А.П. Кисленко², говорилось: «работает в аппарате ЦК КПК в качестве управляющего делами и технического секретаря Политбюро ЦК... Среди руководящего состава КПК и лично у Мао Цзэдуна пользуется доверием. По занимаемой должности присутствует на заседаниях Политбюро, Пленумах ЦК и на других ответственных совещаниях... Энергичный, развитой, пользуется уважением и авторитетом в КПК» (Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 495. Оп. 225. Д. 940. Ч. 1. Л. 111).

В Советском Союзе о Ши Чжэ вспомнили в конце 1980-х гг. В журнале «Проблемы Дальнего Востока» о нем была представлена следующая информация: «Китайский дипломат и публицист. В 20–30-е гг. учился и работал в СССР. После 1949 г. был директором издательства «Литература на иностранных языках», руководил работой по переводу и редактированию трудов классиков марксизма-ленинизма. Личный переводчик Мао Цзэдуна» (Ши Чжэ, 1989. С. 139). В последние годы изучением вклада Ши Чжэ в историю советско-китайских отношений занимаются Ю.М. Галенович (Галенович, 2018), А.В. Панцов (Панцов, 2012) и С.Н. Гончаров (Гончаров, 2013; Гон-

чаров, 2014), однако они исследовали лишь тот период, когда Ши Чжэ работал переводчиком у Мао Цзэдуна. С.Н. Гончаров в своём исследовании ссылается на публикацию воспоминаний Ши Чжэ за 1991 г. (Цзай лиши..., 1991). В опубликованных в Китае работах также представлены страницы биографии Ши Чжэ отражают лишь его работу в Китае (Янь Минфу, 2015). В современной литературе по истории советско-китайских отношений дается обычно краткая информация, например: «Ши Чжэ (Михаил Александрович Карский) (1905–1998) – специальный секретарь Мао Цзэдуна по радиосвязи с Москвой (с 1940 г.)» (Бухерт, 2022. С. 94).

Интерес к Ши Чжэ возник в связи с актуализацией темы сталинских репрессий в Сибири (Папков, 1997; Дацышен, 2009). Есть в публикациях и упоминания о том, что Ши Чжэ был сотрудником НКВД и Коминтерна (Кишкина, 2018. С. 578). В исследовании по истории политических репрессий в СССР указано: «Карский М.А. (1905–1998) – с 1930 г. работал в Особом отделе полномочного представительства ОГПУ Западно-Сибирского края» (Юнге, Бордюгов, Биннер, 2008. С. 697). Много внимания служившему в НКВД Ши Чжэ уделено в исследованиях А.Г. Теплякова (Тепляков, 2007; Тепляков, 2008; Тепляков, 2009). Он пишет, что Ши Чжэ «в начале 1930 г. был зачислен в штат Особого отдела ОГПУ СибВО и до конца 1938 г. подвизался в системе особых отделов и КРО под именем М.А. Карского, зарекомендовав себя деятельным участником репрессий» (Тепляков, 2008. С. 74). Красноярский историк С.М. Силонов указывает, что в 1934 г. Ши Чжэ был помощником уполномоченного 4 отделения Особо-

¹ 师哲(1905–1998).

² Кисленко Алексей Павлович (1901–1981).

го отдела Полномочного представительства ОГПУ Западно-Сибирского края и в своем исследовании приводит документ, отражающий деятельность сотрудника ОГПУ М.А. Карского (Силонов, 2015. С. 129–130).

О Ши Чжэ упоминают и в некоторых работах по истории китайских студентов и политэмигрантов. И.Н. Сотникова о нем пишет: «... курсант, затем – помощник преподавателя Военно-инженерной школы им. Коминтерна (Москва). В 1929–1939 гг. оперуполномоченный Полномочного представительства ОГПУ НКВД СССР по Новосибирской области. В 1939 г. – заместитель директора 2-го интернационального детдома ЦК МОПР, помощник преподавателя китайской партшколы (г. Москва). В 1939–1940 гг. – корреспондент Отдела печати ИККИ. В дальнейшем – на работе в органах безопасности ЦК КПК и Бюро переводов ЦК КПК» (Сотникова, 2015. С. 401).

В завершение историографического обзора необходимо подробнее остановиться на вышедшем в свет первом обобщающем исследовании, специально посвященном жизненному пути Ши Чжэ. В 2018 г. издательство «Русская панорама» опубликовало работу известного китаевода Ю.М. Галеновича «За кулисами советско-китайских отношений». Данная работа не снабжена научно-справочным аппаратом, историографическим и источниковедческим разделами, необходимыми для монографических исследований, и представляет собой перевод-пересказ изданных в 2015 г. «записей воспоминаний Ши Чжэ», дополненных пространными комментариями и рассуждениями профессионального исследователя-китаевода. Ю.М. Галенович начинает свое предисловие со следующего: «В феврале 2015 г. в КНР появилось новое расширенное и дополненное издание книги под названием: «Цзай лиши цзюйжэнь шэньбянь: Ши Чжэ хой лу (Подле исторического исполина: запись воспоминания Ши Чжэ). История, рассказанная устно по памяти Ши Чжэ и записанная Ли Хайвэнь» (Галенович, 2018. С. 6). Однако исследователь не указывает, переизданием какой книги стала публикация 2015 г. Приведенные в этой работе переводы китайского текста указывают на то, что представляемая Ю.М. Галеновичем книга «Цзай лиши цзюйжэнь шэньбянь: Ши Чжэ хой лу (Подле исторического исполина: запись воспоминания Ши Чжэ)» является переизданием опублико-

ванной в Пекине в 2001 г. книги «Водэ ишэн – Ши Чжэ цзышу», где авторами указаны Ши Чжэ и его сын Ши Цюлан. При этом содержание двух изданий несколько отличается в деталях событий и проблем. Например, в цитате, приведенной Ю.М. Галеновичем, говорится о китайцах в Сибири: «...их насчитывалось приблизительно 700–800 тысяч человек; максимум это число перевалило за миллион» (Галенович, 2018. С. 134), а в мемуарах издания 2001 г. эта часть в основном совпадает, но ничего не говорится о численности (Ши Чжэ, Ши Цюлан, 2001. С. 59).

Сибирскому периоду жизни Ши Чжэ в работе Ю.М. Галеновича посвящен двадцатистраничный раздел под названием «Сотрудник «органов», «советский чекист» в 1929–1938 гг. Почти половина раздела посвящена проблемам русско-китайских и советско-китайских отношений, связанных с КВЖД. Собственно, информации об его жизни в Сибири немного. Представленные в работе пространные переводы и пересказы из воспоминаний Ши Чжэ являются очень ценными для российских исследователей. Однако отсутствие обращений к другим источникам, отражающим жизнь Ши Чжэ в Советском Союзе, приводит к появлению ошибок и неточностей в комментариях исследователя.

Основными источниками для нашего исследования стали документы личного происхождения и делопроизводственные материалы, отражающие пребывание Ши Чжэ в Советском Союзе, которые сохранились в фондах РГАСПИ (РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 225. Д. 940¹). Что касается опубликованных воспоминаний Ши Чжэ, то мы обратились к изданию 2001 г., где соавтором выступил сын Ши Чжэ – Ши Цюлан. Третий раздел в данном издании называется «В Сибири» (Ши Чжэ, Ши Цюлан, 2001. С. 46–84).

Документы, отражающие советский период биографии Ши Чжэ, указывают на проблему подлинного имени этого китайского деятеля. В анкете, заполненной в СССР, он записал: «Карский Михаил Александрович (Ши Си-ды, псевдоним “Ши и-чжэ”» (РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 225. Д. 940. Ч. 1. Л. 4). Осенью 1931 г. в Новосибирске он писал: «В Киевской военной школе учился под китайской фамилией Сы-си-де, а фамилия Карский взята мной только при переходе меня в Московскую Военно-Инженерную школу» (РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 225. Д. 940. Ч. 1. Л. 91). В письме Ван Мину из Новосибирска в середине

1930-х гг. Ши Чжэ писал: «Я, Карский М.А., 师西德 (Фамилия Карский мне присвоена в 1927 г.)» (РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 225. Д. 940. Ч. 1. Л. 26). В опубликованных в Пекине воспоминаниях Ши Чжэ приводится его письмо за 1938 г., подписанное «师西德 (Карский)» (Ши Чжэ, Ши Цюлан, 2001. С. 83). В письме из Новосибирска на имя Ван Мина он писал: «Я, Карский М.А. 师哲» (РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 225. Д. 940. Ч. 1. Л. 26). В письме, подписанном «Карский», которое датируется 1940 г., написано: «Моя фамилия будет 易哲 и Чжэ» (РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 225. Д. 940. Ч. 1. Л. 74). В дальнейшем в изданных в Китае документах и литературе наш герой всегда упоминается под именем Ши Чжэ.

Будущий переводчик и советник Мао Цзэдуна Ши Чжэ в 20-летнем возрасте приехал в Советский Союз. Из Москвы его в 1925 г. направили в Киев в Объединенную военную школу командиров РККА имени С.С. Каменева, где китаец проучился до весны 1927 г. В 1927 г. Ши Чжэ из Киева был переведен в Московскую военно-инженерную школу. Он сам писал: «В октябре 1927 г. меня перевели в Московскую военно-инженерную школу им Коминтерна... После ликвидации спецкурсов при инженерной школе меня перевели в Московскую артиллерийскую школу им. Тов. Красина. Это было в октябре 1929 г.» (РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 225. Д. 940. Ч. 1. Л. 91).

1929 г. был переломным в истории Советского Союза, в этом году в стране была проведена революция сверху, названная И.В. Сталиным «Великий перелом» (Сталин И.В. Год великого перелома: К XII годовщине Октября // Правда. 7 нояб. 1929 г. № 259), а также страна пережила первый в истории СССР военный конфликт с соседним государством³. Переломным 1929 г. стал и в биографии Ши Чжэ. Приехавшего в СССР китайца учиться коммунизму и военному делу направили в Сибирь на работу по линии Объединенного государственного политического управления (ОГПУ) СССР.

Ши Чжэ писал: «... я в декабре м-це 1929 г. был откомандирован через РВС СССР в ОО ОГПУ... Из ОО ОГПУ меня откомандировали в конце декабря 1929 г. в распоряжение ПП ОГПУ ЗСК...» (РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 225. Д. 940. Ч. 1. Л. 91). В изданных после смерти Ши Чжэ воспоминаниях говорится: «В октябре 1929 года меня перевели в Сибирское ГПУ» (Ши

Чжэ, Ши Цюлан, 2001. С. 47). В этих воспоминаниях перевод в советские спецслужбы связывается с переговорами приезжавшего в СССР для участия в работе VI съезда КПК Чжоу Энляя с советскими спецслужбами и началом летом 1929 г. советско-китайского конфликта на КВЖД.

Исследователь Ю.М. Галенович считает, что отправка Ши Чжэ в Сибирь была «проявлением большого доверия» (Галенович, 2018. С. 131). В реальности же перевод Ши Чжэ в Сибирь был своего рода наказанием, ссылкой, но одновременно это спасло молодого китайца от возможного ареста. Ши Чжэ в конце 1920-х гг. начал работать в КУТК, многие учащиеся которого в 1930 г. были арестованы. В составленном на Ши Чжэ советскими спецслужбами досье было указано: «Кроме этого из имеющихся в личном деле материалов видно, что в 1930 г. среди студентов госуниверситета трудящихся Китая была вскрыта к-р троцкистская организация из выявленных троцкистов был установлен китаец Музыченко, Карский...» (РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 225. Д. 940. Ч. 1. Л. 53).

Советские спецслужбы собрали документы, указывавшие на «неблагонадежность» Ши Чжэ. В выписке из документа за 1940 г. без даты и подписи говорится: «Карский – Китаец, интеллигент, высшее образование, член ККП с 1926 года, в КУТВ с конца 1926 года, партийно невыдержан, дезорганизатор, анархичен... Не понимает организационных принципов большевизма. Когда узнал, что ему после окончания учебного года придется поехать в Китай, то выступил с резкой критикой парткомиссии...» (РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 225. Д. 940. Ч. 1. Л. 80). Согласно документам, собранным в личном деле Ши Чжэ в Москве, в 1929 г. был поставлен вопрос об исключении Карского, вместе с некоторыми другими китайцами, из университета и из партии (РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 225. Д. 940. Ч. 1. Л. 79).

Можно предположить, что отправка Ши Чжэ в Сибирь на работу вместо возможного ареста была обусловлена обстоятельствами Советско-китайского конфликта на КВЖД 1929 г. Осенью 1929 г. конфликт затягивался, в Сибири проводились репрессии против китайского населения, появились в регионе военнопленные китайцы, и советским спецслужбам нужны были специалисты, способные работать в этом направлении.

Сам Ши Чжэ о своей отправке в Сибирь представил такие воспоминания: «Перед моим отъездом

³ Советско-китайский конфликт на КВЖД 1929 г.

в Сибирь со мной беседовал сотрудник аппарата ЦК КПСС Воропенов. Этот человек до Октябрьской революции работал рабочим в Харбине и Маньчжурии и знал несколько слов по-китайски. Содержание его беседы со мной было примерно таким: «Организация направила вас на работу в Сибирь, главная задача – помогать местным работам и на практике учиться самому. Отработать необходимо минимум два года». Я знал, что условия в Сибири тяжелые, но коммунисты подчиняются требованиям партии, не торгуюсь. Я пошел на работу с удовольствием. В конце 1929 г. я добрался до столицы Сибирского края Новосибирска⁴» (Ши Чжэ, Ши Цюлан, 2001. С. 48).

В Новосибирске Ши Чжэ начал служить под началом полномочного представителя ОГПУ по Сибири Заковского⁵. Непосредственным начальником Ши Чжэ стал начальник контрразведывательного отдела и помощник полномочного представителя А.К. Зальпетер⁶. В воспоминаниях Ши Чжэ говорится: «С 1929 по 1932 год я был единственным китайцем в этом отделе. Они очень заботились обо мне и уделяли внимание моему росту» (Ши Чжэ, Ши Цюлан, 2001. С. 49).

В Новосибирске Ши Чжэ не порвал связей с другими китайцами, жившими в СССР, посещал Москву, встречался с китайскими деятелями, проезжавшими через Сибирь на Дальний Восток и обратно. Ши Чжэ сам приводил такие примеры: «В сентябре 1930 г. я был в Москве, где заходил в Восточный отдел Коминтерна к т. Вагнер» (РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 225. Д. 940. Ч. 1. Л. 91). Другой пример, объясняя советским спецслужбам свое знакомство с китайским коммунистом Ван Ючжи (Музыченко), он писал: «В 1930 г. или 1931 г. возвращаясь из Владивостока в Москву, при встрече на ст. Н-сибирск, он мне рассказал... Моя связь с Музыченко заключалась в том, что он являлся моим земляком» (РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 225. Д. 940. Ч. 1. Л. 60).

Первый период работы в Сибири был насыщен событиями и поездками. Сам Ши Чжэ вспоминал: «Я с 1929 по 1931 год, два года в Сибири, на восток в Читу, на запад в Тюмень, на юго-запад в Алтай, в

Алматы, Ташью, на север в Томск, в Нарыму и так далее, в каждый город, в каждую деревню, каждую горную реку, я ходил, был хорошо знаком, я любил эту огромную землю» (Ши Чжэ, Ши Цюлан, 2001. С. 55). В числе первых своих заданий, выполненных новым оперативником, была проверка и освобождение из мест заключения китайцев, арестованных в Советском Союзе в качестве заложников во время советско-китайского Конфликта на КВЖД в 1929 г. (Ши Чжэ, Ши Цюлан, 2001. С. 50).

Служба в Новосибирске не вызвала, очевидно, энтузиазма у Ши Чжэ. В своих воспоминаниях он пишет, что уже с 1930 г. обращался к китайским представителям в Коминтерне с просьбой о возвращении на родину, в Китай. Не получив ответа на эти просьбы, Ши Чжэ летом 1931 г. во время поездки на южный курорт посетил восточный отдел Коминтерна в Москве. Не найдя коминтерновцев-китайцев, он договорился с другими членами Коминтерна о возвращении в Китай для работы в армии генерала Хэ Луна⁷. Пройдя санаторно-курортное лечение по возвращении в июле 1931 г. в Москву Ши Чжэ ждал окончания процедуры формирования китайской группы для выезда в Китай. В Москве он жил у тещи своего земляка Ван Ючжи (Музыченко) – Н. Филатовой. Близкие отношения с Ван Ючжи позволяют предположить, что Ши Чжэ в то время дружил с сыном Чан Кайши – Цзян Цзинго.

Ши Чжэ попал в список направляемых для подпольной работы в Китае воспитанников советских учебных заведений. Он вместе со своим соучеником по Академии инженерных войск земляком Ван Чжэньюанем и студентом Военно-политической академии сычуаньцем с русской фамилией Чайлов выехал на поезде во Владивосток.

Дорога на родину шла через Сибирь. В воспоминаниях Ши Чжэ говорится: «Проезжая станцию Новосибирск, я позвонил начальнику одного из подразделений, где я работал, по имени... и попросил его доставить нам одну или две вещи одежды и еду. Оказывается, я сделал глупость. Сибирское МВД не знало, что я возвращаюсь домой, так что они узнали, что я не могу вернуться» (Ши Чжэ, Ши Цюлан, 2001. С. 51).

Некоторое время Ши Чжэ, ожидая парохода в Китай, жил во Владивостоке, об этом он сам писал в

⁴ Ши Чжэ называет Новосибирск Синьсибиэрсукэ (新西伯利亚斯克), отмечая, что китайцы называют город Синьсиболия (新西伯利亚).

⁵ Заковский Л.М. (Настоящая фамилия Г.Э. Штубис, 1894–1938).

⁶ Зальпетер А.К. (1899–1939).

⁷ 贺龙 (1896–1969).

одном из документов: «Последняя встреча с Музыченко была осенью 1931 г. на Востоке, где ожидали отправку страну» (РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 225. Д. 940. Ч. 1. Л. 60). В силу изменившейся в сентябре 1931 г. военно-политической ситуации на Дальнем Востоке Ши Чжэ не смог выехать на родину. В воспоминаниях утверждалось, что в то время, когда он ехал во Владивосток, по представлению новосибирского ОГПУ сам Н.И. Бухарин приказал оставить Ши Чжэ для работы в Сибири (Ши Чжэ, Ши Цюлан, 2001. С. 53). Возможно, автор воспоминаний не точно описал события, так как Н.И. Бухарин еще в 1929 г. был отстранен от работы в Президиуме Исполкома Коминтерна и выведен из Политбюро ЦК ВКП(б).

Получив приказ из Коминтерна остаться работать в СССР, Ши Чжэ в октябре 1931 г. вернулся в Москву, где некоторое время жил, как и другие китайские коммунисты, в гостинице «Люкс» на Тверской (ул. Горького). В мемуарах он отмечает, что жил в гостинице в одном номере с известным китайским революционером и ученым Ли Цяном⁸, встречался и дискутировал с Ли Лисанем⁹, Лю Жэньцзином¹⁰, Ли Сюэ¹¹, Лю Жэньшоу¹² и др.

В конце 1931 г. Коминтерн вновь направил Ши Чжэ на работу в Сибирь. Сам он пишет: «В конце ноября я вернулся в Новосибирск и устроился на новую работу. Меня повысили от капитана до подполковника, а затем до полковника» (Ши Чжэ, Ши Цюлан, 2001. С. 54). Факт получения оперативником Ши Чжэ звания полковник представляется сомнительным, если учитывать, что в 1937 г. начальник УНКВД по Новосибирской области имел звание старший майор¹³, а в начале 1939 г. управление возглавлял капитан госбезопасности.

Согласно воспоминаниям Ши Чжэ, он, как сотрудник ОГПУ, принимал участия в самых разных мероприятиях, связанных с обеспечением безопасности в Новосибирске во время различных праздников и мероприятий или когда в столице Сибири при-

езжали высокопоставленные советские деятели. Особо он отмечает участие в обеспечении безопасности иностранных лиц, посещавших Сибирь. В начале 1930-х гг. Новосибирск стал ключевым пунктом в системе советско-китайских отношений. С 1933 г. в регионе проездом или для решения различных вопросов бывали дипломаты Китайской Республики. В сентябре 1933 г. Новосибирск проездом посетил китайский консул в Семипалатинске Чжао Гобин (Государственный архив Новосибирской области (ГАО). Ф. Р-47. Оп. 5. Д. 196. Л. 1). Затем в столицу Сибири приехал министр иностранных дел Китая Ло Вэньгань. В письме руководства 2-го Восточного отдела НКВД СССР к полпреду в Китайской Республики от 17 октября 1933 г. говорилось: «Ло также сообщил т. Грядинскому о решении открыть в Новосибирске китайское консульство для облегчения связи между Китаем, Западным Китаем и Москвой» (Русско-китайские..., 2010. С. 217)¹⁴. В 1934 г. в Новосибирске было открыто генконсульство Китайской Республики (Цыплаков, 2007. С. 111). Первым генконсулом в столице Сибири стал Ли Фан, в 1935 г. его сменил Чжан Датянь¹⁵. Ши Чжэ в своих воспоминаниях особо отмечал работу с генконсулом Ли Фаном.

Основная работа Ши Чжэ в Новосибирске была связана с китайскими мигрантами. Однако в воспоминаниях этого деятеля, как и документах, имеющих в личном деле, почти не отражена содержательная часть этой работы. Ю.М. Галенович приводит такой отрывок из воспоминаний Ши Чжэ: «В конце 1931 года, после того как я вернулся работать в Новосибирск, моя задача стала заключаться в том, чтобы принимать китайцев – простых людей, добровольцев, партизан, которые из-за агрессии японского империализма были вынуждены бежать в СССР, а также патриотически настроенных гоминьдановцев, которые, потерпев поражение в боях, были вынуждены бежать в СССР...» (Галенович, 2018. С. 140). В издании воспоминаний 2001 г. кратко отмечается: «С конца 1931 по 1938 год, когда я уехал, я организовал в Сибири более 15 000 человек для пересечения границы» (Ши Чжэ, Ши Цюлан,

⁸ 李强 (1905–1996).

⁹ 李立三 (1899–1967).

¹⁰ 刘仁静 (1902–1987).

¹¹ 李雪.

¹² 刘仁寿.

¹³ УНКВД по Новосибирской области – УВД исполкома Новосибирского областного Совета // https://shieldandword.mozohin.ru/VD3462/terr_org/oblast/novosib.htm (дата обращения: 12.07.2023).

¹⁴ Русско-китайские отношения в XX в. Материалы и документы. Т. III: Советско-китайские отношения (сентябрь 1931 – сентябрь 1937 гг.). / Отв. ред. С.Л. Тихвинский. М.: Памятники исторической мысли, 2010. 861 с.

¹⁵ 张大田 (1899–?).

2001. С. 60). Речь здесь шла, очевидно, о командовании и личном составе китайских армий, разбитых японцами в 1932–1933 гг. в Маньчжурии и интернированных в СССР. В числе генералов, которых принимал Ши Чжэ, согласно его воспоминаниям, были Ли Ду, Дин Чао, Ван Дэлин, Су Бинвэнь, Ма Чжаншань и др. Ши Чжэ ездил в Иркутск для встречи руководства армии Су Бинвэня, и затем сопровождал генералов до Томска. Необходимо отметить, что Ши Чжэ не мог встречаться с Дин Чао, так как этот генерал сдался японцам в Маньчжурии, но речь, возможно, шла о части солдат и офицеров его армии, перешедших советскую границу вместе с войсками генерала Ли Ду.

В воспоминаниях особое внимание уделено генералу Ма Чжаншаню, который въехал в СССР инкогнито. Ши Чжэ утверждал, что в Томске он учил Ма Чжаншаня писать иероглифы, приводил пример, когда испугавшийся репрессий за сотрудничество в прошлом с японцами, этот китайский генерал вставал на колени перед ним, прося о защите (Ши Чжэ, Ши Цюлан, 2001. С. 65). С другой стороны, Ши Чжэ вспоминал, что записал рассуждения Ма Чжаншаня о стратегии и тактике войны в сложившихся условиях, и начальство «придало им большое значение» (Ши Чжэ, Ши Цюлан, 2001. С. 66).

В своих воспоминаниях Ши Чжэ пишет, что Москва оценила слаженную работу сибиряков, обеспечившую прием, размещение и возвращение на родину интернированных китайцев. По указанию из Москвы в Новосибирске составили список сотрудников, достойных высоких наград за проделанную работу, в этом списке «первым был Карский» (Ши Чжэ, Ши Цюлан, 2001. С. 79). Однако Ши Чжэ с возмущением констатировал, что его не только не наградили, но даже нигде не упомянули его вклада в данное дело. Правда, и фундаментальное исследование С.М. Силонова, как и труды других историков по проблемам интернирования китайцев в Сибири в 1930-х гг., не подтверждают заметной роли Ши Чжэ в этих событиях.

Ши Чжэ занимался оставшимися жить и работать в Сибири интернированными китайцами из состава небольших воинских соединений и партизанских отрядов. К середине 1930-х гг. на территории Западной и Центральной Сибири находилось около 1 тыс. интернированных, которые оказались в тяжелом положении, нередко совершали противоправ-

ные действия и пытались добиться возвращения на родину. Ши Чжэ писал: «Как коллективно, так и индивидуально, после пересечения границы в первую очередь встречаются пограничники, которых пограничники переправляют в тыл – в Сибирь, под управление МВД, которое этим конкретно занимается. Я был так занят в одиночку, что в 1933–1934 гг. мне на некоторое время организационно помогали Тан Ючжан и другой человек по фамилии Медведь (Хубэй), а Тан Ючжан был направлен в Прокопьевск, где трудились китайские солдаты, в качестве заместителя директора угольной шахты, именуемого начальником корпуса солдатского труда. Но с точки зрения общей картины и всего процесса этой работы, это в основном моя личная задача» (Ши Чжэ, Ши Цюлан, 2001. С. 60). Исследователь С.М. Силонов привел документы о работе Ши Чжэ на этом направлении в середине 1930-х гг.: «Ряд дел (как минимум два), возбужденных в Новосибирске, расследовались сотрудником ОГПУ (а затем НКВД) М.А. Карским, этническим китайцем. Знание особенностей национальной психологии обвиняемых и владение языком, вероятно, помогало, ему при проведении следствия» (Силонов, 2015. С. 129). В частности, Ши Чжэ вел дела, возбужденные в отношении капитана Бао Фучэна, который совершил четыре попытки побега на родину. С.М. Силонов привел такой пример: «В ходе расследования дела о подготовке покушения на командира рабочего полка П.И. Сойкина М.А. Карский во время допроса затронул моральный аспект поведения Бао Фучэна... – “признаете ли вы тот факт, что ваши разговоры о необходимости убить руководящих лиц кит. интернированными дали интернированным толчок, чтобы это намерение претворилось в жизнь” – и вынуждает Бао Фучэна признать, что его слова были восприняты подчиненными как руководство к практическим действиям» (Силонов, 2015. С. 129–130).

Ши Чжэ работал в отделе, занимавшемся разведывательной и контрразведывательной деятельностью. Он писал: «По возвращении в Новосибирск моя главная задача состояла в том, чтобы допрашивать шпионов и организовывать пересечение границ СССР китайцами и выходцами из азиатских стран, в основном китайцами» (Ши Чжэ, Ши Цюлан, 2001. С. 56). Однако он сам признавал, что большинство арестованных китайцев не были и не могли быть шпионами. В воспоминаниях говорится: «Замести-

тель начальника, руководитель 3-го управления Новосибирска ГПУ Науйокайдис, латыш, сказал мне ...: «Дела иностранных шпионов, с которыми мы имеем дело, десять процентов таблеток – это подозрительные случаи шпионажа. Настоящие шпионы, которых мы имеем очень ограниченный доступ. Настоящие шпионы, большинство из которых имеют открытую профессию, законный статус в качестве прикрытия, они могут действовать открыто или полуоткрыто». Его слова были откровенными и реалистичными» (Ши Чжэ, Ши Цюлан, 2001. С. 57).

В Сибири Ши Чжэ занимался делами разных китайцев, осужденных в СССР. В воспоминаниях говорится об одном из основателей Коммунистической партии Китая, которого он навел в Томске: «В 1933–1934 гг. начальник томских охранных органов по делам ссыльных докладывал мне, что один из заключенных, находившихся у них, Ян Минчжай¹⁶, был китайцем, что он, по его словам, старый коммунист, старый партизан, участвовавший в гражданской войне в СССР, старый большевик КПСС 1919 года, ветеран КПК и так далее. Я решил лично навещать его и узнать о его состоянии. Я совершил специальную поездку к нему дважды, узнал о некоторых ситуациях, но не смог помочь ему» (Ши Чжэ, Ши Цюлан, 2001. С. 68). Ши Чжэ утверждал, что Ян Минчжай умер в 1936 г. в Томске, однако сохранившиеся в архивах документы указывают на то, что в 1938 г. он был расстрелян в Московской области по постановлению тройки НКВД СССР (Чжоу Гочан, Сунь Ичжи, 2021. С. 550).

В воспоминаниях Ши Чжэ говорится о том, что он успешно взаимодействовал с руководством региональных органов спецслужб. Например, он пишет: «У меня сложились глубокие чувства с окружающими меня товарищами, в том числе с начальником Особого отдела Сибирского военного округа, генералом Булатовым, на два года младше меня, молодым кадром, воспитанным при советской власти. Он любит Китай, сочувствует и заботится о китайской революции. Работая со мной в одном здании и каждый день на работу, он часто сначала приходил ко мне в кабинет, чтобы узнать о Красной Армии Китая. Для этого он дал мне большую карту Китая и попросил меня каждый день отмечать направление и местоположение движения Красной Армии

маленьким красным флагом» (Ши Чжэ, Ши Цюлан, 2001. С. 74). Правда, нам не удалось найти высокопоставленного сотрудника НКВД в Новосибирске по фамилии Булатов, а руководители такого уровня обычно имели звания комиссар госбезопасности 3-го ранга, капитан или майор.

Несмотря на фигурировавшие в воспоминаниях указания полное взаимопонимание с руководством региональных спецслужб, жизнь его не была безоблачной. В воспоминаниях Ши Чжэ постоянно говорилось о тяжелых условиях жизни в Новосибирске, плохом питании, дефиците товаров первой необходимости. Сибирский исследователь А.Г. Тепляков пишет: «особист М.А. Карский в течение четырёх месяцев ждал от санчасти курортной путёвки, но так и не получил её, несмотря на резолюцию замначальника УНКВД» (Тепляков, 2008. С. 541). Выше уже отмечалось, что Ши Чжэ жаловался на то, что не получал заслуженных, по его мнению, наград.

Руководство было довольно работой Ши Чжэ. В сохранившейся в личном деле Ши Чжэ «Справке на бывшего оперуполномоченного 3-го отдела УНКВД по Новосибирской области Карского» говорится: «к выполнению своих обязанностей относился добросовестно, дисциплинирован, поручения по оперзданиям выполнял аккуратно» (РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 225. Д. 940. Ч. 1. Л. 54). Приказом НКВД СССР № 176 от 22 марта 1936 г. М.А. Карскому было присвоено звание младшего лейтенанта государственной безопасности¹⁷. В конце 1936 г. Карский оказался в той группе особистов, которая вошла во вновь созданный отдел контрразведки УНКВД по Запсибкраю. Его участие зафиксировано во многих делах, например, в деле на 38 китайцев и корейцев, арестованных в Новосибирске и допрошенных в течение трех дней – с 15 по 17 декабря 1937 г. В последние годы службы в Сибири Ши Чжэ занимал должность оперуполномоченного 3-го отдела УНКВД по Новосибирской области.

В своих воспоминаниях он однозначно позитивно оценивает деятельность советских спецслужб в Сибири и постоянно отмечает, что он занимался борьбой с японским шпионажем. По утверждению Ши Чжэ, большинство проблем в советско-китайских

¹⁶ 杨明斋.

¹⁷ Приказ НКВД СССР № 176 от 22.03.1936 – часть 1 из 2. URL: <https://nkvd.memo.ru/index.php> (дата обращения: 12.07.2023).

отношениях были созданы агрессивными намерениями Японии.

Работая в Новосибирске, Ши Чжэ сохранял связь с руководством Коминтерна в Москве и с Китаем. Он вел переписку с Ван Мином, представлявшим КПК в Исполкоме Коминтерна. В переписке обсуждались различные события в Китае. Новый начальник УНКВД по Новосибирской области капитан госбезопасности Г.И. Кудрявцев в 1939 г. писал: «Карский связь имел письменную с Китаем, хотя эта переписка внешне носила семейный характер, но по существу давала все основания подозревать Карского в ведении совершенно другого характера переписки» (РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 225. Д. 940. Ч. 1. Л. 52).

Работая в Новосибирске, Ши Чжэ все время хотел вернуться в Китай. На это указывает сохранившаяся в его личном деле переписка с Ван Мином. В письме от 15 ноября 1935 г. говорилось: «считаю необходимым просить Вас разрешить вопрос о направлении меня на рев. работу в Китай, ибо я северянин и уверен, что могу с успехом выполнять поручения партии» (РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 225. Д. 940. Ч. 1. Л. 22).

В Новосибирске Ши Чжэ «окончательно» стал коммунистом, был вновь принят в кандидаты в члены ВКП(б). В анкете Ши Чжэ писал: «В марте 1927 г. вступил в кит. ком. партию, затем был переведен в ряды ВКП(б), кандидатом. Летом 1929 г. был переведен в действительные члены, но ввиду отъезда из Москвы и не имея парт. документов, пришлось в 1931 г. вновь оформлять партпринадлежность», а в разделе «партийность» указал: «Кандидат в члены ВКП(б) с 1931 г. кандидатская карточка № 0000925» (РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 225. Д. 940. Ч. 1. Л. 4¹). Очевидно, такая противоречивая ситуация с партийностью Ши Чжэ и вторичное вступление его в партию были связаны с начавшейся в 1929 г. в Москве процедурой исключения китайца Карского из партийных рядов.

В Сибири Ши Чжэ создал новую семью, он женился на машинистке Ачинского райкома ВКП(б) А.А. Ченцовой (РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 225. Д. 940. Ч. 1. Л. 109¹). В 1930-х гг. А.А. Ченцова-Карская работала заведующей секретной частью в хозяйственных и советских структурах Новосибирска. В 1934 г. в семье у Карских родилась дочь, а в 1937 г. – сын.

Ши Чжэ, работая в Новосибирске, внес свой вклад в дело «Большого террора» – массовых поли-

тических репрессий второй половины 1930-х гг. Исследователь А.Г. Тепляков утверждает, что «его участие зафиксировано во многих делах. Например, в деле на 38 китайцев и корейцев, арестованных в Новосибирске и допрошенных в течение трех дней – с 15 по 17 декабря 1937 г.» (Тепляков, 2009. С. 301). По составленному им обвинительному заключению в январе 1938 г. были вынесены смертные приговоры. Тем не менее Ши Чжэ не принял участие в так называемой «Китайской операции» – репрессивной кампании в Советском Союзе, направленной именно против этнических китайцев. Директива народного комиссара внутренних дел СССР Н.И. Ежова с требованием «начать «Китайскую» операцию» вышла 1 февраля 1938 г. (Калкаев, 2021. С. 203), но на следующий день Ши Чжэ был уволен из внутренних органов. В Приказе НКВД СССР № 257 от 09.02.1938 г. говорилось об увольнении оперуполномоченного 3-го отдела УНКВД по Новосибирской области М.В. Карского «с исключением с учета согласно Положения о прохождении службы начсоставом ГУГБ НКВД»¹⁸.

Ши Чжэ был уволен из органов не за какие-либо проступки или не согласие в проводившейся политикой, а из-за своей национальности. Ю.М. Галенович пишет: «В 1938 году в СССР было принято решение уволить из наркоматов обороны, внутренних дел и иностранных дел всех «нерусских». Людей не из СССР. Ши Чжэ был необходим его начальникам в Новосибирске, в местных «органах». Они попытались оставить его формально как бы на работе в администрации исправительно-трудового лагеря... Однако этого добиться не удалось... Когда Ши Чжэ оказался без работ в «органах», он решил ехать в Москву в делегацию КПК при Коминтерне» (Галенович, 2018. С. 141).

В воспоминаниях, вышедших в 2001 г., выделен отдельный параграф под названием «Ушел возмущенным». Ши Чжэ рассуждает о том, что в сталинские времена была разрушена ленинская национальная политика, в результате победы «великорусского шовинизма» он, как и другие иностранцы, был уволен из «органов». Ши Чжэ писал, что все его кол-

¹⁸ Кадровый состав органов государственной безопасности СССР. Карский, Михаил Иванович // <https://nkvd.memo.ru/index.php/> (дата обращения: 12.07.2023).

леги сочувствовали ему, возмущались несправедливому решению. Завершает свои воспоминания о работе в Сибири Ши Чжэ следующими словами: «Люди, увольняющиеся из МВД, могут получать зарплату за несколько месяцев одновременно, а также пенсии по старости, пенсии и так далее, вместе взятые, довольно внушительные. Но в гневе я не взял ни копейки, взял только билет на поезд и поехал в Москву» (Ши Чжэ, Ши Цюлан, 2001. С. 84).

Таким образом, в 1938 г. закончился сибирский период жизненного пути Ши Чжэ. Он уехал из Новосибирска в Москву, где благодаря покровительству одного из руководителей советских спецслужб Г.И. Мордвинова и представителя КПК в Коминтерне Ван Мина смог избежать репрессий и поработать на ответственных должностях. В мае 1939 г. в Исполкоме Коминтерна была создана группа по разработке документов для КПК, которую возглавил Г.И. Мордвинов. Куратором этой группы стал новый представитель КПК при ИККИ Жэнь Биши¹⁹, который тесно взаимодействовал с Чжоу Энляем. Недавно прибывший из Сибири Ши Чжэ был включен в состав этой группы. Оказавшись рядом с представителями КПК и центральных советских спецслужб, он мог завоевать их доверие, что и определило его дальнейшую судьбу. 6 марта 1940 г. Ши Чжэ, оставив жену с детьми в Москве, выехал в Китай (РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 225. Д. 940. Ч. 1. Л. 73).

Долгое время Ши Чжэ считался находящимся в командировке в Китае, но он больше не вернулся на постоянное жительство в СССР, а его русская семья получала пособие, назначаемое политэмигрантам и членам их семей.

Сначала руководство КПК использовало Ши Чжэ, как опытного сотрудника спецслужб, с 1943 г. он начал работать переводчиком ЦК КПК, а в

1945 г. возглавил канцелярию, отвечавшую за переводы в отношениях китайских коммунистов с Советским Союзом. Согласно воспоминаниям современников Ши Чжэ был единственным переводчиком, обслуживавшим связи ЦК КПК с Советским Союзом, переводил переговоры Мао Цзэдуна с И.В. Сталиным, у него на хранении оставались и все документы советско-китайской переписки. Ши Чжэ также сотрудничал с советскими китаеводами, вместе с ними в начале 1950-х гг. он занимался переводом произведений Мао Цзэдуна на русский язык (Бухерт, 2022. С. 92).

Ши Чжэ неоднократно приезжал в Москву в командировки и на лечение. Связи со своей семьей, по крайней мере, в 1950-х гг., он не терял. Сын и дочь М.А. Карского носили его фамилию и приезжали в Китай на летние каникулы.

Ши Чжэ оставался переводчиком Мао Цзэдуна до 1957 г., затем он, согласно свидетельству современников, добровольно перешел на работу в провинцию Шаньдун. В 1962 г. Ши Чжэ был арестован, и лишь через 20 долгих лет он был полностью реабилитирован. Последние годы своей жизни Ши Чжэ посвятил написанию воспоминаний и подготовке их к изданию. Умер бывший оперативный сотрудник Полномочного представительства ОГПУ по Западно-Сибирскому краю и личный переводчик Мао Цзэдуна в Пекине в 1998 г.

Уникальная и насыщенная событиями биография Ши Чжэ во многом была типичной для китайских коммунистов XX в., связавших свою жизнь с Советским Союзом. При этом его можно отнести к числу наиболее ярких и продуктивных деятелей советско-китайского взаимодействия середины XX в. Без сомнения, почти десятилетний опыт жизни и работы в Сибири позволил Ши Чжэ не только добиться возвращения в Китай, но и стать главным для руководства КПК специалистом по Советскому Союзу и советско-китайским отношениям.

¹⁹ 任弼时 (1904–1950).

Список источников

Бухерт В.Г. Как зовут китайского лидера // Восточный архив. 2022. № 2 (46). С. 92–94. <https://doi.org/10.31696/2072-5795-2022-2-92-94>. EDN: LJVCBY.

Галенович Ю.М. За кулисами советско-китайских отношений («Судьба толмача»). М. : Русская панорама, 2018. 704 с.

Гончаров С.Н. «Диалог Мао Цзэдуна со Сталиным»: история одного интервью через призму одной жизни //

References

Bukhert V.G. (2022) What is the name of the Chinese leader. *Vostochnyi arkhiv = Eastern Archive*. No. 2 (46). P. 92–94. (In Russ.). <https://doi.org/10.31696/2072-5795-2022-2-92-94>. EDN: LJVCBY.

Galenovich Yu.M. (2018) Behind the scenes of Soviet-Chinese relations ("The Fate of the interpreter"). Moscow: Russian Panorama. 704 p. (In Russ.).

Goncharov S.N. (2013) "Mao Zedong's Dialogue with Stalin": the story of one interview through the prism of one

Общество и государство в Китае. Шанхай : Восточно-Китайский педагогический университет, 2013. Т. 43. № 2. С. 327–372. EDN: YPPUKN.

Гончаров С.Н. Интервью с И.В. Ковалевым: две трактовки фактов истории // Проблемы Дальнего Востока. 2014. № 3. С. 107–124. EDN: SILUBL.

Дацышен В.Г. Политические репрессии и китайцы в СССР // Сибирская ссылка : сборник научных статей. Иркутск : Оттиск, 2009. Вып. 5 (17). С. 480–504. EDN: XXUEIL.

Калкаев Е.Г. Китайская линия. Место репрессий против китайцев в «национальных» операциях НКВД // Общество и государство в Китае. 2021. Т. 51. № 40-1 С. 192–211. <https://doi.org/10.31696/9785907384699-2021-51-1-192-211>. EDN: GTYZXY.

Кишкина Е.П. (Ли Ша). Из России в Китай: путь длиною в сто лет: мемуары. М.: Шанс, 2018. 583 с.

Панцов А.В. Мао Цзэдун. 2-е изд., испр. М.: Молодая гвардия, 2012. 867 с.

Папков С.А. Сталинский террор в Сибири. 1928–1941. Новосибирск : Изд-во Сибирского отделения Российской академии наук, 1997. 273 с.

Силонов С.М. Интернированные китайцы в Сибири (1930-е годы). Красноярск : Сиб. федер. ун-т, 2015. 199 с.

Сотникова И.Н. Китайский сектор Коминтерна: организационные структуры, кадровая и финансовая политика: 1919–1943 гг. М.: Наука; Вост. лит., 2015. 407 с. EDN: TMMBWM.

Тепляков А. Агент для «великого кормчего». Неизвестное «китайское лицо» ЧК-НКВД // Политический журнал. 2007. № 23–24 (166–167). С. 106–109. EDN: VUXFNH.

Тепляков А.Г. Машина террора: ОГПУ-НКВД Сибири в 1929–1941 гг. М.: Новый Хронограф; АИРО-XXI, 2008. 608 с. EDN: UNBHFD.

Тепляков А.Г. Опричники Сталина. М.: Яуза; Эксмо, 2009. 432 с. EDN: UMZVZL.

Цыплаков И.Ф. Новосибирск. История. События. Факты // Новосибирский архивный вестник: информационно-методический бюллетень управления государственной архивной службы Новосибирской области. 2007. № 22. С. 104–131.

Чжоу Гочан, Сунь Ичжи. Первая брошюра об Октябрьской революции на китайском языке: рукопись «Что дала нам Октябрьская революция» // Новейшая история России. 2021. Т. 11. № 2. С. 528–554. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2021.215>. EDN: SLMQQE.

Ши Чжэ. Сопровождая Председателя Мао // Проблемы Дальнего Востока. 1989. № 1. С. 139–148.

Юнге М., Бордюгов Г., Биннер Р. Вертикаль большого террора: История операции по приказу НКВД № 00447.

life. *Obshchestvo i gosudarstvo v Kitae = Society and the State in China*. Shanghai: East China Pedagogical University. Vol. 43. No. 2. P. 327-372. (In Russ.). EDN: YPPUKN.

Goncharov S.N. (2014) Interview with I.V. Kovalev: two interpretations of the facts of history. *Problemy Dal'nego Vostoka = Problems of the Far East*. No. 3. P. 107-124. (In Russ.). EDN: SILUBL.

Datsyshen V.G. (2009) Political repression and the Chinese in the USSR. *Sbornik nauchnykh statei = Siberian link. Collection of scientific articles*. Iss. 5 (17). Irkutsk: Ottisk. P. 480-504. (In Russ.). EDN: XXUEIL.

Kalkaev E.G. (2021) Chinese Line. The mass repression against the Chinese and the “national operations” of the NKVD. *Obshchestvo i gosudarstvo v Kitae = Society and the State in China*. Vol. 51. No. 40-1. P. 192-211. (In Russ.). <https://doi.org/10.31696/9785907384699-2021-51-1-192-211>. EDN: GTYZXY.

Kishkina E.P. (Li Sha). (2018) From Russia to China: a journey of a hundred years: memoirs. Moscow: “Chance”. 583 p. (In Russ.).

Pantsov A.V. (2012) Mao Zedong. Moscow: Molodaya gvardiya. 867 p. (In Russ.).

Papkov S.A. (1997) Stalin's terror in Siberia. 1928–1941. Novosibirsk: Publishing House of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. 273 p. (In Russ.).

Silonov S.M. (2015) Interned Chinese in Siberia (1930s). Krasnoyarsk: SFU. 199 p. (In Russ.).

Sotnikova I.N. (2015) The Chinese section of the Comintern: the organizational structures, personnel and financial policies: 1919-1943. Moscow: Nauka; Vost. lit. 407 p. (In Russ.). EDN: TMMBWM.

Teplyakov A. (2007) Agent for the “great helmsman”. Unknown “Chinese face” of the Cheka-NKVD. *Politicheskii zhurnal = Political Journal*. No. 23-24 (166-167). P. 106-109. (In Russ.). EDN: VUXFNH.

Teplyakov A.G. (2008) The Machine of terror: OGPU-NKVD of Siberia in 1929-1941. Moscow: New Chronograph; AIRO-XXI. 608 p. (In Russ.). EDN: UNBHFD.

Teplyakov A.G. (2009) Stalin's Oprichniks. Moscow: Yauza; Eksmo. 432 p. (In Russ.). EDN: UMZVZL.

Tsyplakov I.F. (2007) Novosibirsk. History. Events. Faks. *Novosibirskii arkhivnyi vestnik: informatsionno-metodicheskii byulleten' upravleniya gosudarstvennoi arkhivnoi sluzhby Novosibirskoi oblasti = Novosibirsk Archival Bulletin: Information and Methodological Bulletin of the Department of State Archival Service of the Novosibirsk Region*. No. 22. P. 104-131. (In Russ.).

Zhou Gochang, Sun Yizhi. (2021) The first brochure about the October Revolution in Chinese: the manuscript “What the October Revolution gave us”. *Noveishaya istoriya Rossii = Modern History of Russia*. Vol. 11. No. 2. P. 528-554. (In Russ.). <https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2021.215>. EDN: SLMQQE.

Shi Zhe. (1989) Accompanying Chairman Mao. *Problemy Dal'nego Vostoka = Problems of the Far East*. No. 1. P. 139-148. (In Russ.).

Yunge M., Bordyugov G., Binner R. (2008) The Vertical of the Great Terror: The history of the operation by order of

М.: Новый Хронограф; АИРО-XXI, 2008. 784 с.

Ши Чжэ, Ши Цюлан. Водэ ишэн – Ши Чжэ цзышу (师哲, 师秋朗。我的一生 - 师哲自述; Моя жизнь – Воспоминания Ши Чжэ). Пекин: Жэньминь чубаньше, 2001. 515 с.

Янь Минфу. Цинли чжун-су гуаньси – Чжунъян баньгунтин фаньи цзу дэ ши нянь (阎明复. 亲历中苏关系 - 中央办公厅翻译组的十年 (1957–1966); Янь Минфу. Личная история китайско-советских отношений – десять лет (1957–1966) работы в команде переводчиков Канцелярия ЦК КПК). Пекин: Жэньминь чубаньше, 2015. 440 с.

Цзай лиши цзюйжэнь шэньбянь: Ши Чжэ хой лу (сюйдин бэнь) / Ли Хайвэнь чжэнли (在历史巨人身边 - 师哲回忆录 (修订本) / 师哲回忆录 / 李海文整理; Подле исторического исполина: запись воспоминания Ши Чжэ. (Отредактированное издание) / Ред. Ли Хайвэнь). Пекин: Чжунъян вэньсюань чубаньшэ (Издательство документации ЦК КПК), 1991. 614 с.

Информация об авторах

Ли Вэньгэ,

доктор филологических наук, профессор, Институт международных исследований, Харбинский политехнический университет, 150001, г. Харбин, ул. Сидаци, № 92, КНР, e-mail: yuqilihit@126.com

Дацзышен Владимир Григорьевич,

доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН, 107031, г. Москва, ул. Рождественка, 12, Россия; профессор кафедры всеобщей истории, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева, 660049, г. Красноярск, ул. А. Лебедевой, 89, Россия, e-mail: dazishen@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6471-8327>

Вклад авторов

Все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 8 августа 2023 г.; одобрена после рецензирования 4 сентября 2023 г.; принята к публикации 11 сентября 2023 г.

the NKVD No. 00447. Moscow: New Chronograph; AIRO-XXI. 784 p. (In Russ.).

Shi Zhe, Shi Qiulang. Voda ishen – Shi zhe czasu (师哲, 师秋朗。我的一生 - 师哲自述; My life - Memories of Shi zhe). Beijing: Renmin chubanshe, 2001. 515 p.

Yan Mingfu. Cinili Jung-su Guanxi – Junyan bangunan fanyi zu Shi de nian (阎明复. 亲历中苏关系 - 中央办公厅翻译组的十年 (1957–1966); Yang Ming fu. Personal history of Sino-Soviet relations – ten years (1957–1966) of working in a translation team (CPC Central Committee Office). Beijing: Renmin chubanshe, 2015. 440 p.

Zai Lishi juzhen shenbian – Shi Zhe huilu (Xudin ben) / Whether Hayvani of Jinli (在历史巨人身边 - 师哲回忆录 (修订本) / 师哲回忆录 / 李海文整理; Next to the giants of history – memories of Shi zhe. (Edited edition) / Ed. Li Haiwen). Beijing: Zhongyang wenxuan chubanshe (Publishing House of Documentation of the CPC Central Committee), 1991. 614 p.

Information about the authors

Li Wenge,

Dr. Sci. (Philology), Professor, School of International Studies, Harbin Institute of Technology, 150001, China, Harbin, Sidazhi Street №92, e-mail: yuqilihit@126.com

Vladimir G. Datsyshen,

Dr. Sci. (History), Professor, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, 12, Rozhdestvtnka St., Moscow 107031, Russia, Professor of the Department of World History, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astaf'ev 82, A. Lebedeva St., Krasnoyarsk 660049, Russia, e-mail: dazishen@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6471-8327>

Contribution of the authors

The authors contributed equally to this article.

Conflict of interests

The authors declare no conflict of interests.

The authors have read and approved the final manuscript.

Article info

The article was submitted August 8, 2023; approved after reviewing September 4, 2023; accepted for publication September 11, 2023.

История

Научная статья
УДК 94(47)
EDN: VOGZSS
DOI: 10.21285/2415-8739-2023-3-161-170

Роль журнала «Крокодил» в антиалкогольной кампании 1985–1987 гг.

А.С. Егоров

Иркутский национальный исследовательский технический университет, г. Иркутск, Россия

Аннотация. С момента захвата власти большевиками и до распада Советского Союза состоялось пять антиалкогольных кампаний: в 1918–1925 гг., в 1929 г., в 1958 г., в 1972 г. и в 1985–1987 гг. Последняя кампания имела ряд положительных и отрицательных последствий. С одной стороны, за этот короткий промежуток, согласно официальной статистике, было достигнуто снижение уровня алкоголизации населения и, как следствие, – уровня смертности. Уровень рождаемости, напротив, повысился. С другой стороны, резко возросло употребление суррогатов алкоголя, ещё более пагубно влияющих на здоровье, чем сделанные по государственному стандарту спиртные напитки. Развилось самогоноварение, законодательно запрещённое в Советском Союзе. Вдобавок уменьшение алкопроизводства отрицательно сказалось на экономике государства. В борьбе с пьянством деятельное участие принимали средства массовой информации. Они представляли его как асоциальное явление, стоящее на пути к коммунизму, и пропагандировали здоровый образ жизни. Именно тогда появились лозунги «Трезвость – норма жизни» и «Пьянству – бой!». В данной статье выявлено, как часто поднималась и каким образом преподносилась проблема пьянства в литературно-художественном иллюстрированном сатирическом журнале «Крокодил» до и во время антиалкогольной кампании 1985–1987 гг. В статье также рассмотрены следующие документы: Постановление ЦК КПСС «О мерах по преодолению пьянства и алкоголизма», Постановление Совета министров СССР «О мерах по преодолению пьянства и алкоголизма, искоренению самогоноварения» и Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об усилении борьбы с пьянством и алкоголизмом, искоренении самогоноварения».

Ключевые слова: алкоголь, антиалкогольная кампания, журнал «Крокодил», карикатура, Михаил Горбачёв, пьянство, сатира, советская журналистика, СССР, суррогаты алкоголя, фельетон, юмореска

Для цитирования: Егоров А.С. Роль журнала «Крокодил» в антиалкогольной кампании 1985–1987 гг. // Известия Лаборатории древних технологий. 2023. Т. 19. № 3. С. 161–170. <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2023-3-161-170>. EDN: VOGZSS.

History

Original article

The role of the magazine “Crocodile” in the anti-alcohol campaign of 1985-1987

Alexander S. Egorov

Irkutsk National Research Technical University, Irkutsk, Russia

Abstract. Since the Bolsheviks seized power until the collapse of the USSR, five anti-alcohol campaigns were conducted: in 1918-1925, in 1929, in 1958, in 1972 and in 1985-1987. The last campaign had a number of positive and negative aspects. On the one hand, in this short period of time, according to official statistics, there has been a decrease in the level of alcoholism among the population and, consequently, in the level of mortality. The birth rate, on the contrary, increased. On the other hand, the use of alcohol surrogates, which are even more harmful to health than state-standard alcoholic beverages, has not disappeared. Moonshine, which was prohibited by law in the Soviet Union, developed. In addition, the decline in alcohol production has adversely affected the State economy. The mass media took an active part in the fight against drunkenness. They presented it as an asocial phenomenon standing in the way of communism and promoted a healthy lifestyle. It was then that the slogans “Sobriety is the norm of life” and “Fight Drunkenness” appeared. This article reveals how often the problem of drunkenness was raised and how it was presented in the literary and artistic illustrated satirical magazine “Crocodile” before and during the anti-alcohol campaign of 1985-1987. The article also considers the following documents: the resolution of the CPSU Central Committee “On measures to

overcome drunkenness and alcoholism”, the resolution of the USSR Council of Ministers “On measures to overcome drunkenness and alcoholism, the eradication of moonshining” and the decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR “On strengthening the fight against drunkenness and alcoholism, the eradication of moonshining”.

Keywords: alcohol, anti-alcohol campaign, «Crocodile» magazine, caricature, Mikhail Gorbachev, drunkenness, satire, Soviet journalism, USSR, surrogates of alcohol, feuilleton, humoresque.

For citation: Egorov A.S. (2023) The role of the magazine “Crocodile” in the anti-alcohol campaign of 1985-1987. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 19. No. 3. P. 161-170. (In Russ.). <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2023-3-161-170>. EDN: VOGZSS.

Появление журнала «Крокодил» напрямую связано с возникновением газеты «Рабочий» в Москве 1 марта 1922 г. Это издание принадлежало Организационному бюро Центрального комитета партии большевиков и было предназначено для информирования населения о политической ситуации в стране и за рубежом. Однако со временем число фельетонов, памфлетов и карикатур на страницах «Рабочего» стало слишком большим, и было решено создать специальное приложение – журнал «Крокодил».

Первый номер «Крокодила» вышел 27 августа 1922 г. С самого начала издание было посвящено изображению пьянства в негативном свете. В те годы, помимо хулиганов, тунеядцев и бракоделов, также становились объектом осуждения пьяницы (Стыкалин, Кременская, 1963). Например, в № 26 за 1924 год опубликована следующая карикатура Н. Купреянова: четверо мужчин в состоянии сильного алкогольного опьянения лежат на фоне самогонного аппарата. Над изображением цитируются слова революционера, советского политического и государственного деятеля Г.Е. Зиновьева: «Нам нужен в деревне честный, трезвый советский аппарат». Под изображением находится реплика одного из нарисованных персонажей: «Пей, Гриша! Ежли будет советский аппарат – нашему крышка» (рис. 1).

Далее рассмотрим и карикатуру Ю.Г. «Не его, а он...», опубликованную в № 13 за 1926 год: люди (две женщины, трое мужчин, ребёнок) и щенок стоят около лежащего на дороге человека. Снизу подпись, оформленная в виде диалога: «– Чтой-то человек лежит? Раздавили, что ли? – Нет! Это он сам две бутылки раздавил» (рис. 2).

И в карикатуре Купреянова, и в карикатуре Ю.Г. комический эффект достигается за счёт многозначности используемых слов – аппарат как совокупность учреждений, обслуживающих какую-либо

область управления или хозяйства и аппарат как прибор, механическое устройство для выполнения какой-либо определённой работы (в данном случае – самогонный аппарат); глагол «раздавить» в значении «придавив чем-либо тяжёлым, искале-

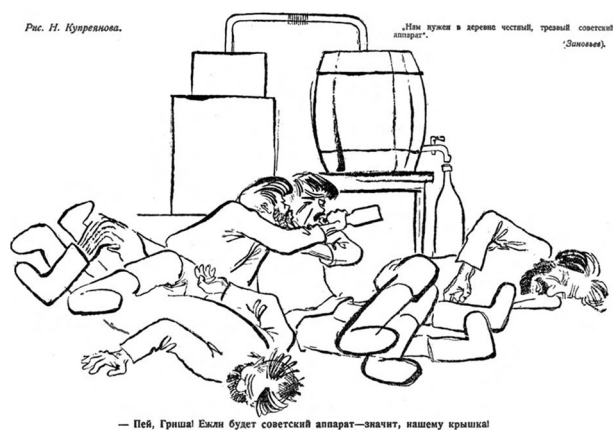

Рис. 1. Карикатура Н. Купреянова (журнал «Крокодил», № 26 за 1924 год)

Fig. 1. Caricature by N. Kupreyanov (“Crocodile” magazine, No. 26, 1924)

Рис. 2. Карикатура Ю.Г. (журнал «Крокодил», № 13 за 1926 год)

Fig. 2. Caricature by Y.G. (“Crocodile” magazine, No. 13 for 1926)

чить, убить» и в значении «выпить спиртного»¹. Е.В. Сафонова справедливо замечает, что «многозначность, омонимия, каламбур <...> являются языковыми средствами комического» (Сафонова, 2013. С. 474). Художники «Крокодила» часто прибегали к этим языковым средствам, несмотря на то, что текст в карикатуре выступает скорее как дополнение к изображению.

Актуальность критики пьянства усиливалась стремительным ростом масштабов этой социальной «язвы». Если в начале 1920-х гг. ежегодное душевое потребление чистого спирта составляло 0,48 литра, то в конце 1920-х гг. – 4,18 литра (Панин, 2002. С. 92). В эти данные не вошли объёмы «поглощения» продуктов домашнего алкопроизводства. При учете самогона и браги ежегодное душевое потребление чистого спирта в конце 1920-х годов достигало 8,61 литра (Шепилов, 1930. С. 33).

Пьянство подвергалось регулярному осмеянию в «Крокодиле» до самого начала Великой Отечественной войны, с первых дней которой основной задачей издания стала борьба с немецко-фашистскими захватчиками (Стыкалин, Кременская, 1963). После войны, 14 августа 1946 г., вышло широко известное Постановление Оргбюро ЦК ВКП(б) «О журналах «Звезда» и «Ленинград»»². В нём критиковались издания, публикующие произведения прозаика М.М. Зощенко и поэта А.А. Ахматовой. Хотя это решение не затрагивало «Крокодил» напрямую, карикатуры и фельетоны, осуждающие пьянство, исчезли из журнала, так как они могли быть восприняты властями как клевета на советских людей.

5 марта 1953 г. умер И.В. Сталин, олицетворивший собой особую эпоху в истории СССР. 14–25 февраля 1956 г. состоялся XX съезд ЦК КПСС, на котором был осуждён культ личности И.В. Сталина. После этого «Крокодил» вернулся к теме пьянства, однако осторожно – обличал любителей выпить через аллегории. Например, в № 3 за 1956 г. напечатана карикатура А. Баженова «Зайцы во хмелю»:

шесть слонов разнонаправленно убегают от двух нетрезвых зайцев (один заяц в руках держит бутылку). Подпись: «– Что случилось? – Да опять пьяные зайцы хулиганят» (рис. 3).

Запрет на продажу спиртных напитков лицам, не достигшим восемнадцатилетнего возраста, начал действовать достаточно поздно – только 15 декабря 1958 г., когда ЦК КПСС и Совет Министров СССР приняли Постановление «Об усилении борьбы с пьянством и наведении порядка в торговле спиртными напитками».

В 1950-е годы наказание за мелкое хулиганство было немного мягче, чем в 1960-е годы, когда был выпущен Указ Президиума Верховного Совета СССР, известный как «Об усилении ответственности за хулиганство». Данный указ устанавливал, что совершение преступления в состоянии опьянения является отягчающим обстоятельством. Впрочем, суд имел право не учитывать это обстоятельство, исходя из характера совершенного преступления³.

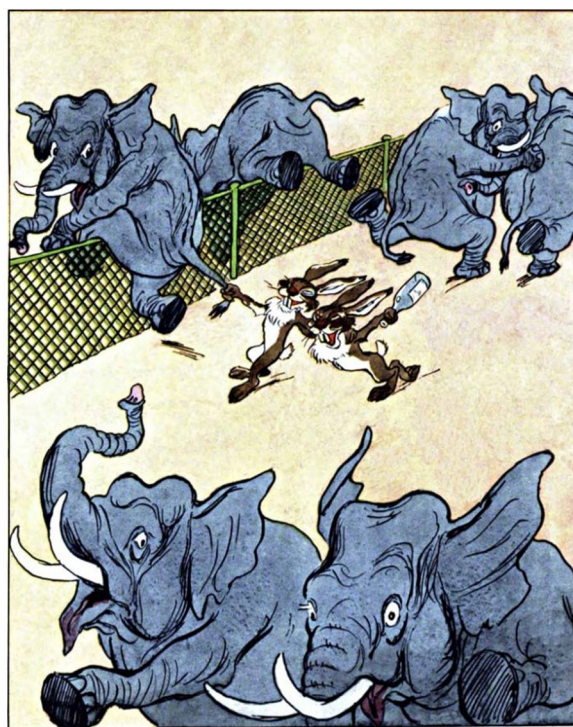

Рис. 3. Карикатура А. Баженова (журнал «Крокодил», № 3 за 1956 год)

Fig. 3. Caricature by A. Bazhenov ("Crocodile" magazine, No. 3, 1956)

¹ Большой толковый словарь русского языка. СПб.: Норинт, 2000. 1536 с.

² Постановление Оргбюро ЦК ВКП(б) «О журналах «Звезда» и «Ленинград»» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/USSR/journal.htm> (дата обращения: 18.05.2023).

³ Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об усилении ответственности за хулиганство» от 26 июля 1966 года [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/9007313> (дата обращения: 18.05.2023).

В 1960-е годы осторожность «Крокодила» сошла на нет – в издании стали появляться произведения, посвящённые проблеме пьянства. Например, на обложке № 23 за 1960 г. размещён рисунок М. Черемных, изобличающий нетрезвых болельщиков. Мужчина со ртом в виде бутылки пива кричит: «Судью с поля! На мыло!». Подпись: «На футбольном матче. Во всё горлышко» (рис. 4). В 1970-е годы в «Крокодиле» появилась постоянная рубрика «Под углом 40°». Там размещались карикатуры и фельетоны на антиалкогольную тему.

11 марта 1985 г. новым Генеральным секретарем ЦК КПСС был избран М.С. Горбачёв. Спустя два месяца он, по настоянию членов Политбюро М.С. Соломенцева и Е.К. Лигачёва, начал антиалкогольную кампанию – «первую ширококвещательную

акцию нового курса» (Соколова, 2020. С. 158). Кампания проводилась под лозунгами «Трезвость – норма жизни» и «Пьянству – бой!». 7 мая 1985 г. были приняты Постановление ЦК КПСС «О мерах по преодолению пьянства и алкоголизма» и Постановление Совета министров СССР «О мерах по преодолению пьянства и алкоголизма, искоренению самогонварения». Эти документы были направлены на понижение потребления алкоголя советскими гражданами, в частности, за счёт колоссального уменьшения объёмов алкопроизводства. Если в начале 1950-х ежегодное душевое потребление чистого спирта варьировалось от 1,7 до 3,5 литра, в 1960-х равнялось 10 литрам, а в 1970-х – 12 литрам, то к 1985 году оно достигло 14 литров (Клинова, 2009. С. 61).

Рис. 4. Обложка журнала «Крокодил» (№ 23 за 1960 год)
Fig. 4. Cover of the magazine "Crocodile" (No. 23 for 1960)

16 мая 1985 г. вышел Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об усилении борьбы с пьянством и алкоголизмом, искоренении самогонварения». В отличие от постановлений ЦК КПСС и Совета министров СССР, этот документ устанавливал административные и уголовные наказания. К примеру, распитие спиртных напитков в общественных местах или появление там же в нетрезвом виде, «оскорбляющем человеческое достоинство и общественную нравственность», наказывалось предупреждением или штрафом до тридцати рублей – тогда как изготовление алкоголя наказывалась лишением свободы до двух лет⁴.

В 1985 году «Крокодил» выходил три раза в месяц, его тираж составлял 5,6 миллиона экземпляров. Это было по-настоящему популярное и влиятельное издание. Для сравнения: тираж журнала «Огонёк» в том же году равнялся 1,5 миллиона экземпляров. С 1975 года по 1985 год главным редактором «Крокодила» являлся Е.П. Дубровин. В 1986 году его место занял А.С. Пьянов. С начала 1985 г. по конец 1987 г. вышло 108 номеров «Крокодила». В каждом номере есть материалы антиалкогольной направленности. Приведём примеры.

В № 1 за 1985 год наличествует ироническое стихотворение С. Пивоварова «Куда?» (Пивоваров, 1985). В нём поэт критикует советское общество в целом. Мальчика Славу окружают пьяницы и игроки, а общественное бытие, как утверждал идеолог социализма Карл Маркс, определяет сознание (Маркс, Энгельс, 1959. С. 7). Следовательно, старшее поколение, по мнению автора, может своим поведением негативно влиять на поколение младшее, ещё формирующееся. Риторический вопрос «Куда пойти / учиться?» отсылает читателя к хрестоматийному произведению В.В. Маяковского «Кем быть?» (Маяковский, 1958). Также в стихотворении поднимается проблема потребления алкоголя несовершеннолетними, которая, несомненно, имела место в СССР. К сожалению, точной статистики, отражающей уровень алкоголизации советских детей в 1980-е годы (как, впрочем, и в другие периоды), нами не выявлено.

В Указе Президиума Верховного Совета СССР «Об усилении борьбы с пьянством и алкоголизмом, искоренении самогонварения» от 16 мая 1985 года также уделяется внимание проблеме потребления алкоголя детьми. Пункт 6 указа гласит, что напаивание малолетнего карается штрафом от 50 до 100 рублей.

Вернёмся к материалам антиалкогольной направленности, опубликованным в «Крокодиле». В № 11 за 1985 год опубликован рассказ В. Енеша «Как всегда». Хронический алкоголик Петров приходит на работу трезвым, но его там никто не узнаёт, так как он «почему-то идёт ровно» и не напевает «Калинку». Из-за того что Петрова не узнают, он отправляется в «забегаловку», где употребляет 300 граммов перцовки, кружку пива и солёный огурец. Затем Петров возвращается – его радостно встречают коллеги и бригадир Андрей Палыч.

Рассказ поднимает проблему пребывания в нетрезвом состоянии и употребления спиртных напитков на рабочем месте. Отношение к этому негативному явлению в позднем СССР было снисходительным, что неоднократно обличалось крокодильцами во время «горбачёвской» антиалкогольной кампании – в частности, в сатирической заметке «Утечка продолжается», которая рассмотрена ниже, сообщается, что за пьянство на работе увольняют по статье «прогул», облегчая «пьяницам дальнейшее трудоустройство» (Мышкин, 1986b).

В Постановлении Совета министров СССР «О мерах по преодолению пьянства и алкоголизма, искоренению самогонварения» от 7 мая 1985 года говорится, что к уличённым в распитии спиртных напитков на производстве необходимо со всей строгостью применять предусмотренные законодательством меры. Тогда за распитие спиртных напитков на работе, как и за нахождение на работе в нетрезвом виде, могли оштрафовать на сумму от 30 до 50 рублей. Разного рода руководителям тоже грозило взыскание (от 50 до 100 рублей), если они не отстраняли пьяных подчинённых от работы, а также если скрывали случаи употребления алкоголя на производстве или пребывания там в состоянии опьянения.

То есть бригадира Андрея Палыча из рассказа «Как всегда» (Енеш, 1985) за сокрытие пьянства Петрова могли привлечь к административной ответственности и взыскать с него большой, по советским

⁴ Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об усилении борьбы с пьянством и алкоголизмом, искоренении самогонварения» от 16 мая 1985 года [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/9007335> (дата обращения: 18.05.2023).

меркам, штраф. Самого Петрова тоже могли оштрафовать, но на меньшую сумму.

В № 9 за 1986 г. в рубрике «Под углом 40°» напечатаны: сатирическая заметка «Утечка продолжается», фельетон «Гора с горой не сходится...» Н. Мышкина и карикатура А. Елисеева.

В сатирической заметке «Утечка продолжается» рассказывается о том, что благодаря фельетону Н. Рындича «Покажите бутылку!» (Рындич, 1985) были осуждены люди, воровавшие технический спирт со складов Инской дистанции пути Западно-Сибирской железной дороги. Автор заметки констатирует, что несмотря на это, хищение «зелья» не прекратилось. Хищение государственного имущества, коим был технический спирт, наказывалось лишением свободы на срок до трёх лет или исправительными работами на срок до одного года. Кража, совершенная повторно, или по предварительному сговору группой лиц, или с применением технических средств – лишением свободы на срок до шести лет (статья 89 УК РСФСР). Представляется, что сатирическая заметка «Утечка продолжается» выдержана в достаточно сухом стиле, однако там присутствуют метафоры и эпитеты: торжество абсолютной трезвости; ворованное зелье; воздвигнутый шлюз, сквозь который брызжут хмельные струйки. Тропы отражают отношение автора к проблеме хищения госимущества и к проблеме употребления спиртных напитков на рабочем месте.

В фельетоне Н. Мышкина «Гора с горой не сходится» (Мышкин, 1986а) разворачивается следующий сюжет: шофёр 15-го Московского автодорожного комбината А. Заренков напился и уснул в парке, некто Киселёв похитил у него бутылку и бумажник с деньгами и рабочим удостоверением; оба оказались в вытрезвителе, где это и выяснилось (Киселёв представился шофёром Заренковым).

В Советском Союзе, как известно, были вытрезвители – специальные санитарно-медицинские учреждения для содержания лиц, находящихся в состоянии алкогольного опьянения, до их вытрезвления. Туда можно было попасть за распитие спиртных напитков в неустановленных местах и за появление в общественных местах в пьяном виде. 7 мая 1985 года Совет министров СССР постановил, что все доходы от работы вытрезвителей должны идти на содержание этих вытрезвителей (приобретение ме-

дицинского оборудования, инвентаря, ремонт помещений и спецавтотранспорта).

Фельетон «Гора с горой не сходится» более образный, нежели сатирическая заметка «Утечка продолжается». Текст изобилует метафорами, эпитетами и сравнениями: прекрасная и упоительная жизнь; упоительная сладость жизни; отдел магазина, торгующий развесёлым настроением; кровные трудовые; пьяный бред; мрачный, как туча; подлый воришка; пропитое человеческое достоинство и т. д. Как и в предыдущем примере, здесь средства художественной выразительности применяются для того, чтобы охарактеризовать, оценить асоциальное явление (пьянство) и асоциальные поступки (воровство и ложь Киселёва).

Карикатура А. Елисеева, помещённая сбоку от заметки и фельетона, изображает чрезвычайно нетрезвых жениха и невесту. Подпись: «Водка: – Я вас свела, я вас и разведу» (рис. 5). Это противоречит

Рис. 5. Карикатура А. Елисеева (журнал «Крокодил», № 9 за 1986 год)

Fig. 5. Caricature by A. Eliseev ("Croccodile" magazine, No. 9, 1986)

выдвинутому И.А. Гринько и А.А. Шевцовой тезису: «Женский алкоголизм <...> был табуирован даже в пространстве сатирической визуализации» (Гринько, Шевцова, 2020. С. 92).

Женский алкоголизм обличался и высмеивался в литературных материалах «Крокодила». Например, в № 17 за 1987 г. опубликована юмореска «Одно мгновение». В этом произведении повествуется о Софье К., которая употребляла алкоголь наравне с мужчинами, а затем упала с четвёртого этажа. «Эмансипация эмансипацией, но пить женщине категорически нельзя!» – резюмирует женщина, находясь в больнице (Марков, 1987). Автор юморески, рассказывая о бытовом происшествии, намеренно использует высокую лексику: достигнуть апогея, незатейливые ложа, девушка чрезвычайной стойкости, не без бравады. Таким образом, он иронизирует над героиней. Именно ирония, будучи средством «невозмутимой холодной критики», а не сарказм, – главный приём крокодилыцев в материалах, направленных против пьянства (Сафонова, 2013. С. 474). В юмореске называется одна из причин женского алкоголизма – тяготение к независимости от мужчин или, если быть точнее, к гендерному равенству. Употребление алкоголя в «мужских» объёмах для некоторых женщин было своеобразным способом самоутверждения. В книге Б.М. Гузикова и А.А. Мейрояна «Алкоголизм у женщин» отмечается, что «увеличение доли женщин, занятых в общественном производстве, интенсифицирует процесс их эмансипации и способствует тем самым приобщению к нормам мужского поведения, связанного с потреблением алкоголя» (Гузиков, Мейроян, 1988. С. 27). Там же приводится соотношение в СССР к середине 80-х годов женщин и мужчин, больных алкоголизмом, как 1 к 12 (Гузиков, Мейроян, 1988. С. 22).

В «Крокодиле» периодически публиковались произведения крупной формы – например, детективная повесть В. Витальева «Амурские войны». Там есть несколько моментов, касающихся проблемы пьянства в СССР во время так называемого «сухого закона». В силу труднодоступности легального алкоголя, отдельные граждане употребляли суррогаты алкоголя, то есть различные жидкости, в состав которых входит этиловый спирт: одеколон, стеклоочиститель, денатурат и т. п. В повести В. Витальева фигурируют стеклоочиститель и денатурат (техниче-

ский спирт), причём первым подменяют второй: «Если употреблять стеклоочиститель внутрь, то, по уверению прожженных им алкашей, по вкусу и букету он весьма напоминает денатурат...» (Витальев, 1987). Слово «алкаш» используется В. Витальевым неслучайно – оно определённо обладает отрицательной коннотацией, достаточно экспрессивно.

В статье В.П. Нужного и С.А. Савчук «Алкогольная смертность и токсичность алкогольных напитков» приводится статистика смертельных отравлений алкоголем в РСФСР в пересчёте на 100 тысяч населения. Согласно ей, в 1985 году от алкоголя и его суррогатов умерло 16,4 человека на 100 тысяч людей (Нужный, Савчук, 2005). Тогда в РСФС проживало 143,9 миллиона человек. Следовательно, 235996 человек стали жертвами спиртосодержащих жидкостей в 1985 году. В 1986 году – 133827 человек, в 1987 году – 12951 человек.

В эту статистику входят не только смертельные отравления суррогатами алкоголя, но и продуктами домашнего алкопроизводства. По Указу Президиума Верховного Совета СССР «Об усилении борьбы с пьянством и алкоголизмом, искоренении самогонварения» от 16 мая 1985 года изготовление спиртных напитков не для продажи наказывалось как штрафом от 100 до 300 рублей, так и исправительными работами сроком до двух лет. Сбыт наказывался лишением свободы сроком до двух лет⁵.

В «Крокодиле» в период «горбачёвской» антиалкогольной кампании было опубликовано более 100 материалов, высмеивающих самогонщиков и обличающих самогонварение как таковое. К примеру, в № 21 за 1986 г. напечатано сатирическое стихотворение Ю. Баржанского «Прощание с самогонным аппаратом». Лирический герой называет аппарат, который, вероятно, пришёл в негодность («...Змеевика собрав осколки...»), другом и братом, говорит, что благодаря аппарату заработал на дачу и автомобиль, а также констатирует, что от его самогона умерло много людей. Причём своих клиентов он характеризует негативным эпитетом «конченные». Единственное, что всегда волновало и продолжает волновать лирического героя – это соб-

⁵ Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об усилении борьбы с пьянством и алкоголизмом, искоренении самогонварения» от 16 мая 1985 года [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/9007335> (дата обращения: 18.05.2023).

ственное благосостояние: «Пусть гибнут все, была бы прибыль!» (Баржанский, 1986). Таким образом, автор выставляет самогонщиков совершенно бесчувственными и алчными членами общества.

Борьба с самогонварением отражена и в визуальных произведениях крокодилцев. Например, в № 29 за 1987 год имеется карикатура В. Мохова, на которой изображён милиционер и самогонщик, утверждающий, что его аппарат «не имеет аналогов в мировой практике» (рис. 6).

Проанализировав содержание 108 номеров «Крокодила», вышедших за 1985-1987 гг., можно сделать три главных вывода:

Во-первых, журнал вёл методичную, последовательную пропаганду трезвости, что видно по большому числу напечатанных там антиалкогольных карикатур, юморесок, сатирических зарисовок и фельетонов. В 108 номерах слово «алкоголь» и производные от него встречаются 134 раза, слово «пьянство» и производные – 117 раз, слово «водка» – 65 раз, слово «рюмка» – 17 раз, слово «самогон» и производные – 138 раз, слово «трезвость» и производные – 28 раз. Для наглядности мы составили круговую диаграмму (рис. 7). Она показывает, что борьба с самогонварением являлась наиболее приоритетной задачей «Крокодила».

Во-вторых, тема пьянства разделялась в издании на подтемы: «детское (подростковое) пьянство», «распитие спиртных напитков на производстве», «распитие спиртных напитков (появление в пьяном виде) в общественных местах», «женский алкоголизм», «употребление суррогатов алкоголя» и «самогонварение». Данное разделение говорит о том, что проблема пьянства показывалась в «Крокодиле» всесторонне, а также о том, что журнал пытался положительно влиять на разные слои общества: от школьника до работника завода, от домохозяйки до доярки. Крокодилцы старательно, из номера в номер, внушали населению мысль: алкоголь – зло.

В-третьих, карикатуристы изображали нетрезвых людей в гротескном виде – крайне непривлекательными, грязными, с разного рода травмами. Фельетонисты детально описывали их «животное» поведение, показывали последствия неумеренного употребления алкоголя. Это делалось для того, чтобы вызвать у советских граждан отвращение к «зелю». Обличая алкоголиков и пьяниц, сатирики спо-

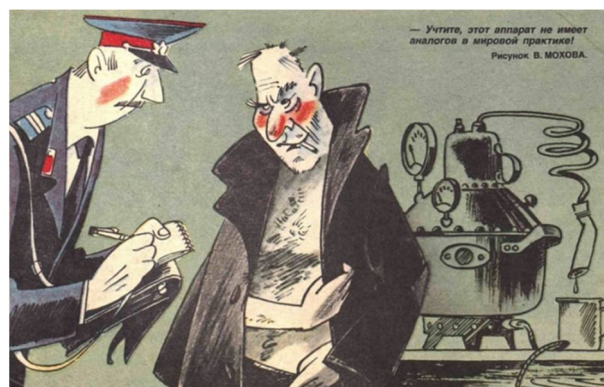

Рис. 6. Карикатура В. Мохова (журнал «Крокодил», № 29 за 1987 год)

Fig. 6. Caricature by V. Mokhov ("Crocodile" magazine, No. 29, 1987)

Рис. 7. Диаграмма «Частотность использования слов, связанных с употреблением алкоголя, в журнале «Крокодил» 1985–1987 гг.»

Fig. 7. Diagram "Frequency of use of words related to alcohol consumption in the magazine «Crocodile» 1985-1987"

собствовали формированию негативного отношения социума к культуре питья, причём во всех её даже самых казалось бы, безобидных проявлениях.

Вклад «Крокодила» в антиалкогольную кампанию, проводимую М.С. Горбачёвым, можно оценить весьма приблизительно. Очевидно, что журнал с тиражом более пяти миллионов экземпляров, не мог не влиять на общественное сознание. Поэтому в снижении смертности и в повышении рождаемости – есть некоторая заслуга издания. По данным Государственного комитета СССР по статистике, в 1986–1987 годах умерло на 245 тысяч человек меньше, чем в 1983–1984 годах. Рождаемость же увеличилась: в 1986–1987 годах родилось на 431 тысячу человек больше, чем в 1983–1984 годах⁶. Добавим, что

⁶ Демографический ежегодник СССР 1990. М.: Финансы и статистика, 1990. 639 с.

хотя с наступлением 1988 года пропаганда трезвости в советских СМИ ослабла, а производство алкоголя стало стремительно расти, «Крокодил» продолжал обличать и высмеивать пьянство вплоть до

Список источников

- Баржанский Ю. Прощание с самогонным аппаратом // Крокодил. 1986. № 21. С. 5.
- Витальев В. Амурские войны // Крокодил. 1987. № 28, 29, 30, 31, 32.
- Гринько И.А., Шевцова А.А. «Граждане алкоголики, хулиганы, тунеядцы»: алкоголь и его потребители в зеркале советской карикатуры // Labyrinth. Теории и практики культуры. 2020. № 2. С. 83–97. EDN: CSUYOJ.
- Гузилов Б.М., Мейроян А.А. Алкоголизм у женщин. Л.: Медицина, 1988. 224 с.
- Енеш В. Как всегда // Крокодил. 1985. № 11. С. 11.
- Клинова М.А. Современная отечественная историография потребления алкоголя жителями СССР (1940-е – конец 1980-х гг.) // Омский научный вестник. 2009. № 2 (76). С. 60–63. EDN: MVLGPT.
- Марков С. Одно мгновение // Крокодил. 1987. № 17. С. 11.
- Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. второе. М.: Государственное издательство политической литературы, 1959. Т. 13. 771 с.
- Маяковский В.В. Полное собрание сочинений. М.: Гослитиздат, 1958. Т. 10. 384 с.
- Мышкин Н. Гора с горой не сходится // Крокодил. 1986а. № 9. С. 5.
- Мышкин Н. Утечка продолжается // Крокодил. 1986б. № 9. С. 5.
- Нужный В.П., Савчук С.А. Алкогольная смертность и токсичность алкогольных напитков // Партнёры и конкуренты. Лабротариум. 2005. № 5. С. 18–26.
- Панин С.Е. «Пьяная» преступность в России в 1920-е годы // Социологический журнал. 2002. № 4. С. 92–102. EDN: PZQKZD.
- Пивоваров С. Куда? // Крокодил. 1985. № 1. С. 12.
- Рындич Н. Покажите бутылку! // Крокодил. 1985. № 18. С. 10.
- Сафонова Е.В. Формы, средства и приёмы создания комического в литературе // Молодой ученый. 2013. № 5. С. 474–478. EDN: RHLGUX.
- Соколова Т.Л. Антиалкогольная кампания в СССР в годы перестройки: к историографии проблемы // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 451. С. 158–163. <https://doi.org/10.17223/15617793/451/21>. EDN: DLGCHC.
- Стыкалин С.И., Кременская И.К. Советская сатирическая печать: 1917–1963. М.: Госполитиздат, 1963. 484 с.

распада СССР. После образования РФ антиалкогольные материалы практически пропали со страниц журнала.

References

- Barzhanskii Yu. (1986) Farewell to the moonshine machine. *Krokodil = Crocodile*. No. 21. P. 5. (In Russ.).
- Vital'iev V. (1987) Amur wars. *Krokodil = Crocodile*. No. 28, 29, 30, 31, 32. (In Russ.).
- Grinko I.A., Shevtsova A.A. (2020) "Citizens Alcoholics, Hooligans, Tuneядtsy": alcohol and its consumers in the mirror of the Soviet caricature. *Labyrinth. Teorii i praktiki kul'tury = Labyrinth. Theories and Practices of Culture*. No. 2. P. 83–97. (In Russ.). EDN: CSUYOJ.
- Guzikov B.M., Meiroyan A.A. (1988) Alcoholism in women. Leningrad: Medicine. 224 p. (In Russ.).
- Enesh V. (1985) As always. *Krokodil = Crocodile*. No. 11. P. 11. (In Russ.).
- Klinova M.A. (2009) Modern domestic historiography of alcohol consumption by the inhabitants of the USSR (1940-ies - the end of 1980-ies). *Omskii nauchnyi vestnik = Omsk Scientific Bulletin*. No. 2 (76). P. 60–63. (In Russ.). EDN: MVLGPT.
- Markov S. One Moment (1987) *Krokodil = Crocodile*. No. 17. P. 11. (In Russ.).
- Marx K., Engels F. (1959) Works. Moscow: State Publishing House of Political Literature. Vol. 13. 771 p. (In Russ.).
- Mayakovskii V.V. Complete Works. Moscow: Goslitizdat. Vol. 10. 384 p. (In Russ.).
- Myshkin N. (1986a) Mountain with mountain does not converge. *Krokodil = Crocodile*. No. 9. P. 5. (In Russ.).
- Myshkin N. (1986d) The leak continues. *Krokodil = Crocodile*. No. 9. P. 5. (In Russ.).
- Nuzhnyi V.P., Savchuk S.A. (2005) Alcohol mortality and toxicity of alcoholic beverages. *Partnery i konkurenty. Labrotarium = Partners and Competitors. Labrotarium*. No. 5. Moscow. P. 18–26. (In Russ.).
- Panin S.E. (2002) "Drunken" crime in Russia in the 1920s. *Sotsiologicheskii zhurnal = Sociological Journal*. No. 4. P. 92–102. (In Russ.). EDN: PZQKZD.
- Pivovarov S. (1985) Where to? *Krokodil = Crocodile*. No. 1. P. 12. (In Russ.).
- Ryndich N. (1985) Show the bottle! *Krokodil = Crocodile*. No. 18. P. 10. (In Russ.).
- Safonova E.V. (2013) Forms, means and methods of creating the comic in literature. *Molodoi uchenyi = Young Scientist*. No. 5 (52). P. 474–478. (In Russ.). EDN: RHLGUX.
- Sokolova T.L. (2020) Anti-alcohol campaign in the USSR in the years of Perestroika: to the historiography of the problem. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Tomsk State University*. No. 451. P. 158–163. (In Russ.). <https://doi.org/10.17223/15617793/451/21>. EDN: DLGCHC.
- Stykalin S.I., Kremenskaya I.K. (1963) Soviet satirical press: 1917–1963. Moscow: Gospolitizdat. 484 p. (In Russ.).

Шепилов Д. Алкоголизм и преступность. М.: Изд-во Народного комиссариата внутренних дел РСФСР, 1930. 104 с.

Shepilov D. (1930) Alcoholism and Crime. Moscow: Publishing House of the Institute for the Study of Crime and Criminality. 104 p. (In Russ.).

Информация об авторе

Егоров Александр Сергеевич,
аспирант кафедры истории и философии, ассистент
кафедры рекламы и журналистики,
Иркутский национальный исследовательский технический
университет,
664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83, Россия,
e-mail: aleks_mir_1998@mail.ru

Information about the author

Alexander S. Egorov,
postgraduate student of the Department of History and
Philosophy, assistant of the Department of Advertising and
Journalism
Irkutsk National Research Technical University
83, Lermontov St., Irkutsk 664074, Russia,
e-mail: aleks_mir_1998@mail.ru

Вклад автора

Егоров А.С. выполнил исследовательскую работу, на
основании полученных результатов провел обобщение и
подготовил рукопись к печати.

Contribution of the author

Egorov A.S. carried out a research work, based on the
obtained results made the generalization and prepared the
manuscript for publication.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The author declares no conflict of interests.

**Автор прочитал и одобрил окончательный вариант
рукописи.**

**The author has read and approved the final manu-
script.**

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 13 июля 2023 г.;
одобрена после рецензирования 23 августа 2023 г.;
принята к публикации 28 августа 2023 г.

Article info

The article was submitted July 13, 2023; approved after
reviewing August 23, 2023; accepted for publication
August 28, 2023.

Научная статья
УДК 355.01
EDN: VQYRMK
DOI: 10.21285/2415-8739-2023-3-171-181

Проблематика информационно-психологических войн в историческом контексте

А.В. Васёнкин

Иркутский национальный исследовательский технический университет, г. Иркутск, Россия

Аннотация. В статье дается обзор ведения информационно-психологических войн в различные исторические периоды. Отмечаются особенности терминологического определения и существенные характеристики понятия «информационно-психологическая война». Акцентируется особое внимание на том, что в современных условиях активного противостояния различных держав с Российской Федерацией роль и значение информационно-психологического воздействия предельно высоки. Указано, что в историческом контексте успех боевых действий различного масштаба зависит не только от технического оснащения и сил армии, но также от умения вести пропагандистскую кампанию как внутри государства, так и за её пределами. В статье показано, что информационно-психологическая война в различные исторические периоды велась самыми разнообразными методами, начиная от распространения печатных материалов и заканчивая масштабными информационными кампаниями, поддерживаемыми СМИ. В современных условиях информационно-психологические войны ведутся с использованием всех возможных средств: печатная продукция, реклама, телевидение, интернет. При этом сохраняются основные цели и мотивы ведения информационно-психологической войны – дестабилизация и уничтожение врага на психологическом уровне. Автор указывает, что актуальным становится исследование особенностей ведения информационно-психологических войн в историческом контексте, поскольку принципы, на которых базируются подобные действия, применяются и в современных военных операциях. В связи с чем создаётся потребность в исследовании информационно-психологических воздействий как с теоретической точки зрения в контексте уточнения и дополнения научных сведений, так и с практической точки зрения в целях формирования умений и навыков в противодействии негативному информационно-психологическому влиянию.

Ключевые слова: война, военная операция, информационная война, психологическая война, пропаганда, информационно-психологическая война, противостояние, массовое воздействие, социальное программирование, внушение, геополитика

Для цитирования: Васёнкин А.В. Проблематика информационно-психологических войн в историческом контексте // Известия Лаборатории древних технологий. 2023. Т. 19. № 3. С. 171–181. <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2023-3-171-181>. EDN: VQYRMK.

History

Original article

The problems of information and psychological wars in the historical context

Aleksei V. Vasenkin

Irkutsk National Research Technical University, Irkutsk, Russia

Abstract. The article provides an overview of the conduct of information and psychological warfare in various historical periods. The features of the terminological definition and the essential characteristics of the concept of “information and psychological warfare” are noted. Special attention is focused on the fact that in modern conditions of active confrontation of various powers with the Russian Federation, the role and importance of information and psychological impact is extremely high. It is indicated that in the historical context the success of military operations of various scales depends not only on the technical equipment and forces of the army, but also on the ability to conduct a propaganda campaign both within the state and abroad. The article shows that

information and psychological warfare in various historical periods was conducted by a variety of methods, ranging from the distribution of printed materials to large-scale information campaigns supported by the media. In modern conditions, information and psychological wars are waged using all possible means: printed materials, advertising, television, the Internet. At the same time, the main goals and motives of conducting information and psychological warfare remain - destabilization and destruction of the enemy at the psychological level. The author points out that the study of the peculiarities of conducting information and psychological wars in a historical context is becoming relevant, since the principles of such actions are also applied in modern military operations. In this connection, there is a need to study information and psychological influences both from a theoretical point of view in the context of clarifying and supplementing scientific information, and from a practical point of view, in order to form skills and abilities in countering negative information and psychological influence.

Keywords: war, military operation, information warfare, psychological warfare, propaganda, information and psychological warfare, confrontation, mass impact, social programming, suggestion, geopolitics

For citation: Vasenkin A.V. (2023) The problems of information and psychological wars in the historical context. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 19. No. 3. P. 171-181. (In Russ.). <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2023-3-171-181>. EDN: VQYRMK.

В данной статье рассматривается одна из актуальнейших проблем современности – ведение информационно-психологических войн. В связи со сложными геополитическими событиями, вызванными активными боевыми действиями и противостоянием Российской Федерации с недружественными странами, обостряется конфликт в реализации информационно-психологического влияния на мировоззрение людей. Особенным в этом случае является воздействие коллективного Запада, которое с момента развязывания различных войн в современном мире приобретало более изощрённый характер. Использование современных технологий, распространение рекламы и информационных сообщений в альтернативных сообществах, в независимых СМИ, обладающих статусом иностранных агентов, создаёт особую психологическую атмосферу, в которую погружается обыватель, если не следит за официальными источниками информации. В результате может происходить утрата доверия по отношению к действующей власти, распространение сомнений, рост количества несогласных с официальной политикой государства.

Итоговой целью любой информационно-психологической войны является настройка массового сознания и массовых настроений на недовольство и деструктивные действия, в крайнем случае – на свержение текущего политического режима в пользу альтернативных вариантов. История показывает, что при различных боевых действиях параллельно осуществлялось и активное информационно-психологическое воздействие на мировоззрение общества. Рассмотрение истори-

ческих особенностей ведения информационно-психологических войн является актуальной задачей не только для развития научного знания, но также и в текущей геополитической ситуации, когда наша страна активно противостоит как в военной, так и в информационной среде недружественным государствам.

Что такое информационно-психологическая война с точки зрения терминологии? В наиболее широком смысле под данным термином подразумевается создание, распространение и управление информационными потоками с целью получения превосходства над противником (Соловьёв, 2010; Кунакова, 2012). «В отчете американской корпорации «Рэнд» – *A new face of War*» (1996 г.) впервые упоминается термин «стратегическая информационная война». Этот термин раскрывал суть того, что данный вид войн ведется с использованием глобального государственного информационного ресурса и инфраструктуры для осуществления стратегических военных операций, укрепления влияния и собственного информационного ресурса» (Пояндашоев, 2016. С. 168). В научной среде в целом отмечается, что понятие «информационно-психологическая война» сформировалось именно в США с выходом специализированных словарей военных терминов и обозначало специфическое информационное противоборство. Под противоборством в данном случае понимается активное противостояние различных информационных потоков (печатных, телевизионных, сетевых, рекламных), направленных на социальное программирование населения противника, в результате которого установки людей на со-

циальную, экономическую, культурную, политическую ситуации могут меняться на противоположные.

В 1995 году Национальный Институт Обороны США опубликовал работу американского учёного и профессора Мартина Либицки (Martin C. Libicki), в которой приводилась классификация информационно-психологических войн и методов их ведения. Согласно этой классификации, информационно-психологические войны подразделяются следующим образом:

- командно-управленческая война, ориентированная на уничтожение каналов связи между командованием и подчиненными;

- психологическая война, ориентированная непосредственно на обработку массового сознания таким образом, чтобы внедрить чуждые идеалы, взгляды и ценности;

- разведывательная война, целью которой является сбор значимой информации «на вражеской территории»;

- хакерская война – массированные информационные (вирусные) атаки в целях блокирования вычислительной инфраструктуры;

- экономическая война, которая предполагает введение различного рода санкций в отношении недружественных стран, блокаду торгово-экономических каналов и информационных потоков;

- кибервойна – ориентирована на похищение стратегически значимой информации;

- электронная война – уничтожение критической инфраструктуры противника (сети связи, радиоузлы, сотовые вышки) (Ильченко, Зайцев, 2016. С. 98).

В текущих условиях войны ведутся с использованием всех вышеперечисленных направлений, однако самая эффективная и самая действенная линия, прежде всего, линия информационно-психологической обработки.

Организованный период ведения информационно-психологических воздействий возник с момента начала Первой мировой войны, когда в Европе были созданы соответствующие структуры. В это время в Европе уже существовали специализированные информационные службы, которые занимались фильтрацией новостных потоков, приданием (уменьшением) значимости раз-

личных событий в соответствии с целями боевых действий и их последующей трансляцией ответственному населению или населению противника.

Рассмотрим некоторые исторические особенности ведения информационно-психологических войн в контексте активных военных боевых действий. В период Первой мировой войны, европейские страны по-разному подходили к проведению информационно-психологических операций. Наиболее готовыми к такому виду воздействий были союзники по Антанте, в особенности, Англия. Преимущество Англии отражалось как в количестве информационных сообщений различного рода, которые посылали руководство страны против Австрии и Германии, так и в количестве специалистов, участвующих в работе подобного характера. Считается, что еще до начала боевых столкновений, руководство Англии владело методами воздействия на солдат противников и умело пользовалось современными средствами пропаганды и контрпропаганды.

В годы Первой мировой войны особенная ситуация в информационно-психологическом воздействии складывалась на территории США, где европейские державы также проводили психологическую обработку населения. Альфред Хармсворт (Alfred Harmsworth), создатель первой британской массовой деловой газеты Daily mail, руководивший британским пропагандистским ведомством Wellington House, летом 1917 г. как глава английской военной миссии путешествующей по стране, свободно общался с американским народом и влиял на мнение людей. «Количество пропагандистских материалов, предназначенных для США, неуклонно возрастало: с двухсот наименований в 1916 г. до четырехсот – в 1917 г. Британская пропагандистская организация действовала с такой интенсивностью, что ее враги едва имели возможность выступить. Она имела перед ними то громадное преимущество, что у нее была общность языка, она имела доступ в университеты и в другие педагогические заведения» (Цит. по: Суржик, 2013. С. 90).

В период Первой мировой войны, помимо Великобритании, пропагандистскую работу на территории США проводила и Германия. Максимально эффективной была пропагандистская дея-

тельность вице-канцлера и министра финансов Бернхарда Дернабурга (Bernhard Demburg). Статьи Б. Дернабурга часто публиковались в нью-йоркских газетах параллельно материалам пропагандистов из Антанты. Б. Дернабург мог мастерски объяснять широким слоям населения различные вопросы, особенно те, которые касались начала военных действий (Суржик, 2013. С. 90).

Следует отметить, что в годы Первой мировой войны представители интеллектуальной элиты (художники, поэты, писатели, актёры, учёные) активно привлекались всеми воюющими странами к пропагандистским действиям. В целом научная, образовательная, культурная сферы не могли не включаться в процесс ведения информационно-психологических войн. «Так, например, 4 октября 1914 г. германский учёный М. Вебер и другие 93 известных ученых и представителей культуры Германии, в том числе Л. Брентано, Ф. Науман, Л. Фульд подписали манифест «К культурному миру», где они всю вину за начало войны возлагали на Россию и ее союзников, в манифесте они говорили о зверствах российской армии против мирного населения» (Абдрашитов, 2015. С. 8).

Особого внимания заслуживают карикатурные рисунки, распространявшиеся в годы Первой мировой войны и формирующие у населения определённый образ врага. Наиболее интересными являются немецкие карикатуры с изображением пронзенного оружием «агрессивного медведя» (Россия), который пытается схватить белого орла. Примерами также могут быть и различные карикатуры, на которых немцы демонстрировали превосходство над российской армией (Ульянов, Чернышов, 2015. С. 263).

Ведение информационно-психологических войн стимулирует и внутреннюю пропаганду, когда государство создает определенные образы в сознании собственного населения по отношению к происходящим событиям в стране. В годы Первой мировой войны на территории Российской империи активизировалась внутренняя патриотическая пропагандистская кампания, характер которой был динамичен и зависел от различных обстоятельств (Ульянов, 2015). Большую роль в печатных изданиях того времени играло описание патриотизма военнослужащих при выполнении

боевых действий. Ярко освещались героические подвиги казаков, как представителей социальной группы, наиболее подготовленной к войне. По всей стране во все фронтовые и тыловые воинские части, в австрийские и немецкие лагеря военнопленных рассылалась печатная продукция. Это позволяло поддерживать патриотический настрой, высокий моральный боевой дух солдат и офицеров (Борщук, 2011).

Вторая мировая война отличалась не только более разрушительными масштабами ведения боевых действий и использования усовершенствованных видов вооружений. Здесь появлялись всё новые и новые методы пропаганды и ведения информационно-психологических войн. Особую важность информационно-психологического воздействия осознали именно в Германии. После прихода к власти А. Гитлер начал глобальную информационную программу воздействия на сознание не только германского народа, но также и народов других стран. Одним из ярчайших примеров дезинформации и обмана является вероломное нападение на СССР без объявления войны в июне 1941 года после подписания договора о ненападении. Руководство фашистской Германии рассматривало скрытность подготовки и внезапность нападения как основу любой военной операции (Аникеев, 2016).

В данном контексте нельзя не упомянуть о вкладе начальника управления пропаганды НСДАП Й. Геббельса в ход ведения информационной войны против СССР и других стран. Именно Й. Геббельсу принадлежат основы ведения классической пропаганды, которая строилась по следующим принципам:

1. Сила оружия не имеет значения, если вы не владеете умами нации.
2. Овладение умами нации – единственная цель пропаганды.
3. Для достижения главной цели пропаганды хороши любые средства.
4. Информация может быть любой, главное достичь эффекта пропаганды.
5. Чем привлекательнее ложь, тем проще в неё верить и тем быстрее она распространяется.
6. Пропаганда должна быть примитивной, так толпе её проще усвоить.

7. Пропаганда должна идти постоянно, звучать в головах людей не прекращаясь (Василенко, 2020).

На этих принципах строилась как внутренняя, так и внешняя информационно-психологическая кампания Германии в период Второй мировой войны. Так, к началу операции «Барбаросса» – к 22 июня 1941 года министерством пропаганды Германии, отделом пропаганды штаба главнокомандования вермахта было подготовлено несколько радиопередач и напечатано свыше 30 млн листовок, в том числе цветных пропагандистских карманных буклетов на 30 языках народов СССР. 17 рот пропаганды было сосредоточено на Восточном фронте. Большое количество листовок пропагандистского характера с обращением к советским солдатам и их руководству распространялось при помощи агитснарядов, начиная с момента наступления немецких войск на территорию Советского Союза 22 июня 1941 года.

Так началась информационно-психологическая война Германии против СССР. Подобная информационная атака не ослабевала на протяжении всего периода Великой Отечественной войны. «Активно использовались такие формы как радиопропаганда, наглядная агитация и устная пропаганда. В немецких войсках, предназначенных для Восточного фронта, было сформировано 19 рот пропаганды и 6 взводов военных корреспондентов СС. В их составе были военные журналисты, переводчики, персонал по обслуживанию пропагандистских радиоавтомобилей, сотрудники полевых типографий, специалисты по изданию антисоветской литературы, плакатов, листовок, обращений» (Малышева, 2015. С. 151). Строилась нацистская пропаганда на личных представлениях А. Гитлера о том, что информационные сообщения психологического характера должны в первую очередь быть направлены на эмоционально-волевую сферу населения и лишь в небольшой степени на разумное начало человека.

Поскольку речь идет об информационно-психологических войнах, ответные пропагандистские действия Советского Союза в годы Великой Отечественной войны также носили массовый агрессивный характер (Сенявская, 1999). На территории СССР активно распространялся образ жестокого, кровавого врага и убийцы в виде

немецкого солдата и его командования. Повсюду звучали призывы к борьбе за освобождение от нацистского вторжения, уничтожение врага. «Мы поняли: немцы не люди. Отныне слово “немец” для нас самое страшное проклятье. Отныне слово “немец” разряжает ружье. Не будем говорить. Не будем возмущаться. Будем убивать. Если ты не убил за день хотя бы одного немца, твой день пропал. Если ты думаешь, что за тебя немца убьет твой сосед, ты не понял угрозы. Если ты не убьешь немца, немец убьет тебя. Он возьмет твоих близких и будет мучить их в своей окаянной Германии. Если ты не можешь убить немца пулей, убей немца штыком. Если на твоём участке затишье, если ты ждешь боя, убей немца до боя. Если ты оставишь немца жить, немец повесит русского человека и опозорит русскую женщину. Если ты убил одного немца, убей другого – нет для нас ничего веселее немецких трупов. Не считай дней. Не считай верст. Считай одно: убитых тобою немцев. Убей немца! – это просит старуха мать. Убей немца! – это молит тебя дитя. Убей немца! – это кричит родная земля. Не промахнись. Не пропусти. Убей!» (Цит. по: Малышева, 2015. С. 160–161).

После Второй мировой войны активную информационно-психологическую обработку общества в ходе ведения боевых действий начали вести США как государство, развязавшее наибольшее количество войн во второй половине XX века. Война во Вьетнаме стала примером того, как без использования методов информационно-психологического внушения, более технически оснащенная страна может проиграть менее подготовленной армии (Кузнецов, 2020). Недостаточное информационное воздействие привело к тому, что на территории штатов в рядах армии и среди населения начал распространяться так называемый «вьетнамский синдром» (страх участия в международных конфликтах). «Вьетнамский синдром» охватил населения США после отступления американских войск из Сайгона в апреле 1975 года, которое было приравнено к поражению, и с того момента руководство штатов стало придерживаться политики сдержанности и осторожности на международной арене. «С точки зрения The Nation, в этом смысле «вьетнамский синдром» представляет собой отвращение при-

менительно к использованию военной силы, которое разрушало нашу национальную душу в течение многих десятилетий после нашего поражения» (Кузнецов, 2010. С. 152).

В начале 1980-х годов обозначился новый этап холодной войны между СССР и США. Ввод советских войск в Афганистан и гонка вооружений поставили новые амбициозные задачи перед президентом США Р. Рейганом. Р. Рейган провозгласил главную политическую цель для своей администрации – выступать защитником соблюдения прав человека в других странах. Разумеется, этот информационный посыл использовался исключительно в целях реализации собственных милитаристских интересов. На этом фоне в 1983 году, опасаясь сближения с коммунистической Кубой, США организовало вторжение собственной армии в Гренаду под предлогом защиты жизней тысяч американских граждан, находившихся под угрозой нового режима государств карибского бассейна. Президент Р. Рейган комментировал это решение следующим образом: «Мы предприняли этот решительный шаг по трем причинам. Во-первых, мы хотели защитить жизни тысячи невинных американцев, находившихся под угрозой. Во-вторых, мы хотели остановить хаос, и, в-третьих, мы хотели помочь восстановить порядок и государственные институты на острове Гренада, где власть захватили жестокие левые группировки, убившие премьер-министра, трех министров и двух рабочих лидеров» (Цит. по: Зорин, Шипицын, 2020. С. 240). Для обоснования данного решения были подключены все возможные информационные источники, включая газеты, журналы, радио и телевидение (Ильин, 2017).

Подобный информационно-психологический ход был предпринят США и для обоснования вторжения в Панаму в 1989 году. Основной причиной, объясняющей вторжение, являлось сохранение контроля правительством США над Панамским каналом. Но официальные информационные лозунги, объясняющие данную интервенцию, гласили, что необходимость вторжения обосновывается следующим:

1. Защита жизни граждан США, проживающих в Панаме (примерно, 35 тысяч человек).

2. Борьба за демократию и соблюдение прав человека.

3. Захват верховного главнокомандующего Мануэля Норьеги, обвиняемого в наркотрафике, отмывании активов, диктаторском режиме.

4. Защита договоров Торрихоса-Картера, подписанных США и Панамой в Вашингтоне 7 сентября 1977 года, по которому контроль над Панамским каналом сохранялся за Соединенными штатами (Лудена, 2020).

Перед вторжением США в Панаму заранее были созданы и отправлены на необходимые точки базирования специальные группы проинструктированных журналистов и фоторепортеров. Доступ в зону боевых действий независимых журналистов и корреспондентов был максимально ограничен в целях создания специальной информационной атмосферы. В результате чего удалось добиться эффекта погружения масс в ложную, одностороннюю картину, которая обеспечивала успех наступательных действий США. Параллельно с информационно-психологическим обеспечением военной операции руководство США проводило подрывную работу в отношении управленческого аппарата Панамы, осуществляя пропаганду среди населения и личного состава вооруженных сил. Успешный панамский опыт ведения информационно-психологической войны впоследствии был использован США при вторжении в Ирак и бомбардировках Югославии силами НАТО.

Вторжение США в Ирак в 1991–1992 годах стало максимально успешным как с точки зрения осуществления информационно-психологического влияния на сторону противника, так и с точки зрения манипулирования общественным мнением благодаря глобальной информационной пропаганде. Считается, что ещё за полгода до начала вторжения американских войск в Ирак, количество американцев, одобряющих данную интервенцию благодаря активной информационной обработке выросло с минимальных 10 % до максимальных 80 %. Информационную поддержку боевых действий в Ираке можно также назвать успешной: интервью СМИ давали исключительно специально подготовленные военные, которые ориентировались на скрывание реального количества убитых и раненых, строго цензурировали высказывания. Эфирное время, уделяемое мнению противника, было максимально ограничено, либо вообще отсутствовало.

Важная роль в период войны в Ираке отводилась, как и ранее в боевых действиях, распространению пропагандистских листовок, которые активно сбрасывались с американских самолетов на Багдад, Кувейт, Северный и Южный Ирак. Общее количество листовок, которое было сброшено в ходе военных операций «Буря в пустыне» и «Щит пустыни» в Ираке, насчитывало примерно 30 миллионов штук. Возглавлял данную информационную кампанию американский военачальник Норманн Шварцкопф-младший (Norman Schwarzkopf Jr.), под руководством которого текст листовок был составлен так, что это стало решающим фактором в военной кампании США. Сам текст содержал следующие основные темы: рекомендации сдаться, подумать о своём доме; глупость сопротивления вооруженным силам США; обещание достойного обращения при сдаче в плен; уверения о том, что США не ведут захватническую войну, а всего лишь осуществляют гуманитарную миссию как участник международной коалиции. Уже после войны, Командование Специальных Операций США называло психологические методы воздействия решающим фактором в захвате 87 000 пленных вражеских солдат (Пашкин, Турчин, Диц, 2021).

Следует выделить высокую эффективность распространения дезинформации на международной политической арене, которая позволяла сохранять в тайне дату и время начала вторжения американских войск в Ирак для всей мировой общественности, в том числе для Совета Безопасности ООН. Меры, принятые для подавления систем государственного и военного управления в Ираке, также отличались высокой эффективностью. Параллельное ведение информационно-психологической войны США в Персидском заливе позволило максимально реализовать собственный боевой потенциал и существенно снизить возможности сопротивления войскам противника.

Другим примером осуществления эффективной информационно-психологической пропаганды является агрессия США против Югославии. Во главе с США, НАТО в марте – июне 1999 г. осуществляло успешное информационное сопровождение агрессии против Югославии. До начала бомбардировок, блоком НАТО была организована глобальная информационная пропаганда в целях

одобрения боевых действий, формирования среди населения европейских государств «образа врага» в лице СРЮ, а также общей дискредитации политического курса руководства Союзной Республики Югославии (СРЮ).

Военная операция против СРЮ ставила перед информационными службами США и НАТО решение следующих задач:

- создание отрицательного образа руководящих органов СРЮ, являющихся источником кризиса;
- разрушение культурных, социальных и этических ценностей сербского народа;
- запугивание военно-политического руководства СРЮ за счет демонстрации возможностей вооруженных сил блока НАТО и их высокой эффективности;
- осуществление психологического давления на ключевые руководящие фигуры СРЮ.

Информационно-психологическая война проводилась с учетом опыта, который был наработан в ходе ведения предыдущих военных операций США и блока НАТО. Одновременно с информационно-психологическим воздействием предполагалось осуществление комплекса двухэтапных мероприятий, разработанных администрацией США, для воздействия на различные стратегические объекты СРЮ. На политическом направлении планировалось осуществить информационно-психологическую обработку населения стран – участников блока НАТО и других государств, являющихся свидетелями данных событий. На стратегическом направлении планировалась информационная обработка граждан СРЮ, руководства и вооруженных сил.

Первый этап (до начала агрессии) предусматривал ведение информационной войны на политическом уровне. Основными целями на этом этапе для США и НАТО являлись: формирование негативного образа СРЮ в глазах мирового сообщества в связи с тем, что на территории республики нарушаются права албанцев; оправдание необходимости военного вмешательства во внутриполитические процессы; обеспечение международной поддержки выбранного курса США и НАТО в отношении СРЮ.

Второй этап (начало ведения боевых действий) предполагал информационно-

психологическое воздействие на стратегическом уровне. Главной целью ведения войны на данном этапе являлась безоговорочная капитуляция руководства СРЮ. Для этого были поставлены цели ликвидировать в информационном пространстве правительство, личный состав вооруженных сил и население СРЮ (Матвеева, 2021).

План ведения информационной войны против СРЮ был согласован и поддержан всеми странами-участницами НАТО. Для ведения боевых действий были выделены специальные войска, задействованы все существующие информационные ресурсы НАТО в целях полного дезинформирования мировой общественности в отношении реальных мотивов военной операции.

Со стороны США на стратегическом уровне основные задачи в информационно-психологической войне выполняли государственный департамент, Информационное агентство США (USIA) с собственными подразделениями (международные спутниковые телесети, радиостанции «Голос Америки», «Свобода», «Свободная Европа»), ЦРУ и специалисты-психологи из Пентагона.

Структурные подразделения USIA занимались тем, что рассылали в адрес тысяч радиостанций многих стран мира свои передачи в записи, издавали различные информационные бюллетени. Большое значение в деятельности USIA придавалось реализации американских материалов в зарубежной прессе. Необходимо особо отметить, что распространение продукции самого USIA внутри США было строго запрещено.

США и блоком НАТО против СРЮ была осуществлена целая серия информационно-психологических мероприятий, которая включала в себя дестабилизацию и разрушение информационной инфраструктуры Югославии, ослабление и снижение её боевого потенциала, полную изоляцию руководства, армии и населения¹.

Список боевых действий и информационно-психологических войн можно продолжать, поскольку приведенные фрагменты отражают лишь

малую часть того, что происходило в мировой истории в период появления первых информационно-психологических кампаний.

Ситуация осложняется тем, что в современных условиях против нашего государства аналогичным образом ведутся не только реальные боевые действия, но также и постоянные, непрекращающиеся информационно-психологические операции, в которых участвуют как представители западных стран, так и наши соотечественники, выехавшие из страны. В данной статье сознательно не шла речь об особенностях ведения современных информационно-психологических войн, поскольку это тема может быть затронута в отдельной публикации. Но принципы, по которым против Российской Федерации в мировом информационном пространстве ведется подрывная работа коллективного Запада, не меняются с течением времени – меняются только технические решения. В современных условиях помимо печатной и телевизионной агрессивной информационной пропаганды, подключены сетевые издания, лидеры молодежных мнений, всевозможные интернет-источники, известные деятели науки и культуры, проживающие за рубежом стараются влиять на сознание русского общества, выставляя государственную политику Отечества как политику мирового агрессора. Образ нашего государства в этой информационно-психологической войне крайне негативный, захватнический, в результате чего мировое сообщество погрузилось в русофобию и так называемый синдром отмены России.

Информационно-психологическая война – термин крайне неоднозначный, но он отражает текущую геополитическую, социальную, экономическую, культурную ситуацию. Рассмотрение исторического контекста ведения информационно-психологических войн в разные периоды способствует более адекватной ориентации в многообразии потоков данных, сведений, мнений, публикаций, описывающих текущие события. Понимание особенностей и целей ведения информационно-психологических войн, исторического контекста проблемы, позволяет ориентироваться и анализировать информационные условия, в которые сознательно погружают население нашего государства представители недружественных стран, и активно противостоять им.

¹ Гриняев С.Н. Особенности информационной войны во время агрессии НАТО против Югославии [Электронный ресурс]. URL: <http://csef.ru/ru/oborona-i-bezopasnost/503/osobennosti-informacionnoj-vojny-vo-vremya-agressii-nato-protiv-yugoslavii-541> (20.03.2023).

Список источников

Абдрашитов Э.Г. Формирование пропагандистского аппарата в годы Первой мировой войны (опыт России и зарубежных стран) // Гуманитарные и юридические исследования. 2015. № 3. С. 5–9. EDN: VIBCVV.

Аникеев А.А. Роль НСДАП в идеологической и экономической подготовке Второй мировой войны // Гуманитарные и юридические исследования. 2016. № 3. С. 18–24. EDN: WXFLNZ.

Борщук Е.Д. Пропаганда патриотизма в годы Первой мировой войны в русской публицистике // Клио. 2011. № 1 (52). С. 59–61. EDN: NTSRRF.

Василенко В.Д. Методы пропаганды Геббельса в период Гитлеровской Германии // Теория и практика современной науки : сборник статей Международной научно-практической конференции, Пенза, 17 июня 2020 года. В 2 ч. Часть 1. Пенза : Наука и Просвещение, 2020. С. 102–104. EDN: IHTSOU.

Зорин А.В., Шипицын С.П. Причины и обоснование американской интервенции в Гренаду в 1983 г. // Общество. Наука. Инновации (НПК-2020) : сб. ст. : XX Всерос. науч.-практ. конф., 17 февр. – 26 апр. 2020 г. В 2 т. Т. 1. Гуманитарные и социальные науки. Киров : Вятский государственный университет, 2020. Т. 1. С. 237–241. EDN: QFIRXK.

Ильин А.Н. США: безответственная риторика и вероломная политика // Горизонты гуманитарного знания. 2017. № 5. С. 48–70. <https://doi.org/10.17805/ggz.2017.5.5>. EDN: ZUCNMH.

Ильченко Л.М., Зайцев С.И. Понятийный аппарат информационно-психологической войны // Региональная информатика и информационная безопасность : сборник трудов Санкт-Петербургской межрегиональной конференции «Информационная безопасность регионов России», Санкт-Петербургской Международной конференции «Региональная информатика», Санкт-Петербург, 26–28 октября 2016 года. Санкт-Петербург : Издательство Санкт-Петербургского общества информатики, вычислительной техники, систем связи и управления. 2016. Вып. 2. С. 97–100. EDN: XEYLOD.

Кузнецов Д.В. «Вьетнамский синдром» и его проявления на уровне массового сознания американцев в 1973–2009 гг. // Актуальные проблемы современности : материалы 5-й Всероссийской научно-практической конференции «Альтернативный мир», Благовещенск, 22 октября 2010 года. Вып. 4. Благовещенск : Изд-во Благовещенского государственного педагогического университета, 2010. С. 147–162. EDN: TLSOFH.

References

Abdrashitov Elik (2015) Forming of means of propaganda during the First World War (experience of Russia and foreign countries). *Gumanitarnye i yuridicheskie issledovaniya = Humanitarian and legal studies*. No. 3. P. 5-9. (In Russ.). EDN: VIBCVV.

Anikeev A.A. (2016) The role of the NAZI PARTY in the ideological and economic preparation for the Second World War. *Gumanitarnye i yuridicheskie issledovaniya = Humanitarian and Legal Studies*. No. 3. P. 18-24. (In Russ.). EDN: WXFLNZ.

Borshchukova E.D. (2011) Patriotic propaganda in the Russian in journalism during World War I. *Klio = Clio*. No. 1 (52). P. 59-61. (In Russ.). EDN: NTSRRF.

Vasilenko V.D. (2020) Goebbels' propaganda methods during the period of Hitler's Germany. *Teoriya i praktika sovremennoi nauki : sb. st. Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Penza, 17 iyunya 2020 goda. V 2 ch. = Theory and practice of modern science. Proceedings of the International Scientific and Practical Conference. Penza, June 17, 2020. In 2 pt.* Penza : Nauka i Prosveshchenie. Pt. 1. P. 102-104. (In Russ.). EDN: IHTSOU.

Zorin A.V., Shipitsyn S.P. (2020) Reasons and justification of the American intervention in Grenada in 1983. *Obshchestvo. Nauka. Innovatsii (NPK-2020) : sb. st. XX Vseros. nauch.-prakt. konf., 17 fevr. – 26 apr. 2020 g. V 2 t. T. 1. Gumanitarnye i sotsial'nye nauki = Society. Science. Innovations (NPK-2020). Proceedings of the XX All-Russian Scientific and Practical Conference. 17 February - 26 April, 2020. In 2 vol. T. 1. Human and Social Sciences*. Kirov: Vyatka State University. P. 237-241. (In Russ.). EDN: QFIRXK.

Il'yin A.N. (2017) The USA: irresponsible rhetoric and treacherous policy. *Gorizonty humanitarnogo znaniya = Horizons of Humanitarian Knowledge*. No. 5. P. 48-70. (In Russ.). <https://doi.org/10.17805/ggz.2017.5.5>. EDN: ZUCNMH.

Il'chenko L.M., Zaitsev S.I. (2016) Conceptual apparatus of information and psychological warfare. *Regional'naya informatika i informatsionnaya bezopasnost' : sbornik trudov Sankt-Peterburgskoi mezhregional'noi konferentsii «Informatsionnaya bezopasnost' regionov Rossii», Sankt-Peterburgskoi mezhdunarodnoi konferentsii «Regional'naya informatika», Sankt-Peterburg, 26–28 oktyabrya 2016 goda = Regional Informatics and Information Security. Proceedings of the Saint-Petersburg Interregional Conference «Information Security of the Regions of Russia», Saint-Petersburg International Conference «Regional Informatics», Saint-Petersburg, 26-28 October 2016*. St. Petersburg: Society of Informatics, Computer Technology, Communication and Control Systems. Iss. 2. P. 97-100. (In Russ.). EDN: XEYLOD.

Kuznetsov D.V. (2010) "Vietnam syndrome" and its manifestations at the level of mass consciousness of Americans in 1973-2009. *Aktual'nye problemy sovremennosti : materialy 5-i Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Al'ternativnyi mir», Blagoveshchensk, 22 oktyabrya 2010 goda = Actual Problems of Modernity. Proceedings of the 5th All-Russian Scientific and Practical Conference "Alternative World", Blagoveshchensk, October 22, 2010*. Blagovesh-

Кузнецов Д.В. СССР, США, пропаганда и контрпропаганда во время войны во Вьетнаме (1964–1973) // Американский ежегодник. 2020. № 2020. С. 21–37. EDN: EFMZJJ.

Кунакова Л.Н. Информационная война как объект научного анализа (понятие и основные характеристики информационной войны) // Альманах современной науки и образования. 2012. № 6. С. 93–96. EDN: OZGEKF.

Лудена Л.Д.Э. Военная интервенция Соединённых Штатов Америки в Панаме в 1989 году // Научный электронный журнал «Меридиан». 2020. № 7 (41). С. 75–77. EDN: KZWHFY.

Малышева Е.М. Идеологическое противостояние СССР и нацистской Германии в 1941–1945 гг.: воспитание ненависти к врагу // Вестник архивиста. 2015. № 2. С. 147–168. EDN: UAFLDF.

Матвеева А.М. Цивилизационный фронт гибридных войн против Югославии // Новые исторические перспективы: от Балтики до Тихого океана. 2021. № 1 (22). С. 33–49. <https://doi.org/10.25797/NHP.2021.90.27.003>. EDN: FOVBLL.

Пашкин С.Б., Турчин А.С., Диц С.Д. Психологические операции с применением листовок армией США с 1917 по 2003 годы // Вестник Санкт-Петербургского военного института войск национальной гвардии. 2021. № 1 (14). С. 81–89. EDN: FEGAQP.

Пояндашоев О.П. Информационно-психологическая война против России. Политическое оружие Запада в XXI веке // Якаевские чтения 2016 : сборник материалов XVI Международной научно-практической конференции «Научное наследие Ф.А. Щербина: казачество и история Кавказа», Краснодар, 10–11 февраля 2016 года. Краснодар : Академия маркетинга и социально-информационных технологий – ИМСИТ, 2016. С. 170–182. EDN: VSRFYT.

Сенявская Е.С. Психология войны в XX веке: Исторический опыт России. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1999. 383 с. EDN: PYIKST.

Соловьёв А.В. Информационная война: понятие, содержание, перспектива // Пространство и Время. 2010. № 2 (2). С. 75–81. EDN: OOPQYV.

Суржик Д.В. Англо-германская информационная война в США в годы Первой мировой войны // Пространство и Время. 2013. № 1 (11). С. 88–93. EDN: PVMUHT.

Ульянов П.В. Демонстрация военного превосходства в российской пропаганде в период Первой мировой войны // Ломоносовские чтения на Алтае: фундаментальные проблемы науки и образования : сборник научных статей Международной конференции, Барнаул, 20–24 октября 2015 года. Барнаул: Алтайский государственный университет, 2015. С. 2684–2689. EDN: UVRPKV.

chensk: Blagoveschensk State Pedagogical University. Iss. 4. P. 147-162. (In Russ.). EDN: TLSOFH.

Kuznetsov D.V. (2020) USSR, USA, propaganda and counter-propaganda during the Vietnam War (1964-1973). *Amerikanskii ezhegodnik = American Yearbook*. No. 2020. P. 21-37. (In Russ.). EDN: EFMZJJ.

Kunakova L.N. (2012) Information warfare as an object of scientific analysis (the concept and main characteristics of information warfare). *Al'manakh sovremennoi nauki i obrazovaniya = Almanac of Modern Science and Education*. No. 6. P. 93-96. (In Russ.). EDN: OZGEKF.

Ludena L.D.E. (2020) Military intervention of the United States of America in Panama in 1989. *Nauchnyi elektronnyi zhurnal «Meridian» = Scientific electronic journal "Meridian"*. No. 7(41). P. 75-77. (In Russ.). EDN: KZWHFY.

Malysheva E.M. (2015) Ideological confrontation between the USSR and Nazi Germany in 1941-1945: Learning to hate and enemy. *Vestnik arkhivista = Archivist's Bulletin*. No. 2. P. 147-168. (In Russ.). EDN: UAFLDF.

Matveeva A.M. (2021) Civilizational front of hybrid wars against Yugoslavia. *Novye istoricheskie perspektivy: ot Baltiki do Tikhogo okeana = New Historical Perspectives: from the Baltic to the Pacific Ocean*. No. 1(22). P. 33-49. (In Russ.). <https://doi.org/10.25797/NHP.2021.90.27.003>. EDN: FOVBLL.

Pashkin S.B., Turchin A.S., Dits S.D. (2021) Psychological operations using the sheets by US Army from 1917 to 2003. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo voennogo instituta voisk natsional'noi gvardii = Bulletin of the St. Petersburg Military Institute of the National Guard Troops*. No. 1 (14). P. 81-89. (In Russ.). EDN: FEGAQP.

Poyandashoev O.P. (2016) Information and psychological warfare against Russia is a political weapon of the West in the XXI century. *Yakaevskie chteniya 2016 : sbornik materialov XVI mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Nauchnoe nasledie F.A. Shcherbiny: kazachestvo i istoriya Kavkaza», Krasnodar, 10–11 fevralya 2016 goda = Yakaev Readings 2016 : Proceedings of the XVI International Scientific and Practical Conference, Krasnodar, February 10-11, 2016*. Krasnodar: Academy of Marketing and Social and Information Technologies. P. 170-182. (In Russ.). EDN: VSRFYT.

Senyavskaya E.S. (1999) Psychology of war in the twentieth century: the historical experience of Russia. Moscow: Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN). 383 p. (In Russ.). EDN: PYIKST.

Solov'ev A.V. (2010) Information warfare: concept, maintenance, prospective changes. *Prostranstvo i Vremya = Space and Time*. No. 2(2). P.75-81. (In Russ.). EDN: OOPQYV.

Surzhik D.V. (2013) UK-German information warfare at the USA in World War I. *Prostranstvo i Vremya = Space and Time*. No. 1 (11). P. 88-93. (In Russ.). EDN: PVMUHT.

Ul'yanov P.V. (2015) Demonstration of military superiority in Russian propaganda during the First World War. *Lomonosovskie chteniya na Altae: fundamental'nye problemy nauki i obrazovaniya : Sbornik nauchnykh statei mezhdunarodnoi konferentsii, Barnaul, 20-24 oktyabrya 2015 goda = Lomonosov Readings in Altai: Fundamental Problems of Science and Education. Proceedings of the International Conference, Barnaul, October 20-24, 2015*. Barnaul: Altai State Uni-

Ульянов П.В., Чернышов Ю.Г. Россия в амбивалентном «образе медведя» (на примере европейских карикатур периода Первой мировой войны) // Известия Алтайского государственного университета. 2015. № 4–1 (88). С. 259–265. [https://doi.org/10.14258/izvasu\(2015\)4.1-42](https://doi.org/10.14258/izvasu(2015)4.1-42). EDN: UBOINX.

Информация об авторе

Васёнкин Алексей Вадимович,
кандидат философских наук, доцент кафедры истории и философии,
Иркутский национальный исследовательский технический университет,
664074, Иркутск, ул. Лермонтова, 83, Россия,
e-mail: vasenkinav@yandex.ru,
<https://orcid.org/0000-0003-1487-6567>

Вклад автора

Васёнкин А.В. выполнил исследовательскую работу, на основании полученных результатов провел обобщение и подготовил рукопись к печати.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 16 марта 2023 г.; одобрена после рецензирования 20 мая 2023 г.; принята к публикации 29 мая 2023 г.

versity. P. 2684-2689. (In Russ.). EDN: UVRPKV.

Ul'yanov P.V., Chernyshov Yu.G. (2015) Russia in an ambivalent "image of a bear" (on the example of European cartoons of the period of World War I). *Izvestiya Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta = News of the Altai State University*. No. 4-1 (88). P. 259-265. (In Russ.). [https://doi.org/10.14258/izvasu\(2015\)4.1-42](https://doi.org/10.14258/izvasu(2015)4.1-42). EDN: UBOINX.

Information about the author

Aleksei V. Vasenkin,
Cand. Sci. (Philosophy), Associate Professor the department of History and Philosophy,
Irkutsk National Research Technical University,
83, Lermontov St., Irkutsk 664074, Russia,
e-mail: vasenkinav@yandex.ru,
<https://orcid.org/0000-0003-1487-6567>

Contribution of the author

Vasenkin A.V. carried out a research work, based on the obtained results made the generalization and prepared the manuscript for publication.

Conflict of interests

The author declares no conflict of interests.

The author has read and approved the final manuscript.

Article info

The article was submitted March 16, 2023; approved after reviewing May 20, 2023; accepted for publication May 29, 2023.

Рецензия

Рецензия
УДК 93/94+336.747
EDN: VRZCHG
DOI: 10.21285/2415-8739-2023-3-182-187

Книжное осмысление истории российских бумажных денег

Баранов А.Г. Отечественная бонистика : библиографический указатель, 1808–2021 гг. 2-е изд., испр. и доп. Москва : Изд-во Олега Пахмутова, 2022. 361 с.

Д.И. Петин

Омский государственный технический университет, г. Омск, Россия

Аннотация. В работе представлен аналитический обзор научно-справочного издания, охватывающего более чем двухвековую историю российской бонистики. Автор-составитель этого труда, московский историк и специалист антикварного рынка А.Г. Баранов на протяжении уже четверти века аккумулирует библиографическое наследие, тематически связанное с историей бумажноденежного обращения. В рецензии отмечается общее значение анализируемого издания для академической науки, перечислены его достоинства. В виде частных критических пассажей указаны пути возможного дальнейшего совершенствования издания. Теоретической основой исследования стало сочетание антропологического подхода, сравнительно-исторического и историко-генетического методов. В заключение подчеркивается, что данная книга опровергает устоявшееся мнение об узкой специализации бонистики – знания с весьма богатой библиографией.

Ключевые слова: библиография, историография, вспомогательные исторические дисциплины, денежное обращение, бонистика, бумажные денежные знаки, бонь

Для цитирования: Петин Д.И. Книжное осмысление истории российских бумажных денег: рецензия на книгу А.Г. Баранова «Отечественная бонистика: библиографический указатель, 1808–2021 гг.» // Известия Лаборатории древних технологий. 2023. Т. 19. № 3. С. 182–187. <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2023-3-182-187>. EDN: VRZCHG.

Review

Review

Book comprehension of the history of Russian paper money

Baranov A.G. (2022) Domestic notaphily: a bibliographic index, 1808–2021. Moscow: Publishing by Oleg Pakhmotov. 361 p. (In Russ.).

Dmitry I. Petin

Omsk State Technical University, Omsk, Russia

Abstract. The article presents an analytical review of a scientific reference publication covering more than two centuries of the history of Russian notaphily. The author and compiler of this work, Moscow historian and antiquarian market specialist A.G. Baranov, has been accumulating a bibliographic heritage thematically related to the history of paper money currency for a quarter of a century. The review notes the general importance of the analyzed publication for academic science, lists its merits. In the form of private critical passages, ways of possible further improvement of the publication are indicated. The theoretical basis of the study was a combination of the anthropological approach, comparative-historical and historical-genetic methods. In conclusion, it is emphasized that this book refutes the established opinion about the narrow specialization of notaphily – knowledge with a very rich bibliography.

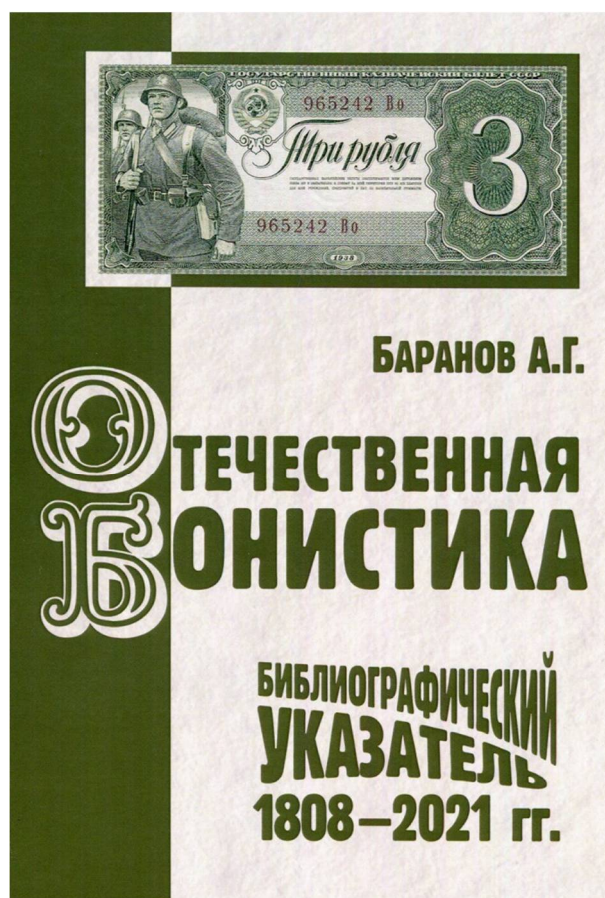
Keywords: bibliography, historiography, auxiliary historical disciplines, currency, notaphily, paper money, bons

For citation: Petin D.I. (2023) Book comprehension of the history of Russian paper money: a review of the book by A.G. Baranov "Domestic notaphily: a bibliographic index, 1808–2021". *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the*

В 2022 г. увидело свет редкое по тематике справочное издание – «Отечественная бонистика: библиографический указатель, 1808–2021 гг.» (Баранов, 2022). Его автор – Александр Геннадьевич Баранов – один из ведущих российских специалистов, активно популяризирующих памятники отечественного бумажноденежного обращения. Среди его трудов – работы с основополагающим значением для изучения денежного обращения в годы Гражданской войны в России (Алямкин, Баранов, 2005; Баранов, 2004). На ниве отечественной бонистики А.Г. Баранов снискал уважение и как систематизатор-библиограф, издав фундаментальный справочник, где наряду с монографиями, каталогами, статьями и заметками в прессе отдельный блок отводился законодательным актам о введении в оборот новых бумажных денег (Баранов, Абросимов, Артемьев, 2006). Этот указатель стал основой для продолжения сбора научной информации, вылившись в рецензируемую книгу, где автор сосредоточился на литературе.

Обращает на себя внимание понимание дефиниции «нация» (дискуссионная составляющая историко-философских суждений) в названии справочника. На формирование российских общественных представлений в этой области повлияла национальная политика СССР (См., напр.: Сушко, 2017). Как видно из анализа книги, «отечественная бонистика» подразумевается как: 1) в территориальном смысле фактически все географическое пространство в рамках Российской империи, а затем СССР, на котором происходили схожие процессы в денежном обращении, а затем и в коллекционном деле; 2) общность ментальных черт и интересов существенной части авторов, живших на советском и постсоветском пространстве.

По части справочника 2006 г. новый указатель имеет преемственность и в структуре. Книга состоит из введения, глав, указателей и списка литературы. Перед введением помещен текст рецензии Д.В. Хаминова (Томск) – одного из официальных рецензентов книги (Баранов, 2022. С. 4). Он известен академическому сообществу как специалист по истории отечественного образования, а также является автором трудов по истории советских ло-

терей. Кроме того, в числе рецензентов – известные российские историки: специалист по социально-экономической истории России М.В. Ходяков (Санкт-Петербург) и специалист в области вспомогательных исторических дисциплин Е.В. Пчелов (Москва).

Введение представляет собой обзор, отражающий основные теоретические знания о бонистике, ее место среди других исторических наук, а также краткую историю становления и развития в России представлений о прошлом бумажных денег. А.Г. Баранов, описывая динамику приращения знания, делает акцент на текущей четверти века, когда бонистика стала получать все большее распространение, в том числе в поле публичной истории: музеи стали чаще использовать «бумажноденежный контент» в экспозициях. Ключевая роль в этом сегодня принадлежит Музею истории денег АО «Гознак», что подтверждают включенные в рецензируемый указатель десятки работ сотрудников

этого учреждения (А.А. Богданова, В.А. Березиной, Е.А. Чистиковой и др.).

Для рецензируемой книги особо важен научно-справочный аппарат; ему, исходя из специфики издания и отрасли знания, автор уделил особое внимание. Указатель составляют 7 глав, они подразделяются на блоки по хронологии, типам, характеру и проблематике публикаций, охвату территорий. С точки зрения общей практики, такое «структурное разнообразие» может показаться нелогичным, даже «претендуя» на недостаток. Но эта особенность связывается с исторической спецификой развития российской бонистики, когда при иной классификации может быть затруднен поиск работ либо один и тот же труд может быть отнесен к нескольким разделам указателя. Каждая работа в указателе имеет порядковый номер, что сделано для привязки перечня трудов к указателям (именному, тематико-географическому и периодики). Итоговая комбинация научно-справочного аппарата делает справочник в целом понятным и удобным для пользования. Для усиления тематико-географического указателя рекомендуем добавить рубрику «Рецензии и обзоры» внутри тематико-географического указателя. В историографии есть пример – фундаментальная монография петербургского историка М.В. Ходякова «Деньги революции и Гражданской войны: 1917–1920 годы» (Ходяков, 2019), трижды переизданная на русском языке (2009, 2018, 2019). Выход в свет этой книги сопровождался рядом аналитических рецензий, каковые лишь частично отражены в указателе (примеры пропусков: Дубянский, 2010; Пученков, 2020).

Одна из ключевых заслуг А.Г. Баранова в анализируемой книге – тщательное изучение коллекционерской печати, отслеживание по ней работ о бонистике. Счет таких публикаций в рецензируемом издании идет на тысячи. Подчас статьи и заметки в подобных малотиражных журналах, альманахах и газетах известны лишь узкому кругу специалистов (коллекционерам, антикварам, реже – музейщикам).

Пристальное текущее внимание к бонистике академического сообщества обусловлено сменой общественно-политической конъюнктуры на рубеже 1980–1990-х гг. и стремлением специалистов всесторонне учитывать факторы, влияющие на по-

ложение в стране. Особенно это касалось периодов социальных катаклизмов. Как показал опыт историографии, «денежно-экономическая призма» в истории – шаг к более полновесному осмыслению прошлого на широкой методологической основе (См., напр.: Ходяков, 2018). Изучение денег в контексте эпохи дает возможность комплексного осмысления военной, политической, социальной истории, истории науки и техники, истории культуры и повседневности.

Но из анализа справочника мы видим, что значимую часть историографии бонистики составляют подчас отличающиеся скрупулезностью и ориентированные на практику статьи коллекционеров, затрагивающие вопросы каталогизации, систематизации, хранения, текущей рыночной стоимости материала и др. Хотя авторы данных публикаций – энтузиасты, в массе своей являются скорее большими любителями истории и общественными деятелями, но не профессиональными историками, тем не менее в бонистике специалисты-практики являются основным «движущим началом».

Однако наряду с развитием практической (коллекционерской) составляющей бонистики знание этой отрасли полнится и посредством обобщающих теоретических трудов (в большей степени статей, реже – монографий), описывающих историю финансов и денежного обращения. Обратившись к обзору историографии и библиографии в справочнике, отметим, что аналогичная тенденция имела уже место до 1918 г. Но тогда это связывалось с не столь объемным накоплением исторического материала о бумажных деньгах. В наши дни мы видим стремление историков осмыслить обильное фактическое знание об истории денег в общем контексте той или иной эпохи. Развитие историографии финансов идет, в том числе через обращение к узким методикам (исторической биографии, краеведения) (См., напр.: Кротова, 2019; Кротова, 2022; Стельмак, Петин, 2022; Киселев, 2022). Рекомендацией к восполнению указателя в будущем может стать активное использование сетевых баз данных научной информации. Такая практика позволила бы при подготовке рецензируемого справочника избежать «пропуска» трудов иркутского историка В.П. Шахерова (См. напр.: Шахеров, 2020а; Шахеров, 2020b).

Анализируемое издание показывает другую любопытную тенденцию историографии. Да, с 1990-х гг. внимание академических специалистов к истории бумажных денег стало выше. Но даже по смежным бонистике темам число подготовленных диссертаций по историческим наукам остается невелико. А.Г. Баранов называет 11 таких работ, защищенных в 1955–2011 гг. К этому списку по формальному признаку можно добавить отсутствующую в издании компилятивную диссертацию И.Ю. Денисова¹. Как видно, история денежного обращения и изучение бумажных денег как источника остаются малопопулярными темами для исследования аспирантами и докторантами. Авторы фундаментальных работ в этой области приходят и в профессию, и к изучению проблематики через некую иную тему или близкий хронологический период исследований.

¹ Денисов И.Ю. Денежное обращение и денежно-финансовая политика на территории Урала, Сибири и Дальнего Востока в 1917–1922 годах: дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2010. 258 с.

Список источников

Алямки А.В., Баранов А.Г. История денежного обращения в 1914–1924 гг. (по материалам Зауралья). Екатеринбург : Изд-во Уральского государственного горного университета, 2005. 333 с. EDN: QQWPPP.

Баранов А.Г. Денежное обращение и эмиссии бумажных денежных знаков на Северном Кавказе в 1917–1920 годах. М. : ПА ФСБ России, 2004. 227 с.

Баранов А.Г. Отечественная бонистика: библиографический указатель, 1808–2021 гг. 2-е изд., испр. и доп.. Москва : Изд-во Олега Пахмутова, 2022. 361 с.

Баранов А.Г., Абросимов М.В., Артемьев Ю.А. Отечественная бонистика. Библиографический указатель книг, статей и законодательных актов (1699–2005 гг.). М. : [б.и.], 2006. 540 с. EDN: QPFVAR.

Дубянский А.Н. Ходяков М.В. Деньги революции и Гражданской войны: денежное обращение в России. 1917–1920 гг. СПб.: Питер, 2009 // Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика. 2010. № 4. С. 163–166. EDN: NCFGIZ.

Киселев А.Л. Эмиссия чеков Владивостокским отделением Государственного банка в 1920 году // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2022. Т. 7. № 3. С. 40–48. <https://doi.org/10.25206/2542-0488-2022-7-3-40-48>. EDN: NGARXV.

Согласимся с мнением Д.В. Хаминова о том, что ценным дополнением могло бы стать включение в библиографический указатель работ по истории российской бонистики, опубликованных на иностранных языках (Баранов, 2022. С. 4). Количество этих трудов, быть может, и невелико, но примеры их известны (См. напр.: Marks, 2014; Miha, 1983).

Подводя итоги, отметим, что ценность книжной новинки многогранна. А.Г. Баранов представил не только значимый труд, обобщающий различные наработки по бонистике и помогающий специалистам в поиске информации. Работа будет весьма полезна широкому кругу исследователей, занимающихся изучением российской исторической науки, общественной деятельности и научных изысканий, осуществляемых представителями музейного и коллекционерского сообщества. Эта книга – характерный пример, когда узко специфичное, на первый взгляд, знание неуклонно продолжает свое развитие, разнообразно пополняя представления о подчас непростоem прошлом нашей страны, невольным свидетелем которого, вот уже 250 лет выступают бумажные деньги.

References

Alyamkin A.V., Baranov A.G. (2005) The history of currency in 1914–1924 (by materials of the TransUrals). Yekaterinburg: Ural State Mining University. 333 p. (In Russ.). EDN: QQWPPP

Baranov A.G. (2004) Currency and issue of paper banknotes in the North Caucasus in 1917–1920. Moscow: PA FSB Rossii. 227 p. (In Russ.).

Baranov A.G. (2022) Domestic notaphily: a bibliographic index, 1808–2021. Moscow: Publishing by Oleg Pakhmutov. 361 p. (In Russ.).

Baranov A.G., Abrosimov M.V., Artem'ev Yu.A. (2006) Domestic notaphily. Bibliographic index of books, articles, and legislative acts (1699–2005). Moscow. 540 p. (In Russ.). EDN: QPFVAR.

Dubyanskii A.N. (2010) Khodyakov M.V. Money of the Revolution and the Civil War: Currency in Russia. 1917–1920 St. Petersburg: Peter, 2009. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Ekonomika = St. Petersburg University Journal of Economic Studies*. No. 4. P. 163–166. (In Russ.). EDN: NCFGIZ.

Kiselev A.L. (2022) The issue of checks by Vladivostok Branch of State Bank in 1920. *Omskii nauchnyi vestnik. Ser. Obshchestvo. Istoriya. Sovremennost' = Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity*. Vol. 7. No. 3. P. 40–48. (In Russ.). <https://doi.org/10.25206/2542-0488-2022-7-3-40-48>. EDN: NGARXV.

Кротова М.В. Иван Адрианович Михайлов в эмиграции в Харбине // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2019. Т. 4. № 2. С. 64–71. <https://doi.org/10.25206/2542-0488-2019-4-2-64-71>. EDN: JYNNBI.

Кротова М.В. «Омская группа» в эмиграции в Маньчжурии // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2022. Т. 7. № 2. С. 26–33. <https://doi.org/10.25206/2542-0488-2022-7-2-26-33>. EDN: NGDOMW.

Пученков А.С. «Колокольчики», «юденки» и «врангелевки» // Вопросы истории. 2020. № 10–4. С. 282–287. <https://doi.org/10.31166/VoprosyIstorii202010Statyi91>. EDN: NILUEB.

Стельмак М.М., Петин Д.И. «Он насытил свое честолюбие при Колчаке»: министр финансов И.А. Михайлов в оценках современников // Исторический вестник. 2022. Т. 42. С. 36–61. <https://doi.org/10.35549/HR.2022.2022.42.001>. EDN: IPQJWP.

Сушко А.В. Исторические особенности национализма в России // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2017. № 1. С. 40–45. EDN: YGSYGL.

Ходяков М.В. Ответы на вопросы по истории Гражданской войны в России // Россия в эпоху революций и реформ. Проблемы истории и историографии. 2018. Т. 6. С. 119–124. EDN: YLVADB.

Ходяков М.В. Деньги революции и Гражданской войны: 1917–1920 годы. СПб.: СПбГУ, 2019. 312 с. EDN: POUULV.

Шахеров В.П. Участие военнопленных Первой Мировой войны в эмиссионной деятельности сибирских правительств в 1919–1921 гг. // Известия Иркутского государственного университета. Сер. История. 2020а. Т. 31. С. 13–23. <https://doi.org/10.26516/2222-9124.2020.31.13>. EDN: IXKSMM.

Шахеров В.П. Эмиссионная деятельность в Иркутске после восстановления Советской власти в 1920 г. // Известия Лаборатории древних технологий. 2020б. Т. 16. № 2. С. 178–191. <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2020-2-178-191>. EDN: ZIWQKQ.

Marks S.G. The Russian Experience of Money, 1914–24 // Russian Culture in War and Revolution, 1914–22, book 2. Bloomington: Slavica, 2014. P. 121–148.

Mixa M. Ruské peníze tištěné čs. vojenskou litografií. Praha, 1983. 56 str. (на чешском)

Информация об авторе

Петин Дмитрий Игоревич,
кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории, философии и социальных коммуникаций,

Krotova M.V. (2019) Ivan Adrianovich Mikhailov in emigration in Harbin. *Omskii nauchnyi vestnik. Ser. Obshchestvo. Istoriya. Sovremennost'* = *Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity*. Vol. 4. No. 2. P. 64–71. (In Russ.). <https://doi.org/10.25206/2542-0488-2019-4-2-64-71>. EDN: JYNNBI.

Krotova M.V. (2022) «Omsk group» in exile in Manchuria. *Omskii nauchnyi vestnik. Ser. Obshchestvo. Istoriya. Sovremennost'* = *Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity*. Vol. 7. No. 2. P. 26–33. (In Russ.). <https://doi.org/10.25206/2542-0488-2022-7-2-26-33>. EDN: NGDOMW.

Puchenkov A.S. (2020) “Bells”, “Yudenki” and “Wrangel’s”. *Voprosy istorii = Questions of History*. No. 10–4. P. 282–287. (In Russ.). <https://doi.org/10.31166/VoprosyIstorii202010Statyi91>. EDN: NILUEB.

Stel'mak M.M., Petin D.I. (2022) “He fulfilled his ambitions in the presence of Kolchak”: Minister of Finance I.A. Mokhailov as seen by contemporaries. *Istoricheskiy vestnik = Historical Reporter*. Vol. 42. P. 36–61. (In Russ.). <https://doi.org/10.35549/HR.2022.2022.42.001>. EDN: IPQJWP.

Sushko A.V. (2017) Historical features of national understanding in Russia. *Omskii nauchnyi vestnik. Ser. Obshchestvo. Istoriya. Sovremennost'* = *Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity*. No. 1. P. 40–45. (In Russ.). EDN: YGSYGL.

Khodyakov M.V. (2018) Answers to questions about the history of the Russian Civil War. *Rossiya v epokhu revolyutsiy i reform. Problemy istorii i istoriografii = Russia in the era of revolutions and reforms. Problems of history and historiography*. Vol. 6. P. 119–124. (In Russ.). EDN: YLVADB.

Khodyakov M.V. (2019) Money of the Revolution and the Civil War: 1917–1920. St. Petersburg: Saint-Petersburg State University. 312 p. (In Russ.). EDN: POUULV.

Shakherov V.P. (2020a) The participation of prisoners of war of the First World War in the issuing activities of the Siberian governments in 1919–1921. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Istoriya = Bulletin of Irkutsk State University. Ser. History*. Vol. 31. P. 13–23. (In Russ.). <https://doi.org/10.26516/2222-9124.2020.31.13>. EDN: IXKSMM.

Shakherov V.P. (2020b) Emission activity in Irkutsk after the restoration of Soviet power in 1920. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 16. No. 2. P. 178–191. (In Russ.). <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2020-2-178-191>. EDN: ZIWQKQ.

Marks S.G. The Russian Experience of Money, 1914–24 // Russian Culture in War and Revolution, 1914–22, book 2. Bloomington: Slavica, 2014. P. 121–148.

Mixa M. Ruské peníze tištěné čs. vojenskou litografií. Praha, 1983. 56 str. (на чешском)

Information about the author

Dmitry I. Petin,
Cand. Sci. (History), Associate Professor, Associate Professor of History, Philosophy and Social Communications Depart-

Омский государственный технический университет,
644050, г. Омск, пр. Мира, 11, Россия,
e-mail: dimario86@rambler.ru,
<https://orcid.org/0000-0003-1614-8133>

ment,
Omsk State Technical University,
11, Mira Avenue, Omsk 644050, Russia,
e-mail: dimario86@rambler.ru,
<https://orcid.org/0000-0003-1614-8133>

Вклад автора

Петин Д.И. выполнил исследовательскую работу, на основании полученных результатов провел обобщение и подготовил рукопись к печати.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 4 апреля 2023 г.; одобрена после рецензирования 12 мая 2023 г.; принята к публикации 29 мая 2023 г.

Contribution of the author

Petin D.I. carried out a research work, based on the obtained results made the generalization and prepared the manuscript for publication.

Conflict of interests

The author declares no conflict of interests.

The author has read and approved the final manuscript.

Article info

The article was submitted April 4, 2023; approved after reviewing May 12, 2023; accepted for publication May 29, 2023.

Рецензия

Рецензия
УДК 93/94
EDN: VZXALX
DOI: 10.21285/2415-8739-2023-3-188-191

**Российская империя 1894–1917 гг.: особенности экономической политики
на национальных окраинах**

Центр и регионы: экономическая политика правительства на окраинах Российской империи (1894–1917 гг.) / Д.Г. Янченко, М.В. Ходяков (отв. ред.), А.А. Иванов, А.Э. Котов, В.Л. Степанов, А.В. Мамаев, Э.О. Сигинадзе, Е.О. Старовойтова, Б.А. Алимджанов, Г.М. Слободзян. 2 изд. СПб. : Изд-во Петерб. ун-та, 2021. 660 с.

И.Ю. Ванина¹, Ю.В. Кузьмин²

¹ Иркутский национальный исследовательский технический университет, г. Иркутск, Россия

² Байкальский государственный университет, г. Иркутск, Россия

Аннотация. Представлена рецензия на монографию, посвященную региональной политике Российской империи в период 1894–1917 гг. Проблема экономического управления и взаимодействие Центра и национальных окраин, специфика этих отношений на Дальнем Востоке, Кавказе, Средней Азии, Прибалтике являются объектами изучения авторов монографии. Авторы исследуют экономический курс правительства, государственное регулирование экономических отношений с регионами: решение вопроса в правительстве, дебаты в Государственной Думе и формирование законодательной базы, регулирующей эту деятельность. Общим аспектом изучения всех регионов стала трудовая миграция, рассмотрено, как она была организована, какие проблемы порождала. Механизм продвижения региональных интересов в Петербурге также находятся в центре внимания исследователей.

Ключевые слова: Российская империя, региональная политика, национальные окраины, экономическая политика, противоречия интересов, законодательство, трудовая миграция, переселенческая политика, русификация

Для цитирования: Ванина И.Ю., Кузьмин Ю.В. Российская империя 1894–1917 гг.: особенности экономической политики на национальных окраинах: рецензия на монографию Д.Г. Янченко и М.В. Ходякова «Центр и регионы: экономическая политика правительства на окраинах Российской империи (1894–1917 гг.)» // Известия Лаборатории древних технологий. 2023. Т. 19. № 3. С. 188–191. <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2023-3-188-191>. EDN: VZXALX.

Review

Review

**The Russian Empire of 1894-1917: features of economic policy
on the national outskirts**

Yanchenko D.G., Khodyakov M.V., Ivanov A.A., et al. (2021) Center and regions: Economic Policy of the Government on the Outskirts of the Russian Empire (1894-1917). St. Petersburg: Publishing House of the St. Petersburg University. 660 p. (In Russ.).

Irina Yu. Vanina¹, Yuri V. Kuzmin²

¹ Irkutsk National Research Technical University, Irkutsk, Russia

² Baikal State University, Irkutsk, Russia

Abstract. Review of a monograph devoted to the regional policy of the Russian Empire in the period 1894-1917 is presented. The problem of economic management and the interaction of the Center and national suburbs, the specifics of these relations in

the Far East, the Caucasus, Central Asia, the Baltic States are the objects of study of the authors of the monograph. The authors explore the economic course of the government, state regulation of economic relations with the regions: the solution of the issue in the government, debates in the State Duma and the formation of a legislative framework regulating this activity. A common aspect of the study of all regions was labor migration, it was considered how it was organized, what problems it generated. The mechanism of promoting regional interests in St. Petersburg is also in the focus of attention of researchers.

Keywords: Russian Empire, regional policy, national suburbs, economic policy, conflicts of interests, legislation, labor migration, resettlement policy, russification

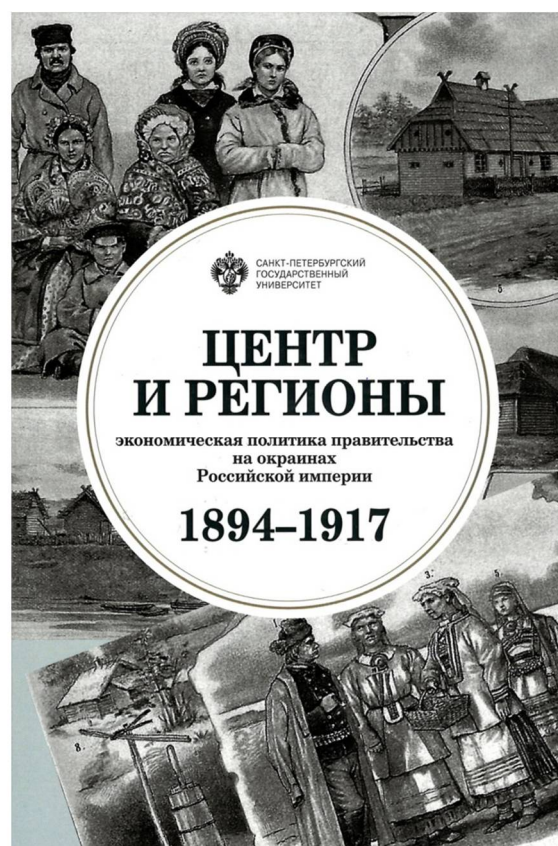
For citation: Vanina I.Yu., Kuzmin Yu.V. (2023) The Russian Empire of 1894-1917: features of economic policy on the national outskirts: Review on the monograph by D.G. Yanchenko, M.V. Khodyakov, A.A. Ivanov, et al. "Center and regions: Economic Policy of the Government on the Outskirts of the Russian Empire (1894-1917)". *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 19. No. 3. P. 188-191. (In Russ.). <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2023-3-188-191>. EDN: VZXALX.

Последние тридцать лет российская историческая наука пристально изучает внутреннюю политику империи на последнем этапе ее развития: 1894–1917 гг. Особый интерес представляет ее внутренняя политика на окраинах Российской империи: русском Дальнем Востоке, Средней Азии, Кавказе, Западном Крае и Прибалтике. Каждый из названных регионов имел отдельное и самостоятельное политическое, экономическое и культурное развитие, специфику взаимодействия с Центром империи.

Различные модели экономического развития данных регионов, их сложный национальный и конфессиональный состав, особые системы самоуправления и отношения с центральной властью, специфический многоукладный характер экономики требуют глубокого изучения. Исследование дореволюционной экономической политики Российской империи имеет не только теоретическое и историческое значение, но и практическую значимость для формирования современных моделей экономического управления и взаимодействия регионов (национальных республик, краев и областей) Российской Федерации. Позитивные аспекты политики могут быть использованы в современной интеграционной политике России.

Подготовка коллективной монографии учеными Санкт-Петербургского университета и привлеченными исследователями других научных центров стала возможной благодаря опоре на ранее проведенные исследования истории окраинных регионов Российской империи, выполненных историками, экономистами, политологами и т. п. Обобщение и системный анализ стали возможны после издания научных трудов по истории, экономике отдельных регионов.

Первое издание книги вышло в 2020 году, были привлечены обширные опубликованные материалы

и архивные документы. Как известно, оценки и характеристики этой эпохи развития России серьезно различаются: для одних историков – это период экономического подъема, расцвета российского государства, выхода в лидеры мирового экономического развития. Для других, по-прежнему период глубокого кризиса имперской внутренней и внешней политики, слабости центральной власти и ослабления влияния на окраинах страны. Представляется, что еще предстоит системный и комплексный анализ, экономический расчет всех составляющих данных, чтобы сделать обоснованное заключение по обозначенной проблеме. Авторы исследования сделали серьезные шаги в данном направлении.

Ответственным редактором данного коллективного труда выступил доктор исторических наук, профессор СПбГУ М.В. Ходяков, специалист по экономической и социально-политической истории России первой половины XX века.

Структура коллективной монографии по регионам представляется нам логичной и обоснованной, отвечающей целям поставленных задач. Однако представляется, что выделение третьей главы «Маньчжурия накануне и в годы Первой мировой войны» (С. 160–187) является, по нашему мнению, дискуссионным вопросом, так как Маньчжурия не входила в состав Российской империи. При этом не рассматривается вообще факт и роль вхождения в состав Российской империи в 1914 году Урянхайского края (Тувы – Тывы) на правах протектората.

Несомненным достоинством коллективной монографии является обстоятельный и развернутый источниковедческий и историографический обзор темы (С. 7–58), содержащий анализ литературы и источников дореволюционного, советского, современного этапа развития исследований, зарубежной историографии, что свидетельствует о серьезной проработке проблемы авторами.

Кратко показана эволюция взглядов и оценок российских, советских и зарубежных авторов, что свидетельствует о глубокой изученности темы и основательности подхода научного коллектива. Авторы критически анализируют некоторые подходы национальных школ стран Центральной Азии, Кавказа, стран Прибалтики, уходящих от оценок советской исторической школы. Стремление авторов монографии представить взвешенную и объективную картину взаимоотношений центра Российской империи и национальных регионов, ее экономическую составляющую, несомненно, заслуживает поддержки. Привлечение к работе историков и историков экономики изучаемых регионов представляется позитивным и важным фактором достоверности источников, оценок научного исследования. Российские исследователи предшествующих этапов и современного периода проделали значительную работу по изучению экономической истории имперской России.

Авторы монографии сосредоточились на проблеме экономического управления и взаимодействия Центра России с ее национальными окраинами. «Преобладающее число современных исследователей согласно с тем, что эта политика была про-

тиворечивой, нецелостной и запаздывающей» (С. 44). Некоторая аналогия в политике Российской Федерации по отношению к странам Центральной Азии и Кавказа прослеживается и в последние десятилетия, что актуализирует исследуемую проблему.

Понятие «Российская империя», разумеется, можно рассматривать как с позитивным содержанием, так и негативным оттенком. Представляется, что авторы пытались уйти от сложившихся клише в оценках имперской политики и сделать это взвешенно, без эмоциональных и национальных штампов. «Сама имперская периферия рассматривается не как пассивный объект воздействия метрополии, что было характерно для советской историографии, а как важный актор происходивших процессов» (С. 49).

Авторы не просто анализируют значительный объем исторической литературы по проблеме, но и намечают «белые пятна» и темы для дальнейшего исследования, что, является несомненным достоинством данной работы. Например, изучение истории банков и банковского дела в Туркестане (С. 49).

Особую экономическую роль в Российской империи играл Кавказ, бакинские нефтепромыслы, чему посвящена глава монографии (С. 376–448), а также глава «Аграрная колонизация и курортное дело на Кавказе в конце XIX – начале XX века» (С. 449–189). На современном научном уровне, с привлечением новейших источников проанализированы особенности экономической политики в этом регионе Российской империи, а также специфика деятельности российских и иностранных компаний в нефтяной сфере.

Экономическая модернизация в начале XX века, переход на более современные технологии в промышленности, транспорте требовали масштабной добычи нефти. Поэтому правительство С.Ю. Витте стимулировало этот процесс: был привлечен иностранный капитал и технологии, строились железные дороги, выделялись банковские кредиты, вводились высокие таможенные пошлины на ввоз иностранного керосина. Все эти меры способствовали развитию кавказского региона, привели Россию к мировому лидерству в данной сфере, а доходы пополняли бюджет (С. 610). Отмечены и негативные последствия государственной поддержки этого сектора экономики: экспорт на мировой рынок по демпинговым ценам, сокращение потребления нефтепродуктов в самой России, кризисы 1900–1903 гг., 1917 г.

Авторы изучили проблемы государственной переселенческой политики на Кавказе, обусловленные ограниченностью финансов и слабой координацией центральных и местных органов власти, неразвитостью местной дорожной системы, недостаточностью земельных ресурсов. Ряд сложностей наблюдался и в курортном деле: недостаток финансов, профессиональных кадров, слабая транспортная доступность.

Оригинальный материал по истории экономической политики представлен в главе «Российское самодержавие и экономическая политика в отношении Средней Азии» (С. 247–375). Значительное внимание уделено земельным преобразованиям, изъятию земли у кочевников и передаче ее состоятельным переселенцам. Проанализированы противоречия между экономическими интересами коренных жителей и переселенцев, что привело в 1916 г. к массовому восстанию в Туркестане, нанесшему «мощный удар усилиям по экономическому развитию края и символизировало кризис имперской модели управления» (С. 249). Попытки создать здесь слой русских колонистов-земледельцев потерпели

неудачу. «Решения Думы были нацелены на интеграцию Туркестана как аграрного региона и источника сырья в общеимперское пространство. Интересы государства и переселенцев ставились выше коренного населения» (С. 249). Требовался новый акт, который урегулировал бы хозяйственные отношения, идущие на смену традиционным» (С. 311).

В целом комплексный экономический анализ российской политики на окраинах страны, осуществленный авторским коллективом монографии, имеет серьезный научный и практический интерес. Причины кризиса и распада Российской империи нуждаются в комплексном критическом анализе, серьезных выводах для современной политической элиты России. Исследование истории экономической деятельности России на ее окраинах имеет важное практическое значение для реформирования современной экономической политики. В настоящее время назрела необходимость корректировки экономической стратегии и политики в отношении окраинных и пограничных территорий Российской Федерации.

Информация об авторах

Ванина Ирина Юрьевна,

кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории и философии,
Иркутский национальный исследовательский технический университет,
664074, Иркутск, ул. Лермонтова, 83, Россия,
e-mail: polina22k09@yandex.ru

Кузьмин Юрий Васильевич,

доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры Отечественной истории,
Байкальский государственный университет,
664003, Иркутск, ул. Ленина, 11,
e-mail: kuzminuv@yandex.ru

Information about the authors

Irina Yu. Vanina,

Cand. Sci. (History), Associate Professor, Associate Professor of the Department of History and Philosophy,
Irkutsk National Research Technical University,
83, Lermontov St., Irkutsk 664074, Russia,
e-mail: polina22k09@yandex.ru

Yuri V. Kuzmin,

Dr. Sci. (History), Professor, Professor of the Department of National History,
Baikal State University,
11, Lenin St., Irkutsk 664003, Russia,
e-mail: kuzminuv@yandex.ru

Вклад авторов

Все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 14 мая 2023 г.; одобрена после рецензирования 7 июня 2023 г.; принята к публикации 26 июня 2023 г.

Contribution of the authors

The authors contributed equally to this article.

Conflict of interests

The authors declare no conflict of interests.

The authors have read and approved the final manuscript.

Article info

The article was submitted May 14, 2023; approved after reviewing June 7, 2023; accepted for publication June 26, 2023.

Рецензия

Рецензия
УДК 904«653»
EDN: WMLLCS
DOI: 10.21285/2415-8739-2023-3-192-195

Археолог – мизантроп и тевтонский агитпроп

Буровский А.М. Феномен провинциальной археологии (на материалах части Сибири). М. : Товарищество научных изданий КМК, 2022. 891 с.

В.Ю. Ермолаев

Независимый исследователь, г. Санкт-Петербург, Россия

Аннотация. Рецензия на книгу А.М. Буровского фиксирует многочисленные подмены, совершенные автором. Они касаются мнения Н.А. Бердяева, определений, данных американским психологом В. Джеймсом, а также квалификации китайского философа-неоконфуцианца Ян Ванмина. Автор неоднократно оперирует недоказанными обвинениями в адрес коллег, (в наибольшей степени это касается покойного академика А.П. Окладникова), опускается до открыто расистских высказываний в адрес русского и монгольского народов. Расизм автора и вытекающее из него неприятие России на практике приводят его к закономерной попытке возрождения сепаратистской традиции сибирского областничества XIX в. Рецензия обсуждает мотивацию, побудившую автора написать столь неубедительный труд.

Ключевые слова: А.Н. Бердяев, А.М. Буровский, Н.И. Дроздов, А.П. Окладников, Сибирь, археология, европейский расизм, сибирское областничество

Благодарности: работа выполнена в память об археологе С.Н. Астахове (1933–2020); моя признательность доктору Алексу Титову (Университет Королевы, Белфаст, Северная Ирландия) за жесткую критику моей позиции.

Для цитирования: Ермолаев В.Ю. Археолог – мизантроп и тевтонский агитпроп: рецензия на книгу А.М. Буровского «Феномен провинциальной археологии (на материалах части Сибири)» // Известия Лаборатории древних технологий. 2023. Т. 19. № 3. С. 192–195. <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2023-3-192-195>. EDN: WMLLCS.

Review

Review

Misanthropic archaeologist and Teutonic agitprop

Burovsky A.M. (2022) The Phenomenon of Provincial Archeology (Based on the Materials of a Part of Siberia). Moscow: Association of scientific publications KMK. 891 p. (In Russ.).

Viacheslav Yu. Ermolaev

Independent researcher, Saint-Petersburg, Russia

Abstract. Book review by A.M. Burovsky records numerous substitutions made by the author. They concern the opinion of N.A. Berdyaev, the definitions given by the American psychologist W. James, as well as the qualifications of the Chinese neo-Confucian philosopher Yang Wangming. The author repeatedly operates with unproven accusations against colleagues (to the greatest extent this concerns the late academician A.P. Okladnikov), descends to openly racist statements against the Russian and Mongolian peoples. The author's racism and the resulting rejection of Russia in practice lead him to a natural attempt to revive the separatist tradition of Siberian regionalism in the 19th century. The review discusses the motivation that prompted the author to write such an unconvincing work.

Keywords: A.N. Berdyaev, A.M. Burovsky, N.I. Drozdov, A.P. Okladnikov, Siberia, archeology, European racism, Siberian regionalism

Acknowledgements: the work was done in memory of archaeologist S.N. Astakhov (1933-2020); my thanks to Dr. Alex Titov

© Ермолаев В.Ю., 2023

(Queen's University, Belfast, Northern Ireland) for hard criticizing my position.

For citation: Ermolaev V.Yu. (2023) Misanthropic archaeologist and Teutonic agitprop: A review of the book by A.M. Burovsky "The Phenomenon of Provincial Archeology (Based on the Materials of a Part of Siberia)". *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 19. No. 3. P. 192-195. (In Russ.). <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2023-3-192-195>. EDN: WMLLCS.

Ты – немец, тебе все русское нипочем!
П.И. Багратион – М.Б. Барклаю де Толли, 1812 г.

Вышла очередная книга писателя и археолога А.М. Буровского, который в особом представлении не нуждается (Буровский, 2023)¹. Вовсе не претендуя на суждение об археологии, поневоле изумляешься авторскому обличительному пафосу. С чего бы?

А.М. Буровский рекомендует так: «Этнически русский интеллигент, я был цивилизационно другим». Свою «инокультурность» он-де понимал уже подростком (С. 11, 13). Но откуда же инокультурность-то у этнически русского интеллигента? Оказывается, по А.М. Буровскому в России после Петра I живут два разных народа: русские европейцы и русские туземцы... Ахти нам, да неужто Арина Родионовна смотрела на А.С. Пушкина как на немца?! Но писатель уверяет: «Отстаивал эту идею еще Бердяев в далекие 1920-е» (С. 78, со ссылкой на: (Буровский, 2012)).

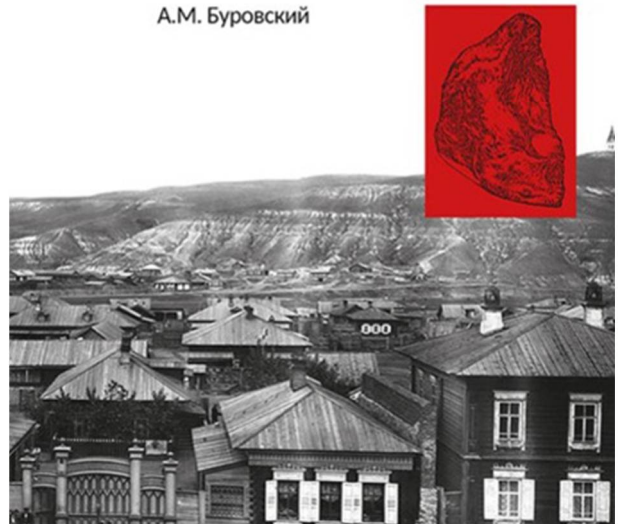
Однако по Н.А. Бердяеву существовал лишь «европеизированный класс», а отнюдь не народ! Даже его культурная прослойка – интеллигенция «совсем не была западной по своему типу», оставалась «характерно русской» (Бердяев, 1955. С. 13, 15, 18; *здесь и далее курсив мой – В.Е.*). А.М. Буровский таким образом просто подменил мнение Н.А. Бердяева, спрятавшись за авторитет.

Такие подмены не единичны. «Сын мамы-кандидата наук, я с большой иронией слушал эти потоки сознания», – так реагировал автор на сексизм археологов (С. 92). Между тем поток сознания не есть когнитивное состояние. Он – лишь одна из возможных техник описания (James, 1890. P. 180, 245). И еще никому не удавалось *слушать* «потоки сознания» подобно Андрею Михайловичу...

Неоконфуцианца Ян Ванмина автор относит к преследуемым философам «иных направлений» (С. 82). Но Ян Ванмин никогда из рамок конфуциан-

ФЕНОМЕН ПРОВИНЦИАЛЬНОЙ АРХЕОЛОГИИ

А.М. Буровский

ства не выходил, а репрессии против него стали следствием борьбы конфуцианских школ между собой (Кобзев, 1983. С. 5–6, 63–65).

Резюме А.М. Буровского о русской истории XX в. ужато до предела: «Негодяи истребили гениев» (С. 394). Революция и Гражданская война у него – следствие «мирского юродства» (С. 394), то есть русского неумения ценить спокойную и обеспеченную жизнь.

Автор юродства не разделяет, а причину тому видит в своем немецком происхождении. О нем он поминает многократно (С. 291, 320, 791–794) и с нежностью – так важна для него «четвертушечка немецкой крови» (С. 392). Поэтому европейский расизм прорывается в книге неприкрыто. Правда, и здесь автор ошибается в написании расового лозунга *Jedem das Seine* (С. 384). Но вся прочая фразеология выдержана вполне в стиле германской пропаганды 1933–1945 гг.: «казаки из русских сви-

¹ Буровский Андрей Михайлович / Официальный сайт Союза писателей Санкт-Петербурга: <http://www.pisateli-spb.ru/writer-108.html> (дата обращения 08.05.2023).

ней...» (С. 598); «*центральноазиатские дикари*» (С. 465); «...у русских отрастают хоть какие-нибудь, но мозги» (С. 886).

Именно расизм лежит в основе авторского науковедения. Если туземцы – свиньи и дикари, то и общество у них таково: «Система способствует выдвиганию вверх самых бесталаных, серых, и вместе с тем нахрапистых, наглых и жадных» (С. 294). Поэтому зависимость провинциальной археологии от этого общества составляет ее главную и «*фатальную*» проблему (С. 296). Проще говоря, в понимании А.М. Буровского само государство российское служит препятствием для желательного ему развития.

Теорией дело не ограничивается. Выдвиженец и земляк А.М. Буровского (С. 851, 890–891) Д.Н. Верхотуров при помощи патрона тоже издал книжку про Сибирь (Верхотуров, 2005). Чем ценна книжка, без обиняков сказано в аннотации модной электронной библиотеки: «Как лишнее напоминание о том, что Москва способна превратить в дерьмо все, к чему прикасается» (Цит. по: Верхотуров, 2005). Песнь знакомая. В России XIX в. имелось движение сибирского «областничества», вполне симметричное украинскому «национально-освободительному» движению. (Их симметрия видна из протокола допроса Г.Н. Потанина от 9 июля 1865 г., см.: Круссер, 1931. С. 67). Когда из подобных книжек будут сделаны практические выводы, тогда на сибирской, даурской и «охоцкой» украинях XVII в. мы получим те самые проблемы, которые сегодня расхлебываем на украинях литовской, северской и польской. Ибо главное заключается не в научных спорах, а в политической реальности – останется Сибирь российской или нет? Если нет – получится по сценарию, который загодя нарисовал нам Андрей Михайлович: «Республика Сибирь под бело-зеленым знаменем... Енисейская республика, воюющая с Иркутской... Англо-Американский протекторат...» (С. 887). Таковы у них образы будущего. Привыкайте.

Здесь, как представляется, и скрыт источник инвектив А.М. Буровского против А.П. Окладникова. Трудно А.М. Буровскому вслед за А.П. Окладниковым допустить, будто русские «имеют право на Сибирь» (С. 548). Ибо как не оценивай Алексея Павловича, но его искренней любви и деятельного интереса к Сибири отрицать невозможно (Астахов,

2023. С. 86–87, 95). И вот это народное, «туземное» ощущение единства со своей малой родиной претит нашему «русскому европейцу», доводит его до иступления. Ведь даже фольксдойче, обреченному жить среди русских свиней, предосудительно клеветать на мертвых (С. 645), предавать гласности интимные подробности жизни хозяев чужого дома (С. 405), посылать своего предка в «женский половой орган» (С. 447), называть свою alma mater свинарником (С. 891).

Поэтому образ А.М. Буровского как европейского рыцаря науки, смело идущего в бой против догм и отвратительной русской групповщины – фальшивка. Так, говоря об окладниковских изданиях писаниц, А.М. Буровский требовательно указывал: «Издания эти были ужасны уже своей небрежностью» (С. 409). Уж кому-кому, да не Андрею Михайловичу с его формулировками вроде «не способности понять *«изменяющую жизнь»*» (С. 73), «*скорбь о тупости и недалекости людей*» (С. 86), «*отсчеты*» (С. 437), «*Кабардино-Балкарской СССР*» (С. 822), «*Для того, что именно он сделал, необходимо в конечном счете понять...*» (С. 587) или «*Верховный правителя (sic) России*» (С. 588) упрекать академика в небрежности.

К счастью, книга содержит прямое доказательство низменной мотивации, ради которой она написана. Alter ego автора выступает его бывший шеф в Красноярске Н.И. Дроздов: «заплатил за орден» (С. 825), «не создал своей школы» (С. 827), «присвоение чужой работы» (С. 833), и просто «ворюга» (С. 865). Но вот подоплека отношения к Н.И. Дроздову: «*Тогда зачем же он меня отталкивал?! Очевидно, что помоги он мне и не было бы у Н.И. Дроздова благодарнее ученика. Должок я вернул бы сторицей. Например, не стал бы я писать такой книги*» (С. 858).

Отсюда следует вывод, до крайности неприятный для реноме писателя. Труд А.М. Буровского представляет собой акт запоздалой мести по отношению к сообществу провинциальных археологов, которые в свое время в шею вытолкали автора из корпорации. А обильная мизантропия Андрея Михайловича – это попытка объяснить проигрыш и как-то его пережить. Сие деструктивное чувство, питаемое ложным представлением о своем европейском превосходстве, похоже, разъело амбициозного провинциала до мозга костей.

Список источников

- Астахов С.Н. Заметки археолога. СПб. : Б.и., 2023. 251 с.
- Бердяев Н. Истоки и смысл русского коммунизма. Париж : YMCA-Press, 1955. 159 с.
- Буровский А.М. Запретная правда о русских. Два народа в одном. М. : Эксмо, 2012. 400 с.
- Верхотуров Д.Н. Покорение Сибири. Мифы и реальность. М. : Олма-Пресс, 2005. 351 с. Электронная копия аннотации доступна на: Электронная библиотека Coollib.net: <https://coolib.net/b/112644-andrey-mihaylovich-burovskiy-pokorenie-sibiri-mifyi-i-realnost/read> (дата обращения 18.05.2023).
- Кобзев А.И. Учение Ван Янмина и классическая китайская философия. М. : Наука, 1983. 354 с.
- Круссер Г. Сибирские областники. Новосибирск : ОГИЗ. Запсиботделение, 1931. 99 с.
- James W. The Principles of Psychology. In 2 vol. Vol. 1. N. Y.: Henry Holt & Co, 1890. 712 p.

Информация об авторе

Ермолаев Вячеслав Юрьевич,
кандидат географических наук, независимый исследователь,
190000, г. Санкт-Петербург, ул. Почтамтская, 1, Россия,
e-mail: Ermolaev.vs@gmail.com,
<https://orcid.org/0000-0001-8494-1083>

Вклад автора

Ермолаев В.Ю. выполнил исследовательскую работу, на основании полученных результатов провел обобщение и подготовил рукопись к печати.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 22 мая 2023 г.; одобрена после рецензирования 8 июня 2023 г.; принята к публикации 26 июня 2023 г.

References

- Astakhov S.N. (2023) Archaeologist's Notes. St. Petersburg. 251 p. (In Russ.).
- Berdyaev N. (1955) The origins and meaning of Russian communism. Paris: YMCA-Press. 159 p. (In Russ.).
- Burovskii A.M. (2012) The forbidden truth about Russians. Two peoples in one. Moscow: Eksmo. 400 p. (In Russ.).
- Verkhoturov D.N. (2005) Conquest of Siberia. Myths and reality. Moscow: Olma-Press. 351 p. Available from: <https://coolib.net/b/112644-andrey-mihaylovich-burovskiy-pokorenie-sibiri-mifyi-i-realnost/read> (Accessed 18.05.2023). (In Russ.).
- Kobzev A.I. (1983) Wang Yangming's Teachings and Classical Chinese Philosophy. Moscow: Nauka. 354 p. (In Russ.).
- Krusser G. (1931) Siberian regionalists. Novosibirsk: OGIZ. Zapsibotd-nie. 99 p. (In Russ.).
- James W. The Principles of Psychology. In 2 vol. Vol. 1. N. Y.: Henry Holt & Co, 1890. 712 p.

Information about the author

Viacheslav Yu. Ermolaev,
Cand.Sci. (Geography), Independent researcher,
1, Pochtamtskaja St., Saint Petersburg 190000, Russia,
e-mail: Ermolaev.vs@gmail.com,
<https://orcid.org/0000-0001-8494-1083>

Contribution of the author

Ermolaev V.Yu. carried out a research work, based on the obtained results made the generalization and prepared the manuscript for publication.

Conflict of interests

The author declares no conflict of interests.

The author has read and approved the final manuscript.

Article info

The article was submitted May 22, 2023; approved after reviewing June 8, 2023; accepted for publication June 26, 2023.

Уважаемые коллеги!

Мы приглашаем Вас к сотрудничеству в качестве авторов, рекламодателей и читателей и сообщаем требования к статьям, принимаемым к публикации

Правила оформления научных статей

1. Общие положения

Журнал «Известия Лаборатории древних технологий» – научное периодическое издание (выходит 4 раза в год), продолжает серию ежегодных изданий, посвященных изучению истории Байкальской Сибири. В нем представлены научные статьи как российских, так и зарубежных коллег.

Тематика выпусков охватывает различные аспекты археологических, этнологических и исторических исследований.

Издание предназначено археологам, этнологам, историкам и всем, интересующимся прошлым. Издание реферируется и рецензируется.

ISSN 2415-8739

Журнал основан в 2003 г.

Учредитель – Иркутский национальный исследовательский технический университет

Рубрики журнала:

- археология
- этнология
- история
- рецензия
- персоналия (мемориальные заметки о коллегах)

2. Правила оформления

Рекомендуемый объем статьи – 20000–40000 знаков, включая пробелы. В рубрику «Рецензия» принимаются статьи объемом 6000–9000 знаков.

Рукопись должна быть построена следующим образом:

2.1. **Индекс УДК** в верхнем левом углу.

2.2. **Заголовок**, включающий: название статьи, должен быть информативным и, по возможности, кратким. Первое слово заглавия статьи, как правило, приводят с прописной буквы, остальные слова – со строчной (кроме собственных имён, общепринятых аббревиатур и т. п.). В конце заглавия статьи точку не ставят. Набирается полужирными шрифтом, выравнивается по центру.

2.3. **Имена, отчества и фамилии авторов**: располагаются на один интервал ниже заголовка, набираются полужирным шрифтом, выравнивание по левому краю. Если авторов несколько, то после фамилии первого автора ставится запятая и пишется имя, отчество и фамилия второго автора и т. д.

2.4. **Организация и ее адрес**: располагается под фамилией автора, первое слово набирается с заглавной буквы, выравнивание по левому краю, после названия организации запятая. Далее указывается адрес организации (город, страна). После этого – адрес электронной почты и ORCID автора (если есть).

Если авторы из разных организаций, то после их фамилий ставятся соответствующие арабские цифры (верхний индекс). Такие же цифры ставятся перед названием и адресом организаций, в которых работают эти авторы.

2.5. **Аннотация**: должна быть информативной, содержать 200–250 слов, с указанием ключевых слов (словосочетаний) (9–12).

2.6. **Благодарности**. После ключевых слов приводят слова благодарности организациям (учреждениям), научным руководителям и другим лицам, оказавшим помощь в подготовке статьи, сведения о грантах, финансировании подготовки и публикации статьи, проектах, научно-исследовательских работах, в рамках или по результатам которых опубликована статья.

2.7. **Английский перевод** названия статьи, имен, отчеств и фамилий авторов, названия и адреса организаций, аннотации, ключевых слов, благодарностей оформляется так же, как и на русском языке.

2.8. **Раздел «Список источников»**. Составляется в алфавитном порядке (по фамилии автора и году издания), оформляется по ГОСТ Р 7.0.5. Например,

статья в журнале:
Ветров В. М., Шергин Д. Е., Тетенькин А. В. Стоянка-могильник Старый Витим II в Муйско-Куандинской котловине (Республика Бурятия) // Известия Лаборатории древних технологий. 2019. Т. 15. № 4. С. 9–34.;

статья в научном сборнике:
Лапшина З. С. Личины петроглифов Амуро-Уссурийского комплекса: структура рисунка и художественный образ // Наскальное искусство в современном обществе. К 290-летию научного открытия Томской писаницы : материалы. Международной научной конференции 22–26 августа 2011 г. Кемерово. Кемерово : Кузбассвуиздат, 2011а. Т. 2. С. 64–68.;

монография:

Сидоров А. П. Неолит Забайкалья. Улан-Удэ : Изд-во Забайкальского гос. ун-та, 2006. 315 с.

2.9. **Раздел «References»** составляется в Harvard Style в порядке списка источников, для этого ФИО авторов работы на русском языке нужно транслитерировать по BSI (<https://translit.net/ru/bsi/>), все остальные данные перевести на английский. Работы на других языках: если в основе языка латиница – запись копируется без изменений; работы на арабском, китайском, монгольском, греческом и др. языках – запись переводится на английский. Везде указывается в скобках язык работы.

2.10. **Раздел «Информация об авторах»** оформляется в конце статьи в следующем виде:

Информация об авторах

И. О. Фамилия –

Степень, звание, должность, подразделение,

Организация,

Почтовый адрес организации (индекс, город, улица, здание, страна).

Эта же информация представляется и на английском языке

Information about the authors

(англ.) И. О. Фамилия –

(англ.) Степень, звание, должность, подразделение,

(англ.) Организация,

(англ.) Почтовый адрес организации (здание, улица, город индекс, страна).

2.11. **Раздел «Вклад авторов».** После фамилии и инициалов автора в краткой форме описывается его личный вклад в написание статьи (идея, сбор материала, обработка материала, написание статьи, научное редактирование текста и т. д.). Возможны формулировки: **«Все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации»;** «Козлов В. С. выполнил исследовательскую работу, на основе полученных результатов провел обобщение и подготовил рукопись к печати».

2.12. **Раздел «Конфликт интересов».** Указывается, что: «Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов».

2.13. При наличии в статье рисунков в конце статьи приводятся подписи.

3. Рекомендации по набору и оформлению текста

Параметры страницы и абзаца: все отступы по 2 см, ориентация книжная, табуляция 2 см.

Параметры текста: редактор MS Word, стиль обычный, размер 12 пунктов, гарнитура Times New Roman, межстрочный интервал полуторный, выравнивание по ширине. Не использовать более одного пробела между словами.

Сокращения терминов и названий должны быть сведены к минимуму и осуществляться в соответствии с ГОСТ 7.12-93.

Числовой материал приводится в виде таблиц.

При создании **таблиц** рекомендуется использовать возможности MS Word (Таблица – Добавить таблицу). Таблицы должны иметь порядковые номера, название и ссылку в тексте: (табл. 1). Таблицу следует располагать в тексте после первого упоминания о ней.

Библиографические ссылки в тексте должны быть оформлены по образцу: (фамилия, год публикации, номер страницы) в круглых скобках. Например: (Иванов, 2002. С. 12. Рис. 14; Петров, 2014). После фамилии год издания – через запятую; ссылка на страницу, рисунок и т. п. через точку с прописной буквы.

Ссылки на архивные материалы должны быть расположены в тексте и содержать полное описание источника в круглых скобках. Например: (ГАИО. Ф. Р-102с. Оп. 5. Д. 37. Л. 89 об.).

4. Требования к рисункам

Рисунки (иллюстрации, графики, диаграммы, схемы) должны иметь сквозную нумерацию, название и ссылку в тексте: (рис. 1), которую следует располагать в тексте после первого упоминания о рисунке.

Рисунки, помимо текста рукописи, должны быть предоставлены **отдельными файлами**: иллюстрации в разрешении не менее 300 dpi с расширениями *.JPEG, *.TIFF.

Редакция оставляет за собой право отклонять статьи, не отвечающие указанным требованиям.

По вопросам публикации статей обращаться: 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83, Иркутский национальный исследовательский технический университет, кафедра истории и философии, К-211.

Главный редактор журнала – Павел Александрович Новиков

Тел.: +7(3952)405186, e-mail: ildt@yandex.ru

Dear colleagues!

We invite you to participate in our magazine as authors, advertisers and readers and report requirements to articles accepted for publication

Article submission guidelines

1. General Provisions

The scholarly journal "Reports of the Laboratory of Ancient Technologies" is a scientific periodical magazine (published 4 times a year), continues and develops a series of annual publications devoted to the study of the history of Baikal Siberia. There are several included articles of the researchers of different institutions of Russia and also articles of our foreign colleagues.

Themes of this number cover the different aspects of archaeological, ethnoarchaeological and historical research.

The edition is intended to archaeologists, ethnologists, historians and everybody who have an interest to Antiquity. The publication is abstracted and reviewed.

ISSN 2415-8739

The Journal was founded in 2003

Founder: Irkutsk National Research Technical University

Journal's headings are as follows:

- archaeology
- ethnology
- history
- review
- personalia (memorial notes about a colleague)

2. Manuscript Structure

The article (review) should consist of 20000–40000 symbols including spaces. The heading "Review" accepts articles with a volume of 6000-9000 symbols.

The manuscript should have the following order.

2.1. **UDC code** should be placed in the left upper corner.

2.2. **The title**, which includes: the title of the article (should be informative and, if possible, brief). The first word of the title of the article, as a rule, is given with a capital letter, the rest of the words - with a lowercase letter (except for their own names, common abbreviations, etc.). There is no full stop at the end of the title of the article. The title should be typed in bold, centered.

2.3. **Names, patronymics and surnames of authors**: they are arranged in one interval below the title, they are typed in bold letters, aligned to the left. If there are several authors, then after the first author's name a comma is put and the first, patronymic and surname of the second author are written, etc.

2.4. **The organization and its address**: are located under the author's surname, typed in capital letters, aligned to the left, after the organization's name should be a comma. Below the name of the organization is given the address of the organization (country, index, city, street, building number).

located under the author's surname, the first word is typed with a capital letter, aligned to the left, after the organization's name should be a comma. Next, the address of the organization is indicated (city, country). After that - the email address and ORCID of the author (if any).

If the authors are from different organizations, then the corresponding Arabic numerals (superscript) are placed after their names. The same numbers are placed before the name and address of the organizations in which these authors work.

2.5. **Abstract** should be informative and consist of 200–2500 words, include 9–12 key words or word combinations.

2.6. **Acknowledgments**. After the keywords, words of gratitude are given to organizations (institutions), supervisors and other persons who assisted in the preparation of the article, information about grants, funding for the preparation and publication of the article, projects, research works, within the framework of or as a result of which the article was published.

2.7. **The English translation** of the title of the article, the names and initials of the authors, the name and address of the organization, annotations, key words should be made in the same way as in Russian.

Titles, abstracts and key words translated into English cannot contain any transliterations from Russian except for transliterations of personal names, untranslatable names of devices and any other objects.

2.8. Section **"Список источников (List of sources)"**. It is issued in accordance with GOST R 7.0.5. For example, a journal article:

Ветров В. М., Шергин Д. Е., Тетенькин А. В. Стоянка-могильник Старый Витим II в Муйско-Куандинской котловине (Республика Бурятия) // Известия Лаборатории древних технологий. 2019. Т. 15. № 4. С. 9–34.;

article in a scientific collection:

Лапшина З. С. Личины петроглифов Амуро-Уссурийского комплекса: структура рисунка и художественный образ // Наскальное искусство в современном обществе. К 290-летию научного открытия Томской писаницы : материалы. Международной научной конференции 22–26 августа 2011 г. Кемерово. Кемерово : Кузбассвузиздат, 2011а. Т. 2. С. 64–68.; monograph:

Сидоров А. П. Неолит Забайкалья. Улан-Удэ : Изд-во Забайкальского гос. ун-та, 2006. 315 с.

2.9. Section «**References**» is compiled in Harvard Style in the order of the list of sources, for this the names of the authors of the work in Russian must be transliterated according to BSI (<https://translit.net/ru/bsi/>), all other data must be translated into English. Works in other languages: if the language is based on Latin - the record is copied without changes; works in Arabic, Chinese, Mongolian, Greek and other languages - the record is translated into English. The language of the work is indicated everywhere in brackets.

2.10. **Information about authors** should be placed at the end of the article as follow:

Information about the author

Name N. Family name,

Academic degree, academic title, position,

Organization,

Postal address (building, street, city, postal-index, country)

e-mail

2.11. **Section "Criteria of authorship"**. After the surname and initials of the author, his personal contribution to the writing of the article is briefly described (idea, collection of material, processing of material, writing of the article, scientific editing of the text, etc.). Possible formulations: "All authors made an equivalent contribution to the preparation of the publication"; "V. S. Kozlov carried out research work, based on the results obtained, he generalized and prepared the manuscript for publication."

2.12. **Section "Conflict of interest"**. It should be stated that: "The authors state that there is no conflict of interest".

2.13. If there are figures in the article, their captions are shown at the end of the article.

3. Manuscript Format Guidelines

Page and paragraph settings: all margins 2 cm, portrait layout, tab 2 cm.

Text settings: MS Word editor, regular font, size 12 points, typeface Times New Roman, line spacing one and a half, justified alignment. Please avoid using more than one word space.

Abbreviations of terms and names should be minimized and carried out in accordance with GOST 7.12-93.

Numbers should be typewritten in tables.

All **tables** should be in MS Word (Table - Add Table). Tables should be numbered, titled and referred to in the text (Table 1). Place tables into the body of the text after their first mention in the most suitable way.

Bibliographic references in the text should be modeled after: (surname, year of publication, page number) in parentheses. For example: (Ivanov, 2002. P. 12. Fig. 14; Petrov, 2014). After the surname, the year of publication is separated by a comma; A link to a page, a drawing, etc., through a dot with a capital letter.

References to **archival** materials should be located in the text and contain a full description of the source in parentheses. For example: (GAIO, F. P-102s, Op. 5. D. 37. L. 89 vol.).

4. Artwork and Illustrations

Figures (illustrations, diagrams, schemes) are numbered, titled and referred to in the text: (Fig. 1). Place graphs, pictures and diagrams into the body of the text after their first mention in the most suitable way.

Figures should be submitted as separate files: illustrations - with at a resolution at least 300 dpi - as *.JPEG, *.TIFF.

The editors reserve the right to reject articles that do not meet the specified requirements.

For the publication of articles, please contact: 664074, Irkutsk, ul. Lermontova, 83, Irkutsk National Research Technical University, Department of History and Philosophy, K-211.

The editor-in-chief is Pavel Aleksandrovich Novikov

Tel.: +7 (3952) 405186, e-mail: ildt@yandex.ru

ИЗВЕСТИЯ ЛАБОРАТОРИИ ДРЕВНИХ ТЕХНОЛОГИЙ

Научный журнал

№ 3 (48) 2023

16+

Редактор Н.Е. Мелихова
Ответственный за выпуск О.Н. Валериус
Перевод на английский язык А.В. Тетенькина
Верстка О.Н. Валериус

Дата выхода в свет 29.09.23. Формат 60 x 90 / 8 (A4).
Бумага офсетная. Печать цифровая. Усл. печ. л. 25,5.
Тираж 500 экз. Заказ 110. Поз. плана 7н.

Издание распространяется бесплатно

Отпечатано в типографии Издательства
ФГБОУ ВО «Иркутский национальный
исследовательский технический университет»
Адрес типографии: 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83А